



О СУТИ ЖИЗНИ

О СУТИ ЖИЗНИ







ПОД ПОЛЯРНЫМИ
СОЗВЕЗДИЯМИ



О СУТИ ЖИЗНИ

Индейские и эскимосская
автобиографии



Якутское
книжное
издательство
1989

**Общественная редакционная коллегия
серии «Под полярными созвездиями»:**

*Г. И. Ломидзе — председатель
Ю. И. Бурькин, В. В. Дементьев,
А. В. Ващенко, В. П. Зыков,
Н. К. Кирюхин, В. С. Колодезников,
А. А. Пошатаева, В. М. Санги,
В. И. Селиванов, Л. Н. Шапкин, Ю. Н. Шестаков*

Составитель А. В. Ващенко

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА, ИСПОВЕДЬ КУЛЬТУРЫ

В пестром многообразии произведений, созданных североамериканскими индейцами и эскимосами в XIX — начале XX века, ориентироваться непросто. Здесь очерки и памфлеты, истории племен и различные записки; попадают стихи и романы. И все же жанр автобиографии занимает среди прочих особое место — устойчивостью традиций, цельностью и самобытностью. И жанр этот — своей необычностью и художественными особенностями — захватывает читателя.

Автобиографические произведения коренных американцев в чем-то близки негритянским жизнеописаниям — историям черных рабов, повестям о попоранном человеческом достоинстве, и о выкупе из рабства. Туземные автобиографии, подобно негритянским, составляют внушительный литературный слой — специальная библиография включает 500 названий, и число это продолжает расти. Индейские и эскимосские автобиографии — тоже повести о противостоянии угнетению, а чаще — о проблеме выживания, приспособления к неблагоприятным условиям. Этим, правда, сходство и исчерпывается — дальше начинаются различия.

В туземных автобиографиях за автором вырисовывается его этническое происхождение — уклад жизни, культура племени, общины. Эта особенность определяет точку зрения повествователя. Нередко он стремится объяснить читателю причины вооруженных конфликтов белых и индейцев (или разницу обычаев, мировоззрений), и рассказать об основах народного мировосприятия, этики, назвать ценности, характеризующие его соплеменников.

Существенная особенность туземных автобиографий состоит в проблеме авторства, которое часто носит как бы «двойной» характер.

Известно, что автобиографии обычно надиктовывались неграмотными повествователями журналистам, переводчикам на государственной службе, миссионерам или этнографам. А поскольку индейские автобиографии рано приобрели популярность, они породили ряд подражательных произведений, созданных уже «в форме» туземной автобиографии... Один исследователь пишет, что количество туземных автобиографий, строго говоря, трудно поддается учету. Множество таких произведений «разбросано по периодической печати, имеющей отношение к антропологии, психологии, истории и фольклору. Больше того, многие из них носят названия, ни в коей мере не отражающие их автобиографической природы. Содержание их возможно определить, таким образом, лишь на основе изучения каждой из подобных работ».

Здесь содержится важный для читателя вывод: к каждой из туземных автобиографий надо подходить дифференцированно. Но верно также и то, что понятие «индейских и эскимосских автобиографий» — вполне устоялось, что связано с оригинальностью жанра и его широкой известностью, уже не только у американского, но и у европейского читателя. Желание специалистов и просто читателей разобраться в обширном наследии туземных автобиографий стимулировано возросшим чувством национального самосознания — прежде всего самих индейцев, которые ищут в своем прошлом корней, способных и сегодня помочь им выстоять как этнической культуре. Поэтому взгляд на развитие этого жанра поможет нам понять важные особенности его природы.

Попытки создания мемуарных и автобиографических произведений стали предприниматься индейцами с начала XIX века, но не сразу получили известность. Первым произведением, содержащим многие характерные черты жанра, стала «Жизнь Черного Ястреба» (1833), оно продиктовано вождем сауков и фоксов американскому журналисту Антуану Леклеру. Комментируя рассказ вождя, издатель определяет цель повествования и невольно отмечает признаки будущего жанра: «...он предстает в облике воина, патриота и политзаключенного, но по-прежнему остается вождем своего народа, защищая его права с достоинством, твердостью и мужеством... он решается поведать миру об уроне, который понес его народ от белых — о причинах, вовлекших его в войну, и общем ходе всех кампаний. По его мнению, это единственное средство, которое ему осталось, чтобы избавить свой маленький род — остатки тех, кто мужественно сражался с ним бок о бок — от последствий приговора, который был ему уже вынесен».

«Судьба человеческая. Судьба народная». Эти слова, сказанные Пушкиным об исторической драме, подходят буквально к жанру индейских автобиографий, что впервые проявилось в «Жизни Черного Ястреба». Его повествование воссоздает картину эпохи и сложность индейско-белых отношений. Одновременно возникает обаятельный образ автора — несколько наивного и тщеславного там, где дело касается

воинских заслуг и выработки стратегии, стойкого и непримиримого — там, где речь заходит о защите прав соплеменников, сострадательного и чуткого при виде человеческого горя, гневного при столкновении с вероломством. Перед нами, как бы помимо воли автора, естественно разворачивается исповедь самой индейской культуры, с аборигенным понятием об идеале, об этнических нормах, воплощенных в обычаях, занятиях, представлениях, о надеждах и чаяниях.

Особенность книги в том, что она густо насыщена историей. Рассказ необычен по языку: перед нами речь белого, основанная на книжной лексике I половины прошлого века, с помощью которой передается речь вождя. Но примечательно, что точка зрения и общий тон книги, внутренняя логика повествования — неоспоримо индейские. Конечно, в передаче событий Черный Ястреб порой пристрастен. Но он предстает цельной личностью, неотделимой от своей среды, ярым приверженцем старого образа жизни, независимости соплеменников. Он прежде всего воин, не политик. Поэтому последнюю речь, прозвучавшую во время сдачи правительственным войскам, Черный Ястреб закончил словами: «Прощай, мой народ!.. Прощай Черный Ястреб!»

На протяжении всей второй половины века, отражая ход колониальной экспансии США, содержание индейских автобиографий связано с различными «индейскими войнами», так что облик жанра остается тем же. Одной из наиболее выразительных была автобиографическая речь вождя Джозефа, «Индейский взгляд на индейские дела» (1879). Смысл ее заявлен с первых же строк, он отражает во многом задачу каждого индейского мемуариста: «Я хочу раскрыть вам свое сердце, — говорит вождь. — Я верю, что многих ошибок можно было бы избежать, если бы мы больше приоткрывали друг другу наши сердца». В начале XX века публикуется одна из самых известных автобиографий — «Рассказ Джеронимо о его жизни» (1907). Перед нами еще один воин, наводивший ужас на население целого округа — обширной территории юго-запада США — который объясняет свое поведение в обстоятельном повествовании. На сей раз обстоятельства записи более ясны, и сделана она точнее. Вождь пересказывал свою жизнь частями, выбирая только те эпизоды, которые считал важными. Его речь переводилась на английский с языка апачей и тут же записывалась С. М. Барретом, суперинтендантом по вопросам образования в г. Лоутон, Оклахома, где содержался тогда Джеронимо в качестве военнопленного.

Интересно, что точка зрения повествователя выражена здесь особенно отчетливо — то, как он понимает свое место в мире, с чего начинается повествование. Джеронимо ведет рассказ с сотворения мира, каким оно представляется в мифах апачей, потом переходит к описанию племен апачей, а затем уже сообщает свое имя и конкретную принадлежность, происхождение. Начинает он не с себя, а с категорий, частью которых является.

На рубеже веков индейские племена уже были загнаны в резерва-

ции, где на смену физическому уничтожению пришла насильственная ассимиляция, запреты на проявления народной культуры. В этих условиях роль индейской автобиографии резко возросла. В первой половине века появляется ряд разноплановых, но ярких автобиографий, сочетающих судьбу одной личности с рассказом о своем народе. Второе качество повествования даже нередко перевешивает. К 30-м годам индейские авторы (некоторые из них уже окончили англоязычные школы или колледжи) глубоко поняли значение литературных автобиографий для судьбы своей культуры. Этот жанр приобретает черты художественности, завладевает вниманием первых индейских литераторов. Две таких книги написаны автором из племени сну, Охайзой (Ч. А. Истменом), одна из них переводится вскоре на русский язык; на три книги мемуаров растягивается творчество Мато Нажина, мгновенную популярность приобретает автобиография Маленького Бизона — произведение противоречивое, рожденное своим временем.

В подобных обстоятельствах была записана и увидела свет самая яркая из индейских автобиографий «Говорит Черный Лось: история жизни святого мужа из племени оглала сну» (1932). Она представляет собой явление очень характерное и одновременно исключительное.

Автобиография Черного Лося может считаться вершиной жанра; к настоящему времени эта книга стала историей, литературным памятником в полном смысле слова, переведена на несколько языков и входит в круг чтения нескольких поколений читателей. Ею интересовался психолог Карл Юнг и зачитывалась молодежь 1960-х годов, ища духовности и идеалов посреди потребительской цивилизации и отчаяния, в которое повергла общечеловеческую войну во Вьетнаме. По словам автора (предисловие к переизданию 1961 года), это «книга, которая отказывается умирать».

Черный Лось начинает свой рассказ с заявления о том, что это будет не история жизни, а рассказ о «мощном видении», посланном ему Великим Духом для спасения его народа. Он говорит, что речь пойдет «о самой сути жизни», то есть о бытии духа и о миропонимании, отличавшем его народ — то есть, племя дакотов. Видение, полученное Черным Лосем, приобретает у него облик великой мечты о достижении народного счастья. Вкрапывая в повествование события горестной истории степных племен в конце XIX века, приведшие к краху традиционного уклада, Черный Лось поднимается в своем простом и искреннем рассказе до высокого пафоса, достигает поэтичности, глубокой скорби и горечи.

Обстоятельства, приведшие к созданию книги, проливают свет на проблему авторства индейских автобиографий в целом. Поэт Джон Гнейзенау Нейхардт, работавший над циклом героических песен о покорении Американского Запада, искал индейского старожилы, участника трагических событий тех лет. Когда Нейхардт впервые пришел к Черному Лосю — за уточнением деталей и характеристикой частнос-

тей, тот уже заранее знал о его визите. «Не сомневаюсь, что он и вправду обладал пророческой силой», — комментирует Нейхардт. Беседа не клеилась — не события славной и горькой истории сну увлекали Черного Лося: его интересовала духовная жизнь человека и племени. Прощаясь, старик сказал: «Мне предстоит многому обучить тебя. Все, что мне ведомо, было дано во имя людей, оно истинно и прекрасно. Скоро я стану травой, и все это исчезнет. Ты был послан, чтобы спасти это знание, и должен вернуться, чтобы я наставил тебя».

Книга Черного Лося задала новый канон жанра, созвучный нуждам индейцев XX века. На нее явно ориентировались последующие автобиографии, от «Много Ударов, вождя кроу» Ф. Линдермана (1930), до «Хромого Оленя, искателя видений» (1972) Р. Эрдоуза. Отмечая роль этого произведения, публицист сну Вайн Дилория в предисловии к одному из переизданий книги сказал, что «книга эта стала Библией североамериканских племен, ибо целое поколение индейской молодежи обращалось к ней за духовными наставлениями, социальным самоопределением, за политическими прозрениями и утверждением по-прежнему живой сути племенной жизни».

Факторы, вызвавшие к жизни жанр туземной автобиографии, достаточно очевидны: долгий исторический контакт с европейцами, известное неравноправие этого контакта, что повело к пафосу протеста и диалогу с широкой аудиторией; наконец, формирование личности нового типа. Но на фоне этих явных факторов слишком незаметно выглядят более давние традиции, существовавшие в самом туземном обществе — они также способствовали тому, чтобы жанр приобрел именно тот вид, который знаком нам сегодня.

Жизненный путь мужа в племени сопровождался множеством разнообразных обрядов. Был среди них поиск священного видения, во время которого юноша обретал духа-покровителя (об этом много говорится у Черного Лося). Не менее важен обычай, согласно которому воин по возвращении из похода публично рассказывал о своих подвигах и свершениях. Наконец, многие пиктографические записи (роспись щитов, покровов типи, шкур бизона) непосредственно носили автобиографический характер. Известны, например, пиктографические автобиографии вождя Сидящего Быка, посвященные его военным заслугам и шаманским способностям. Все эти традиции объясняют известную органичность появления литературных автобиографий у индейцев и нередко наличие в них мистико-философской тональности.

Довольно точно определяет смысл индейских автобиографий критик Л. Вудс О'Брайен: «Когда белые насильственно положили конец постоянным войнам и верованиям степных индейцев, они уничтожили те сферы деятельности, в которых выражалось лицо индейца; соответственно, они уничтожили или серьезно видоизменили формы, в которых это выражение осуществлялось. Из возникшего в результате культурного хаоса индейцы степей вынесли новое самовыражение, основанное на

сопоставлением ценностей белых и индейцев. Поскольку белое общество являлось преобладающим, аборигенный историограф обращался прежде всего к нему, используя его форму — письменной автобиографии. Но внутри формы, созданной белыми, он пытался определить, что именно в нем самом и в его народе оставалось самобытно индейским.

Мысль о своеобразии точки зрения рассказчика в туземных автобиографиях была развита индейским литератором, поэтом Картером Ревардом. Он обращает внимание на то, что понятие «принадлежности» в широком смысле слова существенно отличается у туземных авторов от того, что мы привыкли видеть в «американских» автобиографиях (термин К. Реварда). Исследуя эту особенность, он обнаруживает, что позиция и «принадлежность» рассказчика многосоставна, и определяется, во-первых, картиной мифологического мироустройства, принятой в его племени, затем современной средой обитания племени, и наконец, системой имен собственных, неотделимых от культуры племени в целом. Даже несмотря на англоязычную запись, индейские повествования вводят массу религиозных, мифологических и этнографических понятий. Ревард считает, что логические связи, по которым элементы объединяются в повествование, следуют законам синкретического уклада и сознания. «Все, что было в них индейского, происходит от нераздельности жизни, по отношению к которой было бы бессмысленно говорить, с одной стороны, о религии, а о способе ведения войны — с другой; здесь — об охотничьих навыках, там — об избрании нового вождя; о сотворении мира отдельно от присуждения ребенку нового имени. Темы истории и устройства поселений связываются между собой посредством обрядов, как устное творчество и декоративное искусство, а интерьер жилища — с расположением домов в становище, и все несет в себе исторический смысл».

Пафос выживания народной культуры и определяет идейно-художественное значение индейских — да и эскимосских — автобиографий. Возвращаясь в точку зрения рассказчика, он сообщает устойчивый синтез трех основных планов произведения: рассказа об историческом моменте, переживаемом племенем; обобщенно-философский план, посвященный основам и принципам традиционной жизни в сравнении с европейской; наконец, портрет самого рассказчика, в котором оба первых сливаются и находят свое воплощение.

Несколько иной тип туземной автобиографии, по сравнению с рассмотренными, обозначился на пороге XX века, внутри такого рода повествований. Условно говоря, его можно назвать «этнографическими автобиографиями». Развитие их связано с тем, что американские антропологи стали поощрять создание автобиографических произведений среди индейцев и эскимосов, стремясь получить документально-научную картину изменений, проходящих в туземной среде. Ряд подобных текстов был опубликован Т. Майкельсоном, Полем Радиным, Руфью Андерхилл и другими. Характерно, что ни одна из этих автоби-

ографий не приобрела популярности, не стала явлением общенациональным, хотя запись осуществлялась профессионалами. Очевидно, это объяснялось тем, что цель, которую преследовали издатели, была иной — узконаправленной, и даже самый импульс написания произведения приносился извне. Не согретые речевым своеобразием, не углубленные внутренней целью повествователя, эти автобиографии сведены к этнографическому первоисточнику, где творческому началу отведена подчиненная роль. Примечательны их названия: «Автобиография женщины-папago», «Две автобиографии навахо» и т. д.

Книга М. Метайера «Я, Нулигак» ближе по характеру к повествованиям такого рода, хотя и не вполне отвечает признакам «этнической автобиографии» по содержанию она шире, а по настрою — эмоциональнее. В ней отразилась жизнь обычного канадского охотника-эскимоса, вовсе не исключительной личности — вождя, шамана или воина. Перед нами рядовой представитель эскимосской общины, жизнь которой существенно не менялась на протяжении столетий. Идея книги возникла, очевидно, у Метайера; он осуществил всю работу по переводу и минимальную — по редактированию текста. Но повествование Нулигака — не голая этнография, стиль его суров и в то же время по-человечески прост и естествен. Содержание говорит о тяжком труде выживания в жестоком природном окружении, о борьбе — от раннего детства к зрелым годам и старости — со все теми же врагами: голодом, нуждой, стужей и неожиданными опасностями, грозящими ежедневно отовсюду. Это книга о мужестве, которое стало естественным, ибо может потребоваться в любую минуту. Книга Метайера хорошо воссоздает саму атмосферу эскимосской жизни, обычаи и нормы морали и рисует обаятельный образ рассказчика. Повествование весьма фактографично, но условия жизни так трудны, что сам процесс выживания кажется героическим — таков он и есть на самом деле. Недаром многие эскимосские сказки и мифы страшны в своей натуралистической конкретности — но они нередко всего лишь отражают реальность.

Эскимосские автобиографии стали появляться много позже индейских, и начали записываться и издаваться с первых десятилетий XX века. Они не столь многочисленны, как индейские. И надо сказать, что книга «Я, Нулигак» по праву считается первой среди них по своему значению и художественным достоинствам. В своей бесхитростной простоте она не менее трогательна, чем эмоциональное и по-своему утонченное повествование Черного Лося. «Чудесной книгой» называет ее в целом бесстрастная библиографическая работа 1980-х годов.

«Чего не отдали бы мы за автобиографию, дошедшую до нас от эпохи Христа? Или Гомера? Или Клеопатры? Даже субъективное повествование современника способно заключать в себе больше истины, чем самая объективная история, написанная двумя столетиями позже происшедших событий. Поэтому индейские автобиографии являются

характерным выражением взглядов на прошлое, настоящее и будущее — делают вывод литераторы — индейцы Т. Сандерс и У. Пик. Книги такого жанра не убывают. Туземные автобиографы наших дней видят свою задачу в том, чтобы продолжить преемственность народной мысли, способной привести к глубоким прозрениям относительно сути человеческого естества, ценности законов природы и ее красоты. Особенно важен утверждаемый в них идеал подвижника во имя народа и своя, особая манера «видеть вещи». Учитывая все это, критик Ф. Ван Ернер III предлагает читателю научиться воспринимать аборигенные произведения, чтобы полнее постигнуть их уроки: «Мы можем извлечь кое-какие уроки из древнего образа жизни... Нам остается небольшой, но чрезвычайно ценный пласт аборигенной литературы, не последнюю роль в котором играют индейские автобиографии. Почти все они имеют искаженный характер, большинство записано победителями-белыми, но сквозь эти недостатки прорывается единый голос — тот же голос, что отдается эхом в сохранившихся мифах, сказках и поэзии индейцев, голос человека, чьи ноги, словно корни, глубоко уходят вглубь Матери-земли, а руки распростерты, чтобы принять благословения времен года, дары ветра, солнца и дождя; чье сердце полно благоговения в присутствии дикой природы, которая, как он знает, не измерена, потому что по сути своей неизмерима». Это голос этноса, это исповедь самой культуры устами ее полноправного представителя.

Синкретическая природа туземных автобиографий позволяет видеть в них черты этноисториографии, мемуаров, политического памфлета, романа-исповеди, так же как и признаки других жанров. В современном их воплощении такие автобиографии иногда смыкаются с так называемыми «книгами о культуре», что появляются с начала 1970-х годов в США и Канаде, направленными на описание конкретного племени, этноса, общины. Иногда они принимают вид художественных автобиографий, становясь новой разновидностью жанра. Стоит напомнить хотя бы такие произведения, как «Путь к Горе Дождей» и «Имена» Н. Скотта Момадэя, «Сказительница» Лесли Силко — повествования нетрадиционного жанра, впитавшие в себя традиции туземной автобиографии. Говоря словами Момадэя, «представление о чьих-либо предках или потомках — это представление о самом себе». И верно: какую бы форму повествования ни избрал сегодня индейский писатель, его творчество непременно отражает причастность к этой формуле. Тот же синтез отразился в лучших примерах туземных автобиографий; ныне предлагаемых впервые вниманию советского читателя. Жизнь человека поверяется в них служением своему этносу, его культуре — можно ли найти предмет более актуальный для всех времен?

А. ВАЩЕНКО

**ИСТОРИЯ ЖИЗНИ
ЧЕРНОГО ЯСТРЕБА,
РАССКАЗАННАЯ
ИМ САМИМ**





ПОСВЯЩАЕТСЯ БРИГАДНОМУ ГЕНЕРАЛУ Г. АТКИНСОНУ*

Сэр, превратности судьбы и военная удача сделали возможной Вашу победу. Долгие и тяжкие переходы истощили наши силы настолько, что мы принуждены были сдаться — и вот я стал Вашим пленником.

На этих страницах изложена история моей жизни, которая столь тесно переплелась с вашей собственной, что я решил посвятить эту книгу Вам.

Я уже стар и много раз видел, как лето сменяет зиму — не много лун осталось мне пережить. Но перед тем, как отправиться в страну своих предков, мне хотелось бы рассказать о том, что побудило меня враждовать с белыми людьми, и тем самым защитить свое доброе имя. Надеюсь, что события, свидетелем которых были и Вы, нашли свое правдивое отражение в моем повествовании.

Сейчас я лишь скромный представитель того народа, который некогда воздавал мне почести и внимал каждому моему слову. Путь к славе тернист и омрачен многими бедами. Да ниспошлет Вам Великий Дух свое благоволение, чтобы Вы никогда не испытали унижения, которое было уготовано американским правительством для того, чья гордость и смелость не уступала Вашей в ту счастливую пору, когда он жил под сенью своих родных лесов.

ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБ

10-ый лунный месяц 1833 года

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Имею все основания полагать, что история жизни героя, занявшего впоследствии столь видное место среди выдающихся людей Америки, вызовет вполне оправданный интерес читателей. На страницах этой книги перед вами предстанет образ воина, патриота и пленника — и в каждом из этих обликов он остается вождем своего народа, мужественно и решительно защищающего свои права и достоинство. В описаниях недавней войны много предвзятого по отношению к Черному Ястребу и его народу, и это побудило его поведать миру о тех притеснениях, которым подвергались индейцы по вине белого человека, что и послужило истинной причиной войны, ход которой излагается автором со всей полнотой. По его мнению, это единственная оставшаяся для него возможность защитить свой маленький отряд — все, что осталось от тех, кто храбро сражался под его началом, — от несправедливых обвинений.

Заслуживают внимания факты, которые приводятся автором в связи с Договором 1804 года, согласно которому правительство США претендовало на спорные территории, подкрепляя свои притязания силой оружия. Договор предусматривал передачу Соединенным Штатам всех земель к востоку от Миссисипи, включая деревню и кукурузные поля Черного Ястреба и его племени. Как утверждает Черный Ястреб, четыре представителя племени, приехавшие в Сент-Луис, чтобы освободить из тюрьмы своего товарища, были принуждены заключить этот важный договор, не имея на то соответствующих полномочий и без ведома своего племени.

При заключении договоров, касавшихся владения землей, было принято обязательно собирать все племя. Это объяснялось, как справедливо предполагал военный министр, характером полномочий вождей племен, которые нечасто решались заключать важные договоры в отсутствие своих воинов.

Рассказ Черного Ястреба был записан со слов американского переводчика в агентстве саков и фоксов* на Рок-Айленде. Издатель не берет на себя ответственность оценивать факты и суждения, изложенные в этой книге, и предоставляет читателю составить свое собственное мнение о старом вожде и его воспоминаниях, оставляя за собой лишь скромную роль посредника, не требующего никакой награды за свои труды.



Родился я в селении саков на берегах реки Рок в 1767 году, так что сейчас мне идет шестьдесят седьмой год.

Как гласит предание, которое я слышал от отца, Пай-и-са, прадед мой На-на-ма-ки, Небесный Гром, был рожден в окрестностях Монреаля, где поначалу Великий Дух поселил племя саков. Когда прадед был еще совсем молод, Великий Дух внушил ему веру, что по прошествии четырех лет он увидит белого человека, который станет ему отцом. Три года прадед покрывал свое лицо черной краской, ел лишь раз в день на заходе солнца и в своих снах видел, как исполняется предсказание Великого Духа. На исходе третьего года Великий Дух снова явился к нему и предсказал, что ровно через год мой прадед увидит того, кто станет ему отцом. И Великий Дух повелел, чтобы за семь дней до истечения срока юноша отправился в сторону севера, взяв с собой своих братьев: На-маха, Осетра, и Пау-ка-хам-ма-ву, Черного Окуня. Спустя пять дней после начала путешествия На-на-ма-ки выслал своих братьев вперед, наказав им отметить шестом с привязанным сверху пучком травы то направление, в котором они услышат шум.

Рано утром братья возвратились и рассказали, что, услышав в лесу незнакомые звуки, они поступили так, как им было приказано. Все вместе братья направились туда, где был установлен шест. Придя к этому месту, На-на-ма-ки оставил своих братьев и один поспешил туда, где раздавался шум. Там он увидел палатку белого человека. Когда появился На-на-ма-ки, белый человек вышел из палатки, чтобы приветствовать его. Он взял

юношу за руку и пригласил в свою палатку. Белый человек сказал, что он подданный французского короля, и что Великий Дух повелел ему пойти в страну, где живет племя людей, никогда не видевших белого человека. Они станут его детьми, а он будет их отцом. Он мечтал об этом четыре года, но когда поведал о своем желании королю, своему отцу, тот посмеялся над ним и назвал Ма-ше-на*. Однако белый человек все же пришел сюда, чтобы увидеть своих детей, как повелел ему Великий Дух. Король сказал ему, что он не найдет здесь ни земли, ни людей — только лишь горы да множество озер, но видя, что человек не успокоится, пока не добьется своего, снарядил на-пе-ква* и послал его на поиски неведомой земли. Человек нагрузил корабль, поставил парус и приплыл сюда, к своим детям как раз в тот день, который Великий Дух указал ему в его снах. И вот он встретил юношу, которому суждено стать вождем своего племени.

Потом белый человек подарил На-на-ма-ки медаль, которую тот надел на шею. На-на-ма-ки поведал белому человеку о своих снах и сказал, что братья его ждут неподалеку. Отец дал ему рубашку, одеяло, платок и множество других вещей и велел привести братьев. Сняв свою одежду из бизоньей кожи и облачившись во все новое, На-на-ма-ки поспешил к братьям, чтобы рассказать им о своей встрече с белым человеком. Он показал полученные от него подарки и, сняв с шеи медаль, надел ее на На-маха, своего старшего брата. Втроем они отправились к своему новому отцу. Тот принял их очень радушно, пригласил в палатку и после короткой церемонии знакомства открыл свой сундук и стал доставать подарки для пришедших. Увидев, что На-на-ма-ки отдал свою медаль, белый человек сказал, что этого делать не следовало — он должен сам носить свою медаль, а для братьев приготовлены другие. Медаль дает ему право занять высокое положение в своем племени. Его братья будут вождями лишь в мирное время и будут следить за порядком в деревне и заботиться о нуждах ее жителей, в то время как ему, в силу его высшего предназначения, будет принадлежать вся полнота власти. Если его племя вступает в столкновение с другими племенами, его пак-ко-ха-ва-ма, или верховной власти, должны повиноваться все. Если он объявит войну, то должен сам вести своих воинов на битву. Белый человек сказал также, что по воле Великого Духа он стал военачальником и был послан, чтобы вручить юноше медаль и подарки для его народа.

Отец оставался с На-на-ма-ки четыре дня и дал ему ружья, порох и свинец, копыя и ножи, показав как обращаться с ними: в дни войны их можно направлять против врагов, а в мирное время ими можно убивать бизонов, оленей и другую дичь, чтобы сделать свою жизнь счастливой и изобильной. Двум другим братьям он подарил разную домашнюю утварь и научил пользоваться ею. Оставив братьям множество всяких подарков и товаров, белый человек отплыл во Францию, обещав вернуться через двенадцать лун.

Трое новоиспеченных вождей вернулись в свою деревню и рассказали своему отцу Ма-ка-та-квету, который был главным вождем племени, что с ними произошло. Старый вождь приказал убить несколько собак и устроил празднество по поводу своего отречения, на которое было приглашено все племя. Всем не терпелось скорее узнать, что же случилось, и старый вождь поднялся и рассказал обо всем, что произошло с его сыновьями. Свое повествование он закончил так:

«Великий Дух повелел, чтобы трое моих сыновей стали вождями и моя власть перешла к ним. С радостью передаю им свое высокое звание и все свои обязанности, потому что это воля Великого Духа, и я никогда не осмелюсь прогневать его!»

Старый вождь передал На-на-ма-ки великий амулет племени со словами:

«С радостью вручаю тебе его — это душа нашего народа. Никогда прежде не был он опозорен нами и я надеюсь, ты сумеешь сохранить его незапятнанным!»

Многие были недовольны, ибо считали, что На-на-ма-ки слишком молод, чтобы обладать такой большой властью. Желая рассеять это недовольство, На-на-ма-ки как-то раз во время сильной грозы объявил, что это он вызвал ее, чтобы подтвердить значение имени, которым наградил его Великий Дух. В этот момент молния ударила в дерево, росшее неподалеку. Прежде такого никогда не случалось. На-на-ма-ки подошел к нему, сломал несколько горящих веток, развел костер в вигваме и усадил вокруг него своих братьев. Потом он встал и обратился к своему народу:

«Я еще молод, но то высокое положение, которое я занимаю среди вас, дано мне Великим Духом. Никогда не желал я занять иного места, чем то, которое положено мне по рождению. Никогда не был я тщеславен и не желал занять место отца при его жизни. Его власть

не была захвачена мной. Четыре года Великий Дух являл мне в снах свое предназначение — он указал мне путь туда, где мне предназначено было встретить белого человека, который станет добрым отцом для всех нас. Я исполнил его повеление. Я пошел по указанному мне пути и увидел нашего нового отца. Все вы слышали о том, что произошло. Великий Дух сделал так, что белый человек пришел сюда и встретился со мной. Это по воле Великого Духа я стал во главе моего народа — и мой отец с радостью уступил мне свое место.

Все мы видели, каким могуществом наделил меня Великий Дух, послав огонь с неба. Пусть же мои братья-вожди надежно охраняют его, чтобы он не вырвался на волю. Пусть они поддерживают мир и согласие среди вас и помогают всем нуждающимся. А если враги нападут на нас, я сам поведу наших храбрых воинов на битву!»

Когда На-на-ма-ки закончил свою речь, все стали громко его приветствовать. Люди были рады, что то, в чем они видели хитрость На-на-ма-ки, оказалось на самом деле велением Великого Духа.

Когда вновь наступила весна, из Франции вернулся, как и обещал, их новый отец. Его на-пе-ква была доверху нагружена всякими товарами, которые он щедро раздавал всем обитателям деревни. Еще долгое время продолжал он торговать с ними, и они расплачивались за его товары шкурами и пушниной.

Спустя много лет англичане взяли верх над французами* (они в то время воевали) и, изгнав их из Квебека, захватили его. Индейские племена, жившие по соседству и завидовавшие нашему народу, объединились и оттеснили наше племя к Монреалю, а оттуда к Макинаку*.

Там наш народ впервые увидел своего английского отца, который снабдил его разными товарами. Враги по-прежнему преследовали наше племя и несколько раз вынуждали его сниматься с места и кочевать вокруг озера, пока наконец оно не обосновалось на берегу залива Грин-Бей у реки, которая сейчас называется Сак. Здесь саки созвали совет и заключили с фоксами договор о дружбе и союзнчестве. Фоксы покинули свою деревню и объединились с нашим племенем. Сначала это было вынужденной мерой, ибо ни одно из племен не было достаточно сильно, чтобы успешно противостоять врагам, но вскоре они слились в один народ и образовали единое племя. Однако враждебные им племена вынудили их перекочевать на Висконсин. Здесь они оставались до тех

пор, пока отряд молодых воинов не нашел хорошие земли в устье реки Рок. Тогда все племя перекочевало на Рок и, изгнав оттуда кас-кас-кия*, начало строить деревню, преисполненное решимости уже никогда не покидать эти места.

В этой деревне я и родился, будучи прямым потомком первого вождя На-на-ма-ки, Небесного Грома. До пятнадцати лет со мной не произошло ничего примечательного, что могло бы сохраниться в памяти. Мне не разрешалось носить перья или иметь боевую раскраску. Но в столь раннем возрасте я уже отличился тем, что ранил врага, и был зачислен в ряды воинов.

Вскоре после этого в нашу деревню пришел главный вождь племени маскотенов*, чтобы собрать воинов для войны с осейджами, нашими общими врагами. Мой отец присоединился к нему, и я также счел своим долгом откликнуться на его призыв. Я был рад возможности доказать, что я достоин своего отца и обладаю достаточным мужеством и смелостью. Скоро мы столкнулись с неприятелем и началось сражение. Стоя рядом с отцом, я видел, как он поразил противника и снял с него скальп. Горя желанием проявить свою доблесть, я накинулся на другого вражеского воина, поверг его наземь томагавком, пронзил копьем и, сняв скальп, с торжествующим видом возвратился к отцу! Он ничего не сказал, но видно было, что он мной доволен. Так я впервые убил человека. Враг понес большие потери в этой схватке и вынужден был отступить. Военные действия были временно прекращены, наш отряд вернулся в деревню и исполнил победный танец на скальпах. Тогда мне впервые позволили участвовать в подобной пляске.

По прошествии нескольких лун (за это время я уже успел завоевать славу храброго воина) я повел отряд из семи человек против сотни осейджей!* Поразив одного из врагов и предоставив моим воинам снять с него скальп, я стал наблюдать за неприятелем, чтобы оценить его силу и военную готовность. Убедившись, что они вооружены не хуже нас, я приказал отступить и вывел свой отряд, не потеряв ни единого человека! Это происшествие снискало горячее одобрение моих соплеменников, что позволило мне за короткий срок собрать против осейджей отряд в сто восемьдесят человек. Мы вышли из деревни, горя воинственным пылом, и долго шли по пересеченной местности, пока не достигли места поселения осейджей на Миссури. Идя по их следу, мы осторожно

подошли к деревне. Но каково же было наше огорчение, когда мы обнаружили, что она покинута жителями! Это вызвало недовольство среди воинов моего отряда и все они, за исключением пяти человек, вернулись домой. Я возглавил этот отважный маленький отряд, воздав благодарность Великому Духу и за то небольшое, что он оставил мне, и повел его по вражеской тропе, полный решимости не возвращаться без военных трофеев. Так мы шли несколько дней и убили одного воина и мальчика, после чего возвратились в свою деревню с их скальпами.

После этого неудачного похода все мои попытки собрать новый отряд заканчивались неудачей и так продолжалось до тех пор, пока мне не исполнилось девятнадцать лет. За это время осейджи успели причинить нашему народу много вреда. Наконец, мне удалось собрать двести опытных воинов и на рассвете мы выступили в поход. Через несколько дней мы были уже на вражеской земле и вскоре повстречались с отрядом, не уступающим нам по силе. Сразу же разгорелось сражение, хотя мои воины и были истощены длительным переходом. Обе стороны дрались отчаянно. Враг не желал уступить нам ни пяди земли, мы же были готовы победить или умереть! Множество осейджей полегло в этом бою, прежде чем они обратились в бегство. И кто бы мог устоять против моих храбрых, опытных и искусных бойцов! В этой битве я убил пятерых мужчин и одну женщину, и мне удалось снять скальпы с четверых. Наши противники потеряли около сотни человек, мы же — всего девятнадцать. С победой возвратились мы в свою деревню и исполнили пляску на захваченных скальпах.

Потерпев значительные потери в этой войне, осейджи больше не покидали своих земель и временно прекратили набеги на наше племя. Тогда мы обратили взор на своих стародавних врагов, которые завлекали и убивали наших беззащитных женщин и детей. В составе небольшого отряда, который возглавил мой отец, я выступил и против этого врага. На реке Мерамек* мы вступили в схватку с чероки*, которые сильно превосходили нас числом. В самом начале сражения отец мой был ранен в бедро, но перед тем, как упасть, все же успел поразить противника. Видя, что отец упал, я принял командование отрядом на себя и отчаянно дрался, пока враг не отступил. Тогда я вернулся к отцу, чтобы помочь ему, но было уже поздно. Знахарь сказал, что рана смертельна, и вскоре

отец скончался. В этой битве я убил троих врагов и нескольких ранил. Неприятель потерял двадцать восемь воинов, а мы только семерых.

Великий амулет моих предков принадлежал теперь мне. Я взял его, приказал похоронить убитых и вернулся с отрядом в деревню, оплакивая потерю отца. Пять лет я покрывал лицо черной краской, постился и воздавал молитвы — и все это время занимался лишь охотой и рыбной ловлей.

После очередного нападения осейджей Великий Дух наконец сжалился надо мной и дал собрать небольшой отряд, с которым я и выступил против врага. Однако мы обнаружили всего лишь шестерых. Я счел недостойным вступать в схватку со столь малочисленным противником. Мы взяли этих осейджей в плен и привели их к своему испанскому отцу* в Сент-Луис, после чего вернулись к себе в деревню. Преисполненный решимости истребить всех оставшихся осейджей за все те несчастья, которые мой народ испытал по их вине, я стал сразу же по возвращении собирать силы и на исходе третьей луны отправился в поход против осейджей во главе отряда из пяти-сот саков и фоксов и стал айова*. Прошло несколько дней, прежде чем мы напали на их след. Уже наступил вечер, и мы разбили лагерь в лесу. Рано утром мы напали на их деревню и к заходу солнца было разрушено сорок вигвамов, а все их обитатели перебиты, за исключением двух скво, которых я взял в плен. От моей руки пало шесть воинов и два мальчика.

В этом сражении погибло много лучших воинов осейджей и с тех пор это племя перестало совершать набеги на наши охотничьи угодья и оставалось в пределах своих собственных земель.

Меня не оставляло желание отомстить чероки за смерть отца и истребить весь их род до последнего. Для этой цели я стал собирать новый отряд. С ним я отправился в места, где жили чероки, но нашел там лишь пятерых из их племени, коих и взял в плен. Четырех мужчин я отпустил, а молодую скво мы привели в свое селение. Как ни велика была моя ненависть к этому народу, истреблять столь малочисленного противника казалось мне недостойным.

На исходе девятой луны я выступил с большим отрядом против чиппева*, кас-кас-кия и осейджей. Это было началом длительного и многотрудного военного похода, который закончился, когда мне шел уже тридцать пятый

год. Мы участвовали в семи больших сражениях и множестве мелких схваток. За время похода было убито несколько сотен вражеских воинов. Своей рукой я порази́л тринадцать храбрейших воинов противника.

Изгнав вражеские племена из наших мест охоты и нанеся им великие потери, мы возвратились с миром в свои деревни. Похоронив и оплавав мертвых и исполнив все необходимые ритуальные пляски, мы стали готовиться к зимней охоте, которая прошла очень успешно.

Каждое лето мы обычно приходили в Сент-Луис. Но затянувшаяся война помешала этому и я не появлялся там уже несколько лет. Когда все наши тяготы были позади, я с небольшим отрядом отправился повидать нашего испанского отца. Придя в город, мы раскинули свои палатки на том месте, где сейчас находится рыночная площадь. Сменив одежду и раскрасив лица, мы направились к своему испанскому отцу, который нас принял очень тепло. Мы получили от него большое количество провианта и множество разных подарков. Проходя по городу, мы исполнили свою обычную пляску и все жители приветствовали нас. Они были нам братьями и всегда помогали советом.

При следующем и последнем посещении моего испанского отца я почувствовал что-то неладное: все жители выглядели печальными и озабоченными. Я спросил, в чем причина, и узнал, что американцы собираются захватить город и всю эту местность, и тогда мы лишимся своего испанского отца! Эта новость повергла нас в уныние: индейцы, жившие по соседству с американцами, всегда отзывались о них очень плохо. Нам было жаль терять своего испанского отца, который неизменно относился к нам с дружеским расположением.

Через несколько дней прибыли американцы. Со своим отрядом я пришел проститься с нашим отцом. Одновременно к нему пожаловали и американцы. Видя их приближение, мы вышли в дверь в тот момент, когда они входили в другую. Сразу же сели мы в каноэ и отплыли в свою деревню на реке Рок — происшедшие перемены радовали нас ничуть не больше, чем наших друзей в Сент-Луисе.

Вернувшись в деревню, мы рассказали, что Сент-Луис занят чужестранцами и мы никогда более не увидим своего испанского отца! Новость эта опечалила людей.

Некоторое время спустя, вверх по реке отправилось судно с молодым американским военачальником (лейте-

нант, впоследствии генерал Пайк), сопровождаемым небольшой группой солдат. Весть о нем дошла до нас вскоре после того, как он прошел Солт-Ривер. Наши юноши все время следили за судном, пытаясь узнать, кто находится на борту. Наконец, судно достигло реки Рок и молодой военачальник высадился на берег вместе с переводчиком. Он произнес речь и преподнес нам подарки! Мы, в свою очередь, принесли ему мясо и ту провизию, которая у нас еще оставалась.

Речь Пайка пришлась нам по душе. Он сказал много хороших слов и пообещал, что американский отец будет добр к нам. Нам был вручен американский флаг, который сразу же был поднят. После этого он попросил нас спустить английские флаги и отдать ему английские медали — вместо них из Сент-Луиса нам пришлют другие. Но мы желали, чтобы у нас было два отца, и поэтому отказались.

Когда молодой военачальник отплыл, мы послали гонцов в деревню фоксов в нескольких милях от нас с просьбой, чтобы его там хорошо встретили, что и было исполнено. Он доплыл до самого истока Миссисипи и вернулся в Сент-Луис. После этого мы больше не видели американцев — товары нам поставляли английские торговцы.

Мы хорошо сделали, сохранив свои медали. Позже от торговцев мы узнали, что вожди племен в верховьях Миссисипи, отдавшие свои медали, так и не получили ничего взамен. Но молодой американский военачальник не был виноват в этом. Он был хорошим человеком и храбрым воином — и погиб, исполняя свой долг.

Спустя несколько лун после того, как молодой военачальник проплыл вниз по Миссисипи, один из наших людей убил американца и был заключен в тюрьму Сент-Луиса. В деревне был созван совет, чтобы решить, как помочь ему. Совет постановил, что Кваш-ква-ме, Па-ше-па-хо, Оу-че-ква-ка и Ха-ше-ква-хи-ква должны пойти в Сент-Луис, увидеть там американского отца и попытаться освободить нашего соплеменника, предложив выкуп, достаточный, чтобы рассчитаться за пролитую кровь и умиротворить родственников убитого. Для нас это было единственным средством спасения человека, совершившего убийство, и тогда мы были уверены, что и белые люди думают так же!

Наши посланники отправились в Сент-Луис с самыми благими намерениями, надеясь, что их миссия закончится

успешно. Родственники заключенного покрыли свои лица черной краской и стали поститься — они надеялись, что Великий Дух вернет детям отца, а жене — мужа.

Кваш-ква-ме и его товарищи отсутствовали довольно долго. Наконец они возвратились и разбили лагерь неподалеку от деревни. Однако в тот день в деревне они не появились и никто не приближался к их стоянке. На них была красивая одежда и грудь их украшали медали! По этим признакам мы заключили, что они принесли хорошие вести. На следующее утро вигвам совета был переполнен — вошли Кваш-ква-ме и остальные посланцы и вот что мы слышали от них.

Прибыв в Сент-Луис, они встретились с американским отцом и изложили ему свое дело, потребовав освобождения своего соплеменника. Американский вождь сказал, что взамен он хочет получить землю, и они согласились отдать ему земли к западу от Миссисипи и со стороны реки Иллинойс против Джеффреона. Когда дело было улажено, они ожидали, что их товарища отпустят и он пойдет с ними. И, действительно, его выпустили из тюрьмы, когда они уже собирались покинуть город, однако не успел он пройти и несколько шагов, как тут же был застрелен! Это все, что они помнят, ибо большую часть своего пребывания в Сент-Луисе были пьяны.

Вот все, что я и мой народ знали о договоре 1804 года. Позже мне объяснили его значение. По этому договору вся наша земля к востоку от Миссисипи и к югу от Джеффреона передавалась во владение Соединенным Штатам за тысячу долларов в год! Пусть граждане Соединенных Штатов сами судят, сколь полномочно было представлено наше племя при заключении этого договора и насколько справедливо было то вознаграждение, которое мы получили за земли, отданные этими четырьмя людьми. Я многое мог бы сказать об этом договоре, но сейчас не время для этого. Скажу только, что он был причиной всех наших несчастий.

Некоторое время спустя после заключения договора в наши края прибыло судно с военачальником и солдатами на борту. Они раскинули лагерь недалеко от истоков Де-Мойна и начали валить лес и строить дома. Новость об их прибытии быстро облетела все деревни, и повсюду были созваны советы. Мы никак не могли взять в толк, почему американцы решили строить поселок в этом месте, но уже знали, что это военный отряд, который привез с собой большие ружья*.

Несколько жителей нашей деревни, среди которых был и я, отправились посмотреть, что там происходит. Придя на место, мы обнаружили, что они строят форт! Солдаты дружно валили лес. Я заметил, что они вооружены и ведут себя так, будто находятся во вражеском окружении. Наши вожди вступили в переговоры с белыми офицерами — я в них не участвовал, но позднее узнал, что главный военачальник заявил, что дома строятся для торговца, который будет здесь жить и дешево продавать нам разные товары. С ним поселятся и все эти солдаты. Мы были обрадованы этой новостью и надеялись, что все сказанное было правдой, хотя и трудно было предположить, что все эти строения предназначались лишь для одного торговца. Мы все же сомневались в истинности их намерений и предпочли бы, чтобы они прекратили свое строительство и покинули эти места. Тем временем собралось уже довольно много индейцев, желающих посмотреть, что здесь происходит. Я заметил, что белые люди обеспокоены.

Несколько наших юношей наблюдали за группой солдат, которые пришли вооруженными, но перед началом работы сложили свое оружие в стороне. Индейцы прокрались к этому месту, схватили ружья и издали боевой клич. Солдаты побросали топоры и побежали за своим оружием, но обнаружили, что оно исчезло, а они окружены! Наши юноши посмеялись над ними и вернули им ружья.

Но когда солдаты вернулись в форт и рассказали о том, что произошло, главный военачальник отнесся к этому очень серьезно. Он пригласил наших вождей в свой форт на совет. Это вызвало большое волнение среди наших людей — все хотели знать, чем это кончится. Форт был обнесен довольно низким частоколом и вскоре весь он был окружен индейцами — они забирались на бочки и бревна, стараясь заглянуть внутрь. Одни принесли с собой ружья, другие — луки и стрелы. Такая предосторожность была совсем не напрасна — ружья белых солдат были заряжены, а утром мы видели, как они засыпали порох в свои пушки.

Часть наших воинов начала пляску у ворот форта, намереваясь войти туда, но они были остановлены солдатами. Совет немедленно был прерван — солдаты с ружьями в руках стали выбегать из своих казарм, где они были скрыты от наших глаз, к воротам притащили пушку и к ней подскочил солдат с горящим запалом, готовый

поджечь фитиль. Наши воины отступили, и все вернулись в лагерь.

В то время у нас еще не было намерений нападать на бледнолицых, но сейчас мне представляется, что войди тогда индейцы в форт, все белые были бы перебиты, как это случилось с английскими солдатами в Макинаке много лет назад.

Сняв свой лагерь, мы вернулись на Рок. Через некоторое время обитатели форта получили подкрепление и среди вновь прибывших мы узнали некоторых своих друзей из Сент-Луиса.

Вскоре после нашего возвращения из форта Мэдисон в деревне появились гонцы от пророка племени шауни*, который просил нас присоединиться к нему на реке Уобаш. Он также разослал гонцов в селения виннебагов. В ответ на эту просьбу из каждой деревни выступил отряд воинов.

Однако вскоре все наши воины возвратились, а вместе с ними пришел и пророк. Он рассказал нам, как вероломно поступают американцы с индейскими племенами: в обмен на несколько подарков забирают их земли. Я очень хорошо помню, как он сказал:

«Если вы не поддержите своих друзей на Уобаше, американцы прогонят вас из этой деревни!»

Тогда я и не предполагал, что настанет время, когда сбудется это предсказание. Мне казалось, он говорил так, чтобы убедить нас в необходимости этого шага. Однако мы решили не вступать в войну. Пророк вернулся на Уобаш, куда уже подошел отряд виннебагов, и начались приготовления к войне. Вскоре произошло сражение, в котором было убито несколько виннебагов. Как только это племя узнало, что в сражении погибли их воины, по разным направлениям были высланы боевые отряды. Один направился в сторону копей, другой — к Прери-дю-Шейен, а третий — в форт Мэдисон. Этот последний возвращался через нашу деревню, и воины показали нам снятые ими скальпы. Их успех побудил несколько других отрядов идти на приступ форта. Я с моими воинами присоединился к одному из них. Мы были полны решимости захватить форт. Ночью мы появились в его окрестностях. Разведчики, высланные за несколько дней до этого для наблюдения за гарнизоном, сообщили, что вечером пришло судно с семнадцатью солдатами, так что гарнизон форта насчитывает пятьдесят человек, и на рассвете они выходят на учения.

Сразу же было решено, что мы укроемся неподалеку от того места, куда приходят солдаты, и по сигналу перестреляем их всех и ворвемся в форт. Орудуя ножом, я стал рыть себе укрытие, прикрывая его ветками. Я был так близко от форта, что слышал, как ходит часовой. К рассвету я закончил свои приготовления и с нетерпением ожидал восхода солнца. Ударил барабан. Проверив заряд моего ружья, я стал с нетерпением наблюдать за воротами. Вскоре они отворились, но вместо марширующих солдат показался лишь один юноша, и ворота сразу же были закрыты. Он прошел совсем близко от меня — так близко, что я мог бы ударить его ножом, и направился к реке. Он шел, не покидая тропы — иначе он бы наткнулся на наш отряд и был убит. Вскоре он вернулся и исчез в воротах. Мне следовало бы броситься за ним и так проникнуть в форт, однако я медлил, опасаясь, что мой отряд не последует за мной.

Ворота снова отворились, и на этот раз вышло уже четверо, которые отправились к реке за хворостом. Когда они скрылись из виду, показался еще один солдат и тоже было спустился к реке, но был застрелен одним из виннебагов. Остальные сразу же бросились к форту и двое упали под нашими пулями. После этого мы укрылись на берегу, за пределами досягаемости выстрелов из форта. Начавшаяся перестрелка продолжалась целый день. Я отдал приказ поджечь форт и мы стали готовить для этого стрелы. Ночью мы попытались осуществить свое намерение и подожгли несколько строений, однако огонь был быстро погашен.

На следующий день я перебил двумя выстрелами веревку, на которой держался флаг, и они не смогли поднять его. Мы продолжали перестрелку, пока у нас не кончились патроны, и, убедившись, что форт нам не взять, вернулись домой. При осаде один виннебаг был убит и один ранен. Позже я узнал, что последний был подстрелен торговцем, жившим в форте, когда он пытался скальпировать убитого нами солдата. Виннебаг оправился от раны, пребывает и по сей час в добром здравии и питает вполне дружеские чувства к торговцу, почитая его настоящим воином.

Вскоре после возвращения мы узнали, что англичане собираются вступить в войну с американцами. Гонимые разными племенами приносили вести о готовящейся войне. Английский агент, полковник Диксон, вел переговоры с индейскими племенами, подкрепляя свои увещевания по-

дарками. Я колебался, поддерживать ли англичан или сохранять нейтралитет. Тогда я еще не был знаком с повадками американцев, пришедших на нашу землю. Они охотно давали обещания, но никогда не выполняли их! Англичане же, наоборот, не спешили с посулами, но на их слово мы всегда могли положиться.

Один из наших людей убил француза в Прери-дю-Шейен и англичане посадили его в тюрьму и собирались на следующий день расстрелять. Семья его остановилась неподалеку от устья Висконсина, и он умолял отпустить его повидаться с родными перед смертью. Англичане исполнили его просьбу, взяв обещание вернуться на следующий день к восходу солнца. Не берусь описывать его прощание с женой и шестью детьми. Боюсь, что белым людям будет трудно понять, что он испытывал — ведь они привыкли подчинять свои чувства моральным правилам, налагаемым на них их священнослужителями, мы же неизменно следуем зову наших сердец. Расставшись с женой и детьми, несчастный поспешил в форт и сумел вернуться ко времени. Солдаты уже ждали его и через минуту он был расстрелян! Я не оставил его семью: все то время, пока они не нашли своих родных, я поддерживал их охотой и рыбной ловлей.

И зачем только Великий Дух наслал на нашу землю бледнолицых, которые принесли с собой ядовитое зелье, болезни и смерть и лишили нас собственного дома? Почему они не остались там, где Великий Дух поселил их изначально? Но пора продолжить мой рассказ. Вот только память стала изменять мне с тех пор, как я последний раз побывал среди белых людей. В ушах у меня все еще звенит от их шума и, может быть, какие-то события я изложу не совсем последовательно. Постараюсь, однако, быть точным.

Некоторые из наших вождей и предводителей были приглашены в Вашингтон на встречу с Великим Отцом. Во время их отсутствия я отправился в Пеорию, что на реке Иллинойс, чтобы повидать там торговца, моего старого приятеля, и посоветоваться с ним. Он неизменно был осведомлен обо всем, что вокруг происходило, и всегда говорил нам только правду. Но в Пеории я его не застал — он уехал в Чикаго. Тогда я навестил племя поттоватомы и возвратился на Рок. Вскоре из Вашингтона вернулись наши вожди и поведали нам обо всем, что они видели и слышали. Великий Отец попросил их в случае войны с англичанами оставаться в стороне и не вмеши-

ваться в военные действия. Ему не нужна была наша помощь и он желал, чтобы мы занимались только охотой и жили в мире. Он сказал, что английским торговцам не разрешат больше приходить на Миссисипи, но вместо них нас будет снабжать товарами американский торговец. На это наши вожди заметили, что осенью английские торговцы всегда предоставляли нам ружья, порох и товары в долг, чтобы мы могли охотиться и одевать свои семьи. Великий Отец уверил их, что у торговца в форте Мэдисон будет много разных товаров и осенью мы можем пойти туда и получить их в долг так же, как и у английских торговцев. Вожди были очень довольны хорошим приемом и подробно описали нам все, что они видели.

Эти новости порадовали нас. Все решили последовать совету Великого Отца и не участвовать в войне. Особенно обрадовались женщины. В нашей деревне царил веселье. Мы снова стали играть в мяч, устраивать скачки и принимать участие в плясках — ведь все это было забыто, когда разнеслась весть о большой войне.

У нас хорошо уродилась кукуруза и наши женщины проводили все время на полях, собирая ее и строя кладовые для ее хранения. Вскоре мы были готовы отправиться в форт Мэдисон, чтобы получить там товары, необходимые для охоты. Весело спустились мы по реке. Эту зиму я решил провести в своих старых излюбленных охотничьих местах на реке Сканк. Поэтому часть кукурузы и мяса я оставил в ее устье, чтобы забрать все на обратном пути. Другие поступили так же. Утром мы пришли к форту и разбили лагерь. Вместе с самыми уважаемыми людьми племени я отправился к командиру форта. Он принял нас очень радушно и дал нам табак, трубок и немного провианта. Когда вошел торговец, мы все поднялись, чтобы пожать ему руку — ведь от него зависело все наше благополучие. Мы ждали, когда же торговец скажет, что Великий Отец распорядился снабдить нас товарами, но тот молчал. Тогда я поднялся и рассказал ему, зачем мы пришли. Я заверил его, что весной мы сполна рассчитаемся за все товары, и под конец объявил, что мы решили последовать совету Великого Отца и не вступать в войну.

Торговец ответил, что очень рад нашим мирным намерениям. У него есть множество разных товаров, и если наша охота будет удачной, мы получим все, что пожелаем. Но никто не приказывал ему давать нам что-либо в долг — мы должны сразу расплатиться за все товары!

Тогда мы передали ему то, что сказал нашим вождям в Вашингтоне Великий Отец, и стали уверять, что он вполне может дать нам товары в долг — ведь Великий Отец всегда говорит правду! Но командир форта подтвердил, что торговец не будет отпускать нам товары в долг, потому что никаких распоряжений на этот счет они из Вашингтона не получали. В полной растерянности покинули мы форт и вернулись в лагерь. Никто не знал, что же теперь делать. Снова допросили мы тех, кто принес нам эту весть из Вашингтона, но они стояли на своем и в точности повторили свой прежний рассказ. Немногим удалось сомкнуть веки в эту ночь — в лагере царили уныние и тревога.

Утром мы увидели, как по реке спускается каное. В нем сидел посланец, который сообщил нам, что Ла Гатри, английский торговец, привел на Рок-Айленд два корабля, доверху груженных товарами, и приглашал нас явиться к нему как можно скорее, так как у него для нас есть хорошие новости и множество подарков. Курьер передал нам табак, трубки и вампум.

Подобно пожару прерий разнеслась эта новость по лагерю. Мы разобрали свои вигвамы и поспешили на Рок-Айленд. Так пришел конец нашим надеждам сохранить мир: обман, с которым мы столкнулись, вынудил нас вступить в войну.

Нам не потребовалось много времени, чтобы попасть на Рок-Айленд. Подойдя к острову и увидев там раскинутые палатки, мы издали клич, дали залп из ружей и забили в барабаны. В ответ с острова прогремел ружейный салют и вверх взвился английский флаг! Когда мы пристали к берегу, нас встретил сам Ла Гатри и выкурил с нами трубку. Он передал нам послание полковника Диксона и вручил подарки: большой шелковый флаг и бочонок рома. После этого он посоветовал нам пойти немного выпить и отдохнуть, так как завтра предстоит серьезный разговор.

Мы вернулись в свои вигвамы и провели там ночь. Наутро мы снова пришли к торговцу и попросили его отдать нам товары, которые он привез на своих двух кораблях, — весной мы щедро расплатимся за все шкурами и пушниной. Он согласился и разрешил нам забрать все свои товары. Пока наши люди делили их между собой, Ла Гатри отвел меня в сторону и сообщил, что полковник Диксон находится в заливе Грин-Бей с двенадцатью кораблями, нагруженными товарами, ружьями и боевыми

припасами, и ждет меня с отрядом воинов. Он также сказал, что наш общий друг, торговец из Пеории, собирает поттоватоми и они могут опередить нас. Я передал услышанное моим воинам и скоро отряд из двухсот человек был готов к выступлению.

Перед отходом я навестил своего старого друга, товарища моей юности, который сопровождал меня во многих военных походах, но сейчас был искалечен и не мог передвигаться на большие расстояния. У него был сын, к которому я относился, как к родному, и в последние два года брал с собой на охоту. Я попросил друга отпустить сына со мной. Он запротестовал, сказав, что сын — его единственная опора и без него он не сможет просуществовать, особенно сейчас, когда я покидаю свое племя (а надо сказать, что я постоянно помогал ему после того, как он получил увечье). Я предложил оставить своего сына взамен, но он продолжал упорствовать. Мой друг заявил, что он вообще против этой войны: он побывал в низовьях реки и американцы отнеслись к нему очень хорошо — поэтому он и не хочет воевать с ними. Кроме того, он обещал белому поселенцу зимовать вместе с ним в верховьях Солт-Ривер и хочет взять сына с собой. На этом мы и расстались. Скоро мы закончили свои приготовления и отправились к заливу Грин-Бей. Там мы обнаружили большой военный лагерь, где нас встретил полковник Диксон и военные вожди, бывшие с ним. Он дал нам большое количество провианта, табак и трубки и сказал, что на завтра назначен большой совет.

В лагере я увидел множество поттоватоми*, кикапу, оттава и виннебагов. Я наведалься на все стоянки и застал их там в самом лучшем расположении духа. Все получили новые ружья, боеприпасы и много разной одежды. Вечером за мной пришел посыльный от полковника Диксона. Войдя в его палатку, я застал там еще двух военачальников и переводчика. Диксон приветствовал меня сердечным рукопожатием и представил двум другим военным, которые также пожали мне руку с самым приветливым видом. Когда я сел, полковник Диксон произнес:

«Генерал Черный Ястреб, я послал за тобой, чтобы объяснить, почему мы пришли сюда и что собираемся делать дальше. В письме, которое ты принес с собой, наш друг Ла Гатри сообщает обо всех последних событиях. Теперь нам придется крепко взяться за руки. Ваш английский отец узнал, что американцы собираются за-

брать ваши земли, и прислал меня и свое войско, чтобы изгнать их отсюда. Он также выслал много оружия и боеприпасов, так что мы приглашаем всех твоих воинов присоединиться к нам».

Потом он надел мне на шею медаль и вручил бумагу (я потерял ее в последней войне) и шелковый флаг со словами:

«Ты будешь командовать всеми воинами, которые выйдут отсюда послезавтра, чтобы соединиться с нашими солдатами у Детройта».

Я ответил, что очень огорчен, ведь я предполагал спуститься по Миссисипи и напасть на местные поселения. На это Диксон сказал, что у него есть приказ опустошить всю местность вокруг Сент-Луиса. Много лет он был торговцем на Миссисипи и повсюду встречал самое лучшее отношение, поэтому он не допустит, чтобы воины убивали там женщин и детей. В тех местах совсем нет солдат и не с кем сражаться. А вот там, куда он собирается послать нас, солдат как раз очень много, и если мы одолеем их, земля на Миссисипи будет нашей! Такая речь пришлось мне по душе, это были слова настоящего воина.

Я спросил о своем старом приятеле, торговце из Пеории, заметив, что я ожидал увидеть его здесь. Диксон покачал головой и сказал, что шлет к нему одного курьера за другим и предлагает много денег, чтобы он пришел и привел с собой поттоватоми и кикапу, однако тот упорно отказывается, говоря, что всех денег английского отца не хватит, чтобы заставить его присоединиться к ним.

«Но я расставил ему ловушку»,— продолжал Диксон.— «Гомо с отрядом солдат уже отправился по моему приказу, чтобы взять его в плен и привести сюда. Через несколько дней я ожидаю его увидеть».

На следующий день мой отряд получил оружие и боеприпасы, томагавки, ножи и одежду. Вечером мы устроили большой праздник. Наутро я выступил во главе отряда из пятисот человек, чтобы соединиться с английской армией. Нас сопровождал английский военачальник. Когда мы подошли к Чикаго, американские солдаты покинули форт и направились в форт Уэйн. Неподалеку от него они подверглись нападению и были разбиты. В форте Чикаго был большой запас пороха, который американцы обещали отдать индейцам. Однако накануне оставления форта они уничтожили весь запас. Думаю,

его бросили в колодец. Сдержи они слово, данное индейцам, мне кажется, они бы остались невредимы.

Когда мы вошли в Чикаго, выяснилось, что индейцы захватили несколько пленных. Я посоветовал им хорошо обращаться с ними. Продолжив переход, мы вскоре соединились с английской армией под Детройтом и почти сразу же попали в бой. Американцы сражались совсем неплохо и нанесли нам большие потери. Я был поражен этим, так как слышал раньше, что американцы плохие солдаты.

Следующим нашим боевым заданием была осада форта. Мне с моими воинами поручили следить, чтобы через ворота форта не прошла ни одна живая душа. Я взял в плен двух пастухов, но не убил их, а отослал к английскому военачальнику. Спустя некоторое время на реке показалось несколько лодок, полных американскими солдатами. Они пристали на противоположной стороне, заняли английские укрепления и стали преследовать отступавших солдат. Не представляя себе действительных сил противника, они вторглись слишком далеко в стан врага и были полностью разбиты. Мне не терпелось показать на деле храбрость моих солдат и мы стали спешно переправляться через реку, но не успели ступить на берег, как все было уже кончено. Там мы увидели, как индейцы убивают пленных, во множестве захваченных англичанами. Я немедленно положил этому конец, так как всегда считал трусостью убивать безоружного врага.

Мы оставались там некоторое время. Не могу в точности описать, что происходило, поскольку мы с моими воинами несли службу в лесу. Но, видимо, англичанам все же не удалось взять этот форт, так как нас перебросили к другому. Когда мы подошли, оказалось, что это несколько небольших строений, огороженных частоколом, и я счел, что здесь не может быть значительного гарнизона. Полковник Диксон отправился в форт с белым флагом и вскоре вернулся. Он сообщил, что командует фортом молодой офицер, который не уступит его без боя. Подойдя ко мне, Диксон заметил:

«Захватить этот форт ничего не стоит — завтра ты сам в этом убедишься».

Я тоже так думал поначалу, но наутро мне пришлось убедиться в обратном. Англичане пошли на штурм и дрались, как настоящие храбрецы, но гарнизон форта оказал им яростное сопротивление и нападение было

отбито. Потеряв множество солдат, англичане стали готовиться к отступлению. Оставаться с ними далее не было смысла — удача изменила нам, нечего было и надеяться на богатую добычу. Я решил вернуться на Рок к жене и детям — все это время я ничего не знал об их судьбе.

Ночью вместе с двадцатью воинами я покинул лагерь англичан и отправился в родные места. Мы шли, никого не встречая, до самого Иллинойса, где, наконец, увидели вигвамы поттоватоми. Они приняли нас очень радушно и, накормив, стали расспрашивать о своих соплеменниках, сражающихся на стороне англичан. Нам же они сообщили, что на Иллинойсе произошло сражение и мой старый приятель, торговец из Пеории, был взят в плен. Я предположил, что это сделал Гомо* со своим отрядом, но оказалось, что туда на двух лодках приплыли американцы, которые захватили в плен торговца и всех французских поселенцев, а потом сожгли Пеорию. О наших людях на Роке ничего не было известно.

Через три дня мы уже подходили к своей деревне. Вдруг я заметил дым, поднимающийся из лощины. Отправив свой отряд в деревню, я решил посмотреть, что там происходит. Приблизившись к костру, я увидел старика, с горестным видом сидящего под натянутой циновкой. В любое другое время я не осмелился бы беспокоить того, кто, очевидно, искал уединения, чтобы смиренно воззвать к милости Великого Духа. Но сейчас я подошел и сел рядом. Старик взглянул на меня и снова обратил свой взор в землю. В нем я узнал своего индейского друга! С волнением стал я расспрашивать о судьбе его сына (ведь он был и моим приемным сыном) и о том, какая участь постигла наш народ. Старик едва дышал — должно быть, он давно голодал. Я раскурил свою трубку и дал ему. Он с радостью сделал несколько затяжек и поднял глаза. На этот раз он узнал меня. Чтобы он снова не впал в беспамятство, я дал ему немного воды, которая возвратила его к жизни. После этого я опять попытался узнать, что же случилось с его сыном и со всем нашим народом. Слабым голосом начал он свое печальное повествование:

«Вскоре после того, как ты ушел к англичанам, я с небольшим отрядом спустился по реке к месту зимовки, куда, как ты помнишь, позвал меня белый человек. Придя туда, мы узнали, что белый человек, предложивший мне охотиться вместе, переехал с семьей во вновь пост-

роенный форт. Я отправился в форт, чтобы выразить его обитателям свое дружеское расположение, и сообщил, что мы хотим охотиться по соседству. Командир форта разрешил нам охотиться на Миссисипи со стороны Иллинойса и уверил, что никто нас там не тронет. Кавалерия совершает вылазки только со стороны Миссури и солдатам приказано не переправляться через реку. С радостью выслушал я его заверения в безопасности и немедленно переправился на другую сторону, чтобы разбить зимний лагерь. Дичи там водилось в изобилии, мы были вполне счастливы и часто вспоминали тебя. Мой мальчик очень сожалел о твоем отсутствии и горевал о невозможности разделить с тобой трудности военного похода. По прошествии двух лун сын мой отправился, как обычно, на охоту. Вечером он не вернулся, и я не смыкал глаз всю ночь, опасаясь за его жизнь. Утром моя старуха пошла к вигвамам и подняла тревогу. Все отправились на поиски. Уже выпал снег, так что они скоро напали на его след и увидели, что он преследовал оленя, который бежал в сторону реки. Скоро они достигли того места, где он остановился, чтобы выстрелить, и обнаружили там освежеванную тушу оленя, висящую на суку. Но здесь же они увидели и следы белых людей! Мой сын был схвачен ими. Следы вели через реку по направлению к форту. Пустившись по следу, наши люди скоро нашли моего мальчика, лежащего мертвым на снегу. Его безжалостно убили. Лицо его было изуродовано пулями, тело изрезано ножом, а с головы снят скальп. Руки у него были связаны за спиной».

Старик ненадолго замолчал, а потом рассказал, что жена его погибла на пути к Миссисипи. Я взял его за руку и поклялся отомстить за смерть его сына! Неожиданно небо потемнело и началась страшная гроза — потоки дождя обрушивались на землю, грохотал гром, сверкали молнии. Я снял с себя одеяло и завернул в него старика. Когда гроза утихла, я вновь разжег костер и хотел было перенести к нему старика, но он был мертв! Я оставался с ним всю ночь. Рано утром за мной пришли мои воины и помогли мне похоронить его на вершине холма. После этого мы возвратились в деревню. Больше я не приходил на могилу своего друга, так как впоследствии отправился вверх по реке Рок.

В деревне я был встречен вождями и воинами, которые отвели меня в приготовленный к моему прибытию вигвам. Утолив голод, я поведал им обо всем, что мне

пришлось увидеть. Я объяснил им, как воюют англичане и американцы. Вместо того, чтобы незаметно подкрадываться друг к другу, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы истреблять врагов, сохраняя при этом своих людей, как это делаем мы (и что считается у нас лучшей военной тактикой), они выступают друг против друга среди бела дня и сражаются, не заботясь о своих потерях. После битвы они пируют и пьют вино, как ни в чем не бывало, а потом пишут отчет обо всем, что произошло, и каждая сторона притязает на победу и заявляет, что убитых у нее вполровину меньше, чем на самом деле. Они сражаются, как настоящие воины, но совершенно иначе, чем мы. Наше главное правило — «убей врага и сохрани своих людей», их же вожди годятся больше, чтобы грести на каноэ, а не управлять им. Американцы стреляют лучше англичан, но их солдаты хуже одеты и вооружены. Вождь деревни рассказал, что после ухода моего и других отрядов в племена осталось так мало воинов, что в случае нападения американцев они бы не могли защититься. Им также пришлось взять на себя заботу о семьях ушедших воинов. Был созван совет, который решил, что Кваш-ква-ме, Копье, и другие вожди со стариками, женщинами и детьми спустятся вниз по Миссисипи до Сент-Луиса и попросят там защиты у американского военачальника. Тот принял их очень радушно и, снабдив всем необходимым, отправил вверх по Миссури, невзирая на то, что их соплеменники помогали англичанам.

Затем мне представили нового военного вождя Ке-о-кука*. Я спросил, как он стал вождем. Мне рассказали, что незадолго до нашего прихода разведчики донесли, что к Пеории движется большое войско. Возникли опасения, что солдаты нападут на нашу деревню. На совете, собранном по этому случаю, было решено оставить деревню и перебраться на западный берег Миссисипи. Во время заседания совета Ке-о-кук стоял у входа в вигвам — ему не разрешалось присутствовать на советах, так как он не убил еще ни одного врага. Когда из вигвама вышел Ва-ко-ме, Ке-о-кук сказал ему, что он слышал все, что было решено на совете, и просит разрешения войти и говорить. Ва-ко-ме возвратился в вигвам и передал совету просьбу Ке-о-кука. Совет позволил ему войти и Ке-о-кук обратился к вождям с такой речью: «С горечью я узнал, что вы решили оставить деревню и перейти на другой берег Миссисипи только из-за того,

что сюда движутся американцы. Неужели вы оставите врагу могилы своих предков, даже не попытавшись защитить их? Дайте мне под начало ваших воинов. Я сумею защитить нашу деревню и вы сможете спать спокойно».

Совет порешил, что Ке-о-кук будет военным вождем. Выслав вперед разведчиков, он вышел из деревни во главе отряда и отправился по тропе, ведущей в Пеорию. Вскоре они вернулись, так и не увидев врага. Американцы не пришли в нашу деревню. Все были очень довольны назначением Ке-о-кука. Он вел себя весьма осмотрительно, опасаясь вызвать недовольство в народе. Вот как случилось, что Ке-о-кук стал вождем.

Удовлетворившись услышанным, я отправился к жене и детям. Все у них было в порядке, мальчики мои подрастали. У индейцев не принято много говорить о женщинах. Они обычно с готовностью исполняют все свои обязанности и никогда не вмешиваются в дела мужчин. Это моя первая и последняя жена и никогда не будет у меня другой! Она хорошая женщина и растит из моих мальчиков настоящих воинов. Казалось бы, настало время обрести покой и утешение под родным кровом, но нет, я ведь поклялся отомстить за смерть своего приемного сына.

Без проволочек собрал я отряд в тридцать воинов и объяснил им цель нашего похода: отомстить за смерть моего приемного сына, зверски убитого белыми. Я рассказал им о клятве, данной мной его отцу, заметив, что это были последние слова, которые он слышал в своей жизни. Воины выразили готовность идти со мной и мы отплыли на каноэ вниз по Миссисипи. Добравшись до форта Мэдисон, мы увидели, что он сожжен и покинут белыми: на его месте торчали одни трубы. Мы были рады, что бледнолицые покинули наши места. Спустившись еще ниже по реке, я высадился на берег с одним из моих воинов неподалеку от Кап-о-Гри. Остальные направились к устью реки Квивер. Я поспешил по тропе, которая вела от устья Квивера к форту, и вскоре услышал перестрелку. Мы с моим воином укрылись в стороне от тропы. Прошло совсем немного времени и на дороге показалась лошадь с двумя всадниками, во весь опор мчавшимися от места перестрелки. Когда они приблизились, мы выстрелили. Лошадь взвилась на дыбы и оба всадника упали. Мы бросились к ним, но один вскочил и побежал прочь. Я стал преследовать его и вскоре почти нагнал, когда он перебирался через кучу недавно обтесан-

ных кольев. Тогда он схватил кол и бросил в меня. При этом он обернулся и я тотчас узнал его! Он приходил в деревню Кваш-ква-ме, чтобы научить наших людей пахать землю. Мы считали его хорошим человеком. Поэтому я решил не убивать и не преследовать его больше. Вернувшись назад, я увидел своего воина со скальпом в руках. Он сказал мне, что убил второго всадника. Однако не успели мы отойти, как увидали человека, которого считали убитым,— он шел по дороге, шатаясь, как пьяный, и обливаясь кровью. Это было ужасное зрелище. Я велел своему товарищу убить его и тем самым избавить от мучений. Жутко было смотреть на него. Пройдя вперед, я вдруг услышал шум в кустах и увидел двух притаившихся там мальчиков. Вспомнив о своих собственных детях, я прошел мимо, как бы не замечая их. Здесь меня догнал мой товарищ и скоро мы повстречали свой отряд. Я предупредил людей, что вот-вот за нами начнется погоня, и приказал следовать за мной. Мы пересекли ручей и укрылись в лесу.

Прошло совсем немного времени и мы увидели конный отряд, несущийся на нас во весь опор. Я взял на прицел того, кто его возглавлял. Раздался выстрел, и всадник замертво упал с лошади. Мои люди открыли огонь, но без видимого успеха. Противник стремительно приближался, не давая нам возможности перезарядить ружья. Солдаты окружили нас и вынудили отступить на дно глубокого оврага, поросшего кустарником. Зарядив ружья, мы ждали приближения врага. Солдаты показались на краю оврага и обстреляли нас, убив одного из моих воинов. Мы ответили им ружейным залпом и один из нападавших был настигнут пулей. Мы вновь зарядили ружья и стали копать укрытия на склоне оврага, не спуская глаз с наших врагов и ожидая, когда они обрушат на нас все свои силы. Некоторые из моих воинов затянули песню смерти. Я услышал, как белые переговариваются между собой, и призвал их вступить в схватку. Положение наше было не из лучших и мне хотелось, чтобы дело поскорее шло к развязке. Скоро послышались удары и треск срубаемых кустов. Я никак не мог взять в толк, что они собираются делать. Однако вскоре на краю оврага появилась пушка и пальнула вниз, не причинив нам никакого вреда. Я еще раз прокричал солдатам, что, если они не трусы, то должны спуститься в овраг и сразиться с нами. Но к вечеру они сняли осаду и вернулись в форт. Со мной в этой ловушке

оказалось восемнадцать воинов. Когда мы выбрались оттуда, то на краю оврага обнаружили убитого солдата. Бледнолицые не забрали его, опасаясь нашего огня. Мы сняли с него скальп и положили на него нашего убитого воина. Нельзя было устроить для воина лучшего погребения, чем на теле убитого врага!

Мы выполнили свою миссию и могли отправляться домой. Обрато мы шли пешком — возвращаться в каноэ было небезопасно. Свою жену и детей с большей частью племени я нашел в устье Айовы. Теперь я был намерен оставаться с семьей, занимаясь охотой и воздавая хвалу Великому Духу за то, что он сохранил мне жизнь.

Свою охотничью стоянку я разбил на реке Инглиш (приток Айовы). Зимой к нам с Иллинойса пришел отряд поттоватоми и среди них Уош-е-оун, старик, некогда живший в нашей деревне. Он рассказал нам, что осенью американцы построили форт в Пеории и не разрешили поттоватоми охотиться на Сонгомо, чем те были весьма обескуражены. Гомо вернулся от англичан и принес весть об их поражении у Молдена. Он решил больше не воевать и отправился к американскому военачальнику с флагом, заявив, что хочет мира для своего народа. Американский военачальник дал ему бумагу к командиру форта в Пеории и Уош-е-оун ходил туда вместе с Гомо. Было решено, что поттоватоми больше не будут воевать с американцами, и два их вождя в сопровождении восьми воинов и пяти американцев отправились в Сент-Луис, чтобы утвердить это мирное соглашение. По словам Уош-е-оуна, это было известие, радостное для всех, — ведь теперь они свободно могли отправляться в места охоты.

«Вот я, — заявил он, — никогда и не хотел этой войны. Прежде американцы никогда не убивали наших людей и не вторгались в наши охотничьи угодья. Я решил, что никогда более не причиню им вреда!»

Я ничего не ответил на эти речи — мой собеседник был очень стар и рассуждал, как ребенок.

В честь поттоватоми мы устроили праздник. Я подарил Уош-е-оуну хорошего коня, мои воины сделали то же самое для каждого из отряда поттоватоми и на прощание те пожелали, чтобы и мы заключили мир с американцами. Этого мы им не обещали, но дали слово, что не будем нападать на мирные поселения.

Спустя короткое время после отъезда поттоватоми, к нам из мирного лагеря на Миссури пожаловало тридцать

воинов, принадлежащих к нашему племени. Они показали пять скальпов, снятых ими на Миссури, и исполнили на них пляску, к которой мы охотно присоединились. С интересом выслушали мы обстоятельства, при которых они сняли эти скальпы, а затем показали им те два, которые мы добыли на Квивере, и рассказали, чего нам стоило их заполучить, и что побудило нас к этому.

Потом они дали нам подробный отчет обо всем, что происходило у них, и сообщили сколько убитых на счету у их отряда. Это далеко превосходило число убитых нашими воинами, когда они сражались на стороне англичан. Отряд этот собирался примкнуть к англичанам. Я посоветовал соплеменникам вернуться к мирным занятиям и передал то, что мы узнали от поттоватоми. Они вернулись на Миссури и с ними отправились те наши воины, чьи семьи находились в мирном лагере.

Весной, когда закончилась варка сахара*, я посетил деревню фоксов неподалеку от свинцовых копей. Они не участвовали в войне и не оплакивали убитых. Я провел там несколько дней, принимая участие в их празднествах и плясках. Затем отправился в деревню поттоватоми на реке Иллинойс и там узнал, что Са-на-ту-ва и Та-та-пак-ки находятся сейчас в Сент-Луисе. Гомо сказал мне, что поттоватоми заключили мир с американцами и семь воинов его отряда остались у американского военачальника, чтобы мир был прочнее. Он также сообщил мне, что Уош-е-оун был убит. Старик отправился в форт, чтобы обменять немного дичи на табак, трубки и провизию. Получив табак и муку, он на закате вышел из форта, но не успел пройти и нескольких шагов, как был застрелен офицером, притаившимся у дороги. Труп его был утоплен в озере, где впоследствии Гомо и нашел его. Чтобы не нарушать заключенного мира, ему пришлось отдать родственникам старика свое ружье и двух лошадей. Только тогда они согласились не мстить за его смерть.

Я провел в деревне несколько дней и вместе с Гомо ходил к командиру форта. Он принял меня за поттоватоми, так как я хорошо говорю на их языке. Американский военачальник встретил нас очень дружелюбно и сказал, что он очень огорчен убийством Уош-е-оуна и обязательно найдет и накажет убийцу. Он задал несколько вопросов о моем племени, и я с готовностью на них ответил.

По возвращении на Рок я узнал, что вверх по Миссисипи отправился отряд солдат для постройки форта в

Прери-дю-Шейен. Они остановились неподалеку от нашей деревни и были настроены вполне миролюбиво. Наши люди отвечали им тем же.

Мы занялись починкой своих вигвамов и расчисткой кукурузных полей. Поля тех, кто находился на Миссури, мы поделили между всеми желающими с условием, что они возвратят их владельцам, когда те вернутся. В нашей деревне царили мир и спокойствие: женщины с радостью трудились на полях и ничто не омрачало нашу жизнь.

Спустя некоторое время на реке появилось шесть лодок с солдатами, направлявшимися в Прери-дю-Шейен для пополнения гарнизона. Они вели себя вполне дружелюбно и мы приняли их по-доброму. Военачальника их мы пригласили на свой совет. У нас не было ни малейшего намерения причинять вред ему или его отряду — в противном случае мы бы без труда перебили их всех. Солдаты провели у нас весь день, поглощая изрядное количество виски и щедро угощая нас. Ночью пришел отряд англичан (они спустились по реке Рок) и принесли нам шесть бочонков пороха! Мы узнали, что англичане захватили форт в Прери-дю-Шейен, и настаивают, чтобы мы снова вступили в войну на их стороне. Мы последовали их призыву и я стал собирать воинов, чтобы начать преследование американских солдат, отплывших незадолго до этого. Случись все днем раньше, мы бы с легкостью захватили весь отряд, так как их начальник совершенно не думал об осторожности.

Мы стали догонять их берегом в надежде, что Великий Дух поможет нам, если ему угодно, чтобы американцы были захвачены и убиты. Миновав пороги, вскоре увидели лодки, на всех парусах летевшие вверх по реке. Я сразу заметил, что одна из них управлялась довольно худо и ее прибивало ветром к берегу. Вскоре она с силой врезалась в песок, и солдаты спустили парус. Остальные лодки прошли мимо. Сам Великий Дух послал нам эту лодку! Мы осторожно приблизились и открыли огонь по высадившимся на берег. Те бросились к лодке, но никак не могли столкнуть ее, так как она врезалась далеко в береговую линию. Укрываясь за деревьями, мы высыпали на берег и начали палить по лодке. Пули наши, видимо, достигли цели — оттуда послышались крики. Я приказал воинам продолжать стрельбу. С лодки также прогремело несколько выстрелов, не причинивших, впрочем, нам вреда. Я стал готовить лук и стрелы, чтобы

поджечь парус, лежавший в лодке. После двух-трех попыток мне это удалось.

Скоро всю лодку охватило пламя. К этому времени одна из ушедших лодок вернулась и, бросив якорь рядом с горевшей лодкой, стала забирать оттуда людей. Им удалось снять всех, кроме убитых и тяжело раненых. Покидавшие лодку солдаты служили нам отличной мишенью и мы успели перестрелять многих из них. При этом был ранен их военачальник. Тут подошла еще одна лодка и бросила якорь, однако он не удержался и лодку вынесло на берег. Подошедшие в первой лодке обрубали концы и пошли на веслах вниз по реке, не сделав ни малейшей попытки помочь своим товарищам. Мы обстреляли оставшуюся лодку, несколько раз перезаряжая ружья. Нам не ответили. Решив, что они испугались или их слишком мало на борту, я отдал приказ захватить лодку. Но когда мы приблизились, они-таки открыли огонь и убили двух воинов, чем и ограничились наши потери в этой схватке. Несколько солдат выпрыгнули на берег и столкнули лодку в воду. Так им удалось уйти, не потеряв ни единого человека. Очевидно, военачальник у них оказался лучше, чем у тех других. Я бы с удовольствием пожал ему руку.

Не успели мы загасить огонь на захваченной лодке, чтобы спасти груз, как на реке показался ялик. Воины мои стали кричать, что это курьер из Прери-дю-Шейен. Мы подняли английский флаг, но ялик не пристал к берегу. Развернувшись, он стал удаляться вверх по реке. Мы послали ему вдогонку несколько выстрелов, но он уже был вне досягаемости наших пуль.

На борту лодки я нашел несколько бочонков виски. Выбив у них днища, я вылил на землю всю эту отраву! Еще я там обнаружил ящик, полный маленьких бутылочек и коробочек. Это, вероятно, тоже была отравка, с помощью которой лекари убивают белых людей, когда те заболеют. Я выбросил все это в реку. В лодке были также ружья, одежда и полотняные палатки. Все это я раздал своим воинам. Похоронив убитых, мы возвратились в деревню фоксов на Рок-Айленде, где раскинули свои новые палатки и водрузили английский флаг. Многие из наших воинов обрядились в захваченную одежду и наша стоянка стала напоминать военный лагерь бледнолицых. Расставив дозорных, мы начали пляску на добытых скальпах. Вскоре мимо нас вниз по течению прошло несколько лодок и среди них одно большое судно

с пушками. Наши юноши преследовали их некоторое время, но пули их не достигали цели, и солдаты отделились легким испугом. Мы поняли, что форт в Преридю-Шейен был захвачен, так как на судне находились те самые солдаты, которые строили форт.

Днем на реке появилась маленькая лодка англичан. Они преследовали большое судно в надежде, что оно застрянет на порогах и им удастся захватить его. Ранее они предложили экипажу сдаться, но те отказались. Теперь же, когда судно благополучно миновало пороги, все надежды захватить его растаяли.

Англичане выгрузили на берег пушку и оставили при ней трех солдат. Они похвалили нас за храбрость, проявленную при захвате лодки, и рассказали, что произошло в Преридю-Шейен. Преподнеся нам бочонок рома, они вместе с нами праздновали победу и танцевали. Мы отдали им кое-что из захваченного в лодке, в частности, бумаги и книги. На следующее утро англичане покинули лагерь, пообещав вернуться через несколько дней с подкреплением.

По их отъезде мы принялись за работу и, руководимые оставшимися солдатами, вырыли ямы для пушки и тех, кто будет из нее стрелять. Разведчики, посланные вниз по течению реки, донесли через гонца, что к нам приближается несколько лодок с солдатами. Нам еще не приходилось сталкиваться с американцами в открытом бою и мы горели желанием сразиться с ними. Построившись, мы ожидали их приближения. Лодки показались только вечером и пристали к небольшому острову, поросшему ивой, как раз против нас. Ночью мы перекатали пушку вниз и на рассвете открыли огонь. С радостью мы отмечали, что чуть ли не каждый наш выстрел достигает цели. Наблюдая, с какой поспешностью солдаты отчаливали от острова, я с нетерпением ждал начала боя. Трудно передать, как я был раздосадован, когда увидел, что все лодки устремились вниз по реке. Несколько воинов последовало за ними, чтобы посмотреть, где они пристанут, но они не останавливались до самого Де-Мойна и высадились уже за порогами, где и приступили к постройке форта*.

С небольшим отрядом воинов я выступил в том направлении. Строительство форта в этих местах могло помешать нашей зимней охоте: в Двуречье находились лучшие охотничьи угодья, и осенью мы как раз собирались отправиться туда. Вечером мы добрались до форта

и заночевали на вершине высокого холма. Костер не разводили из страха быть замеченными. Всю ночь наши юноши по очереди стояли в дозоре. Изрядно устав за день, я вскоре заснул. Во сне ко мне явился Великий Дух и повелел спуститься к подножью холма и подойти к ручью. Там я найду поваленное дуплистое дерево, в вершине которого прячется большая змея. В той стороне, куда смотрят ее глаза, и будет находиться безоружный враг.

Утром я рассказал своим воинам о повелении Великого Духа. Вместе с одним из них мы спустились в лошину, которая вела к ручью, и вскоре вышли к строящемуся на холме форту. Я увидел там множество людей. Со всей возможной осторожностью мы проползли, скрываясь в траве, под самым холмом и достигли берега ручья. Там лежало поваленное дерево и у его вершины я увидел змею, которая, подняв голову, смотрела на противоположный берег ручья. Я осторожно приподнялся и увидел, что на той стороне, почти против меня, прогуливаются под руку два безоружных офицера. Они пошли было в сторону форта, однако вскоре вернулись и зашагали к тому месту, где скрывались мы, но не дошли до него. Пройди они чуть дальше, участь их была бы решена — наши винтовки были наготове. Перейдя ручей, мы спрятались в кустах на берегу. Я снова поднялся, чтобы посмотреть, не идут ли они обратно, но они направились в форт и тем самым спасли себе жизнь.

Мы снова перешли ручей и я стал возвращаться той же ложиной. Мой же товарищ двинулся вниз по течению ручья. Поднимаясь на холм, я мог видеть работающих солдат, а у подножья холма, там, где ручей впадал в реку, — прохаживающегося часового. К нему подбирался мой воин, и я, затаив дыхание, стал следить за ними. Часовой все время ходил из стороны в сторону, но вдруг остановился и посмотрел туда, где скрывался воин. Тот замер и лежал, не шелохнувшись, в траве, но как только часовой отвернулся, чтобы продолжить свой путь, раздался выстрел и он упал. Я посмотрел в сторону форта и увидел, что там царит смятение, — солдаты забегали в разных направлениях, некоторые бросились вниз по крутому берегу к лодкам. В это время мой товарищ присоединился ко мне и мы вместе вернулись к отряду. Сразу же снялись мы с места и вскоре благополучно возвратились в свою деревню на реке Рок. Там я повесил свой амулет и убрал подальше ружье и копье — мне

больше не хотелось затевать войну с белыми, пока они сами не вызовут меня на это. До весны не случилось ничего примечательного, кроме того, что форт за порогами был покинут американцами и сожжен.

Вскоре после моего возвращения с зимней охоты мы получили известие, что англичане заключили мир с американцами и от нас требуется то же самое, для чего нас приглашают в Портаж-де-Сиу*. Мнения разделились: одни советовали нам идти, другие были решительно против. На-майт, наш главный вождь, решил идти, как только с Майнса подойдут фоксы. Они пришли, и все вместе мы отправились в путь. Однако на полдороге наш вождь заболел и мы вынуждены были остановиться в селении на реке Гендерсон. Фоксы пошли дальше и мы собирались последовать за ними, как только нашему вождю станет лучше. Однако ему становилось все хуже и хуже, и вскоре он умер. Главным вождем стал его брат. Он отказался идти дальше, заявив, что опасается, как бы его не постигла судьба брата. Такое опасение было вполне обосновано, и мы решили повернуть обратно.

Фоксы, вернувшись, рассказали нам, что они выкурили трубку мира с американцами и те, вероятно, пойдут на нас войной, потому что мы так и не явились. Этому я не поверил — ведь американцы всегда терпели поражение при столкновениях с нами.

Осенью у нас в деревне появился Ла Гатри и другие английские торговцы. Он велел нам идти и заключить мир — таково было желание нашего английского отца. Он также посоветовал нам идти на зиму в Двуречье*: там никто не охотился уже несколько лет и дичь водилась в изобилии. Узнав, что в Рапидс-де-Мойн прибыл главный американский военачальник с войсками, чтобы построить там форт, мы решили пойти туда вместе с торговцами и объяснить, почему мы не смогли прийти раньше. У порогов торговцы оставили все свои товары и лодки, кроме той, на которой они отвезли нас к американцам. Мы посетили их военачальника (он расположился на борту судна) и рассказали ему, что нам помешало появиться раньше. Вид у него был очень рассерженный и он долго говорил что-то Ла Гатри. Я спросил у торговца, что сказал ему начальник, и узнал, что тот грозился повесить Ла Гатри на рее своего корабля.

«Но ему не испугать меня», — заметил торговец. — «Он не посмеет исполнить свою угрозу. Как британский подданный, я сделал все, что мог».

Тогда я обратился к военачальнику с просьбой разрешить нам и меномони* охотиться в Двуречье. Он согласился, но велел нам уйти оттуда до ледостава, чтобы мы не зимовали под самым фортом. Под конец он спросил, зачем с нами идут меномони. Я не знал, что ответить, и сказал, что у них много красивых скво* и поэтому мы хотим, чтобы они шли с нами. На это он ничего не возразил. Мы все отправились вниз по реке и оставались там всю зиму, как и намеревались вначале. Охота была удачной. Торговцы доверху загрузили лодки нашей пушниной и направились в Макинак, мы же вернулись в свою деревню.

В свое время я забыл упомянуть об одном обстоятельстве, касающемся моего друга Гомо, вождя племени поттоватоми. Как-то раз, когда он гостил у меня на реке Рок, я услышал от него следующую историю:

«В Пеории сейчас очень хороший военачальник: он всегда говорит правду и не притесняет наших людей. Однажды он послал за мной и, посетовав, что провизия у него на исходе, попросил меня послать людей поохотиться для форта. Пообещав ему это, я сразу же возвратился в лагерь и передал нашим людям пожелание военачальника. Они с радостью согласились помочь нашему другу и вскоре вернулись с двадцатью оленями, которых и положили у ворот форта. Через несколько дней я вновь отправился в форт, чтобы узнать, довольно ли им принесенного мяса. Мне дали пороха и свинца и попросили продолжить охоту. Вернувшись в лагерь, я сказал, что военачальник требует еще мяса. Тогда Ма-та-та, один из моих лучших воинов, предложил идти за Иллинойс, где много дичи и можно хорошо поохотиться для нашего друга. Он взял с собой восемь охотников, с ними пошли также его жена и другие скво. На полпути к месту охоты они увидели белых людей, гнавших им навстречу стадо. Не подозревая об опасности (иначе они не стали бы попадаться на глаза белым), Ма-та-та свернул со своего пути, чтобы встретиться и поговорить с бледнолицыми. Как только те увидели наш отряд, они во весь опор поскакали ему навстречу. Ма-та-та отдал им свое ружье и попытался объяснить, что идет охотиться для американского военачальника и не имеет никаких враждебных намерений. Однако его речь была прервана выстрелами, которые ранили его. Чтобы не быть затоптанным лошадьми, Ма-та-та укрылся за обломившейся веткой дерева. Снова грянули выстрелы и на этот раз он был ранен

по-настоящему серьезно. Ма-та-та понял, что сейчас будет убит (если уже не был смертельно ранен), и, бросившись на ближайшего к нему бледнолицего, вырвал у него ружье и застрелил его. Потом он упал, обливаясь кровью, и тотчас же умер.

Напуганные судьбой своего товарища, остальные охотники попытались спастись бегством. Белые стали преследовать их и перебили почти всех. Известие об этом мне принес мой младший брат, который был среди охотников, но получил лишь небольшую рану. Он рассказал, что белые побросали свой скот и вернулись в поселок. Остаток ночи мы провели, оплакивая наших несчастных товарищей.

Наутро я выкрасил себе лицо черной краской и отправился к военачальнику в форт. Встретив его у ворот, я рассказал обо всем, что произошло. Он изменился в лице, и я увидел, что он искренне опечален гибелью наших людей. Потом он стал уверять меня, что я, должно быть, ошибся, так как не мог поверить, что белые люди могут поступать столь жестоко. Но когда мне удалось убедить его, он сказал, что презренные трусы, убившие моих людей, будут наказаны. На это я ответил ему, что наши люди сами отомстят за все, и пусть он не беспокоится об этом — ни он, ни его солдаты ни в чем не виноваты. Мои воины отправятся на Уобаш и отомстят за смерть своих друзей и родных. На следующий день мы подстрелили нескольких оленей и оставили их у ворот форта».

На этом Гомо закончил свой рассказ. Я мог бы привести множество подобных историй, очевидцем которых мне приходилось быть, но не хочу вызывать из прошлого горькие воспоминания. Итак, я возвращаюсь к своему повествованию.

Когда главный военачальник в Сент-Луисе вновь пригласил нас подписать договор о мире, мы, не колеблясь, отправились в путь, чтобы выкурить с ним трубку мира. По случаю нашего прибытия белые вожди устроили большой совет. Они передали нам слова Великого Отца, который обвинил нас в ужасных преступлениях и дурном поведении и, прежде всего, в том, что мы не явились, когда нас пригласили в первый раз. Хорошо зная, что Великий Отец обманул нас и тем самым вынудил примкнуть к англичанам, мы не могли поверить, что это действительно его слова. Как военный вождь я не мог говорить, но другие наши вожди стали настаивать на том,

что все сказанное — ложь и Великий Отец не мог вести такие речи, зная, что он сам поставил нас в затруднительное положение. Белые вожди были очень рассержены таким ответом и заявили, что если мы будем наносить им оскорбления, они разорвут договор и пойдут на нас войной.

Наши вожди и не собирались оскорблять их, они просто хотели объяснить, что все сказанное не может быть правдой. Точно так же, как это делают белые, когда чему-нибудь не верят. После того, как мы все растолковали, совет продолжился и была раскурена трубка мира.

Тогда я впервые прикоснулся гусиным пером к договору, не подозревая, что тем самым я добровольно отказываюсь от своих земель. Знай я тогда, к чему это приведет, никогда бы не подписал такого договора. И мое последующее поведение целиком это подтверждает.

Что мы знаем о законах и обычаях белых людей? Они могут купить наши тела, чтобы изрезать их, а мы подпишем об этом договор, не зная, что творим. Именно так и произошло, когда мы впервые взяли в руки гусиные перья.

У нас с белыми, как мне кажется, совершенно разные представления о добре и зле. Белые могут поступать плохо всю жизнь, но стоит им только раскаяться в содеянном перед смертью, как они получают прощение сразу за все. У нас совсем по-другому: всю жизнь мы должны поступать так, как велят нам наши представления о добре. Если у нас есть кукуруза и мясо, и мы знаем, что есть семья, у которой этого нет, мы обязательно должны поделиться с ней. Если у нас больше одеял, чем нам нужно, а у других их не хватает, мы отдаем им излишек. Но о нашей жизни и обычаях я расскажу немного позже.

Расставшись с белыми вождями вполне по-дружески, мы отправились в свою деревню на реке Рок. Там мы обнаружили, что на Рок-Айленд прибыли войска и собираются там строить форт. По нашим понятиям, это противоречило тому, к чему нас призывали, и означало «подготовку к войне в мирное время». Однако мы не стали возражать против строительства форта, хотя и были порядком расстроены, так как это был лучший остров на Миссисипи, который много лет служил летним прибежищем для нашей молодежи. Там был наш сад (не хуже, чем у белых людей в их больших селениях),

где мы собирали землянику, чернику, крыжовник, сливы, яблоки и орехи. На порогах, которые окружали остров, мы ловили замечательную рыбу. В юности я провел на нем много счастливых дней. Остров охранял добрый дух, который жил в пещере среди скал, как раз рядом с тем местом, где сейчас стоит форт. Наши люди часто видели его: он был весь белый, с крыльями, как у лебедя, но раз в десять больше. Мы старались не шуметь в той части острова, где он обитал, чтобы не тревожить его. Но шум при строительстве форта спугнул его, и ничего удивительного, что его место занял злой дух.

Наша деревня находилась на северном берегу реки Рок в излучине между Рок и Миссисипи. Перед ней до самых берегов Миссисипи простирались прерии, а позади возвышался пологий холм. По склону холма вдоль Миссисипи тянулись наши кукурузные поля, поднимаясь вверх мили на две. Они граничили с землями фоксов, чья деревня располагалась в трех милях от нашей на берегу Миссисипи против нижней оконечности Рок-Айленда. У нас было около восьмисот акров вспаханной земли, включая острова на реке Рок. Вокруг деревни раскинулись прекрасные пастбища, поросшие мятликом. Из холма било несколько ключей, в которых мы брали воду. Пороги на реке Рок изобиловали рыбой, а тучная земля всегда приносила нам хорошие урожаи кукурузы, бобов, тыквы и кабачков. Всего у нас было вдоволь, дети наши никогда не плакали от голода и мы давно забыли, что такое нужда. Деревня наша стояла здесь уже более трехсот лет и все это время мы безраздельно владели долиной Миссисипи от Висконсина до Портжуде-Сиу в устье Миссури на протяжении около семисот миль.

В те времена мы почти не имели дела с белыми, за исключением торговцев. Деревня наша процветала и трудно было найти в том краю более благодатное место и лучшие охотничьи угодья. Если бы в те дни к нам в деревню явился еще один пророк и предсказал то, что случилось позднее, никто не поверил бы ему. Как можно! Изгнать нас с наших собственных земель, запретив даже приходить на могилы предков, родных и близких.

Белым не понять, какое это несчастье для нашего племени. У нас существует обычай приходить на могилы своих близких и поддерживать их в порядке много лет. Мать приходит поплакать в одиночестве на могиле ребенка. После успешного похода воин является на могилу

отца, чтобы заново раскрасить могильный столб. В горе мы всегда приходим туда, где лежат кости наших предков. Там Великий Дух являет нам свою милость.

Но как же изменилась наша жизнь с тех пор! Тогда мы были счастливы, как бизоны на бескрайних равнинах, сейчас же мы подобны угрюмым волкам, чей голодный вой разносится над прериями. Но я опять отклонился от темы моего повествования. Сердце мое переполняют горькие чувства, которые ищут и не находят исхода.

Возвратившись в деревню после зимней охоты, мы обычно производили окончательный расчет с торговцами, всегда приходившими в это время. Мы нарочно приберегали лучшие меха для этой сделки. Среди торговцев постоянно царил соперничество, и мы всегда получали нужные нам товары задешево. По завершении мены торговцы обычно подносили нам несколько бочонков рома, обещанных еще с осени, чтобы мы с большим желанием ходили на охоту, чем на войну. Потом, нагруженные шкурами и пушниной, торговцы отправлялись по домам, а наши старички позволяли себе немного повеселиться (в те времена молодые воины никогда не прикасались к вину). Следующим важным делом было погребение мертвых, то есть всех тех, кто умер в течение года. Это очень важный и торжественный обряд. Родственники умерших раздают друзьям все свое имущество, ввергая себя в нищету. Этим они показывают Великому Духу свое смирение, надеясь, что он сжадется над ними. Потом мы открываем свои кладовые и достаем кукурузу и другую провизию, которая лежала там с осени. После этого приступаем к починке вигвамов. Как только с этой работой покончено, начинаем расчищать поля под кукурузу и чинить ограды вокруг участков. Посадкой кукурузы занимаются женщины. Мужчины в это время пируют, угощаясь сушеной олениной, медвежьим мясом, дикой птицей и различными яствами, приготовленными из кукурузы. За едой они рассказывают друг другу, как прошла зима.

Когда женщины покончат с кукурузой, мы устраиваем праздник, на котором исполняется пляска журавля. В ней участвуют и женщины, одетые в лучшие свои наряды и украшенные перьями. На этом празднике молодые воины выбирают себе будущих жен. После юноша рассказывает о своем выборе матери, та идет к матери девушки и они договариваются обо всем и назначают время, когда юноша должен прийти в дом невесты. Он

приходит в ее вигвам, когда все спят (или притворяются, что спят), зажигает спички, нарочно оставленные для этой цели, и вскоре находит место, где спит его избранница. Он будит ее и освещает свое лицо, чтобы она узнала его, а затем подносит огонь к ее лицу. Если девушка задует огонь, церемония заканчивается и утром юноша появляется в вигваме уже как член семьи. Если же она оставит огонь непогашенным, юноша покидает вигвам. Однако на следующий день он вновь появляется у ее дома и начинает играть на флейте. Молодые женщины по одной выходят из вигвама, чтобы посмотреть, для кого он играет. При их появлении юноша меняет мелодию, чтобы показать, что его игра предназначена не для них. Когда же у выхода появляется его избранница, юноша продолжает наигрывать ту же любовную мелодию до тех пор, пока она не возвратится в вигвам. Тогда он прекращает игру и ночью предпринимает еще одну попытку, которая обычно увенчивается успехом.

В течение первого года совместной жизни супруги решают, смогут ли они поладить друг с другом и жить счастливо. Если нет — они расстаются и каждый снова ищет себе друга жизни. Жить вместе и ссориться — так глупо могут поступать только белые. Даже самое необдуманное поведение не лишает женщину права жить под родительским кровом. Сколько бы детей ни привела она домой, ей всегда будут рады и тотчас же на огне весело закипит котел, чтобы накормить их всех.

Пляска журавля длится два-три дня, а затем следует еще один праздник, на котором исполняется обрядовый танец нашего племени. Для этой цели в деревне расчищается большая квадратная площадка. Вожди и старые воины садятся на циновки в верхней части площадки, барабанщики и певцы становятся рядом, а воины и женщины располагаются по ее сторонам, оставляя в середине свободное пространство. Раздается бой барабанов, и певцы заводят песню. На площадку выходит воин, двигаясь в такт музыке. Он изображает свою схватку с врагом: вот он подкрадывается к противнику, наносит удар и поражает его. Все хлопают в ладоши в знак одобрения. Потом его место занимает другой воин. Юноши, ни разу не побывавшие в военном походе, стоят пристыженно в стороне — они не имеют права войти в круг. Помню, как сам я не осмеливался даже взглянуть в ту сторону, где стояли женщины, пока не получил право входить в круг, как настоящий воин.

Какая радость для старого воина увидеть, как его сын выходит вперед и рассказывает в танце о своих подвигах. Он снова чувствует себя молодым и сам вступает в круг, чтобы еще раз пережить свои былые победы.

Танец племени воспитывает настоящих воинов. Прошлым летом, когда я плыл на пароходе по большой реке из Нью-Йорка в Олбани, мне показали место, где американцы исполняют свой национальный танец (Уэст-Пойнт). Старые воины рассказывают в танце о своих былых подвигах, побуждая молодежь брать с них пример. Это весьма удивило меня — я не ожидал, что белые воспитывают своих воинов так же, как и мы.

Когда заканчиваются весенние праздники, наступает время рыхлить и полоть кукурузу, и как только стебли поднимутся до высоты колена, все молодые мужчины племени уходят в ту сторону, где садится солнце, чтобы начать охоту на оленей и бизонов, не упуская при этом случая настигнуть и сиу, если те окажутся в наших местах охоты. Часть стариков и женщины отправляются на свинцовые копи, а остальные уходят ловить рыбу и плести циновки. Все покидают деревню и она пустует около сорока дней. Потом люди начинают возвращаться домой. Охотники приносят сушеное оленьё и бизонье мясо, а иногда и скальпы сиу, если те имели неосторожность вторгнуться в наши охотничьи угодья. Бывает и так, что наши охотники наталкиваются на отряд сиу, значительно превосходящий их в силе, и тогда принуждены бывают отступить. Если в последней стычке были убиты саки, то сиу, ожидая мести, будут при встрече с ними спасаться бегством, и наоборот. Каждая из сторон знает, что противник имеет право мстить, и поэтому при встрече отступают те, кто в прошлый раз поразил врага. Только месть за родственников может побудить к смертельной схватке. Вражда между родственниками убитых и вторжение в чужие места охоты — вот основные причины наших войн.

Возвратившиеся из копей приносят свинец, а остальные — сушеную рыбу и циновки для зимних вигвамов. Каждая группа преподносит другим свои подарки. Охотники дарят сушеное оленьё и бизонье мясо, а взамен получают свинец, сушеную рыбу и циновки.

Наступает самое лучшее время в году, когда у нас всего бывает вдоволь: вырастают бобы и кабачки, запасы сушеного мяса и рыба. Все лето до самого созревания кукурузы мы пируем, веселимся и ходим друг к

другу в гости. Некоторые семьи ежедневно устраивают празднества, чтобы почтить Великого Духа. Боюсь, что белым людям это не совсем понятно, но у нас нет на этот счет каких-то определенных правил. Чтобы восславить Великого Духа, в чьей власти находятся все живые существа, каждый может устроить свой собственный праздник. Некоторые верят, что есть два Духа — добрый и злой, и устраивают праздники для злого, чтобы умиротворить его. Ведь Добрый Дух и так их не обидит. Сам я считаю, что наш разум должен помогать нам отличать дурное от хорошего. Мы призваны следовать по тому пути, который нам кажется правильным, и не сомневаться в его истинности. Если бы Великий и Добрый Дух пожелал, чтобы мы думали и поступали, как белые, он бы с легкостью изменил наши взгляды, и мы перестали бы отличаться от них. Ведь его могущество безгранично и мы знаем об этом, и можем ощущать это на каждом шагу. Среди нас есть люди, которые, подобно бледнолицым, притворяются, будто знают верный путь, но никогда не укажут его бескорыстно. Я не верю их знанию и считаю, что каждый человек должен прокладывать свой собственный путь.

Когда подходит время созревания кукурузы, наша молодежь с нетерпением ожидает сигнала к началу сбора початков, — до этого никто не смеет прикоснуться к ним. Сбор кукурузы сопровождается большим праздником, на котором мы возносим благодарность Великому Духу.

Здесь я расскажу, как у нас появилась кукуруза. Как гласит предание, двое охотников нашего племени сидели как-то раз у костра и жарили мясо убитого ими оленя. Вдруг они увидели, как с облаков на землю слетела прекрасная женщина. Охотники были весьма изумлены ее появлением и решили, что она, должно быть, голодна и почувствовала запах мяса. Приблизившись, они поднесли ей кусок жареной оленины. Она съела его и велела им прийти на это место в конце года, и тогда они будут вознаграждены за свою доброту и щедрость. Потом она вознеслась к облакам и исчезла. Возвратившись в деревню, охотники рассказали, что с ними произошло, но люди только посмеялись над ними. Когда настало время, назначенное прекрасной женщиной с облаков для получения награды, охотники отправились к этому необыкновенному месту с большим отрядом. Там, где земли коснулась ее правая рука, росла кукуруза,

там, где земли коснулась ее левая рука, росли бобы, а там, где она сидела, вырос табак.

С тех самых пор кукуруза и бобы стали нашей главной пищей, а табак мы приспособили для курения. Табак пришелся по вкусу и белым людям и они употребляют его самым различным способом — и курят, и нюхают, и жуют.

Мы благодарны Великому Духу за все блага, которыми он одарил нас. Сам я и глотка воды не выпью без того, чтобы не вспомнить о его благодеяниях.

Позже мы устраиваем большую игру в мяч — в ней обычно принимает участие от трехсот до пятисот человек с каждой стороны. Мы играем на лошадях, ружья, одеяла и иное свое имущество. Выигравшая сторона забирает заклад и все мирно расходится по вигвамам.

У нас также бывают скачки и так мы предаемся играм и развлечениям, пока не будет собрана вся кукуруза. Тогда мы начинаем готовиться к охоте. В это время приезжают торговцы и дают нам в долг одежду для наших семей и все необходимое для охоты. Сначала мы, правда, договариваемся с ними о ценах, по которым они будут покупать нашу пушнину и продавать нам свои товары. Мы указываем им место своей предстоящей охоты и говорим, где они должны построить свои фабрики. Там мы оставляем стариков и часть кукурузы. Торговцы относятся к ним с большим почтением и всегда помогают в случае нужды. Торговцы издавна пользовались уважением у нас в народе и не было случая, чтобы хоть один из них был убит людьми нашего племени.

На охоту мы ходим обычно маленькими партиями и по завершении ее приносим шкуры в фабрику и остаемся там, коротая время за картами и другими играми, почти до самого конца зимы. Затем наши юноши отправляются охотиться на бобров, кто-то идет добывать енотов и ондатр, а остальные уходят варить сахар. Все покидают фабрику, предварительно договорившись о месте встречи на Миссисипи. Оттуда мы все вместе возвратимся весной в деревню.

Варка сахара всегда была для нас приятным занятием. Дичи в это время бывает много и мы живем, ни в чем не нуждаясь, и даже закатываем пиры, когда на сахароварню приходят охотники. Весной мы возвращаемся в деревню, а иногда с нами туда приходят и торговцы. Вот так мы и жили год за годом. Но увы! Те счастливые времена давно прошли.

Возвратившись весной с охоты, я с радостью узнал, что мой старый приятель, торговец из Пеории, пожаловал на Рок-Айленд. Он приплыл на лодке из Сент-Луиса, но уже не как торговец, а как наш агент. Мы были очень рады его видеть. Он рассказал нам, как едва не попал в лапы Диксону. Мой приятель пробыл у нас совсем немного времени, и, дав на прощанье несколько дельных советов, возвратился в Сент-Луис.

Летом в ответ на грабительские набеги сну мы разослали несколько военных отрядов и им удалось убить четырнадцать человек из этого племени. В течение лета я несколько раз приходил в форт Армстронг и неизменно находил там теплый прием. Однако в деревне у нас было не все в порядке. Наши люди стали больше пить. Я попытался употребить все свое влияние, чтобы остановить пьянство, но ничего не смог поделать. Чем ближе подходили к нам поселки белых людей, тем хуже становился наш народ. Многие из нашего племени, вместо того, чтобы идти на свои старые охотничьи места, где дичь водилась в изобилии, охотились рядом с поселками белых и не сохраняли добытые меха, чтобы расплатиться с торговцами за товары, а отдавали их поселенцам в обмен на виски, так что весной их семьи возвращались в деревню чуть ли не голыми и без всяких средств к существованию.

Как раз в это время заболел и умер мой старший сын. Он всегда был хорошим и послушным сыном и уже вступал в возраст взрослого мужчины. Вскоре после этого умерла и моя младшая дочь, забавная и милая девочка. Я очень любил своих детей, и для меня их смерть была тяжелым ударом. В горе покинул я нашу шумную деревню и поставил свой вигвам на холме посреди кукурузного поля. Вигвам я обнес изгородью, а вокруг посадил кукурузу и бобы. Здесь наша семья и поселилась в полном одиночестве. Я раздал все свое имущество и жил в нищете. Единственной моей одеждой была рубаша из бизоньей кожи. Оплакивая потерянных детей, я два года покрывал черной краской лицо и постился — пил только воду и на закате дня съедал немного вареной кукурузы, надеясь таким образом умилишить Великого Духа.

В то время у нас осложнились отношения с племенем айова, несмотря на наше желание жить с ними в мире. Когда наши воины убивали кого-нибудь из айова, мы всегда преподносили богатые подарки родственникам

убитого, чтобы сохранить добрые отношения с этим племенем. Но на последнем совете с ними мы дали обещание, что, если кто-нибудь из их людей будет убит нашими воинами, мы вместо подарков выдадим им того, кто в этом убийстве повинен. Несмотря на то, что мы известили об этом решении все племя, следующей же зимой наш юноша убил одного из айова.

Немедленно в нашей деревне был собран отряд, чтобы привести к айова виновного. Я согласился идти с ними. Когда мы были готовы выступить, я зашел в вигвам за юношей. Он был болен, но выразил готовность идти с нами. Однако его брат стал возражать и вызвался принять наказание вместо него, поскольку сам виновник был не в состоянии проделать такой большой путь. Семь дней мы были в дороге, пока наконец не достигли деревни племени айова. Не доезжая до нее, мы остановились и сошли с лошадей. Попрощавшись с нами, молодой воин один вошел в деревню, распевая песню смерти, и сел на площади посередине деревни. К нам вышел один из вождей айова. Мы сказали ему, что выполнили свое обещание: привели к ним брата того юноши, который убил одного из их людей. Сам виновник болен и не может двигаться, поэтому за него вызвался идти его брат. Не вступая в дальнейший разговор, мы сели на лошадей и поскакали прочь. Когда мы отъезжали, я бросил последний взгляд на деревню и увидел, как с копьями и палицами из вигвамов выбегают воины айова. Мы отправились в обратный путь и ехали, не останавливаясь, до самого вечера. Не успели мы разбить лагерь и развести костер, как послышался приближающийся конский топот. Мы схватились за оружие, ожидая схватки с врагом, но вместо этого увидели нашего молодого воина с двумя лошадьми. Он рассказал, что после того, как мы оставили его, айова сначала стали угрожать ему смертью, но потом накормили, выкурили с ним трубку, подарили двух лошадей и разные товары и отпустили домой. Когда мы приехали в деревню, все люди племени были очень рады такому исходу. Благородство и щедрость айова настолько поразили нас всех, что с тех пор ни один человек из их племени не пострадал от нашего народа.

Осенью я с небольшим отрядом направился в Молден, где нас радушно встретил наш английский отец и преподнес нам множество даров. Он также вручил мне медаль, сказав при этом, что никогда более англичане не будут воевать с американцами. Но в знак благодарности за

нашу верность англичанам в прошлой войне он будет и впредь каждый год преподносить нам подарки, как в свое время обещал мне полковник Диксон.

Той зимой я охотился в Двуречье. Белые быстро заселяли эту местность. Однажды, когда я охотился в долине реки, мне повстречались трое бледнолицых. Они стали обвинять меня в том, что я убил их свиней. Я отрицал это, но они не слушали меня. Один из них выхватил у меня из рук ружье, разрядил его и вытащил кремь. Отдав ружье, они велели мне убираться и стали избивать палками. Я был весь в синяках и не мог спать несколько ночей.

Спустя некоторое время после этого происшествия один из людей моего лагеря срубил борт и принес мед в свой вигвам. Скоро появилось несколько белых, которые заявили, что это их борт и он не имел права ее срубить. Тогда мой человек отдал им мед, но этого им показалось мало и они унесли шкуры, которые он собирал всю зиму, чтобы расплатиться с торговцем и одеть свою семью весной.

Разве можно было любить людей, которые относились к нам столь несправедливо? Мы решили снять свой лагерь, чтобы с нами не произошло чего-нибудь похуже. Когда весной мы снова собрались вместе, многие жаловались на подобное к ним отношение.

Летом на Рок-Айленд приехал наш агент. Он относился к нам очень по-дружески и давал разумные советы. В течение лета я часто навещал его и торговца и тогда впервые услышал разговоры о нашем выселении из родной деревни. Торговец объяснил мне, что в соответствии с условиями заключенного нами договора мы должны покинуть земли на Миссисипи со стороны Иллинойса. Он посоветовал нам выбрать другое место для своей деревни и перебраться туда весной. Если мы останемся в своей деревне на реке Рок, нас ожидают большие неприятности. Пользуясь своим большим влиянием на главного вождя фоксов, который был его сводным братом, торговец убедил его оставить свою деревню и переселиться на западный берег Миссисипи, что тот и сделал следующей весной.

Тогда только и разговору было, что о нашем переселении. Ке-о-кука удалось склонить к согласию, и он употреблял все свое влияние, чтобы заставить народ следовать за ним. Командир форта Армстронг, наш агент и торговец с Рок-Айленда всячески помогали ему в этом.

Ке-о-кук послал в деревню глашатая, чтобы тот объявил нашему народу, что он должен исполнить волю Великого Отца и покинуть западный берег Миссисипи. Новую деревню он предложил построить на Айове и настаивал, чтобы это было сделано до начала зимней охоты, так чтобы весной уже не было необходимости возвращаться на старое место.

Противники переселения стали спрашивать мое мнение — и я высказал его. Кваш-ква-ме уверил меня, что он никогда не давал своего согласия на продажу наших земель. Я решил поддержать тех, кто возражал против переселения, и мы высказались против намерений Ке-о-кука, полные решимости не покидать свою деревню. Я переговорил с Ке-о-куком, чтобы выяснить, нельзя ли будет уладить это дело с Великим Отцом, и посоветовал ему предложить любые другие земли (даже наши свинцовые копи), только бы нам разрешили сохранить за собой небольшой участок, где стоит наша деревня и простираются наши поля.

Тогда я считал, что у белых достаточно земли, и они не станут отнимать у нас деревню. Ке-о-кук пообещал договориться о замене и обратился к нашему агенту и главному начальнику в Сент-Луисе, которому подчинялись все агенты, за разрешением поехать в Вашингтон, чтобы повидать Великого Отца и все уладить. Мы успокоились на некоторое время и отправились в места охоты в надежде, что нам пойдут навстречу.

Зимой я узнал, что в нашу деревню приехали три семьи бледнолицых, сломали часть наших вигвамов и стали возводить изгороди, чтобы поделить наши поля между собой. При этом они отчаянно ссорились из-за раздела. Я немедленно отправился на Рок и через десять дней пути обнаружил, что сведения эти были верны. Мой вигвам был занят белой семьей. Я хотел поговорить с ними, но они не понимали меня. Тогда я пошел на Рок-Айленд и сообщил переводчику (агента не было на месте) то, что собирался сказать этим людям: они не должны селиться на этой земле и ломать наши вигвамы и изгороди — в этой стране достаточно других мест, где они могут обосноваться — они должны покинуть нашу деревню, потому что весной мы возвратимся в нее. Переводчик написал мне бумагу и я отправился назад в деревню и показал ее пришельцам, однако не понял, что они ответили мне. Тем не менее, я ожидал, что они внимут моей просьбе и уйдут. Вернувшись на Рок-Ай-

ленд, я имел долгий разговор с торговцем. Он опять советовал мне уступить и построить деревню на Айове, как это собирался сделать Ке-о-кук. Я ответил ему отказом.

На следующее утро я переходил Миссисипи по очень тонкому льду, однако Великий Дух сделал его таким прочным, что я вполне благополучно добрался до берега. Я проделал трехдневный путь, чтобы увидеть агента виннебагов и поговорить с ним о наших затруднениях, однако он обрадовал меня не больше, чем наш торговец. Тогда я решил идти к пророку, так как верил, что ему дано знать и понимать многое. Когда мы встретились, я рассказал ему о наших неприятностях, ничего не скрывая. Он сразу же поддержал меня и велел ни в коем случае не отдавать деревню белым, чтобы спасти могилы наших предков от разорения. Он сказал, что если мы останемся в своей деревне, белые не тронут нас, и посоветовал мне уговорить Ке-о-кука и его сторонников не ходить весной на Айову, а вернуться в нашу деревню.

После месячного отсутствия я вернулся в наш охотничий лагерь и рассказал обо всем, что видел и слышал. Вскоре мы уже подходили к своей деревне. Там мы обнаружили, что белые не только не покинули ее, а наоборот, к ним присоединились новые поселенцы и большая часть наших полей уже огорожена ими. Белые были очень недовольны нашим возвращением. Мы, тем не менее, начали чинить свои старые вигвамы и ставить новые. Вернулся Ке-о-кук и стал по-прежнему звать нас на Айову. Он ничего не добился в Вашингтоне и нам не разрешили ни остаться, ни отдать взамен другие земли. Мы больше не были друзьями. Я считал, что только трус способен так легко уступить свою деревню пришельцам. Какое право имели эти люди захватывать деревню и поля, принадлежащие нам по воле Великого Духа?

Мой разум говорил мне, что землю нельзя продавать. Великий Дух дал ее своим детям, чтобы они жили на ней и обрабатывали ее ради своего пропитания. И они имеют права на те земли, где они живут и трудятся. Если же они добровольно покинут свои земли, другие люди имеют право прийти и занять их. Продается только то, что можно унести с собой.

После того, что пришельцы сделали с нашими полями, мы с большим трудом могли отыскать свободный клочок земли, чтобы посадить хоть немного кукурузы. Несколько белых поселенцев разрешило нам засадить небольшие

участки на огороженных ими полях, оставив себе все лучшие земли. Наши женщины, непривычные к их изгородям, постоянно мучались, перелезая через них, а если им случалось сбить перекладину, на них обрушивался гнев поселенцев.

Одному из моих старых друзей повезло. Его поле находилось на маленьком острове посреди реки. Он засадил его кукурузой и она дружно взошла. Но вскоре этот остров попался на глаза белому поселенцу и он, перепахав кукурузу, засеял его для себя. Старик горько плакал — ведь он знал, какие бедствия ожидают его семью, если она останется без кукурузы.

Белые люди привезли с собой виски и спаивали наших людей, выманивая у них лошадей, ружья и капканы. Их мошенничество достигло таких пределов, что я опасался серьезных осложнений, если этому не будет положен конец. Поэтому я обошел всех белых поселенцев, умоляя их не продавать виски нашим людям. Тем не менее, один из них продолжал это делать открыто. Прихватив с собой несколько воинов, я пришел к нему в дом и, выбив дно у бочонка, вылил все его виски. Я сделал это из опасения, что мои люди, напившись пьяными, могут убить кого-нибудь из белых. Белые поселенцы относились к нам очень плохо. Один из них жестоко избил нашу женщину только за то, что она сорвала несколько побегов кукурузы на его поле, чтобы утолить голод. В другой раз наш юноша был избит дубинками за то, что снял изгородь с дороги, чтобы провести свою лошадь. У него была сломана ключица и все тело покрыто синяками. Вскоре он умер.

Однако ни один белый не пострадал от моих людей, несмотря на всю их жестокость по отношению к нам. Полагаю, это было достаточным свидетельством нашего миролюбия. Мы позволили, чтобы какие-то десять человек завладели нашими полями, не давали нам сажать кукурузу, обижали наших женщин и забивали до смерти наших мужчин, не встречая сопротивления своей варварской жестокости. Белые могли бы поучиться у нас, как терпеливо сносить обиды.

Мы постоянно ставили в известность нашего агента, а через него и главного начальника в Сент-Луисе, обо всех своих невзгодах, надеясь, что они сделают хоть что-нибудь для нас. И в то же самое время белые поселенцы жаловались, что мы посягаем на их права! Они выставляли себя обиженной стороной, а нас —

пришельцами, незаконно вторгнувшимися в чужие владения, и громко призывали главного военачальника защитить их собственность!

Как же коварен язык бледнолицых, если они могут добро обратить во зло, а зло выдавать за добро.

Летом я оказался на Рок-Айленде в то время, когда туда приехал очень большой начальник (мне он был известен как главный начальник Иллинойса) — губернатор Коул. С ним был другой начальник, который, как мне сказали, славился своим знанием законов (судья Дж. Холл). Я пришел к ним и попросил выслушать мой рассказ о притеснениях, которым подвергался мой народ, надеясь, что они смогут помочь нам. Однако большой начальник был не склонен беседовать со мной. Он сказал, что он больше не главный в Иллинойсе, — его дети избрали себе другого отца. Я был весьма изумлен этими словами, так как всегда знал его как честного, храброго и достойного вождя. Но белые люди никогда не бывают довольны. Если у них появится хороший отец, они созывают совет (мысль об этом подает обычно какой-нибудь дурной тщеславный человек, который сам метит на это место), на котором решают, что этот или какой-нибудь другой, не менее тщеславный, человек будет им лучшим отцом, чем тот, которого они имеют. И в девяти случаях из десяти они, конечно прогадывают.

Все же я настоял, чтобы эти двое выслушали меня. Свою речь я начал с договора, заключенного Кваш-кваше и тремя нашими воинами, представив его значение так, как мне объяснил торговец и другие белые. Затем я рассказал, что Кваш-кваше и его люди начисто отрицают, что они продали нашу деревню. И поскольку я знаю, что они никогда не лгут, то решил не отдавать ее никому.

Я рассказал, как белые люди приходят к нам в деревню, сжигают наши вигвамы, ломают изгороди на наших полях, перепахивают нашу кукурузу, избивают наших людей; что они принесли с собой виски, чтобы спаивать наших людей и выманивать у них лошадей, ружья и капканы; что, несмотря на все обиды, ни один из моих воинов не поднял руку на белого человека.

Я пришел сюда, чтобы два больших начальника посоветовали мне, как поступить. Напрасно раз за разом обращался я к агенту. Хорошо зная о нашем бедственном положении, главный начальник в Сент-Луисе вместо того, чтобы искать справедливого решения у нашего

Великого Отца, как велит ему долг, продолжал повторять, что мы должны покинуть свои родные места, потому что там хотят жить белые поселенцы.

Я и подумать не мог, что Великий Отец захочет, чтобы мы покинули деревню, где прожили так долго и где покоились кости наших предков. На это большой начальник ответил, что, лишившись власти, он уже ничем не может помочь нам. Ему очень жаль, но он даже не знает, что посоветовать нам. Они оба ничего не могли сделать для нас и выглядели очень опечаленными. Тем не менее, я всегда буду рад пожать им руку.

Осенью перед началом охоты я зашел к нашему агенту в надежде, что у него могут быть для меня хорошие новости. Новости, действительно, были! Он сказал, что земля, на которой стоит наша деревня, будет распродана поселенцам и после этого в соответствии с договором мы потеряем право на ней оставаться. Если мы опять вернемся, нас выселят силой!

Зимой мы узнали, что часть нашей земли уже распродана и самый большой участок куплен торговцем с Рок-Айленда. Теперь я понял, почему он так уговаривал нас уйти. Он хотел сам завладеть нашими землями. В течение зимы мы несколько раз собирали советы, чтобы решить, как поступить дальше, и на одном из них постановили возвратиться в деревню, как обычно. Мы рассуждали, что если нас станут выселять силой, в этом будут повинны торговец, агент и другие поселенцы. А в этом случае они заслуживают смерти! Торговец был первым в этом списке. Он купил землю, на которой стоял мой вигвам и находились могилы наших предков. Не-а-поуп поклялся убить всех тех, кто пытался изгнать нас из родных мест: торговца и агента, переводчика и главного начальника в Сент-Луисе, командира форта Армстронг, военачальника на Рок-Айленде и Ке-о-кука.

Наши женщины получили неутешительные вести от поселившихся в новой деревне: рыхлить мотыгой неводеланную землю прерий было очень тяжело и кукурузы удалось собрать совсем мало. Мы тоже не могли похвастаться хорошим урожаем и впервые за все времена нашим людям не хватало провизии.

Мне удалось убедить некоторых сторонников Ке-о-кука возвратиться весной в нашу старую деревню на реке Рок. Однако сам Ке-о-кук не вернулся туда. Меня не оставляла надежда, что нам разрешат пойти в Вашингтон и уладить это дело с нашим Великим Отцом.

Когда я пришел к агенту на Рок-Айленд, он был очень недоволен нашим возвращением в деревню, и заявил, что мы должны убраться на западный берег Миссисипи. На это я ответил ему прямым отказом. Переводчик, которого я застал в его доме, посоветовал мне выполнить требование агента. От него я пошел к торговцу и стал упрекать его за то, что он скупил наши земли. На это он мне ответил, что, не купи их он, это сделал бы кто-нибудь другой, и если Великий Отец согласится на обмен с нами, он с готовностью вернет правительству всю приобретенную землю. Такое поведение нельзя было назвать бесчестным и я стал думать, что он не так уж плох, как нам казалось. Большая часть нашей деревни была сожжена и разрушена и нам пришлось ставить новые вигвамы и основательно чинить старые. Женщины наши отыскивали маленькие клочки земли, там где белые еще не успели поставить свои изгороди, засеяли их кукурузой и трудились, не покладая рук, чтобы вырастить хоть что-то для своих детей.

Мне сказали, что в соответствии с договором мы не имеем права оставаться на проданных землях и правительство может выселить нас силой. Однако продано было совсем немного земли и, поскольку большая часть ее все еще оставалась в руках у правительства, мы требовали, чтобы нам было предоставлено право «жить и охотиться на этих землях, пока они являются собственностью правительства», в соответствии с тем самым договором, в котором предусматривалось, что мы должны освободить землю только после того, как она будет продана. Мы хотели жить на этой земле и считали, что имеем на это полное право.

Прослышав, что на Уобаше сейчас находится большой начальник, я послал туда отряд, чтобы узнать о его мнении. Мои люди сообщили ему, что мы не продавали свою деревню. Он уверил их, что если мы не продали землю, на которой стоит наша деревня, Великий Отец никогда не отнимет ее у нас.

Побывал я и в Молдене у английского начальника. Он сказал то же, что и начальник на Уобаше. Надо отдать ему справедливость — его советы всегда были разумны. На этот раз он посоветовал мне обратиться к нашему американскому отцу, который, несомненно, поступит с нами по справедливости. Позже я разговаривал на эту тему с главным начальником в Детройте и получил от него такой же ответ. Он заявил, что если мы

не продавали своей земли и будем жить на ней в мире, никто нас не тронет. Его слова окончательно убедили меня в своей правоте и я решил держаться до конца, как того ожидали от меня наши люди.

Из Молдена я возвратился уже поздней осенью. Все мои люди ушли в места охоты и я последовал за ними. Там я узнал, что все лето белые всячески притесняли их, и что в Прери-дю-Шейен заключен новый договор. Ке-о-кук и еще несколько наших были там и узнали, что наш Великий Отец обменял узкую полосу земли из той, что была уступлена Кваш-ква-ме и его товарищами, на участок земли около Чикаго, принадлежащий поттоватоми. Теперь он хочет получить его обратно, для чего и заключает договор, по которому Соединенные Штаты обязуются вечно выплачивать поттоватоми по шестнадцати тысяч долларов ежегодно за небольшую полосу земли, которая раз в двадцать меньше того участка, который был отобран у нашего народа за тысячу долларов в год. Этого я никак не мог понять. Они говорят, что эта земля принадлежит Соединенным Штатам. Какой же тогда был смысл обменивать ее с поттоватоми, если она представляет такую ценность? Почему бы тогда не сохранить ее? Если же они поняли, что прогадали в этом обмене с поттоватоми, почему не возвратили себе землю по той же цене, которую они заплатили за нее нашему народу? Если за маленький клочок той земли, которую они забрали у нас за тысячу долларов в год, они готовы вечно платить поттоватоми по шестнадцать тысяч в год, то сколько же они должны нашему народу за землю в двадцать раз большую, чем этот клочок!

Образ мыслей белых людей уже не раз приводил меня в недоумение. Тогда же я впервые стал сомневаться, есть ли у них четкое представление о добре и зле.

С пророком я поддерживал тогда постоянную связь. Кроме того, были разосланы гонцы на Арканзас, Ред-Ривер и Техас. Это была секретная миссия, не связанная с нашими земельными осложнениями, о которой в настоящее время я не имею права говорить.

Мне доложили, что вожди фоксов были созваны в Прери-дю-Шейен на совет, чтобы разрешить какие-то разногласия, возникшие между ними и сиу. Девять вождей в сопровождении одной женщины отправились на место встречи, но около Висконсина на них напали меномони и сиу и перебили всех, кроме одного. Не буду подробно останавливаться на этом событии, так как о нем,

вероятно, сообщалось в газетах и белые люди достаточно хорошо осведомлены об этом.

Надо сказать, что в последние два года мы забыли об играх и развлечениях. Народ наш раскололся на два лагеря. Один из них возглавлял Ке-о-кук, который готов был отречься от наших прав ради благосклонного отношения белых и трусливо уступить им деревню. Во главе второго стоял я, полный решимости отстаивать нашу деревню, несмотря на все приказы покинуть ее. Поскольку ни я, ни мои люди не участвовали в продаже нашей земли и, как утверждает договор, могли оставаться на ней, пока она принадлежала Соединенным Штатам, я был уверен, что нас нельзя изгнать оттуда силой. Поэтому я и отказывался покинуть свою деревню. Здесь я родился и здесь покоятся кости моих друзей и родных. С благоговением отношусь я к их могилам и никогда не оставил бы их по доброй воле.

Когда пред моим мысленным взором проходят картины юности и более поздних дней и я вспоминаю, что они разворачивались там, где издавна жили мои предки, которые ныне почивают под окрестными холмами, никакие доводы не могут заставить меня уступить эту землю белым.

Зима прошла в унынии. Охота была неудачной — у нас не хватало ружей, капканов и всего того, что белые люди выманили у нас в обмен на виски. Будущее не сулило нам ничего хорошего. Я стал поститься и звать к Великому Духу, чтобы он направил меня на верный путь. Печаль не покидала меня — все белые, с которыми я дружил, давали мне советы, так сильно противоречившие моим собственным желаниям, что я стал сомневаться, есть ли у меня среди них хоть один настоящий друг.

Ке-о-кук, используя все свое красноречие, убеждал моих сторонников, что я поступаю опрометчиво, и сумел посеять среди них недовольство. Мне оставалось утешаться тем, что все женщины были на моей стороне: они не хотели уступать свои кукурузные поля.

Возвратившись в деревню, я обнаружил, что дела пошли еще хуже, а число моих сторонников увеличилось. Агент, которого я вновь посетил на Рок-Айленде, продолжал настаивать на нашем переселении. Он заявил, что если мы опять откажемся, в деревню будут присланы войска и нас выселят силой. Чтобы избежать новых неприятностей и обрести наконец покой, нам лучше всего

присоединиться к остальным и жить одним народом. Его поддержал переводчик, который привел столько разумных доводов в пользу переселения, что я невольно усомнился в правильности сделанного выбора и чуть было не пожалел о принятых на себя обязательствах. В таком настроении я отправился к торговцу, так долго бывшему мне другом, но сейчас оказавшемуся в числе тех, кто советовал мне уступить деревню. Он встретил меня очень приветливо и сразу же стал восхвалять Ке-о-кука и сокрушаться, что по моей вине страдают женщины и дети. Потом он спросил, не хочу ли я выставить условия, которые позволят мне, не теряя достоинства и сохранив доверие своих сторонников, переселить свой народ на западный берег Миссисипи. Я ответил, что если Великий Отец поступит с нами по справедливости и сам укажет какой-нибудь приемлемый выход, я не буду сопротивляться долее. Тогда торговец спросил, уйдем ли мы из деревни, если главный начальник в Сент-Луисе даст нам шесть тысяч долларов для закупки провизии и необходимых товаров. Подумав немного, я заявил, что готов уступить, но мы должны получить за это достаточное вознаграждение, как того требуют наши обычаи. Однако достоинство не позволяет мне самому делать такое предложение. Торговец сказал, что сам все устроит. Он сообщил главному начальнику в Сент-Луисе, что мы согласны переселиться на западный берег Миссисипи при условии выплаты нам установленной суммы.

Вскоре на остров пришел пароход. После его отхода торговец сообщил мне, что он попросил военачальника из Галены, который был на борту, передать наше условие в Сент-Луис. На обратном пути он привезет ответ. Своим людям я ничего не сказал, опасаясь, что они будут недовольны. Мне и самому не нравилась эта сделка, но я старался гнать от себя любые сомнения.

Через несколько дней военачальник привез ответ. Главный начальник в Сент-Луисе велел передать, что мы ничего не получим! И если мы немедленно не уберемся из деревни, нас прогонят силой.

Такой ответ не слишком огорчил меня. Пусть уж лучше я сложу свою голову на земле отцов, но не покину ее, чего бы мне это ни стоило. Однако, если бы нам пошли навстречу, как я того ожидал, ради женщин и детей мы бы отказались от своих притязаний.

Я решил оставаться в деревне и в случае прихода войск не оказывать сопротивления и покориться судьбе.

Объяснив своим воинам всю серьезность положения, я приказал им ни в коем случае не браться за оружие. Как раз в это время наш агент был отозван — до сих пор не знаю почему. Сначала я думал, что причиной послужили его попытки заставить нас покинуть деревню, и был очень доволен: мне порядком надоели его бесконечные разговоры об этом. Однако переводчик, который усердствовал в деле переселения ничуть не меньше, остался в конторе, а молодой человек, который заменил нашего агента, завел ту же старую песню. Видно, причина была в чем-то другом.

Наши женщины засеяли кукурузой несколько клочков земли. Она дружно взошла, вселив в нас надежду, что нашим детям не придется голодать. Однако белые люди снова начали перепаживать ее!

Пора было положить этому конец и выдворить пришельцев с нашей земли. Явившись к их главарям, я потребовал, чтобы они убрались с нашей земли, и дал им для этого время до середины следующего дня. Почти все из них ушли до срока, однако один остался и стал упрашивать не трогать его до осени: если он бросит свой урожай, семья его (довольно большая) будет голодать. Он обещал, что будет вести себя тихо, если я позволю ему собрать жатву. Доводы его звучали вполне убедительно и я согласился.

Мы возобновили свои игры и забавы, уверившись, что нас не тронут, как на то надеялся пророк. Но вскоре нам стало известно, что на Рок идет большой военачальник с войсками (генерал Гейнс). Я поспешил к пророку, который попросил дать ему немного времени, чтобы разобраться в этом деле. Рано утром он пришел ко мне и сказал, что ему было дано видение. Он узнал, что приход большого военачальника не грозит нам никакими бедами. Просто он хочет напугать нас, чтобы мы отдали свою деревню задаром. Он уверял меня, что военачальник не посмеет тронуть нас. Когда американцы заключали мир с англичанами, те потребовали (и американцы согласились на это), чтобы индейские племена, находящиеся в состоянии мира, никогда не подвергались нападениям. И если мы хотим сохранить за собой деревню, достаточно отвечать отказом на любое предложение этого военачальника.

Прибыв на место, военачальник созвал в агентстве совет. Послали за Ке-о-куком и Ва-пел-ло и они явились в сопровождении своих сторонников. Дом совета был от-

крыт и их всех впустили внутрь. Затем на совет пригласили меня и мою партию. Вооруженные пиками и копьями, палицами и луками, словно перед сражением, мы появились у входа с военной песней на устах. Здесь я остановился, не желая входить в этот дом,— там толпились те, чье присутствие было совсем не обязательно и даже неуместно. Если совет собрали для нас, зачем на него пришли посторонние люди? Только после того, как военачальник отослал всех прочь, оставив только Ке-о-кука, Ва-пел-ло и нескольких их вождей и воинов, вошли мы в дом совета, всем своим видом показывая, что нас не удастся запугать. При нашем появлении военачальник поднялся и произнес речь. Вот что он нам сказал:

«Президент очень недоволен, что ему приходится посылать войска, чтобы выселять вас с земли, которую вы давно уже отдали Соединенным Штатам. Ваш Великий Отец уже не раз предупреждал вас через своего агента, что вы должны покинуть эти места. Он весьма огорчен, что вы не подчиняетесь его приказам. Великий Отец желает вам добра и требования его разумны и справедливы. Надеюсь, вы понимаете, что в ваших же собственных интересах освободить как можно скорее занятые вами земли и отправиться на другой берег Миссисипи».

На это я ответил ему, что никогда не продавали мы своих земель, никогда не получали за это вознаграждения и поэтому никогда не покинем свою деревню.

Разъяренный этими словами, военачальник вскочил на ноги с криком:

«А кто ты такой, Черный Ястреб, чтобы говорить так со мной? Кто ты такой?»

«Я из племени саков! Мои предки были саками и так зовут нас все другие племена!» — таков был мой ответ.

Тогда военачальник заявил:

«Ни упрашивать, ни платить вам я не намерен. Я пришел, чтобы выселить вас отсюда, даже если мне придется применить для этого силу. Даю вам два дня, чтобы убраться, и если вы не окажетесь по ту сторону Миссисипи, у меня найдется способ вас выставить».

Я ответил ему, что никогда не соглашусь покинуть свою деревню. Это мое последнее слово.

На этом совет закончился и военачальник вернулся в форт. Я снова обратился к пророку. Он рассказал, что ему было виденье, и Великий Дух повелел, чтобы дочь старого вождя Ма-та-таса взяла в руки палочку, пошла

к военачальнику и сказала ему, что она дочь Ма-та-таса, который всегда был другом белых людей. Он воевал на их стороне, был ранен и всегда говорил о них только хорошее. Он никогда не говорил, что продал деревню. Белых людей очень много и они, конечно, могут отобрать у нас деревню, если захотят. Но она надеется, что они не поступят столь безжалостно. Если нам все же придется уйти, она просит лишь об одном: пусть нашим людям разрешат остаться до осени, чтобы они могли собрать урожай с полей. Женщины так тяжело трудились, чтобы вырастить немного зерна для своих детей. Если же мы уйдем, не собрав жатву, детям грозит голодная смерть.

Выполняя волю Великого Духа, мы послали дочь Ма-та-таса в форт в окружении нескольких юношей. Все они были пропущены внутрь. Представ перед военачальником, девушка передала ему все, что велел пророк. Но тот сказал, что не для того он послан сюда президентом, чтобы заключать договоры с женщинами и устраивать с ними советы. Юноши должны покинуть форт, а она, если хочет, может остаться.

Все наши планы рухнули. Нам предстояло либо уйти за реку, либо возвратиться в деревню и ждать появления солдат. Мы избрали второе, но узнав, что несколько наших воинов, поддавшись на уговоры агента с торговцем и Ке-о-кука, покинули деревню и ушли на другой берег Миссисипи, я послал сообщить агенту, что мы согласны покинуть деревню, но просим разрешить нам остаться до осени, чтобы собрать кукурузу, иначе нам придется голодать.

Посланники вернулись с ответом от военачальника. Он передал, что не даст нам ни дня против установленного срока, и если за это время мы не уйдем сами, он выдворит нас силой.

Я велел деревенскому глашатаю известить всех о моем приказе: если в деревне появятся солдаты, никому не стрелять и не оказывать сопротивления. Всем оставаться в своих вигвамах — пусть убивают нас, если хотят.

Меня не оставляла уверенность, что военачальник не тронет наших людей, — ведь и я не хотел войны в то время. Будь это иначе, мы убили бы его еще на совете: там он был целиком в наших руках. Однако его мужественный вид и спокойная, но решительная манера держать себя свидетельствовали о храбрости и внушали уважение — и это удержало нас от неверного шага.

Разведчики сообщили, что к нам приближается большой конный отряд вооруженных людей. Вскоре они появились в окрестностях деревни и стали лагерем на реке Рок. В устье реки вошел пароход, на борту которого находился главный военачальник с солдатами и большая пушка! Они прошли мимо нашей деревни и вернулись обратно, не вызвав, впрочем, ни малейшего волнения среди моих воинов. Никто не обращал внимания на пароход — даже маленькие дети не прервали своих игр на берегу. Вода здесь была совсем мелкой, и пароход сел на мель, что привело белых людей в некоторое замешательство. Попроси они нас о помощи, среди моих воинов не нашлось бы ни одного, кто ответил бы им отказом. Белые люди прошли через деревню и вернулись назад, встречая повсюду самое дружеское расположение.

На следующий день истекал срок переселения, назначенный нам военачальником. Я бы предпочел остаться в деревне и стать пленником солдат, но мне внушали опасения бледнолицые, во множестве съехавшиеся сюда верхом, — вид у них был совершенно необузданный.

Ночью мы перешли Миссисипи и раскинули лагерь немного ниже Рок-Айленда. Главный военачальник созвал еще один совет, чтобы заключить с нами договор. По этому договору он обязался снабдить нас кукурузой взамен той, что мы оставили в полях. Я коснулся бумаги гусиным пером и удалился, чтобы жить в мире.

Выданной нам кукурузы оказалось недостаточно и вскоре в лагере стали раздаваться громкие причитания женщин и детей, сокрушающихся по своим початкам, бобам и кабачкам. Чтобы как-то утешить их, небольшой отряд воинов переправился на ту сторону реки, чтобы под покровом ночи тайком собрать кукурузу со своих же собственных полей. Однако белые их обнаружили и открыли по ним огонь. Посыпались жалобы, что мои люди опустошают их же собственные кукурузные поля!

От агента я узнал, что в одном из наших договоров есть статья об оказании помощи в сельскохозяйственных работах и мы можем требовать, чтобы нам вспахали поля. Поэтому я попросил его построить мне маленькую хижину и осенью распахать поле вокруг нее, чтобы я мог жить в одиночестве в покое. Он пообещал все это исполнить. От него я направился к торговцу и стал просить разрешения быть похороненным на нашем кладбище среди моих друзей и воинов. Тот охотно дал мне его. Довольный, я возвратился к своему народу.

Вскоре после этого отряд фоксов вышел в направлении Прери-дю-Шейен, чтобы отомстить за вождей и родственников, убитых прошлым летом меномони и сиу. Неподалеку от лагеря меномони они встретили виннебага и велели ему идти в лагерь и, если там окажутся виннебаги, предупредить их, чтобы они скорее уходили. Тот пошел в лагерь, но предупредил не только виннебагов, но и меномони, что им грозит опасность. Подошедшие вскоре фоксы перебили двадцать восемь меномони и благополучно скрылись.

Этот акт возмездия (по нашим понятиям, вполне законный и справедливый) вызвал большое волнение среди белых. Они потребовали, чтобы фоксы были преданы суду. Осенью ко мне явился главный вождь фоксов, чтобы посоветоваться об этом деле. Я был уверен, что они поступили правильно,—ведь, если наш Великий Отец допустил, чтобы меномони безнаказанно заманили в ловушку и убили всех вождей фоксов, то почему он должен наказывать фоксов за то же самое? Если он не имел права так поступать в первом случае, то откуда это право появилось у него сейчас? Я считаю, что он вообще не имеет права вмешиваться в разногласия между племенами. После этого разговора фоксы решили присоединиться к моему отряду, чтобы вместе идти на охоту.

К этому времени из Молдена возвратился Не-а-поуп (он отправился туда, как только стало известно, что генерал Гейнс идет нас выселять). Он рассказал, что видел английского начальника и тот уверил его, что, раз мы не продавали свою деревню и землю, американское правительство не может отнять их у нас. Мы имеем на них право и это право может быть передано кому-то другому только лишь с согласия всего племени. Поскольку мы никогда не давали согласия на продажу своих земель, они остаются в нашей безраздельной собственности и американское правительство не сможет изгнать нас оттуда. Нам нечего бояться: в случае войны англичане придут к нам на помощь.

На обратном пути Не-а-поуп завернул в селение, где жил пророк, и там впервые узнал, что мы покинули деревню. Он сообщил мне по секрету, что пророк очень хочет видеть меня,—у него есть хорошие новости. Английский отец прислал гонца с вестью, что весной он доставит нам ружья, боеприпасы, провиант и одежду. Все это будет привезено на судах в Милуоки. Племена, живущие

на озерах: оттава, чиппева и поттоватоми — уже прислали пророку свои вампумы и табак. Что касается виннебагов, все они готовы выступить и только ждут его команды. Нам будет сопутствовать удача!

Мне было радостно слышать, что наш английский отец решил заступиться за нас. Нас изгнали с наших же собственных земель, не дав ничего взамен, и сейчас впервые у меня появилась надежда, что мой народ вновь обретет утраченное счастье. Для этого я готов был идти на любые жертвы. Сам я уже не молод и могу доживать остаток жизни, где угодно. Но прежде, чем сойти в могилу, я хотел бы видеть свой народ счастливым. Это было делом всей моей жизни и вот сейчас в сердце моем затеплилась надежда, что нашим невзгодам скоро придет конец.

По словам Не-а-поупа, пророк был уверен, что англичане поддержат нас, а все упомянутые племена будут воевать на нашей стороне. А если мы потерпим поражение (что маловероятно), то и это не беда. Пророк имел дружескую беседу с вождем Вас-са-кум-ми-ко из селения Селькирк и тот сказал, что с радостью примет нас на своей земле, если американцы прогонят нас с нашей. Если мы решимся вступить в войну, мы должны дать знать об этом пророку через Не-а-поупа, который отправляется туда уже завтра. Мне же следует остаться и собрать как можно больше воинов.

Ночью я вновь и вновь перебирал в памяти все, что сказал мне Не-а-поуп, и радовался столь удачному ходу событий. Я решил последовать совету пророка и известил его через Не-а-поупа, что собираю воинов по всем окрестным деревням.

О полученных новостях я сообщил Ке-о-куку и вождям племени фоксов. Но они и слышать не хотели ни о какой войне. Ке-о-кук заявил, что меня ввели в заблуждение лживые люди и что самое лучшее — это оставаться на месте и вести себя тихо. Когда он узнал, что я намерен защищать свою деревню, то, опасаясь осложнений, обратился к агенту и главному начальнику в Сент-Луисе с просьбой разрешить нашим вождям поехать в Вашингтон и полюбовно уладить все дело с Великим Отцом. Ке-о-кук также убедил торговца, собиравшегося в Вашингтон, обратиться к Великому Отцу с такой же просьбой.

Не имея никаких утешительных вестей из Сент-Луиса, я решил собрать как можно больше воинов и

держат свой отряд в боевой готовности, чтобы весной попытаться вернуть нашу деревню, если Великий Отец так и не позовет нас в Вашингтон.

Вернулся торговец и рассказал, что он известил Великого Отца о всех наших неприятностях, но просьба принять нас осталась без ответа.

Я решил послушать совета моих друзей и, в случае, если нам разрешат идти в Вашингтон, подчиниться воле Великого Отца, какой бы она ни была. Ке-о-кук прилагал все усилия, чтобы избежать войны, и мне казалось, что наш народ вправе рассчитывать на справедливое решение своей судьбы. Однако надеждам этим не суждено было сбыться, что и привело нас к войне, которую при другом стечении обстоятельств легко можно было предотвратить.

Когда стало ясно, что нам не позволят идти в Вашингтон, я вернулся к своему прежнему решению и попытался переманить воинов Ке-о-кука, но потерпел неудачу.

Будучи уверен, что миролюбие Ке-о-кука и его людей в значительной степени способствовало нашему изгнанию, я не стал более тратить времени на уговоры и, собрав свой отряд, стал готовиться к походу вверх по реке Рок. Свой лагерь мы разбили на Миссисипи, где раньше был форт Мэдисон. Туда стекались воины, решившие последовать за мной. Вокруг лагеря я расставил часовых, чтобы никто не мог выйти раньше, чем все будет готово.

Наконец все собрались и мы двинулись вверх по Миссисипи: дети и женщины плыли в каноэ, нагруженных провизией и лагерным снаряжением, воины ехали верхом в полном боевом облачении. Невдалеке от устья реки Рок мы встретили пророка. Он уже успел побывать на Рок-Айленде, где военачальник, агент и торговец пытались отговорить его от участия в нашем походе. Они настаивали, чтобы он убедил нас повернуть обратно, поскольку на Рок-Айленд уже посланы войска.

Однако пророк сказал, что не желает слушать подобные разговоры, потому что ни один военачальник не посмеет тронуть нас, пока мы не находимся в состоянии войны. Мы имеем право идти, куда нам заблагорассудится. Он посоветовал мне ничего не говорить своим воинам, пока мы не раскинем лагерь. Мы продолжали двигаться вперед, пока не достигли места, где за год до этого останавливался генерал Гейнс. Там мы и разбили свой лагерь. И тогда пророк обратился к моим воинам

с пламенной речью. Он призывал их ничего не бояться и смело идти вперед, не теряя надежды на успех. Американский военачальник не посмеет напасть на нас, пока мы ведем себя миролюбиво. Еще не наступило время для военных действий. Мы должны прежде подняться по реке Рок и получить подкрепление. И вот тогда мы сможем противостоять любой армии!

Ночью мы видели, как вверх по реке проплыли пароходы с солдатами Белого Бобра (генерала Аткинсона). Мы забеспокоились, опасаясь, как бы солдаты не помешали нам подняться по реке. Однако, достигнув устья, мы обнаружили, что пароходы уже ушли. Я подозревал, что, желая застать нас врасплох, военачальник может спрятать своих солдат где-нибудь за холмом или в лощине. Поэтому, выйдя на Рок, мы стали петь и бить в барабаны, чтобы американцы знали, что мы их не боимся.

Не встречая нигде сопротивления, мы не спеша поднимались по реке, как вдруг нас нагнал курьер от Белого Бобра, который принес мне приказ возвращаться и снова переходить на другой берег Миссисипи. Я ответил ему отказом, объяснив, что мы имеем самые мирные намерения и идем в деревню, где живет пророк, чтобы раздобыть там кукурузы. Какое право имел он отдавать мне подобные приказы?

Курьер отправился обратно. Мы прошли еще немного вперед и стали лагерем неподалеку от деревни пророка. Тут появился еще один курьер от Белого Бобра с угрозой возвратиться нас силой, если мы не подчинимся приказу. Эта угроза укрепила боевой дух в моих воинах — все они решили остаться и померяться силами с военачальником, если он решится напасть на нас. Через курьера мы передали, что готовы драться, если нас вынудят к этому. Мы решили не отступать, но и не нападать первыми, ограничившись лишь обороной. Защищаться мы считали своим неотъемлемым правом.

Вскоре после ухода курьера в наш лагерь пришел агент виннебагов господин Гратю, а с ним несколько вождей и старейшин племени. У него не было переводчика и за него говорили вожди. Они сказали, что он пришел сюда, чтобы уговорить нас вернуться. Однако сами они советовали нам идти дальше, уверяя, что по мере продвижения вверх по реке наше положение будет улучшаться: нас поддерживает все их племя. Мы не должны отступать — на берегах реки Рок мы получим подкрепление, достаточное для разгрома любого врага.

Они также сказали, что пойдут вместе со своим агентом к противнику, чтобы оценить его силы, и по возвращении передадут эти сведения нам. Они вынуждены идти на хитрость, дабы обмануть агента и помочь нам.

Пока шел совет, мои воины подняли английский флаг, вскочили на лошадей и окружили вигвам, где мы беседовали. Я заметил, что агент был сильно напуган всем этим. Тогда я попросил одного из вождей передать ему, что для беспокойства нет оснований, и приказал своим воинам разойтись. Все немедленно спешили и разошлись по своим вигвамам. Когда совет закончился, я поставил часового у вигвама, где остановился агент, опасаясь, как бы мои воины опять не напугали его. Он был хорошим человеком и мне не хотелось его обижать. Вскоре он вместе с вождями возвратился на Рок-Айленд.

Убедившись, что Белый Бобер не разрешит нам остаться здесь, я решил идти вверх по реке, чтобы переговорить с поттоватоми. О своих намерениях я известил вождей виннебагов, но они не выказали ни малейшего желания помочь нам. Разве не они прислали нам зимой вампум и приглашали в свою страну, чтобы жить единым народом? Этого вожди не отрицали и заявили, что, если белые люди не будут возражать, они позволят нам в этом году вырастить кукурузу в деревне, где живет пророк. Однако они не хотят, чтобы мы поднимались выше по реке.

На следующий день я вышел со своим отрядом в направлении Киш-ва-ко-ки*. Мы оставили позади деревню, где жил пророк, и раскинули лагерь чуть выше по течению. Когда все уснули, я послал за своими вождями и сообщил им, что нас обманули! Все прекрасные обещания, которые принес нам Не-а-поуп, ничего не стоили! Но наши люди ничего не должны знать об этом. Мы сохраним обман в тайне и отправимся на Киш-ва-ко-ки, как будто ничего не произошло. Людям же мы сообщим какую-нибудь хорошую новость, чтобы поддержать их дух. Тем временем я свяжусь с поттоватоми и выясню, каковы их намерения.

На следующее утро мы отправились в путь, сказав людям, что из Милуоки пришла весть о том, что английский военачальник прибудет сюда уже через несколько дней.

Убедившись, что все наши планы потерпели крушение, я велел пророку идти со мной и попытаться договориться с поттоватоми. Прибыв на Киш-ва-ко-ки, мы по-

слали гонца в их деревню. На следующий день от них пришли люди. Я спросил, есть ли у них в деревнях кукуруза. Они ответили, что очень мало и им нечем поделиться с нами. Я задал им еще несколько вопросов и на все получил отрицательный ответ. Разговор наш происходил в присутствии моих людей. Позже, в частном разговоре, я попросил их прийти в мой вигвам ночью, после того, как все уйдут спать. Когда они пришли и расселись по местам, я спросил, нет ли у них каких-нибудь вестей от англичан с озера. Нет, сказали они. Может быть, они слышали, что в Милуоки прибыл военачальник нашего английского отца и привез нам ружья, боеприпасы, товары и провизию? Нет, отвечали они. Тогда я рассказал о полученных мной сведениях и попросил передать вождям, что я хочу поговорить с ними.

После их ухода я решил сказать своим людям, что, если Белый Бобер будет преследовать нас, нам придется повернуть обратно,— и думать нечего продолжать свой путь без провизии или стать здесь на стоянку. На помощь виннебагов или поттоватоми рассчитывать не приходилось. На следующий день в наш лагерь пришли вожди поттоватоми. Я приказал убить собаку и приготовить угощение для вождей. Когда все было готово, я развернул свои амулеты, и вожди приступили к еде. Когда пиршество подходило к концу, мне сообщили, что в восьми милях от нас находится конный отряд белых в три-четыре сотни человек. Не мешкая, я послал им навстречу трех юношей с белым флагом, чтобы привести их в наш лагерь. Я намеревался устроить с ними совет, после чего возвратиться к устью реки Рок. В случае, если белые стали лагерем, я велел юношам возвращаться и тогда я сам пойду на встречу с ними. Вслед за первыми тремя я выслал еще пять юношей посмотреть, чем закончится дело. Когда юноши, посланные первыми, вошли в лагерь белых, они немедленно были взяты в плен. Вышедшие позднее не успели еще далеко уйти, когда увидели, что к ним во весь опор мчится отряд белых, человек двадцать! Подозревая, что намерения их враждебны, юноши обратились в бегство, но двое были настигнуты и убиты. Остальным удалось спастись. Когда они появились в лагере, я как раз готовил флаги, чтобы встретить военачальника. Была объявлена тревога. В тот момент почти все мои воины находились не ближе, чем в десяти милях от лагеря. Я вышел с теми, кто оставался (около сорока человек), но не успели мы отойти от лагеря, как увидели

приближавшиеся войска. Я издал боевой клич и сказал своим воинам:

«Наши люди убиты — жестоко и вероломно! Мы должны отомстить за их смерть!»

Вскоре стало ясно, что на нас двигается целая армия. Теперь мы были уверены, что наши посланцы убиты. Я спрятал своих людей за кустами, чтобы они могли открыть огонь первыми. Приблизившись к нам, солдаты внезапно остановились. Я снова издал боевой клич и приказал своим воинам открыть огонь, не надеясь, что мы останемся живы. Они дали залп — и враг в беспорядке отступил, объятый страхом перед моим маленьким, но храбрым отрядом.

Мы начали преследование, но, убедившись, что неприятеля нам не догнать, я вместе с несколькими воинами вернулся в лагерь (остальные продолжили погоню). Там я раскурил трубку и возблагодарил Великого Духа за его милость. Но вскоре мои размышления были прерваны: я увидел, что в лагерь входят двое из тех, кого я послал с флагом к американскому военачальнику! Мое изумление быстро сменилось радостью по поводу их счастливого возвращения. С нетерпением ждал я их рассказа, который я привожу полностью:

«Когда мы подходили к лагерю белых, к нам выбежало несколько человек с ружьями. Они привели нас в лагерь, где какой-то американец, который говорил немного на языке саков, стал спрашивать нас, кто мы такие и куда идем, где наш лагерь и где находится Черный Ястреб. Мы сказали ему, что пришли к их военачальнику: «Наш вождь велел проводить его в наш лагерь, если тот еще не разбил своего. В противном случае Черный Ястреб сам придет к нему. Он отказался от всяких намерений вступить в войну и поэтому хочет держать с ним совет».

Под конец разговора в лагере появилась группа всадников. По выражению их лиц мы поняли, что что-то случилось. Поднялась суматоха. Они с негодованием уставились на нас и, обменявшись какими-то словами, вскинули ружья и выпустили в нас пули. Один из нас упал замертво. Двое других бросились в толпу и скрылись. Не успели мы укрыться в засаде, как послышались крики индейцев, преследующих врага. Мимо нас пронеслись белые всадники. Один из них оказался совсем рядом с нашей засадой и я бросил томагавк, который поверг его наземь. Подбежав к упавшему, я снял с него скальп

его же собственным ножом! Потом я забрал его ружье, мы с моим товарищем сели на его лошадь и поскакали вслед за нашими воинами, продолжавшими преследовать неприятеля. Вскоре мы наехали на бледнолицего, лошадь которого увязла в болоте. Мой товарищ спешился и нанес всаднику удар томагавком — тот не мог сдвинуться с места, придавленный лошадью. Потом он снял с него скальп и забрал ружье и лошадь.

За это время наш отряд ушел далеко вперед. Мы стали догонять его и по дороге видели немало убитых бледнолицых. Проехав около шести миль, мы повстречали наших воинов, уже возвращавшихся обратно. От них мы узнали, что при отступлении американцев ни один из наших не пострадал. На вопрос же, сколько перебито белых, нам ответили, что мы можем посчитать сами, когда с них будут снимать скальпы на обратном пути. По дороге мы обнаружили десять убитых, помимо тех двух, которые пали от нашей руки, когда мы догоняли своих людей. Видя, что нас не узнали в темноте, мы вновь спросили, сколько полегло наших воинов. Нам ответили, что пять: «Первые трое, посланные к белым, чтобы приветствовать американского военачальника, были захвачены и убиты в их лагере. Там же нашли свою смерть и двое из тех, кто последовал за ними». Теперь мы окончательно убедились в том, что нас не узнали, но решили не выдавать себя до прибытия в лагерь. Наше появление было для всех полной неожиданностью — ведь нас считали погибшими».

Утром я велел глашатаю созвать всех на похоронный обряд. Вскоре все были в сборе. За отсутствующими послали гонцов. Похоронив убитых, мы отправились на покинутую белыми стоянку. Там мы нашли оружие, боеприпасы и провизию — все то, в чем мы нуждались более всего. Нам также достались седельные вьюки (я раздал их своим воинам) и немного виски. На земле валялось несколько бочонков из-под этого зелья, но они оказались пустыми. Я никак не ожидал, что бледнолицые возьмат с собой виски. Мне всегда казалось, что все они принадлежат к обществу трезвости.

Лагерь белых располагался на опушке леса у ручья на расстоянии полудневного перехода от Диксоновой переправы. Мы напали на них на закате дня, в прериях, где нас разделяло лишь несколько кустов, и я был уверен, что весь наш отряд погибнет. Никогда прежде мне не приходилось видеть, чтобы отряд в несколько сотен

человек отступил без единого выстрела и в панике бросил свой лагерь,— ведь я знал, что американцы превосходят стрельбой. Они могли спокойно оставаться в лагере, даже если бы их было вполтину меньше, чем нас: в случае нападения они могли бы укрыться за деревьями и беспрепятственно расстрелять неприятеля, вынужденного пересекать открытое пространство.

Впервые в жизни я столкнулся со столь необъяснимым поведением. Зная о наших мирных намерениях, американцы пытаются убить посланцев, пришедших безоружными, чтобы просить о встрече, которая могла бы привести к нашему благополучному возвращению на западный берег Миссисипи, нападают на мой маленький отряд и сразу же отступают, невзирая на то, что в десять раз превосходят нас числом,— нет, этого я решительно не мог понять! Как сильно отличалось все это от моего привычного представления о бледнолицых. Я ожидал, что они будут драться столь же отчаянно, как в последней войне с англичанами, но таких храбрецов тут, видно, не было.

Я принял решение не вступать в войну и послал американскому военачальнику флаг мира, ожидая, что к нему отнесутся с уважением, как того требуют законы разума и справедливости (я знал, что белые всегда так поступают, когда воюют между собой). Я надеялся созвать совет, на котором мы рассказали бы о всех невзгодах, которые нам пришлось пережить с тех пор, как нас изгнали из родной деревни, не дав собрать кукурузу, выращенную тяжким трудом наших женщин, и попросили бы разрешения вернуться. Все это не могло не свидетельствовать о наших мирных намерениях.

Однако вместо этого меня вынудили вступить в войну, в которой против пятисот моих воинов была брошена армия в три-четыре тысячи человек!

Провианта и подкрепления, о которых говорили нам пророк и Не-а-поуп, мы так и не дождались. Оказалось, что ничего подобного англичане нам и не обещали. Наоборот, их военачальник велел передать, чтобы мы ни в коем случае не вступали в войну, ибо неизбежно потерпим в ней поражение.

Что же нам оставалось делать? Было бы настоящим безумием встречаться со столь превосходящим нас неприятелем и тем самым навлекать на себя, своих жен и детей ярость тех, кто способен был убить безоружных людей, пришедших просить мира.

Возвратившись в лагерь и обнаружив, что все наши воины на месте, я выслал разведчиков следить за передвижением войск и повел своих людей вверх по Киш-ва-ко-ки, надеясь найти убежище для женщин и детей у истока реки Рок. Я решил идти туда через верховья Киш-ва-ко-ки, чтобы затруднить американцам преследование.

У истока Киш-ва-ко-ки меня встретил отряд виннебагов, воодушевленных нашим успехом. Они выразили желание присоединиться к нам. Я попытался узнать у них, где можно найти надежное убежище для женщин и детей. Они пообещали прислать двух стариков, которые отведут нас в безопасное место.

Перед тем, как пуститься в путь, я разделил своих воинов на отряды и разослал по всем направлениям. Виннебаги отправились отдельно. Остальные последовали за проводниками в сторону Великих озер. Однако не успели мы далеко уйти, как появилось шесть виннебагов со скальпом, снятым с бледнолицего, которого они убили в роще на дороге из Диксона к свинцовым копям. Через четыре дня нас догнал отряд виннебагов. Они рассказали, что убили четырех белых и сняли с них скальпы. Среди убитых был отец Ке-о-кука, который в то время был нашим агентом. Виннебаги предложили исполнить пляску на скальпах. Я посоветовал им совершить этот обряд у себя в лагере, так как мы оплакивали потерю трех воинов и не могли затевать пляски.

Спустя два дня мы благополучно достигли места, указанного нам виннебагами. Еще через несколько дней подошли почти все наши воины. Собрав их, я обратился к ним с такими словами:

«Настало время, когда каждый из вас может отличиться и получить амулет. Я призываю вас проявить все свое мужество и храбрость и отомстить за смерть наших воинов!»

Прошло несколько дней и воины вернулись с добычей — теперь нашим людям не грозил голод. Разведчики донесли, что войска отступили к Диксоновой переправе, а конный отряд снял свой лагерь и разошелся по домам.

Убедившись, что мы в безопасности и враг находится далеко, я решил выступить в поход во главе большого отряда, но прежде устроил пир для своих воинов, приказав для этой цели убить несколько собак. Перед началом пиршества я взял амулеты и обратился к воинам с такой речью:

«Слушайте же меня, воины! Вы видите амулеты Мака-та-квета, праотца племени саков. Они были вручены великому вождю нашего народа На-на-ма-ки, который вел войны со всеми племенами, обитавшими на озерах и равнинах, и никогда не знал поражения. Надеюсь, вы сумеете защитить их!»

По окончании церемонии я отправился в поход с двумя сотнями воинов, неся впереди отряда великие амулеты наших предков. Мы шли в сторону, где заходит солнце, и когда наступила вторая ночь после начала нашего путешествия, мне было видение, что через день у нас будет большой праздник. Утром я рассказал об этом своим воинам и мы отправились на Мос-ко-хо-ко-и-нак (река Эпл). Неподалеку от форта, построенного там белыми людьми, мы увидели четверых мужчин, ехавших верхом. Прогремел выстрел — один из всадников был ранен, а другие принялись громко кричать, призывая на помощь своих товарищей. Мы укрылись в лесу, ожидая появления неприятеля, но никто не показывался. Тем временем четверка всадников поскакала к форту и подняла тревогу. Мы последовали за ними и напали на форт! Один из его защитников, более смелый, чем остальные, показался над частоколом, чтобы открыть огонь, однако меткий выстрел моего воина положил конец его героическим усилиям. Убедившись, что, не поджигая форта, поселенцев нам не перебить, мы решили забрать муку, провизию, скот и лошадей и тем ограничиться — ведь свет от пожара виден далеко и может привлечь сюда войска. Поэтому мы открыли амбары и наполнили свои сумки мукой и провизией, забрали лошадей и выгнали скот.

Покинув форт, мы отправились в сторону восхода солнца. Когда мы отошли уже довольно далеко, я увидел, что к нам приближается несколько бледнолицых. Я приказал своим воинам спрятаться в лесу и напасть на них, когда они поравняются с нами. Мы укрылись за деревьями и, когда они подошли совсем близко, напали на них, оглашая воздух криками и стрельбой. Вскоре им на помощь прискакал их военачальник с отрядом. Через некоторое время белые отступили, оставив на поле брани своего предводителя с несколькими солдатами, которые явно горели желанием сразиться с нами. Они вели себя, как настоящие храбрецы, но все же вынуждены были отступить под нашим натиском. Однако военачальник скоро вернулся с подкреплением. Было очевидно, что ему не терпится вступить с нами в схватку. Когда

он приблизился, я издал боевой клич и началась перестрелка. Военачальник (человек очень маленького роста) громко отдавал приказания, однако вскоре белые опять отступили, оставив его лишь с несколькими солдатами. Мои воины стали преследовать отступающих бледнолицых и сумели подстрелить несколько лошадей. Но военачальник с горсткой солдат по-прежнему не желал покидать поле сражения. С прискорбием я наблюдал, как от их руки погибли два моих вождя, прежде чем мы заставили их отступить.

Мужество и храбрость этого молодого офицера заслуживали всяческой похвалы, однако, на наше счастье, не все в его войске отличались подобной доблестью.

Во время этого сражения мы убили несколько человек и около сорока лошадей и потеряли двух своих вождей и семерых воинов. Мои люди хотели было гнаться за белыми до самого форта и поджечь его, но я остановил их. Не стоило зря тратить порох, поскольку надежды на успех было мало. Загнав медведя в берлогу, мы оставили его в покое и вернулись в лагерь.

В лагере разведчики сообщили нам, что армия белых пришла в движение. Одна из партий, посланных в разведку, вернулась и рассказала, что их несколько часов преследовал отряд в двадцать пять-тридцать человек. Они спрятались в лесу и обстреляли белых, когда те менее всего этого ожидали. Белые отступили, дав возможность нашим юношам перезарядить ружья. Затем они вновь устремились в чащу, но были остановлены нашими выстрелами. Завязалась схватка, в которой перерезали горло одному из наших воинов. Потеряв троих солдат, неприятель обратился в бегство.

Вернулась еще одна партия разведчиков, которая привела с собой двух молодых белых скво. Они отдали их виннебагам, чтобы те доставили их к белым. Разведчики рассказали, что они примкнули к отряду поттоватоми, который выступил против поселенцев на Иллинойсе.

Предводителя этого отряда, принадлежащего к племени поттоватоми, жестоко избил кнутом один из поселенцев, и он горел желанием отомстить за унижение. Когда отряд готовился к походу, один из поттоватоми отправился к поселенцу и предупредил его о грозящей опасности. Тот скрылся вместе со всей семьей, но скоро вернулся обратно. Поттоватоми перебили всю семью за исключением двух молодых скво, которым спасли жизнь

саки, взяв их к себе в седло. Когда женщин привели в наш лагерь, мы отправили виннебагам послание с просьбой забрать их и передать бледнолицым. Мы избрали виннебагов в качестве посредников, поскольку они были в одинаково хороших отношениях с обеими сторонами. Если бы среди поттоватоми не оказалось моих воинов, эти скво разделили бы участь своих родных.

Во время стоянки на Великих озерах мы испытывали постоянную нехватку еды. Местность вокруг была болотистая (мы нарочно выбрали такое труднодоступное убежище) и дичи водилось там мало. Столь же скудными бывали и уловы рыбы. По соседству не было ни одного поселения и достать провизию было негде. Чтобы как-то утолить голод, нам приходилось выкапывать корни и обдирать кору с деревьев. Наши старики умирали голодной смертью. Узнав, что на нас идут войска, и опасаясь, как бы они не окружили нашу стоянку, я решил переправить женщин и детей через Миссисипи, дабы они могли вернуться к нашему племени. На следующий день в сопровождении пяти проводников-виннебагов мы отправились в путь, намереваясь спуститься по Висконсину.

Впереди шли женщины и дети, за ними следовал Не-а-поуп с отрядом в двадцать человек, прикрывая их на случай встречи с врагом. Добравшись до Висконсина, мы начали было переправлять женщин и детей на остров, как вдруг заметили, что к нам приближается большой вражеский отряд. Нам оставалось либо принять бой, либо бросить своих жен и детей на произвол судьбы. С отрядом в пятьдесят воинов (остальные продолжали переправлять женщин и детей) я поскакал навстречу неприятелю и обрушился на него, когда он был уже в миле от реки. Подо мной была прекрасная лошадь, а воины мои были сильны и бесстрашны. Я громко отдавал им приказания, призывая драться насмерть и не уступать врагу. Вначале я собирался построить своих воинов на склоне холма, что позволило бы нам иметь некоторый перевес над противником. Однако враг вскоре вытеснил нас и мы отступили в глубокую ложину, откуда и продолжали перестрелку. Моя лошадь была ранена уже дважды и я боялся, что она падет от потери крови. Спустились сумерки и наши выстрелы уже не достигали цели. Полагая, что женщины и дети имели вполне достаточно времени, чтобы перебраться на остров, я приказал своим воинам разделиться и возвращаться на Висконсин. К моему удивлению враг не стал преследовать.

Так с помощью пятидесяти воинов мне удалось задержать целый конный полк и обеспечить успешный переход через Висконсин, потеряв при этом лишь шестерых.

В сражение я вступил только для того, чтобы дать возможность женщинам и детям перебраться на остров. Любой, кому пришлось воевать, сумеет по достоинству оценить нашу нелегкую победу. И что бы ни думали белые люди по поводу этой битвы, среди своего народа я приобрел славу великого воина.

Потери неприятеля мне неизвестны, но думаю, что они значительно превосходили наши. Мы возвратились на Висконсин и благополучно переправились к своим.

Здесь часть моих людей оставила меня и спустилась по Висконсину в надежде попасть на западную сторону Миссисипи и вернуться домой. Я не препятствовал этому — положение наше было самым отчаянным: мы были измучены переходами и страдали от голода. Единственным возможным спасением для нас было попытаться перейти Миссисипи. Однако немногие из этой партии уцелели. На их несчастье, неподалеку от устья Висконсина остановился отряд солдат из Прери-дю-Шейен и открыл огонь по беззащитным людям. Часть из них была перебита, другие утонули, несколько человек взято в плен, а остальные скрылись в лесах и погибли там от голода. В этой партии было особенно много женщин и детей.

Не-а-поуп с отрядом разведчиков, назначенный прикрывать наше отступление и сообщать о появлении врага, исчез, так и не возвратившись в лагерь. Оказалось, что белые, выступив в различных направлениях, перерезали тропу, по которой мы шли, и оставили наших разведчиков далеко позади. Не-а-поуп и еще один воин укрылись в деревне виннебагов и оставались там до самого конца войны. Остальные из его отряда возвратились к нам. Они поступили, как настоящие мужчины, для которых судьба их народа дороже собственного благополучия.

Не имея возможности спуститься по Висконсину, я со своим отрядом стал пробираться к Миссисипи лесами, намереваясь перейти на тот берег и возвратиться к своему народу. У нас не хватало лошадей и многие были вынуждены идти пешком. Люди ослабели от голода и двигались очень медленно. Наконец мы достигли Миссисипи, потеряв в дороге много стариков и детей, умерших от голода.

Вскоре на реке появился пароход («Уорриор»). Моим воинам было приказано не стрелять: я собирался подняться на борт и тем самым спасти женщин и детей. Я знал капитана (Трокмортон) и решил ему сдаться. Привязав на шест кусок белой ткани, я вызвал капитана и попросил прислать за мной его маленький ялик. Люди на борту спросили, кто мы: саки или виннебаги. Я попросил виннебага, находившегося на пароходе, передать им, что мы саки и хотим сдаться! Виннебаг закричал, чтобы мы скорее прятались, потому что белые сейчас начнут стрелять. В это время один из моих воинов прыгнул в воду, чтобы доставить на борт белый флаг, однако вслед за ним бросился другой и вернул его на берег. С парохода открыли огонь, и мои воины стали стрелять в ответ. К счастью, наши люди успели спрятаться за деревьями и почти никто не пострадал.

Вероятно, виннебаг, находившийся на борту, либо не понял, что я ему сказал, либо неправильно передал мои слова капитану. Я уверен, что, зная капитан о моих истинных намерениях, он никогда не стал бы стрелять в нас. Я всегда считал его хорошим человеком и храбрым воином, который не будет стрелять во врага, когда тот сдается на милость победителя.

Когда пароход ушел, я сказал своим людям, что все, кто хочет, могут перебираться на тот берег — сам же я ухажу к чиппева. Некоторые сразу же стали переплывать на ту сторону, остальные задержались пока на этом берегу. Со мной осталось только три семьи. Ранним утром ко мне пришел юноша и сказал, что весь мой отряд собирается переходить Миссисипи и некоторые уже благополучно перебрались на другой берег. Кроме того, он сообщил, что белые находятся уже в нескольких милях от нас. Я начал опасаться, что белые подойдут раньше, чем мои люди успеют перейти реку, и перебьют их всех. Видя, что моему народу грозит опасность, я решил не идти к чиппева, где я могу спасти лишь собственную жизнь, а вернуться к своим и погибнуть с ними, если только Великий Дух не дарует нам еще одну победу. Пока мы разговаривали в чаше, мимо, не заметив нас, прошел большой отряд белых.

Наши люди уже начали переправляться на ту сторону, когда на берегу появился отряд белых, который шел впереди армии. Невзирая на мольбы о пощаде, белые начали убивать всех подряд. Вскоре появились войска. Видя, как гибнут беззащитные дети и женщины, наши

воины схватились за оружие, готовые сражаться насмерть. Женщины бросились в воду, посадив на спину детей. Но немногим из них удалось добраться до берега: большинство утонуло или было застрелено.

Один из моих воинов, прячась за сваленными в кучу седлами, сумел подстрелить трех бледнолицых. Но видя, что враг подходит все ближе, ползком добрался до реки и, никем не замеченный, укрылся под крутым берегом. Когда неприятель ушел, он отправился ко мне и поведал обо всем, что произошло. Получив столь печальное известие, я решился идти со своим маленьким отрядом в деревню виннебагов в Прери-ла-Кросс. Там я вошел в вигвам одного из вождей и попросил его пойти со мной к его отцу, чтобы я мог сдаться американскому военачальнику и принять смерть, если так будет угодно Великому Духу. Он согласился идти со мной. Тогда я взял свой амулет и попросил вождя отдать его американскому военачальнику, сказав, что это великая святыня племени саков, с достоинством пронесенная через все сражения, и для меня она дороже жизни. Вождь обещал сохранить амулет и вернуть его мне, если я останусь в живых.

За то время, что я провел в деревне виннебагов, скво сшили мне белую одежду из оленьей шкуры. С несколькими виннебагами я отправился к их агенту в Прерию-Шейен, чтобы покориться своей участи.

Там я с прискорбием узнал, что те женщины и дети, которым удалось благополучно переправиться через Миссисипи, стали жертвами резни, учиненной над ними сиу, нашими заклятыми врагами. На такую жестокость способны только подлые трусы и белые не должны были допускать, чтобы это произошло.

Резня продолжалась около двух часов. Мы потеряли шестьдесят человек, помимо тех, что утонули. Сколько было убито врагов, мои воины не знали, но предполагали, что не менее шестнадцати.

Белый Бобер уже ушел вниз по реке, и агент передал меня в руки командира форта Кроуфорд. Мы оставались там недолго, а затем под присмотром молодого военачальника* (лейтенант Джефферсон Дэйвис) были отправлены пароходом в Джефферсоновские казармы. Он был очень добр к нам и я вспоминаю о нем с благодарностью. По пути мы ненадолго зашли в Галену. Вокруг парохода столпились люди, но молодой офицер не пустил к нам никого. Наверное, он почувствовал, сколь невыносимо нам будет видеть потешающихся зевак.

Рок-Айленд мы прошли, не останавливаясь. Командир форта Армстронг, желая посмотреть на нас, подошел к пароходу на ялике, но капитан не разрешил ему подняться на борт, так как в форте свирепствовала холера. Думаю, капитан мог спокойно пропустить командира форта на пароход — нам не грозила никакая опасность. Командир выглядел вполне здоровым. Как я узнал позже, он постоянно находился среди больных и умирающих солдат, оказывая им помощь, но так и не заразился. Глупо было опасаться подхватить болезнь от здорового человека. Но люди на пароходе, видимо, не обладали бесстрашием военных вождей, которые ничего не боятся.

Наш путь проходил по той самой земле, на которой мы испытали столько горя и тревог, пролили столько крови и за которую я заплатил собственной свободой. Я не мог не думать о неблагодарности белых, когда видел их прекрасные дома и тучные нивы — ведь это была наша земля. Мы потеряли свою деревню и родные могилы и были изгнаны за Миссисипи, не получив взамен ни единого доллара.

В Джефферсоновских казармах нас встретил Белый Бобер, возглавлявший американские войска в их походе против моего маленького отряда. Только теперь почувствовал я всю униженность своего положения: совсем недавно я был вождем и вел за собой своих воинов, теперь же превратился в жалкого пленника.

Нас заперли в казармах, заковав в кандалы, что было крайне оскорбительно и совершенно бесполезно. Неужели Белый Бобер действительно боялся, что я могу сбежать из его казарм? Или у него был приказ наказать меня, как следует? Если бы я захватил его в плен на поле сражения, то не стал бы уязвлять его самолюбие так глубоко, зная, что настоящий воин всегда предпочтет смерть бесчестию. И все же я не виню за это Белого Бобра — он исполнял свой долг, следуя обычаям белых.

Зима прошла для нас в мрачных и тягостных переживаниях, несмотря на то, что Белый Бобер делал все возможное, чтобы облегчить нашу участь. Для меня, который всю свою долгую жизнь привольно бродил по лесам, заключение стало настоящей пыткой.

Мы коротали время, вырезая трубки, и так дожили до весны, когда нас навестили агент, торговец и переводчик с Рок-Айленда, Ке-о-кук и несколько вождей и воинов нашего племени, а с ними моя жена и дочь. Увидеть родных было для меня большой радостью.

Торговец принес мне сушеную оленину, добытую и приготовленную одним из моих друзей. Это был замечательный подарок — первый раз за многие месяцы я ел мясо, и оно напомнило мне о моем вигваме, где никогда не переводились его запасы.

Ке-о-кук и пришедшие с ним вожди послали прошение нашему Великому Отцу, президенту, чтобы он освободил нас. Они давали за нас ручательство. У меня появилась надежда на скорое освобождение и возвращение к семье и друзьям. Мне было известно, что Ке-о-кук пользуется расположением Великого Отца из-за того, что он не поддерживал меня в войне. Однако надеждам моим не суждено было исполниться. Белый Бобер получил приказ от Великого Отца доставить нас в Вашингтон.

В Вашингтон нас отправили на пароходе под надзором молодого военачальника. Он взял с собой переводчика и одного солдата. Поднимаясь вверх по Огайо, мы прошли несколько больших поселений. Первое из них, Луисвилл, расположено на самом берегу Огайо и очень красиво. Потом мы миновали Цинциннати, большое цветущее селение, которое выглядело весьма оживленно. При виде парохода на берегу собралось множество людей, желавших посмотреть на нас.

Когда мы пришли в Уилинг, весь берег и близлежащие улицы были заполнены людьми — все они ждали нашего появления. Однако отнеслись к нам там вполне доброжелательно — никто не делал попыток оскорбить или унижить нас. Селение это не такое большое, как те, о которых я упомянул выше, но тоже очень красивое.

Там закончилось наше плавание по самой прекрасной из всех рек, какие я когда-либо видел (не считая нашей Миссисипи) и мы пересели в дилижанс. Такой способ передвижения был нам непривычен и скоро утомил нас. Как бы хотелось нам сесть сейчас в каноэ и вернуться к своим друзьям. Не успели мы отъехать, как повозка перевернулась. Солдат сломал руку, а я отделался легким ушибом.

В течение нескольких дней мы двигались по дикой гористой местности, однако дорога была гладкой и ровной. Представляю, какого труда стоило белым людям построить эту дорогу — ведь она проходит по горам, усеянным камнями и густо поросшим лесом.

Несмотря на то, что земля здесь была скудна и камениста, по сторонам дороги мы заметили множество вигматов и небольших поселков. Я не видел в этих местах ничего

привлекательного и не ожидал, что увижу здесь столько белых поселенцев.

Я часто вспоминал о них после возвращения к своему народу. Они предпочли остаться на своей бедной земле, хотя могли прийти и прогнать нас, чтобы пользоваться нашей, как это сделали другие. Люди, как мне кажется, должны довольствоваться той землей, которая была им дана Великим Духом, и не посягать на чужую землю только потому, что она лучше, чем их собственная. Это противоречит нашим убеждениям. Общась с белыми, я узнал, что одно из главных правил их религии гласит: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы с тобой поступали!» Люди, живущие в этой горной местности, очевидно следовали этому правилу, чего никак нельзя сказать о поселенцах, захвативших наши земли.

Первое большое селение, встретившееся на нашем пути после того, как мы переехали через горы, называлось Хейгерстаун. Расположенное вдали от больших рек, оно, тем не менее, выглядело вполне процветающим.

По пути во Фредериктаун мы проехали несколько маленьких поселков, названий которых я не запомнил. Во Фредериктауне, большом и красивом селении, люди встретили нас очень доброжелательно. Так, впрочем, было и во всех остальных местах, где мы останавливались.

Здесь мы перешли на другую дорогу, еще более замечательную, чем та, что была проложена в горах. Белые называют ее железной дорогой! Не стану описывать ее, так как читатель знает, о чем идет речь. Это самая удивительная постройка из всех, какие я видел. Дорога через горы не идет с ней ни в какое сравнение, хотя белым и пришлось изрядно потрудиться над ней. Мне казалось удивительным, что столько труда и денег было потрачено лишь для того, чтобы сделать езду легкой и удобной. Лично я предпочитаю езду верхом любому другому способу передвижения, но белые люди, видимо, так не считают, иначе они не стали бы расходовать столько сил и средств, чтобы ездить в диковинных повозках, которые двигаются сами собой. Их техника заслуживает самой высокой похвалы.

По прибытии в Вашингтон мы встретились с нашим Великим Отцом, президентом*. Он выглядел, как настоящий воин, уже переживший немало зим. Я говорил с ним совсем мало, так как он был очень занят и не расположен к длительной беседе. Мне он показался достойным

человеком. И хотя наша беседа и была короткой, вел он себя очень приветливо. В его большом и прочно построенном вигваме было очень красиво и удобно.

Великий Отец сказал, что хотел бы знать причину, побудившую меня начать войну против его белых детей. Мне казалось, что ему это давно известно, и поэтому ограничился лишь несколькими словами.

Потом он велел нам отправляться в крепость Монро и оставаться там некоторое время на попечении ее командира. Я стал просить чтобы мне позволили как можно скорее вернуться к своему народу, и напомнил об обещании, данном Ке-о-куку: тому было разрешено приходить к Великому Отцу всякий раз, когда возникнет такая нужда. Я рассчитывал, что и мне будет дано такое право. Однако президент настаивал на нашем посещении крепости Монро. Видя, что переводчик плохо понимает наш язык и не сможет перевести мои слова должным образом, я решил подчиниться воле Великого Отца и не противоречить ему ни в чем.

Люди в Вашингтоне относились к нам очень хорошо, в особенности женщины. Мы побывали в большом доме совета — месте, где американцы хранят свои пушки, и во всех общественных зданиях, а затем отправились в крепость Монро. Там нас встретил сам командир крепости, который крепко пожал нам руки и, казалось, был очень рад нашему приезду. Все то время, что мы провели в крепости, он общался с нами очень по-дружески и часто вел со мной беседы. Перед нашим отъездом он устроил для нас праздник и преподнес нам подарки, которые я собираюсь сохранить как память о хорошем человеке и храбром воине, ибо я обрел в нем родного брата.

Получив нового сопровождающего (майор Гарланд), мы наконец отправились к своим родным местам, избрав для этого долгий кружной путь. Великий Отец собирался навестить своих детей, живущих в больших городах в стороне, где восходит солнце, и желая показать их нам, приказал нашему проводнику провезти по всем этим местам.

Увидев Балтимор, мы были поражены его размерами, но офицер сказал нам, что есть города и побольше. Это было совсем уж удивительно. Мы побывали во всех общественных зданиях и увеселительных заведениях и везде вокруг нас собирались толпы любопытных. В это же время сюда приехал и наш Великий Отец, пользовав-

шийся, судя по всему, большой любовью своих белых детей, которые собирались вокруг него (так же, как и вокруг нас), чтобы обменяться с ним рукопожатием. Он пробыл в городе совсем недолго и уехал раньше нас.

Из Балтимора мы отправились на пароходе в большое селение, где белые чеканят медали и монеты (Филадельфия). Мы снова подивились на его величину, но наш военачальник сказал, что скоро мы увидим еще более обширные поселения. Я и не подозревал, что у белых есть такие огромные поселки, где живет столько людей. Нас опять приняли очень тепло: показали все большие заводы, корабли и пароходы. Мы побывали там, где делают деньги на монетном дворе и видели людей, которые этим занимаются. Они подарили нам несколько только что отчеканенных монет, которые выглядели очень красиво.

Я наблюдал, как проходят военные учения ополченцев. Одетые в красивую форму, они ловко проделывали разные боевые упражнения.

Однако у нас система военных учений намного лучше, чем у белых. Но раз теперь с войной покончено, я не буду впредь возвращаться к этой теме.

Подплывая к Нью-Йорку, мы увидели огромную толпу людей, собравшуюся в Касл-Гарден. Мы уже повидали немало удивительного на своем пути: большие селения, прекрасную горную дорогу, железную дорогу с поездами, корабли, пароходы и многое другое. Но сейчас нам предстояло увидеть нечто совсем необыкновенное. Нам сказали, что какой-то человек собирается подняться в воздух на воздушном шаре! Сначала мы не поверили этому, но вскоре с изумлением увидели, как он стал подниматься вверх, пока не исчез в облаках. Все мы были несказанно удивлены и один из наших юношей спросил у пророка, не к Великому ли Духу полетел этот человек.

После того, как шар улетел, мы сошли на берег и сели в экипаж, чтобы добраться до дома, где мы предполагали остановиться. Но не успели мы отъехать от пристани, как попали на улицу, до того запруженную народом, что экипаж не мог продвинуться ни на шаг. Тогда наш военачальник приказал кучеру ехать по другой улице и вскоре мы благополучно добрались до места. Правда, это был не тот дом, куда мы собирались вначале, но и здесь нас встретили радушно и предоставили хорошие комнаты, вкусную еду и все необходимое.

Когда мы приехали, вожди этого большого селения украсили свой самый большой дом совета и пригласили туда множество людей. Все они встретили нас очень дружелюбно и многие дарили нам подарки.

Нам старались показать все, что могло бы нас заинтересовать или доставить удовольствие. Мы побывали в Касл-Гарден, где впервые увидели фейерверк. Это было красивое зрелище, но куда менее величественное, чем пожар в прериях.

Мы посетили все общественные здания и увеселительные заведения, которые произвели на нас самое приятное впечатление.

Люди относились к нам очень сердечно. Женщины дарили нам маленькие красивые безделушки. Эти белолицые красавицы были очень добры и обходительны.

Среди тех, кто оказывал нам особое расположение, был и мой старый друг Крукс из Американской меховой компании. Я знал его давно и относился к нему с неизменным уважением: он любил наш народ и всегда был готов поделиться советом. Я горжусь его дружбой и всегда рад пожать ему руку.

Повидав все чудеса этого большого селения, мы отправились в обратный путь, с нетерпением ожидая часа, когда мы наконец увидим свой народ. В Олбании на пристани и прилегающих улицах собралось столько любопытных, что мы с трудом добрались до гостиницы.

Там мы пробыли совсем недолго, а затем выехали в Детройт. С этим местом у меня связано много приятных воспоминаний. Я ожидал встретить там своих старых друзей, но этим ожиданиям не суждено было сбыться. Не знаю, что с ними случилось. Может быть, все они уже умерли. Я не застал также и нашего старого отца*, который всегда был мне другом и никогда не упускал случая предложить мудрый совет.

Покинув Детройт, мы через несколько дней ступили на берег в Прери-дю-Шейен. Командир форта встретил нас очень радушно. Я зашел к отцу виннебагов (генерал Д. М. Стрит), которому я сдался после сражения на Бэд-Экс, и он очень обрадовался моему приходу. Я рассказал ему, что перед тем, как сдать, оставил свой великий амулет у его вождей, и теперь, когда я вновь на свободе, хотел бы получить его, чтобы вручить своему народу незапятнанным. Отец виннебагов заверил меня, что амулет цел и он обязательно заберет его у своих вождей и перешлет мне. Надеюсь, он не забудет о своем

обещании, как это всегда случается с белыми. Правда, виннебаги говорили, что он хороший отец и прекрасный человек и никогда не дает обещаний, которых не может выполнить.

Спускаясь по Миссисипи, я видел на ее западном берегу множество бледнолицых, поселившихся вокруг свинцовых копей на землях, которые мы отдали своему другу Дюбюку* много лет назад. У меня это вызвало вполне естественное удивление, ведь я думал, что Великий Отец хочет, чтобы Миссисипи стала границей между его краснокожими и бледнолицыми детьми, которую они не должны будут нарушать. Так, действительно, было бы лучше и для тех и для других, и я искренне радовался такому решению. Но белых людей на западном берегу становилось все больше и они все ближе подбирались к нашим жилищам. Я всерьез опасаясь, что через несколько лет они вновь начнут притеснять наш народ. Может быть, я и не доживу до этого, но такое время уже недалеко.

Когда мы прибыли на Рок-Айленд, было послано за Ке-о-куком и другими вождями. Они появились на следующий день, окруженные множеством молодых воинов. Все мы были рады видеть друг друга. Среди пришедших было много таких, кто потерял родных в прошлогодней войне. Я видел, как воспоминания о понесенной утрате вызвали у них на глазах слезы, но они старались улыбаться, приветствуя меня.

На следующее утро военачальник, который привез нас сюда, собрал совет в форте Армстронг. Ке-о-кук со своими людьми отправился туда, но я решил ждать, пока за мной пошлют. И действительно, вскоре пришел переводчик и сказал, что все собрались и ждут меня. Совет начался, как только мы подошли. Военачальник объявил, что собрал всех, чтобы передать меня Ке-о-куку. Потом он прочитал бумагу, в которой говорилось, что я должен следовать наставлениям Ке-о-кука и руководствоваться его советами во всех своих делах! Его требования были оскорбительны для моего достоинства и я с возмущением отверг их.

Не знаю, какую цель преследовал военачальник, произнося свою речь, и имел ли он действительно в виду то, о чем говорил, но уверен, что в этом не было никакой необходимости и ему не подобало вести себя так. Прежде мне часто приходилось слушать речи военачальников и самому говорить с ними, но никогда моя гордость и

достоинство не попирались столь откровенно. Тем не менее, я сожалею о своей резкости и не хотел бы, чтобы меня поняли превратно.

На совете я встретил своего старого друга (полковник У. Давенпорт), с которым был знаком вот уже восемнадцать лет. Храбрый воин и замечательный человек, он всегда хорошо относился ко мне и нередко помогал добрым советом. Он тоже говорил обо мне на этом совете, но совершенно по-другому. Это была речь настоящего воина! Он сказал, что знает меня уже давно и все это время мы с ним были добрыми друзьями. И хотя в последней войне он сражался против меня, это не мешает ему протянуть мне руку дружбы. Он надеется, что то, что я увидел во время своего путешествия, заставило меня понять, как глупо воевать против белых, и я никогда больше не нарушу мира. Он в любое время будет рад меня видеть и помочь советом.

Если бы Великий Отец присылал нам таких агентов, интересы наших людей, равно как и его собственные, охранялись бы гораздо лучше. Все военачальники хорошо знают наших людей и пользуются их уважением. Будь они нашими агентами, они бы сумели предотвратить столкновения между индейцами и белыми. Уверен, что нам бы не пришлось пережить столько горя, если бы агентом у нас был этот военачальник. Нашими агентами должны быть только военные! Великому Отцу следовало бы изменить существующий порядок управления и сделать офицеров, командующих пограничными фортами, правительственными агентами различных индейских племен.

Американские военачальники, с которыми мне пришлось встречаться, производили обычно хорошее впечатление. Наши люди, видевшие главного американского военачальника (генерал Уинфилд Скотт), который вместе с военачальником Иллинойса (губернатор Рейнольдс) заключил с ними последний договор, говорили мне, что это величайший из всех воинов и к тому же хороший человек — всегда исполняет свои обещания. Наши воины отзывались о нем лучше, чем о любом из тех, кто жил среди нас или заключал с нами договоры. На его слово можно было положиться. Если бы он был нашим Великим Отцом, мы бы не были поставлены в условия, вынудившие нас поддерживать англичан в их последней войне с американцами. Великий Отец меняется через каждые несколько лет и его детям следовало бы поста-

вить на его место главного военачальника — пожалуй, трудно найти лучшего Отца для нас всех.

Я был бы рад, если бы глашатаи (редакторы газет) каждого селения где я проезжал, сообщили своим людям мое мнение о главном военачальнике.

Во время поездки меня часто спрашивали, что я думаю по тому или иному поводу, но из-за отсутствия хорошего переводчика я не мог тогда ничего ответить. Сейчас, когда у меня появилась такая возможность, я считаю своим долгом высказать свои взгляды публично, если они по-прежнему вызывают интерес.

В частности, был поднят вопрос о переселении негров и меня спросили, как, по-моему мнению, лучше всего избавиться от этих людей. В то время я почти ничего не знал об этом и не был готов ответить. Однако позже я стал интересоваться этим вопросом и узнал, что некоторые штаты не признают рабовладения, в то время как в других используют негров как рабов и хотели бы избавиться от них, но не знают, как это сделать. В связи с этим я и хочу предложить свой план, который, надеюсь, будет принят.

Пусть свободные штаты вышлют всех негров мужского пола в рабовладельческие штаты и пусть Великий Отец купит всех негритянок в возрасте от двенадцати до двадцати лет и продаст их жителям свободных штатов на определенный срок, скажем, тех, кому меньше пятнадцати, до тех пор, пока им не исполнится двадцать один год, а тех, кому пятнадцать и больше — на пять лет. Если постоянно покупать в рабовладельческих штатах всех женщин старше двенадцатилетнего возраста и продавать их в свободные штаты, то вскоре вся страна будет очищена от чернокожих, которые, как мне говорили, вызывают столько толков среди белых и стоят им уйму денег.

Не сомневаюсь, что Великий Отец с готовностью поможет своим детям, — ведь так он сделает всех счастливыми, сам при этом ничего не теряя. Если же свободные штаты не захотят взять их всех, мы с удовольствием заберем лишних себе, чтобы они помогали нашим женщинам растить кукурузу.

Сейчас у меня нет ни времени, ни желания подробно описывать свою поездку по Соединенным Штатам. Белые люди и так знают о них, а я должен присоединиться к своим людям, которые уже отправились к местам охоты.

Но прежде чем распрощаться с читателем, я хотел бы опровергнуть утверждения тех, кто обвинял меня в убийстве белых женщин и детей. Это бесстыдная ложь! Я никогда не совершал ничего подобного и не знаю ни единого случая, чтобы кто-нибудь из моего племени убил белую женщину или ребенка. Я заявляю об этом, чтобы успокоить белых людей, которые были добры ко мне, когда я находился среди них. Они должны знать, что рука, которую они так сердечно пожимали, никогда не поднималась на беззащитных и поражал лишь таких же воинов.

У нас всегда было в обычае принимать любого, кто приходил в нашу деревню или лагерь во времена мира, делиться с ним лучшей своей провизией и помогать, чем мы только могли. Если он шел куда-нибудь или сбивался с пути, мы выводили его на тропу, если он был бос, мы отдавали свои мокасины. Я очень благодарен белым за сердечный прием, который они оказали мне и моим людям, когда мы были их гостями, и от всего сердца заверяю, что белый человек всегда будет нашим желанным гостем и в любой деревне его примут, как брата. Томагавк войны зарыт навсегда. Забудем все, что было, и пусть отныне нашим паролем будет слово «дружба»!

Жизнь моя подходит к концу. Пройдет еще несколько лун и я последую за своими предками в страну теней. Пусть же Великий Дух навечно установит мир между белыми людьми и нашим народом. Такова последняя воля Черного Ястреба.

ЭПИЛОГ.* СТАРЫЙ СЮРТУК И КОРИЧНЕВАЯ ШЛЯПА

После того, как история жизни Черного Ястреба была опубликована, он прожил еще пять лет. Большую часть этого времени его пристанищем был вигвам из древесной коры на берегу Айовы. Он жил там с женой, двумя сыновьями и дочерью по имени Намеква, чья красота позволяла ей успешно соперничать с белыми девушками в глазах молодых поселенцев.

Каттинг Марш, миссионер, посетивший саков и фоксов в 1834 году, описывая вигвам Черного Ястреба, отмечал, что в нем царили порядок и чистота, а вокруг росли дыни. Старика не было дома, но его дети приняли миссионера очень радушно.

Ке-о-кук, бывший в то время неоспоримым главой саков и фоксов, проявил по отношению к миссионеру гораздо меньше благосклонности. Марш сетовал, что вождь не очень-то жаловал христианских миссионеров. Но отвергая религию белого человека, Ке-о-кук вынужден был принять его способы ведения дел. По мере того, как исчезала традиционная торговля индейцев, им все чаще приходилось прибегать к кредитам. В конце концов, когда они совсем погрязли в долгах и жили в основном на пособие, саки и фоксы решили продать четыреста квадратных миль своей земли, чтобы заплатить долги.

На церемонии передачи земель, происходившей 27 сентября 1836 года, присутствовал Джордж Кетлин. Он писал: «Здесь был и несчастный свергнутый монарх, старик Черный Ястреб, который представлял собой весьма жалкое зрелище. Одетый в старый сюртук и коричневую шляпу, с тростью в руках, он стоял в полном одиночестве, сохраняя угрюмое молчание».

Но и столь значительной уступки оказалось недостаточно, чтобы остановить неумолимое наступление цивилизации. В 1837 году были проданы еще миллион с четвертью акров земли. Для заключения этой сделки в Вашингтон поехала группа индейцев и среди них Черный Ястреб. На этот раз он не удостоился таких почестей, как в 1833 году, но все же по-прежнему вызывал интерес на Восточном побережье. Он снова позировал художнику Чарльзу Бирду Кингу, знаменитому создателю серии индейских портретов. Но главой делегации, и притом весьма колоритным, был все же Ке-о-кук.

В 1838 году Черный Ястреб с семьей переселился на Де-Мойн. Когда его приветствовали на празднике в форте Мэдисон, устроенном по случаю Дня независимости, он не смог удержаться от последнего выпада в сторону Ке-о-кука.

«Прежде я был великим воином», — сказал он. — «Сейчас я живу в нищете и все это по вине Ке-о-кука».

Черный Ястреб умер 3 октября 1838 года и был похоронен традиционным индейским способом — внутри небольшого саркофага из бревен, в сидячем положении. Но кости его покоились там совсем недолго: могила скоро была разграблена. Позже его останки были перенесены в музей геологического и исторического общества в Берлингтоне, штат Айова, и погибли при пожаре 1855 года.

Агентом, под чьим надзором жил в последние годы Черный Ястреб, был некий Джозеф М. Стрит, тот самый человек, который в соответствии с проводимой правительством политикой предупредил племя сиу, когда люди Черного Ястреба пробирались к Миссисипи перед сражением у Бэд-Экс. Позже Стрит возглавил агентство саков и фоксов на Рок-Айленде. Он дал Черному Ястребу корову и, судя по всему, пользовался уважением бедного старика.

К тому времени Стрит оценивал численность саков и фоксов, включая тех, которые жили на Миссури, в 4396 человек, «обитающих на плодородных, хорошо орошаемых землях». Он утверждал, что «у этих индейцев имеются все возможности для процветания и счастливой жизни». Однако Стрит был настроен слишком оптимистично: к 1842 году индейцы согласились обменять свои земли в Айове на территорию в Канзасе. В 1857—59 годах эти два племени повздорили и разделились, после чего фоксы вернулись в Айову и поселились в Томе на реке Айова. В 1867 году саки продали свои канзасские земли и переселились на Индейскую территорию. В 1937 году численность фоксов в Айове составляла 441 человек, а племя саков, которые жили преимущественно в Оклахоме, насчитывало всего 987 человек.



ГОВОРИТ ЧЕРНЫЙ ЛОСЬ

*История жизни святого мужа
из племени оглала сиу*

*Передана Джоном Г. Нейхардтом
(Пылающей Радугой)*





Все, что есть доброго в этой книге —
дань Шести Праотцам и великим мужам
моего народа.

Черный Лось

I

ПОДНОШЕНИЕ ТРУБКИ



Друг мой, ты хочешь, чтобы я поведал тебе историю своей жизни. Я готов сделать это. Но будь это только история моей жизни, думаю, я не стал бы ее рассказывать. Ибо что такое человек, чтобы ставить высоко годы своих зим, даже если зим этих накопилось столько, что они согнули его под толщей тяжких снегов? Так много людей уже прожили и еще проживут свою жизнь, и в конце концов прорастут травой на холмах.

Мое слово будет о самой сути жизни, которая священна, и о ней славно рассказывать. Это слово — о двуногих существах, которые живут в единстве с четвероногими, пернатыми и миром растущей зелени. Ведь все они — дети одной матери и одного отца.

Вот почему мой рассказ — не о прославленном охотнике, великом воине или путешественнике, хотя за свою жизнь я немало поохотился, сражался за свой народ, будучи юношей и мужем, странствовал далеко, повидал дивные страны и необычных людей. Однако то же сделали многие другие, и гораздо лучше, чем я. Об этих вещах, конечно, я буду вспоминать, и временами покажется даже, что именно им посвящен мой рассказ — ведь я глубоко пережил все это, испытав радость и горе. И все же сейчас, взирая на всю прошедшую жизнь словно с вершины одинокого холма, я понимаю — она была историей могучего видения*, однажды посланного человеку, слишком слабому, чтобы воплотить его в жизнь. Она была историей священного древа*, которое должно было расцвести в сердце народа, подняв ветви с поющими птицами; а ныне иссохло. Она была историей мечты народной, которая погибла в кровавом снегу.

Но я знаю — видение было истинным и могучим, а значит, оно сильно и поныне, ведь оно даровано духом; это люди сами теряют его по слепоте своей.

Я понимаю, что своим рассказом совершаю доброе дело. Но доброе дело человеку не под силу совершить в одиночку. Поэтому прежде всего я обращусь к Великому Духу и сделаю ему подношение. Пусть он поможет мне быть правдивым. Видишь — я набиваю эту священную трубку* ивово́й корой; но прежде чем мы раскурим ее, тебе надо понять, как устроена трубка, и что она означает. Четыре ленты, свисающие с мундштука, обозначают четыре стороны света*. Черная лента — это запад, где обитают духи грома, посылающие дожди. Белая лента — север, откуда приходит белый очистительный ветер. Красная означает восток, откуда зарождается свет, где живет утренняя звезда, дающая людям мудрость. Желтая лента — юг, откуда приходят лето и животворные силы роста.

Но духи четырех сторон света на самом деле лишь один Дух, и вот это орлиное перо обозначает его. Этот большой Дух словно их отец; перо означает еще людей, которым должно парить высоко, вместе с орлами. Разве небо — не отец, а земля — не мать нам, и все живущее — кто летает, ходит, прорастает корнями, — не их дети? А этот кусок бизоньей шкуры, которым обернут чубук, символизирует землю. Ведь от нее произошли мы все. От ее груди питаемся мы, словно дети, всю свою жизнь вместе со всеми животными, птицами, травами и деревьями. Вот из-за того, что трубка обозначает все эти вещи, и еще то, чего не дано человеку постигнуть умом своим — из-за этого она священна.

Есть предание о том, как впервые пришла к нам трубка. Давным-давно, говорят, двое разведчиков* выслеживали бизонов. Поднялись они на вершину высокого холма и посмотрели оттуда на север. Там далеко на горизонте показалась маленькая точка. Когда она стала ближе, разведчики воскликнули: «Женщина!». Да, это действительно была женщина. Тогда у одного из разведчиков, легкомысленного человека, зародились в голове недобрые мысли и он высказал их вслух. Но друг предостерег его: «Это священная женщина; выбрось из головы все недобрые мысли». Женщина подошла совсем близко, и разведчики увидели, что на ней прекрасное белое замшевое платье из оленьей кожи. Волосы у нее были очень длинные, а сама она была молода и очень

красива. Она прочла все их мысли и произнесла певучим голосом: «Вы не знаете меня, но если хотите сделать то, о чем думаете, подойдите». И тот глупый разведчик подошел к ней. Но едва он приблизился, его вместе с женщиной окутало белое облако. Молодая красавица вышла из облака, и когда оно рассеялось, от неразумного остался один скелет, кишаший червями.

Тогда женщина обратилась к его спутнику: «Ты пойдешь домой и расскажешь людям, что скоро я приду к ним. Пусть они возведут в центре земель своего племени большой типи* для меня». Испуганный человек поспешил домой и рассказал обо всем, что видел. Люди сразу же сделали то, что им приказали, и, собравшись вокруг типи, стали ожидать появления священной женщины. Через некоторое время она появилась, и подходя к типи, запела:

Живым дыханьем иду я
И посылаю пророческий голос,
Священной походкой ступаю
И видимый след оставляю,
Священной походкой ступаю...

Женщина пела, и из уст ее струилось белое облачко, приятное на запах. Потом она что-то дала вождям. Это была трубка, с вырезанным на ее конце теленком бизона, что обозначало кормящую нас землю. А с мундштука свисали 12 орлиных перьев, которые означали небо и 12 месяцев-лун. Перья были связаны между собой прочной травой. «Смотрите,— воскликнула женщина,— эта трубка*принесет вам счастье и процветание, одно лишь добро будет исходить от нее. О ней должны заботиться лишь руки доброго человека, злые же вовсе не увидят ее». Потом она вновь запела и вышла из типи. Люди смотрели ей вслед — и вдруг женщина превратилась в белую бизониху*, которая, пофыркивая, помчалась прочь и вскоре совсем скрылась из виду.

Так рассказывают люди. Не знаю — было ли это на самом деле или нет; но поразмыслив, видишь, что все здесь правда.

Вот я разжигаю трубку, и после того, как я поднесу ее всем четырем силам, которые вместе составляют одну Силу, мы с тобой раскурим ее. Предлагая трубку сначала Великому Духу, я возношу ему такую молитву: «Хей-хей! Хей-хей! Хей-хей! Хей-хей! Праотец наш, Великий Дух, ты вечен, ты начало всему в этом мире. Все, что ты видишь, все вокруг создано тобой. Ты сотворил звезды, четыре стороны света, в один лишь день ты сделал

все вокруг. Праотец наш, Великий Дух, склонись к земле и услышь мой голос, обращенный к тебе. Там, где заходит солнце, услышьте меня! Духи грома, услышьте меня! Вы, обитатели страны Белого Великана, услышьте меня! Жители страны, откуда всегда восходит солнце, где живет звезда рассвета, услышьте меня. Оттуда, где обитает лето, услышьте меня! О небеса, о могучий орел, услышьте меня! И ты, мать-земля, единственная наша мать, ты, которая сжалилась над своими детьми!

О, четыре стороны света,— я ваш сородич! Дайте мне силу идти по мягкой земле, родичем всему живому! Откройте мне глаза, дайте силу ума, чтобы я стал подобен вам. Лишь в союзе с вашей силой смогу я противостоять бурям.

Великий Дух*, Великий Дух, праотец мой. Все живые существа земли едины. Все мы родились слабыми и беззащитными. Взгляни в бесчисленные лица детей своих и их детей. Пусть обретут они силу противостоять бурям и смогут пройти верной дорогой ко дню своего покоя.

Услышь меня! Вот моя молитва. Голос мой слаб, но искренен. Услышь меня!

Все. Хечету эло!»¹

Теперь, друг мой, давай раскурим вместе трубку, и пусть между нами будут мир и согласие.

II

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Я индеец лакота* из племени оглала. Отца моего звали Черный Лось. Его отец тоже носил это имя, как и отец его отца. Так что я четвертый, кого зовут Черным Лосем. Мой отец и несколько его братьев были знахарями. Отец приходился также двоюродным братом отцу великого вождя Неистойой Лошади. Мать мою звали Белая Бизониха, отца ее — Отказывается Идти, а мать — Много Орлиных Перьев. Мать моей матери и её отца я помню смутно. Отца же моего отца убили пауни*, когда я был еще младенцем. А мать отца, Красная Орлица, умерла вскоре после этого.

Родился я в месяц, когда на деревьях лопается кора (декабрь), на реке Литл Паудер, как раз в ту зиму,

¹ Воистину так! (индейск.).

когда убили четырех Кроу (1863 г.). Мне было три года, когда моего отца ранили в битве, получившей название «Ста убитых»*. Из-за этой раны он хромал до самой своей смерти. А умер он в то время, когда вырезали группу Большой Ноги (1890 г.). Он лежит здесь, в этих холмах.

Ту зиму «Ста убитых» я вспоминаю так, как человек вспоминает какой-то дурной сон, который приснился ему в детстве. Тогда я еще мало что понимал.словно стоял страшный, призрачный туман, ведь то было время, когда все вокруг казалось жутким и беспокойным. Я никогда прежде не видел васичу* и не знал, что они из себя представляют. Однако, все вокруг только и говорили, что васичу наступают на нас, собираются забрать нашу страну и ограбить ее, и что все мы должны умереть сражаясь. В той битве «Ста убитых» мы перебили всех васичу, и люди еще долгое время обсуждали ее. Но что значила какая-то сотня васичу, если были другие, которых не счесть.

Помню, раз я спросил своего дедушку: «Когда разведчики возвращаются из прерии, полной бизонов, они говорят: «Васичу идут». Когда какие-то странные люди собираются всех нас убить — говорят: «Васичу идут». Что же все это значит?» А дедушка мне ответил: «Это значит, что их очень много».

Когда я стал постарше, то узнал, что за сражение произошло в ту зиму, а также на следующее лето. В верховьях реки Мэдисон васичу нашли много желтого металла, которому они поклоняются и от которого теряют разум. Они хотели провести дорогу через нашу страну до того места, где находится желтый металл. Но наши люди совсем не хотели, чтобы эта дорога пролегла через наши земли. Она распугала бы всех бизонов, заставив их совсем уйти из нашей страны, а белые бы рекой хлынули по ней сюда. Они доказывали нам, что им нужно совсем немного земли — ровно столько, сколько надо, чтобы проехал фургон. Но народ наш понимал, чего им нужно на самом деле. Сейчас, когда оглядишься вокруг — видишь, чего они добивались!

Когда-то мы были счастливы, живя в своей стране, и редко голодали, ведь тогда двуногие и четвероногие жили вместе, словно сородичи; и для них и для нас вокруг было изобилие. Но вот пришли васичу и отвели нам маленькие островки земли, а другие маленькие островки для четвероногих. И становятся эти островки

все меньше и меньше, поскольку вокруг них бушует волна голодных васичу, погрязших во лжи и алчности.

Давным-давно отец рассказывал мне, а ему рассказал еще его отец, что жил некогда один святой лакота по имени Пьет Воду. Во сне он увидел то, что должно было с нами случиться, и было это задолго до того, как пришли васичу. Ему приснилось, что четвероногие собираются уйти назад в землю, откуда пришли, и что какой-то странный народ опутал паутиной всех лакота. Святой лакота тогда сказал: «Когда все случится, вы будете жить в серых квадратных домах на пустынной земле и будете голодать, сидя в этих серых квадратных домах». Рассказывают, что вскоре после того, как его посетило видение, он отправился назад к матери-земле: его убило горе. Сейчас, конечно, можно понять, что он имел в виду вот эти дома с земляными крышами, в которых мы живем. Сбылось и все остальное. Подчас сны несут куда большую мудрость, чем жизнь наяву.

А когда пришли солдаты и построили себе бревенчатый город*, там на ручье Пайни, одном из рукавов Паудера, мой народ уже точно знал, что они хотят построить свою дорогу, захватить нашу страну, а может, и перебить всех нас, если станут достаточно сильными. Неистойой Лошади тогда еще было лет 19, и нашим великим вождем все еще оставался Красное Облако. В месяц, когда меняется погода¹, он созвал все разбросанные группы лакотов на большой совет у реки Паудер. Когда мы вышли на тропу войны против солдат, наш общий лагерь протянулся по долине реки так далеко, что всадник мог бы от восхода до захода солнца скакать через наши деревни. К нам на помощь пришли многие наши друзья, среди них шайела (чейенны) и Голубые Облака (арапахо).

И в месяц, когда лопаются деревья, те сто белых были убиты. Сейчас здесь со мной находится мой друг, Огненный Гром, который старше меня. Он участвовал в той битве и расскажет тебе о ней.

Рассказывает Огненный Гром:

Мне было 16 лет, когда все это произошло. После большого совета на Паудере мы перебрались к реке Танг и стали там лагерь в устье Пино-крик. Много нас было. И Красное Облако был самым главным. Но вождем нашей группы был Большая Дорога. Перед самым восходом мы выехали верхом и направились вверх по

¹ Октябрь.

ручью к городку солдат, что расположен на ручье Пайни. Мы хотели напасть на него. Был уже почти полдень, когда мы остановились там, где дорога васичу спускалась круто вниз с узкого гребня горы и пересекала ручей. Здесь было хорошее место для сражения и мы выслали несколько разведчиков вперед, чтобы выманить солдат из бревенчатого города. Они ускакали, а мы разделились на две группы и залегли в овражках по обеим сторонам гребня горы и стали поджидать. Через некоторое время за холмом мы услышали выстрел. Поняли, что идут солдаты и стали успокаивать своих пони, чтобы те не ржали при приближении солдатских лошадей. Скоро мы увидели своих разведчиков, стремительно бегущих назад. Некоторые из них бежали, держа лошадей за повод и тем самым стараясь показать солдатам, будто лошади лакотов измотаны. Разведчики миновали нашу засаду, за ними пробежали, стреляя, солдаты. Когда васичу оказались у подножия холма, сразу завязался бой. Не успел я сесть на своего гнедого, как солдаты развернулись и стали с боем прорываться назад к вершине холма. В руках у меня был шестизарядный револьвер, который я купил у торговца, а также лук со стрелами. Одной рукой придерживая коня, я стал расстреливать их из револьвера, так как они подошли совсем близко. Кругом свистели пули, но еще больше было стрел — они словно стаи кузнечиков летали вокруг солдат. При таком перекрестном огне наши поражали и друг друга. Пробираясь назад, солдаты падали и падали, а лошади их разбегались в разные стороны. Многие наши бросились их ловить, однако я не стал этого делать, а упорно преследовал васичу. Когда солдаты достигли вершины, их осталось совсем мало и им уже некуда было там спрятаться. Они яростно отбивались. Мы ползком подобрались к солдатам совсем близко и тут кто-то крикнул: «Вперед! В такой день славно умереть! Подумайте о всех беспомощных, оставшихся дома!» Тогда все мы разом закричали: «Хока хей!» и бросились на них. В то время я был молодой и очень быстро бегал, так что оказался в числе первых, кто схватился с солдатами на вершине. Они вскочили и стали яростно отбиваться, и сражались до тех пор, пока последний васичу не упал замертво. С солдатами была собака, единственная оставшаяся в живых, она побежала к городу, воя от страха. Я не стал в нее стрелять — пожалел, однако многие пустили ей след стрелы и животное сва-

лилось, пронзенное множеством стрел. Теперь от солдат вообще никого не осталось. Мертвые люди и лошади, раненные индейцы лежали на всем пути к вершине холма. Кровь на ранах моментально замерзала, так как разразилась сильная пурга, и мороз все крепчал и крепчал. Земля была настолько тверда, что мертвых хоронить мы не стали, а только подобрали раненых и двинулись домой. Однако большинство их погибло в пути от жестокого холода. Умерли даже те, кто смог кое-как доковылять в лагерь. Как раз тогда отец Черного Лося сломал себе ногу.

Черный Лось продолжал:

Да, я помню то время, когда отец возвратился домой со сломанной ногой, и кажется мне, будто помню и битву. Но больше всего мне запомнился страх, охвативший всех. Все это время мне не разрешали играть слишком далеко от нашего типи, а мать бывало говорила: «Если не будешь слушаться, тебя заберут васичу».

Кажется, вскоре после битвы мы перенесли лагерь с устья Пино в другое место. У меня в памяти всплывает отец, лежащий на волокуше и укрытый доверху шкурами бизона, словно ребенок. Вспоминается мать, погоняющая пони. Было очень холодно, и кругом лежал глубокий снег. Помню, сам я сидел на другой волокуше и весь был укутан в меха. Наши стремились уйти подальше от городка солдат, и хотя я точно не знаю, куда именно мы направлялись, помню, что на запад.

Зима была голодной — из-за глубокого снега преследовать дичь было почти невозможно. В довершение ко всему многие люди ослепли от яркого снега. Так мы блуждали долгое время, и несколько групп в пути потеряли друг друга. Наконец, стали лагерем где-то у ручья, и вскоре охотники возвратились домой с мясом.

По-моему, именно в ту самую зиму знахарь по имени Ползун обходил людей и лечил снежную слепоту. Он прикладывал к глазам снег, пел священную песнь, услышанную им во сне, а затем дул на затылок, и люди прозревали. Так мне рассказывали. Говорили еще, что пел он о стрекозе, ибо именно от нее получил он святую силу.

Когда наступило лето, мы стояли лагерем на реке Роузбад. Мне было уже не так страшно — васичу находились далеко, а здесь, в долине, царил мир и было много дичи. Все мальчишки в лагере от пяти-шести лет и больше играли в войну. Из разных групп они собирались вместе и сражались — метали гибкими прутиками

друг в друга комья земли. Большие мальчики играли в игру под названием «Сбрось с лошади». Это была почти что настоящая война, разве только без жертв. Участники иногда могли получить серьезные увечья. Обычно собирались всадники из разных племенных групп, становились друг против друга и с громкими криками нападали. Со всего налета лошади на скакании друг на друга, становились на дыбы, путались, ржали, кругом стояло громадное облако пыли. Наездники же старались схватить один другого и боролись до тех пор, пока одна сторона не потеряет всех своих людей; «убитым» считался тот, кто слетел с лошади.

Когда стал постарше, я тоже, бывало, играл в эту игру. Во время нее мы всегда были обнажены, подобно настоящим воинам, которые идут на тропу войны. Однажды, играя, я свалился с лошади спиной на острые грушевые ветки, и моей матери пришлось долго вытаскивать из меня колючки. Но в то время, о котором рассказываю, я был еще слишком мал, чтобы играть в войну. Помню, однако, что все время наблюдал за старшими товарищами, и думал о том, что когда все мы вырастем и станем большими, то, наверное, сможем убить всех васичу и прогнать их из нашей страны.

В месяц, когда чернеет вишня (август) народ кругом опять только и говорил, что о какой-то битве, из которой наши воины возвратились с множеством раненых. Это была битва, получившая название «Нападение на фургоны»*. Я опять не на шутку испугался, поскольку на сей раз наши не одержали победы, как раньше. В лагере стоял большой плач по погибшим воинам. Мой друг Огненный Гром участвовал в битве и расскажет тебе, что произошло в тот день.

Рассказывает Огненный Гром:

Все было плохо. Там широкая открытая прерия окаймлена холмами. Посередине васичу сдвинули в круг свои фургоны, так что их мулам ночью ничего не грозило. Васичу было не так много, но они укрывались за своими фургонами и вели оттуда ураганный огонь. Мы сначала подумали, что это какое-то новое колдовство той великой мощи, которой они обладают, потому что выстрелы звучали один за другим, словно рвалось одеяло. Позже я узнал, что у васичу в руках были новые ружья, которые заряжались сзади*. Здесь они использовали их против нас впервые. Мы повели наступление после восхода солнца. Воинов собралось очень много, и мы реши-

ли скакать прямо на фургоны и смести их. Однако пони испугались того грома, что производили ружья васичу и отказывались повиноваться наездникам. Из-за холмов за нами наблюдали женщины и каждый раз, когда прекращалась стрельба, слышались их траурные песни и причитания. В который раз мы упорно наступали, но все оказывалось безуспешно — воины падали замертво, лошади горами валились у фургонов, другие разбредались по равнине. Тогда мы спешились, оставили коней в ущелье и стали наступать пешими. Но и это не помогло — воины падали, словно зеленая трава, скошенная степным пожаром. Наконец, мы подобрали раненых и отступили. Точно не помню, сколько было убито, но очень и очень много.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я на четыре года старше Черного Лося. С самого детства мы были хорошими друзьями. Помню, в ту зиму мы остановились на Паудере. Там еще росло много тополей. Пони нравилось пощипывать кору этих деревьев, для них это был хороший корм. В ту зиму большим деревом, упавшим на типи, убило мать Высокой Рубахи. Ночью бушевал ветер, и вспоминаю, как его шум не давал мне заснуть. Потом я услышал, что убило какую-то старую женщину. Это была мать Высокой Рубахи.

Черный Лось продолжает:

Тогда мне было четыре года. Если не ошибаюсь, именно следующим летом я впервые услышал голоса. То было счастливое лето, нечего было бояться, поскольку в месяц, когда линяют пони (май), от васичу пришла весть о том, что они желают заключить мир. Дороги больше не будет, и все солдаты уйдут. Солдаты и впрямь ушли, а города их мы уничтожили. В месяц падающих листьев (ноябрь) они заключили с Красным Облаком договор, в котором говорилось, что вся эта страна будет принадлежать нам до тех пор, пока текут реки и растет трава. Трава и реки не забыли тех обещаний...

Может быть, и не тем летом меня посетили голоса, но, думается, случилось это все же тогда. Помню, произошло это еще до того, как я стал играть с луком и стрелами или ездить верхом. Однажды, играя в одиночестве, я услышал их. Мне показалось, будто кто-то зовет меня. Я подумал, что это мать, но вокруг никого не было. Так повторялось несколько раз, и всегда, сильно испуганный, я бежал домой.

Когда мне было уже лет пять, дедушка сделал мне лук и несколько стрел. Как сейчас помню — кругом молодая травка, сам я сижу верхом на лошади. И тут вдруг с запада из грозовой тучи донеслись раскаты грома. Я поспешил в лесок, стоявший вдоль ручья, чтобы укрыться. В лесу на ветке я неожиданно увидел райскую птичку. Нет, это был не сон, все произошло на самом деле. Я собрался было выстрелить в нее из того лука, что смастерил мне дедушка, но птица вдруг заговорила человеческим голосом: «Все тучи вокруг идут в одну сторону». Наверное, это означало, что все тучи взирают на меня. А птица продолжала: «Прислушайся! К тебе вызывает голос!». Я взглянул на тучи и увидел, как по воздуху летят двое мужей, словно разящие стрелы. Они летели и пели священную песню, а гром в это время гремел непрерывно, словно барабан. Я спою тебе эту песню. Вот как она звучала:

Внемли, к тебе глас священный вызывает.

С небес к тебе глас священный вызывает.

Я сел и стал смотреть на них, а они летели из страны великана (севера), но подлетев совсем близко, неожиданно повернулись к западу и, превратившись в гусей, совсем пропали. И тут пошел дождь, прерываемый сильным ветром и гулом.

Я никому не рассказал о своем видении. Про себя мне нравилось думать о нем, но передавать кому-либо я боялся.

III

ВЕЛИКОЕ ВИДЕНИЕ

О том, что было со мной до того, как мне исполнилось девять, можно не рассказывать. Доброе лето сменялось доброй зимой. Васичу провели свою дорогу вдоль Платта и ездили через тамошние места. Железная дорога разделила стадо бизонов на две части. Но те бизоны, которые остались в нашей стране, были пока многочисленны, и мы привольно кочевали по своим степям.

Время от времени, когда я оставался один, голоса возвращались. Опять будто кто-то звал меня. Чего хотели они от меня, я не знал. Слышались они не так часто и порой я совсем забывал о них, ведь у меня появилось много других занятий. Я уже достаточно подрос, ездил

на лошади и мог подстрелить из своего лука степную куропатку или кролика. Тогда мальчики становились мужчинами очень рано; никто особо и не учил нас. Мы просто перенимали то, что видели вокруг, и быстро превращались в воинов. Это сейчас мальчики похожи на женщин.

Тем летом, когда мне исполнилось девять, наш народ медленно откочевывал к Скалистым Горам. Однажды вечером мы стали лагерем в долине у какого-то маленького ручья, там, где он впадает в реку Скользящих Трав. Был с нами один человек по имени Бедро Мужа. Я чем-то приглянулся ему, и он позвал меня в свое типи разделить трапезу.

Я уже было принялся за еду, как раздался голос: «Пора, тебя призывают, слышишь». Он прозвучал так громко и отчетливо, что я поверил ему и решил, что пойду, куда бы он ни позвал меня. Я встал и вышел из типи. В бедрах у меня появилась какая-то ноющая боль. Вдруг я словно бы пробудился от сна, и голос пропал. Я возвратился в типи, но есть уже не хотелось. Бедро Мужа с тревогой посмотрел на меня и спросил, что случилось. Я ответил, что очень болят ноги.

На следующее утро мы разобрали лагерь и двинулись на другое место. Я ехал вместе с другими мальчиками. По пути мы остановились попить у ручья. Я слез с лошади — тут мои ноги подкосились, и я упал. Друзья подняли меня и усадили на лошадь. Вечером, когда разбили лагерь, я заболел. На следующий день мы опять снялись и перебрались к большому лагерю, в котором собрались племена нашего народа. Я был очень болен, поэтому меня везли на волокуше. Руки, ноги и лицо сильно распухли.

Когда разбили лагерь, мать с отцом положили меня в типи, а сами сели рядом. Через открытый вход мне хорошо было видно небо, и вот из облаков появились те двое мужей, подобные стрелам, которых я видел прежде. На этот раз у каждого в руках было по длинному копью, наконечники которых сверкали зигзагами молний. Они спустились почти до самой земли, стали чуть поодаль и посмотрев на меня, сказали: «Поспеши! Идем! Твои предки тебя зовут!» Затем они повернулись и взмыли вверх, словно стрелы, выпущенные из лука. Когда я встал, ноги уже не болели, да и сам я казался себе необычайно легким. Я вышел из типи, ко мне подлетело маленькое облако и наклонилось. Встав на него, я быстро полетел

за людьми со сверкающими копьями. Посмотрев вниз, я увидел там отца с матерью, и меня охватила грусть расставания.

Потом вокруг было одно лишь небо. Маленькое облако стремительно несло меня вслед за теми двумя. Они летели туда, где белые облака раскинулись, словно горы на широкой голубой равнине. В этих облаках жили громовые духи, которые прыгали и сверкали.

И вдруг нас окутал мир облаков; мы трое оказались в центре громадной белой равнины со снежными холмами и горами. Вокруг было очень тихо; только слышался неясный шепот.

Затем двое мужей заговорили вместе: «Узри существо с четырьмя ногами!»

Я посмотрел и увидел гнедого коня, который обратился ко мне: «Взгляни на меня. Всю мою жизнь ты прозришь». Он повернулся на закат солнца и продолжал: «Взгляни на них! Их историю ты познаешь».

Я посмотрел туда, куда он указал — там стояли в ряд двенадцать черных лошадей с ожерельями из копыт бизона. Лошади были очень красивы, однако я испугался — вместо грив у них сзади сверкали молнии, а из ноздрей гремел гром.

Тут гнедой повернулся к стране великого белого великана (северу) и произнес: «Взгляни!» Передо мной явились двенадцать белых лошадей, все в ряд. Их гривы развевались, словно снежный буран, а из ноздрей исходил рев. Вокруг них кружили в полете белые гуси.

Потом гнедой развернулся в ту сторону, откуда восходит солнце, приказав мне смотреть. Там стояли в ряд двенадцать гнедых лошадей с ожерельями из зубов лося, глаза их мерцали подобно утренней звезде, а гривы походили на предрассветные отблески.

Гнедой опять повернулся — в ту сторону, куда мы всегда обращены (юг). Там в ряд стояли двенадцать желтых лошадей с рогами и гривами, распутившимися словно живые деревья и травы.

И когда я все это увидел, гнедой произнес, обращаясь ко мне: «Отцы твои держат совет. Они поведут тебя: мужайся».

Тут все лошади выстроились в ряд по четыре, сначала черные, потом белые, гнедые и, наконец, желтые. Гнедой стал впереди, повернулся на запад и заржал. И сразу на западе небо покрылось скачущими лошадьми разных-разных цветов. Они сотрясали мир страшным грохотом.

Обернувшись на север, гнедой жалобно заржал — и вмиг в той стороне небо взревело от ураганного топота бегущих лошадей всех цветов, ответивших диким ржанием.

А когда он опять жалобно заржал, обернувшись на восток, — и там небо наполнилось яркими разноцветными облаками из лошадиных грив и хвостов, отозвавшихся песней. Наконец, он воззвал к югу, и там сошлись табуны разноцветных лошадей, громко выражавших свою радость.

Потом гнедой вновь заговорил со мной: «Смотри, как все твои лошади пляшут». Я взглянул вверх — и все небо вокруг меня сотряслось от топота пляшущих лошадей.

«Теперь поспеши», — сказал гнедой, и мы с ним пустились в путь. А за нами в ряд по четыре двинулись белые, черные, гнедые и желтые лошади.

Я опять посмотрел вокруг себя, и вдруг эти бесчисленные пляшущие лошади превратились в разнообразных животных и всяческих птиц. Все они бросились в разные стороны света и наконец совсем исчезли из виду.

Потом на пути у нас показалось рыхлое облако, которое превратилось в типи. Аркой входа служила радуга. Через вход я разглядел шестерых старцев, сидевших в ряд.

Теперь двое мужей с копьями встали по обе стороны от меня, а лошади расположились по четырем сторонам света, по четыре в ряд и мордами к центру. Самый древний из предков обратился ко мне ласковым голосом: «Входи и не бойся». И пока он говорил это, стоявшие по четырем сторонам света лошади радостным ржанием приветствовали меня. Итак, я вошел и предстал перед ними. Шесть предков были такими древними, каким не может быть ни один человек. Они были древними, как холмы, как звезды.

Самый старый вновь заговорил: «Предки твои со всего света собрались на совет и призвали тебя, чтобы наставить на путь». Голос старца звучал мягко, однако я весь дрожал от страха, потому что понял; это не просто старцы, а шесть мировых Сил. Первый был властелином запада, второй — севера, третий — востока, четвертый — юга, пятый — неба, а шестой — земли. Да, я понял это и потому мне стало страшно. Самый древний старец вновь держал речь и обратился ко мне с такими словами: «Устремив свой взгляд на громовых духов, живущих там,

где заходит солнце! От них ты получишь мою силу. Они поведут тебя к высокому, уединенному центру земли — и ты узришь. Они покажут и то место, где вечно стоит солнце, чтобы ты познал».

Когда он говорил о познании, я взглянул вверх и увидел, как надо мной расцвела всеми оттенками пылающая радуга.

Тут в руке у старца появилась деревянная чаша, до краев наполненная водой. В воде стояло небо.

«Возьми ее,— промолвил он,— здесь сила, творящая жизнь. Теперь она принадлежит тебе».

Потом в руках у него появился лук. «Возьми его,— продолжал он.— В нем сила, способная убивать врагов. Теперь она принадлежит тебе». Затем старец, указав на самого себя, произнес: «Вглядись пристальнее в твой собственный дух, который ныне перед тобой. Сам ты — лишь тело духа, имя которому Орлиным Крылом Простертый».

Сказав это, старец на моих глазах превратился в человека громадного роста и побежал туда, где заходит солнце; и вдруг он превратился в черного коня, который остановился и, обернувшись, поглядел на меня. Конь выглядел очень жалким и изможденным, ребра его резко выступали.

Тогда второй Предок, властелин севера, встал и обратился ко мне, держа в руке целебную траву: «Возьми ее и поспеши». Я взял траву и понес ее черной лошади. Конь съел траву и сразу же стал здоровым и крепким. Он прискакал назад и снова превратился в старца, восседающего в типи.

Теперь второй предок, властелин севера, обратился ко мне: «Мужайся, мой младший брат, ибо на земле суждено тебе вдохнуть жизнь в целый народ, ибо в руках у тебя будет сила крыла белого великана, очищающая сила». После этих слов он внезапно вырос и побежал на север, а обернувшись ко мне, превратился в белого гуся, который, летая, стал описывать круги. Я огляделся вокруг — на западе лошади превратились в громовых духов, а на севере — в гусей. И второй предок спел мне две песни:

Идут люди грома, внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!
Идут люди белого гуся, внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!
Идут, идут, скорее внемли им!

Потом заговорил третий старец, властитель той страны, где вечно стоит солнце: «Мужайся, младший брат мой,— сказал он,— ибо тебя поведут по всей земле!» Он показал туда, где мерцала утренняя звезда — под ней парили два мужа. «От них получишь ты свою силу,— произнес он,— от тех, кто пробудил все живое на земле». И когда он говорил это, в руках сжимал трубку мира, на мундштуке которой распростерся пятнистый орел*. Орел был, казалось, живой — он шевелился и взмахивал крыльями, глаза его пристально смотрели на меня. «С этой трубкой,— сказал Предок,— пройдешь ты по земле и исцелишь все недуги». Потом он указал на человека, который был ярко-красным — цвета силы и здоровья. Едва он указал на него, человек лег, покатился по земле и превратился в бизона, который вскочил и помчался в сторону гнедых лошадей востока. А те, в свою очередь, тоже превратились в бизонов, здоровых и сильных.

Тогда заговорил четвертый предок, властелин той страны света, к которой мы всегда обращены (юг), откуда исходит сила, что способствует росту всего живого. «Мой младший брат, обладая силами четырех сторон света, нашим родичем пойдешь ты по земле. Взгляни, я даю тебе символ — сердце народа, с его помощью ты спасешь многих». И тут я увидел, что в руке он держит живой ярко-красный жезл. Я взглянул на него — и вдруг прямо на моих глазах побег стал распускать ветви. На ветвях появилась густая листва, а на ней поющие птицы. На мгновение мне показалось, что под зеленеющим деревом я увидел лагеря людей и всех других живых существ, тех, что ходят, прорастают, летают,— они жили счастливой жизнью. «Этот жезл будет стержнем судьбы народной, замкнет ее священным кругом, станет Посохом для ходьбы, сердцем народа. Силой, данной тебе, ты заставишь его цвести».

Старец помолчал немного, прислушался к пению птиц, а потом продолжал: «Взгляни на землю!» Я опустил свой взор вниз — лежавшая там земля была подобна кругу, вместившему в себя все народы. А в центре этого круга, распускаясь, стояло священное дерево. Там, где оно стояло, пересекались две дороги — красная и черная «Красная дорога — дорога добра, она ведет из страны великана (севера) туда, куда мы обращены (юг), — сказал предок,— по ней пойдет твой народ. Черная дорога ведет из страны, где живут громовые духи (запад) в

сторону восходящего солнца (восток). Это страшная дорога, дорога бед и войны. Тебе суждено пройти и по ней. Следуя этой дорогой, ты обретешь силу побеждать врагов своего народа. В четыре восхождения со своей силой пройдешь ты по земле».

Думаю, он имел в виду, что мне придется быть свидетелем жизни четырех поколений, и сейчас я живу уже с третьим. Тут старец встал, расправил плечи и побежал на юг, превратившись в лося. Он добежал до желтых лошадей, и те тоже превратились в лосей.

Заговорил пятый предок, старейший из всех, дух неба: «Сын мой, я послал за тобою, и ты явился. Сейчас увидишь мою силу!» Он распростер руки и превратился в парящего пятнистого орла: «Взгляни! Все крылья воздуха обретешь ты. Вместе с ветрами и звездами они станут словно сородичи. С моей силой ты пройдешь по земле». Хлопая крыльями, орел высоко парил надо мной. И вдруг все небо заполнилось крыльями, которые то и дело, приветствуя, касались меня.

Теперь я понял, что сейчас заговорит шестой предок, дух земли. Видел я, что был он очень стар, но стар по-человечьи». Его лицо, изрезанное морщинами, с запавшими потускневшими глазами, обрамляли длинные седые волосы. Я во все глаза глядел на него — мне показалось, что я его почему-то знаю. Я смотрел на старца, а он на моих глазах постепенно стал преобразаться в молодого человека. Когда же он превратился совсем в мальчика, до меня дошло, что это есть я сам. Предо мной в обратном порядке прошли все те годы, что ожидали меня впереди. Вновь обернувшись старцем, он промолвил: «Сын мой, воспрянь духом, ибо к тебе перейдет моя сила. На земле она очень тебе пригодится, потому что народ твой впереди ждут великие беды. Ступай».

Он встал и побрел через радужный вход наружу, а я следовал за ним, восседая на том самом гнедом, который разговаривал со мной вначале и привел меня в типи.

Затем гнедой остановился и обратился грудью к лошадям, стоявшим на западе, а голос промолвил: «Ты получил чашу с водой. Омолоди ею, заставь день зазеленеть. В руках у тебя и лук со стрелой,— на врагов твоего народа». Гнедой заржал, и двенадцать черных лошадей подошли и встали за мной по четыре в ряд.

После этого мой конь обратился в сторону гнедых лошадей востока. Я увидел, как у них во лбах засветились яркие утренние звезды. А голос промолвил: «Ты

получил священную трубку, а с ней силу, которая несет мир и красный счастливый день». Гнедой заржал, и двенадцать гнедых встали за мной по четыре в ряд.

Теперь конь повернулся на юг, к желтым лошадям, а голос опять промолвил: «Ты получил священный жезл и круг, которым жив народ, и тот счастливый желтый день, что должен наступить. В центре круга ты посадишь побег и сделаешь все, чтобы он зазеленел и стал могучим сильным деревом, которое зацветет, укрыв под своей сенью людей». Гнедой заржал, и подошли двенадцать желтых лошадей, которые встали по четыре в ряд.

Вдруг я заметил: на всех лошадях, что шли за мной, сидят всадники. Голос произнес: «Сейчас ты пройдешь с ними черной дорогой, и все народы и все живые существа, что ходят, летят, прорастают корнями, убоятся тебя».

И я поехал на восток той самой дорогой страха, а за мной в ряд по четыре черные, белые, гнедые и желтые всадники. Над дорогой далеко-далеко тускло всходила утренняя звезда.

Я посмотрел вниз, где лежала молчаливая земля, окутанная болезненным зеленым светом. В глаза мне бросились покрытые травами холмы и встревоженные животные — все они были объаты страхом. Повсюду раздавались крики испуганных птиц и слышалось хлопанье крыльев. Я был вождем над всеми духами, что скакали за мной, и когда оглянулся назад — все двенадцать черных лошадей разом встали на дыбы, забили копытами, раздался страшный гром. Своими гривами и хвостами они подняли ураганный ветер с градом; ноздри их исторгали молнии. Опять посмотрев вниз, я увидел, как град косыми линиями падает на землю, а вслед за ним — сильные ливни. Там, где мы ступали, деревья сгибались до самой земли, а холмы становились едва различимыми.

Но вот земля вновь преобразилась и стала яркой и свежей. Опять виднелись внизу холмы и долины, журчащие ручьи и реки. Мы приблизились к тому месту, где три стремительных потока сливаются воедино — к источнику могучих вод. Здесь творилось что-то страшное. От воды вздымалось пламя, а в языках его жил голубой человек, окутанный облаком пыли. Травы кругом зачахли и высохли, деревья поникли, изможденные двуногие и четвероногие лежали, тяжело дыша.

Воины, сидевшие на черных лошадях, вскричали:

«Хока хей!» и бросились на голубого человека, но тот отбросил их назад. Белые всадники кинулись на врага с боевым кличем на устах, и тоже оказались побиты. После них потерпели неудачу красные, а за ними желтые воины.

И когда уже ничего нельзя было поделаться, все всадники разом вскричали: «Поспеси, Орлиным Крылом Простертый!» И тут весь мир наполнился голосами, которые подбадривали меня. Я рванулся в бой, держа в одной руке чашу с водой, а в другой лук, превратившийся вдруг в копье. Наконечником ему служила сверкающая молния. Копье пронзило сердце голубого человека и сразу же раздалось раскаты грома и многоголосый хор вскричал: «Ун-хии!», то есть «Я убил его». Пламя погасло. Засохшие деревья и травы вновь поднялись и принялись радостно шептаться друг с другом. Все живые существа разноголосыми криками выражали свою благодарность. Потом все четыре отряда воинов подскакали к мертвому врагу и по очереди коснулись его, добыв удачу. И тут поверженное тело превратилось в безвредную черепаху.

Понимаешь, я ехал вместе с грозовыми тучами и спустился на землю дождем. С помощью той силы, что даровали мне шесть предков, я уничтожил засуху. И теперь мы ехали по земле вдоль полноводной реки, что текла от источника вод. Вскоре впереди показалась какая-то деревня, по кругу стоявшая в долине. Голос сказал: «Взгляни, это твой народ. Спеси, Орлиным Крылом Простертый!»

Вместе с четырьмя отрядами воинов я въехал в деревню. Весь лагерь разрывался от стонов и плача по мертвым. С юга, словно поветрие, налетал вихрь. Когда я осмотрелся, то увидел, что почти в каждом типи лежат мертвые и умирающие — мужчины, женщины и дети.

Я проехал вокруг лагеря — передо мной были больные и мертвые, и я готов был плакать от горя. Но, оглянувшись, я увидел, как все мужчины, женщины и дети поднимаются и выходят из типи со счастливыми лицами.

Голос произнес: «Вот, смотри, тебе вручена судьба народа, священный круг, чтобы ты возвратил его к жизни».

И я поехал к центру деревни. Там собрались все жители. А голос промолвил: «Дай им этот живой побег, чтобы они жили счастливо. Дай священную трубку, чтобы они познали силу мира, а также крыло белого великана, чтобы впредь могли они переносить беды и мужественно противостоять бурям жизни».

Услышав это, я взял свой ярко-красный жезл и воткнул его в центр того круга, в котором живет народ. Едва он коснулся земли, как превратился в громадный тополь с густыми ветвями, на которых, щебеча, сидели птицы. Под сенью его, словно сородичи, перемешались животные и люди, все радостными криками выражали свое счастье. Радостно зазвучали высокие голоса женщин, а мужчины вместе вскричали: «Здесь вырастут наши дети. Мы будем жить под этим деревом, как цыплята под крылом матери-курицы».

Затем я почувствовал легкое дуновение ветра, который шевелил ветви дерева и пел среди листвы. С востока на крыльях орла прилетела трубка мира. Она замерла передо мной, и тут под кронами дерева воцарился прочный мир.

На небе возшла утренняя звезда, и голос сказал: «Всем она станет сородичем. Тот, кто увидит ее, постигнет нечто большее, ибо с ней придет мудрость. Те же, кто не увидит ее, будут вечно блуждать во тьме». И все люди обратили свои лица на восток, и свет звезды озарил их. Собаки громко залаяли, а лошади заржали.

Потом, когда все звуки утихли, великий голос продолжал: «Взгляни: вот священный круг, в котором живет народ, он бесконечен, в нем все силы сольются в одну бесконечную силу. Теперь люди разберут лагерь и пойдут по красной дороге. Твои предки тоже пойдут вместе с ними». Люди свернули лагерь и пустились в путь по дороге добра. Лица их были осенены белым крылом. Шли они в таком порядке:

Впереди с чашей воды ехали всадники на черных конях, потом воины на белых конях с белым крылом и священной травой. За ними всадники на красных конях со священной трубкой. И наконец желтые, держащие зеленую побег. За ними шли маленькие дети, юноши и девушки.

Следом шествовали четыре вождя племени, а с ними все молодые мужчины и женщины.

После шли четыре советника племени. Они вели мужчин и женщин среднего возраста.

Затем, опираясь на палки, передвигались сгорбившиеся старики.

Позади них шли старухи, тоже сгорбившиеся и опирающиеся на палки.

И, наконец, был я сам, восседая на гнедом коне и держа лук со стрелами, которые подарил мне первый

предок. Однако оказалось, что я не был последним. Оглянувшись я увидел, что за мной, словно призрачный хвост, следуют бесчисленные души людей — праотцы праотцев, праматери праматерей. Там на юге, жил великий священный голос, голос юга: и он, этот голос молчал.

Мы шли, а голос севера сказал: «Взгляни, вот идет счастливый народ священной дорогой по счастливой земле!»

Потом я поднял взор и увидел спереди нас четыре подъема — это были те четыре поколения, свидетелем жизни которых я должен стать. Мы начали преодолевать первый подъем. Вся земля вокруг была полна жизни, трава зеленела. Когда длинная цепочка людей преодолела его, все старики и старухи воздели свои руки к небу и начали тихо напевать песнь, а небо впереди было озарено облаками, имевшими очертания детских лиц.

Перед вторым подъемом мы разбили свой лагерь, как и раньше, в виде священного круга. В центре его стояло святое древо, а земля вокруг вся благоухала.

Потом мы принялись преодолевать второй подъем, идя в том же порядке, что и раньше. Земля еще играла всеми красками жизни, однако подъем становился круче и круче. Когда я посмотрел вперед, то заметил, что люди превратились в лосей, бизонов и даже птиц. Все вместе шествовали священным порядком по красной дороге добра. А сам я, превратившись в пятиного орла, высоко парил над ними. Не успели мы стать лагерем у конца второго подъема, как идущие животные стали беспокоиться и опасаться, что не превратятся вновь в людей, а так и останутся животными. Тут они принялись жалобными голосами звать своих вождей. Когда наконец разбили лагерь, я поглядел вниз и увидел, что со священного дерева опадают листья.

А голос произнес: «Смотри, вот твой народ, помни о тех силах, которыми тебя наделили шесть предков, ибо отныне ждут твоих людей трудности».

Потом люди опять свернули свой лагерь и, пустившись в путь, увидели впереди черную дорогу, которая вела туда, где заходит солнце. Там вдалеке на горизонте сгустились черные тучи. Люди не хотели туда идти, но никак не могли остановиться. И когда люди, превратившиеся в животных и птиц, начали третий подъем, то вдруг заматались в разные стороны. Каждый из них, казалось, сам по себе. А по всей вселенной с диким ревом сражались между собой ветра. (Тут Черный Лось

заметил: «Мне кажется, что сейчас, когда весь мир приближается именно к этому подъему, должно случиться для людей всего света что-то плохое»).

И вот, когда мы достигли цели — окончили третий подъем — и стали лагерем, священный круг жизни народа распался, словно кольца вьющегося дыма, а святое дерево, казалось, совсем умирает — с него улетели все поющие птицы. Когда же я посмотрел вперед, то увидел — четвертый подъем будет ужасным.

Люди готовились к преодолению четвертого подъема, но тут голос, словно плача, воззвал ко мне: «Взгляни на свой народ». И когда я взглянул на него, то люди вновь обрели человеческий облик. Тела их были изможденными, а лица суровыми от голода. От их лошадей остались лишь кожа да кости, а священное древо погибло.

Я смотрел на все это и плакал. Но тут вдруг к северу от лагеря голодавших людей показался какой-то таинственный человек. Все его тело было расписано красной краской. Держа в руках копье, он шел прямо в центр лагерного круга. Здесь посередине он лег на землю, перекувырнулся и, встав, превратился в бизона, сытого и толстого. Там, где стоял бизон, а позади него росло священное древо, в самом центре круга жизни народа проросла целебная трава. Она становилась все выше и выше. На каждой травинке появился по четыре цветка — голубой, белый, алый и желтый. Яркие отблески, исходившие от этих цветов, сверкали до самых небес.

Сейчас я понимаю, что это значило. Бизон был для нас даром доброго духа и являлся нашей опорой — опорой, которую нам суждено было потерять. От того же доброго духа надлежало нам получить другую силу и опору. Когда трава подросла и расцвела, люди воспрянули духом, вокруг радостно ржали и скакали пони. С севера на людей дул легкий приятный ветерок. И вот в центре священного круга, по которому обитает народ, там где расцвели травы, вновь появилось цветущее древо.

Я был все еще пятнистым орлом. Я парил уже над четвертым подъемом, а люди стояли лагерем там, на третьем. Вокруг меня сгустилась страшная тьма — тут в дикой схватке сражались все ветра мира. Все было похоже на треск ружей и на клубящийся дым, и словно рыдания женщин и детей, и вопли лошадей разносились по всему миру. Там внизу наши люди в страхе разбега-

лись, спешили установить заслоны от дыма, прятались от ветра в своих типи. Стремительно надвигалась буря. Бесчисленное множество испуганных ласточек летали под облаками.

И тут на меня снизошла могучая песнь, и я запел ее посреди этих страшных мест. Вот она:

Я жизнь вдохну в народ
Так сказали небесные люди —
Они дали мне силы все одолеть.

Когда я кончил, голос сказал мне: «Ты победишь за помощью к четырем сторонам света и ничто тебя не остановит. Взгляни на него».

Я опять очутился на своем гнедом, ибо лошадь — дар земли, и именно на земле будет испытана моя сила. Когда я внял голосу и посмотрел, куда он велел — на западе стояла истощенная черная лошадь. Голос сказал: «Возьми вот это и вдохни в него жизнь». Я взял священную траву из четырех лучей и объехал вокруг этого изможденного коня. Одновременно я слышал, как люди вокруг призывают к силе духов: «А-хей! А-хей! А-хей!, А-хей!» И вот полумертвый конь громко заржал, перекашлялся и крепко встал на ноги. Вместо жалкого существа теперь стоял крупный черный жеребец в серых яблоках. Грива его была подобна облаку. Он был вождем всех коней. Стоило ему фыркнуть, как из ноздрей вырывались сверкающие молнии. Конь метнулся на запад, громко заржал, и тут весь запад заволокло облако пыли, поднятое стуком копыт. Из этого облака стали выплывать бесчисленные кони ярко-черного цвета. Затем он рванулся на север и тоже заржал, потом на восток и на юг, и везде вздымались громадные облака пыли, из которых выплывали бесчисленные кони — белые, гнедые и желтые. Все они были сытые и красивые, наслаждались своей силой и быстрым бегом. Это было и страшно, и прекрасно.

Затем все они резко остановились, встали на дыбы и выстроились кольцом вокруг своего черного вожака. И четыре девы алого цвета, прекраснее всех женщин земли, по одной от каждой стороны света, вошли в круг и встали около этого крупного черного жеребца. Одна несла чашу с водой, другая — белое крыло, третья — трубку, а последняя — священный круг жизни. Все четыре стояли каждая на своей стороне света. Вселенная затихла, внимая происходящему. И тут черный жеребец запел. Вот его песня:

Лошади мои, идете вы вскачь,
Лошади мои, идете вы со ржанием,
Лошади мои, идете вы вскачь.
По всей вселенной вы идете.
Взгляни — они будут плясать...
Взгляни — лошадиный народ будет плясать...

Голос его был негромким, но разносился по всей вселенной, наполняя ее. Все живое прислушивалось к песне, и не было ничего прекраснее ее. Лошади пустились в пляс. Листва на деревьях, травы на холмах и в долинах, воды в ручьях и озерах, четвероногие, двуногие и крылатые создания — все вместе плясали под песнь жеребца. И когда я взглянул вниз на свой народ, грозовая туча пропала, окропив землю ласковым дождем. Эта туча застыла на востоке, превратившись в сверкающую радугу.

Потом все кони с пением разошлись по своим частям света, преодолев четвертый подъем. И все в мире подпевало им, пока они шли.

А голос сказал: «Вся вселенная увидела счастливый день». И посмотрев вниз на землю, я увидел, что весь широкий круг этого дня был прекрасным и цветущим. Плоды наливались соком, везде воцарились добро и счастье.

Тогда голос произнес: «Запомни этот день. Ты сам должен будешь принести его людям. А сейчас ты взойдешь к центру земли, чтобы узреть все вокруг. Тебя проведут туда».

Я по-прежнему сидел верхом на своем гнедом, а сзади появились всадники запада, севера, востока и юга. Как и прежде, все они ехали четкими рядами. Мы направлялись на восток. Впереди показались горы, покрытые лесами, и еще выше вздымающиеся скалы. Горы излучали разноцветные отблески, своими сияниями восходившие под небеса. И вот уже я стоял на самой высочайшей горе, а вокруг меня простирался весь священный круг земли. Стоя там, я увидел больше, чем могу рассказать, а постиг умом больше того, что увидел. Ибо мне в таинстве открывался духовный облик всех вещей и образ всех образов, и то, что все они в этом мире составляют единство. Я увидел, что священный круг жизни моего народа — лишь один из многих, которые вместе составляют единый круг, широкий и просторный, словно дневной свет, словно сияние звезд. В центре его произрастало одно могучее цветущее дерево, которое укрывало всех детей одной матери и одного отца. Я понял, что все это свято.

Я стоял там в центре круга, а с востока ко мне летели двое мужей. Они летели головами вперед, словно стрелы. Между ними взошла утренняя звезда. Они подлетели и дали мне траву, сказав: «С ее помощью ты предпримешь на земле любое дело, и завершишь его». То была трава утренней звезды, трава мудрости, и они велели мне бросить ее на землю. Трава полетела вниз, и едва коснувшись земли, сразу расцвела, и на каждом стебле ее было по четыре цветка — голубой, белый, алый и желтый. Сияние цветов достигло небес, и все создания увидели его, и на земле не осталось ни одного уголка, где бы властвовала тьма.

Потом голос сказал: «Теперь возвращайся к своим шести предкам».

Дотоле я не обращал внимания на свой облик. А тут заметил, что весь сплошь раскрашен красной краской. Места суставов были разрисованы белыми полосами. Гнедой, на котором я ехал, был весь расписан линиями, изображавшими молнии, а гривой ему служило облако. И дыханьем моим была молния.

Двое мужей, что принесли меня с земли, головой вперед, словно разящие стрелы, сейчас указывали мне дорогу. Я следовал на гнедом за ними, и вот они превратились в четыре стаи гусей, которые стали описывать круги, каждый над своей стороной света, издавая священный голос: «Бр-р-р-п, бр-р-р-п, бр-р-р-п, бр-р-р-п!»

Потом я увидел радугу, сияющую над типичными Шести Предков. Типично было из облаков, сшитых нитями-молниями. Под ним летали все пернатые мира, а еще ниже были звери и люди. Все они ликовали, а гром, что раздавался вокруг, казался счастливым смехом.

Когда я въезжал через окаймленный радугой свод, по всей вселенной голоса приветствовали меня. И я увидел Шестерых Предков, восседавших в ряд. Руки их были простерты ко мне, ладонями вверх. За спинами старцев в тумане туч проступали без числа лица еще не родившихся людей.

«Он победил!» — разом вскричали все шестеро, и голос их отозвался громом. И когда я проезжал мимо, каждый предок вновь одарил меня тою же вещью, что и прежде — чашей с водой, луком и стрелами, силой творить жизнь и убивать врагов, белым крылом и целебной травой, священной трубкой и живым побегом. И снова каждый обращался ко мне поочередно и объяснял назначение своих даров. И каждый, сказав слово, исчезал в

земле и вновь возрождался; после того, как каждый проделал это, я почувствовал себя ближе к земле.

Затем самый древний из них произнес: «Внук, всю вселенную ты постиг. Теперь ты вернешься назад вместе с обретенной тобою силой. И там, на земле, случится так, что сотни будут спасены, а сотни сгорят в огне. Смотри!»

Я поглядел вниз, и там на земле увидел своих людей. Все они были здоровы и счастливы, кроме одного из них, который, словно мертвец, лежал без движения; и человек этот был я сам. И тут самый старый предок запел такую песнь:

Кто-то священный лежит на земле.
Этот кто-то — на земле он лежит.
Я вдохнул в него святость, с которой
он к людям пойдет.

Тут типи, сделанное из облака, закачалось, словно от ветра, и сияющий радугой свод стал блекнуть. Отовсюду снаружи неслись голоса: «Глядите: вот идет Орлиным Крылом Простертый!»

Когда я вышел из типи, на земле уже занимался день; на лбу его мерцала утренняя звезда. Поднялось солнце и глядело на меня, и я шел вперед один.

Я шел один и слышал, как за мной летела песнь восходящего солнца:

Своим ярким ликом являюсь,
Свято являюсь.
Радость несу цветущей земле.
Радость принес я в центр священного круга народа.
Глядите, вот я со своим ярким ликом!
Четвероногие и двуногие, я вдохнул в вас жизнь.
Крылатые, я наполнил вас силой.
Своим ярким ликом являюсь.
О новый день, я сделал тебя священным.

Когда песнь кончилась, я почувствовал себя потерянным и одиноким. Тут голос надо мной произнес: «Оглянись!» То был пятнистый орел, паривший надо мной, он и обратился ко мне. Я посмотрел, куда он мне указал. Там, где прежде стояло типи, сшитое из облаков — я видел только одинокую высокую скалу, стоявшую в центре мира.

Ноги мои ступали по земле; я брел один по широкой равнине. Лишь пятнистый орел охранял меня. Вдали показался мой родной лагерь. Я прибавил шагу, так как очень соскучился по дому. Потом я увидел свое типи, а в нем — отца с матерью, склонившихся над больным мальчиком, — то был я сам. Когда я входил в типи, кто-то

произнес: «Мальчик приходит в себя, дайте ему немного воды».

Затем я приподнялся и сел. Мне было немного грустно потому что ни мать, ни отец и не подозревали, как далеко я побывал.

IV

БИЗОНЬЯ ОХОТА

Когда я вернулся к своим родителям и смог сидеть в типи, лицо мое было еще распухшим; опухшими были ноги и руки. Но чувствовал я себя уже хорошо — мне хотелось вскочить и побегать немного. Однако родители удержали меня. Они сообщили мне, что я пролежал больной двенадцать дней подряд, неподвижно, словно мертвый, и что к жизни меня вернул Ловец Вихря — знахарь и брат Стоящего Медведя. Я-то понимал, что на самом деле меня вылечили Предки из типи Сверкающей Радуги. Однако я не решился сказать об этом. Отец подарил Ловцу Вихря свою самую лучшую лошадь за то, что тот вылечил меня. Многие приходили поглядеть на меня. Вокруг было много разговоров о великой силе Ловца Вихря.

Все радовались, что я жив. А сам я лежал и размышлял о том чудесном месте, где мне довелось побывать, и обо всем том, что увидел. Я был очень печален — мне казалось, что об этом должны узнать все, а я не могу рассказать, ведь мне никто не поверил бы. Я был еще слишком мал — девяти лет от роду. Вспоминая свое видение, я вновь и вновь, словно наяву, переживал его, и ощущал его значение благодаря какой-то таинственной силе, теплившейся в моем теле; но то была только часть моего существа. Когда же другая часть его — та, что облечена речью, пыталась назвать это значение, оно становилось дымкой и ускользало прочь.

Сейчас я уверен, — тогда я был еще слишком мал, чтобы постигнуть умом это видение; я мог лишь чувствовать его. Мне вспоминались картины и слова, которые прошли передо мной. В жизни не видел я ничего столь яркого и красочного, как мое видение, ни от кого ни разу не слышал таких слов, какие послали мне голоса. Мне не нужно было запоминать их — они сами собой запали в память на долгие годы. Взрослея, я все больше и больше

начинал понимать значение тех образов и слов, что снизошли до меня. Но даже сейчас я знаю, что мне было показано больше, чем в силах я рассказать.

Вечером того дня, когда я вернулся на землю, Ловец Вихря, добывший славу и добрую лошадь, снова заглянул в наше типи. Он присел и долгое время как-то странно глядел на меня; потом он сказал отцу: «В том, как сидит твой сын, есть что-то священное. Точно не знаю, что все это значит, но как только я перешагнул порог типи, я почувствовал, как какая-то сила, подобно свету, озарила все мое тело».

Пока он пристально смотрел на меня, мне хотелось вскочить и убежать. Я боялся, что он проникнет взглядом вовнутрь меня и увидит там мое видение, а затем передаст его как-нибудь неправильно, и тогда все решат, что я сошел с ума. И долго еще потом, стоило мне только завидеть Ловца Вихря, я скорей убегал и прятался, боясь, что он заглянет вовнутрь меня и все расскажет.

Утром у меня пропали все отеки. Я почувствовал себя так же хорошо, как и прежде. Однако все вокруг казалось мне каким-то странным и отдаленным. Помню, дней двенадцать после всего этого мне очень хотелось побыть в одиночестве. Казалось, я не принадлежу своему народу, словно все остальные были чужестранцами. Все это время я уходил из деревни, оставался один и не играл с другими мальчиками. Я смотрел на четыре стороны света, размышлял о своем видении, жалея, что не могу вернуться назад. Домой я приходил только за тем, чтобы поесть. Однако аппетита не было. Отец с матерью считали, что я все еще болен. Они ошибались — просто я тосковал по тому месту, где мне довелось побывать.

Не решался я рассказать о своем видении даже дедушке Отказывается Идти, хотя до этого думал, что могу поделиться с ним самым сокровенным. Он всегда понимал мальчишек, и сам без конца рассказывал о всяческих чудесах. И он сделал мне тот первый лук. Он делал мне стрелы, и когда я терял их, у него всегда наготове были новые. Нельзя сказать, что я не любил своего отца, но Отказывается Идти — совсем другое, с ним в играх я проводил долгое время. И вот впервые я не смог поведать ему о том, что мучает меня.

Однажды я шел с луком, который сделал мне дедушка, и думал о своем видении. Тут неожиданно у меня

закружилась голова, и на мгновение мне показалось будто лук со стрелами — именно тот, что подарил мне первый предок из типи со сверкающей радугой. Затем все встало на свои места, и в руках у меня опять были дедушкины лук и стрелы. Мне было как-то нехорошо, и я пытался заставить себя поверить, что это было лишь простым сном. Я подумал, что выброшу все из головы, и решил подстрелить какую-нибудь дичь. Мне попался куст, на ветке которого сидела маленькая птичка. Только я стал прицеливаться, как у меня опять закружилась голова. И вспомнил — теперь ведь я сородич пернатым — и опустил лук, чувствуя, что глупо было упускать эту птицу. Потом спустился к ручью, и там у ручья заметил зеленую лягушку и сразу же не раздумывая, выстрелил в нее. Но когда я подошел и поднял ее за лапки, то подумал про себя: «Вот я убил ее», — и тут же чуть было не расплакался от жалости.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я помню то время, когда мой друг был болен. Я старше его на четыре года. Сам я минниконжу, но наши матери приходятся друг другу сестрами. Поэтому, когда наши племена стояли одним лагерем, мы играли вместе. Случилось это у истоков Скользящей Травы (Литтл Биг-Хорн). Все, в том числе и Черный Лось, чувствовали себя хорошо. А потом вдруг я услышал, что он умирает и уже еле дышит. Мы очень переживали, посылали к другим племенам за целебными снадобьями, но никто не знал, что у него за болезнь. Помню, я как-то видел его больным — мой друг был словно мертвый. Потом он неожиданно выздоровел. Все люди удивлялись и тоже много говорили об этом.

Помню и то, что происходило после его выздоровления. Вскоре мы перенесли наш лагерь к устью Ивового Ручья — это два дня пути на юг. Во время переезда, я подскакал к мальчикам помладше, которые ехали сзади. Мне хотелось повидать своего маленького друга. Я обратился к нему: «Здравствуй, младший брат! По всему, ты уже чувствуешь себя хорошо?» А он ответил: «Здравствуй! Да, сейчас я совершенно здоров!» Но пока мы ехали и разговаривали, я чувствовал, что он не похож на мальчика. Скорее, это был старец. Вспоминаю, как его отец разговаривал однажды вечером с моим отцом в нашем типи за едой. Отец Черного Лося сказал что-то в таком роде: «С тех самых пор, как мой сын выздоровел, он стал совсем другим — ведет себя как-то странно, не

любит бывать дома. С ним творится что-то неладное. Бедный мальчик!»

Потом все отправились на большую охоту, и об этом событии забыли.

Черный Лось продолжает:

Да, после небольшой остановки у Ивового Ручья мы отправились на большую охоту. Она помогла мне на время забыть о видении.

Однажды утром по деревне прошел глашатай и объявил, что лагерь переезжает. Советники собрались в типи совета, и глашатай обратился к ним: «Советники, выходите в центр и несите с собой огонь». Обязанностью советников было поддерживать огонь, поскольку в те времена у нас не было спичек.

«Переезжаем, переезжаем» — опять вскричал глашатай, и все люди начали разбирать свои типи, укладывать их на волокуши.

Потом глашатай громко объявил: «Слышал я, будет много бизонов, много бизонов! Следите за своими детьми!» Он имел в виду, чтобы родители держали детей поблизости, а то те могут распугать бизонов.

Мы полностью свернули лагерь и пустились в путь. Впереди шли четверо советников, за ними глашатай, следом — вожди, а уже за ними длинной цепочкой двигались остальные люди с нагруженными волокушами. Замыкали процессию табуны пони. Сам я ехал почти в конце, вместе с младшими мальчиками. Когда вся процессия стала подниматься вверх по склону холма, я посмотрел вперед, и на мгновение у меня опять закружилась голова, потому что мне вспомнилось племя из видения, которое шло по красной дороге священным путем. Но здесь все было иначе, и вскоре воспоминание покинуло меня, потому что впереди ждало нечто захватывающее, и даже лошади, казалось, чувствовали это.

Через некоторое время добрались мы до места, где росло много дикой репы, и глашатай объявил: «Снимайте поклажу и дайте отдохнуть лошадям. Берите палки и ройте репу». Люди начали копать, а советники в это время отдыхали и курили на близлежащем холме. Потом глашатай вскричал: «Грузите свою поклажу!» И вскоре все снова пустились в путь.

Днем советники выбрали место для нового лагеря. Там было много сушняка и воды. Женщины принялись готовить еду. Тут люди заговорили, что возвращаются разведчики. Их было трое, они показались на вершине

одного из холмов и проскакали в самый центр деревни прямо к типи совета. Сюда же стал стекаться весь народ. Я подобрался как можно ближе, и из-за спин мужчин следил за происходящим. Глашатай вышел из типи и обратился к народу: «Я хранил вас, теперь дайте мне много даров». Тогда разведчики сели перед входом в типи, а один из советников набил священную трубку ивовою корою чакун-ша-ша, и положил ее перед собой на бизоний помет, ведь бизон был священен — он давал нам пищу и кров. Потом он зажег трубку, поднес ее четырем сторонам света, духу неба и матери-земле, и, передавая разведчикам, сказал: «От вас зависит судьба племени. Все, что вы видели, может послужить на благо народа». Разведчики сделали по одной затяжке, показав тем самым, что будут говорить только правду. Затем советник спросил одного из разведчиков: «В каком месте увидел ты добрый знак? Сообщи мне и порадуя».

А тот отвечал: «Ты знаешь, откуда начали мы свой путь. Мы шли и достигли вершины одного холма и там увидели небольшое стадо бизонов». Говоря, он указывал направление.

Советник продолжал: «Быть может, по другую сторону холма увидел ты добрый знак? Расскажи». Разведчик ответил: «По другую сторону холма мы увидели второе, более крупное стадо бизонов».

Советник опять вопрошал: «Расскажи мне все, что ты увидел с вершины холма, буду очень тебе благодарен».

Разведчик сказал: «Оттуда до самого горизонта, насколько хватало взора, паслись бизоны».

Советник воскликнул: «Хечету эло! Теперь я доволен».

Тогда глашатай громко объявил нараспев: «Точите ножи, заостряйте стрелы. Готовьтесь, спешите, ведите лошадей! Мы выходим на охоту и много добудем мяса!»

Все бросились заточивать ножи и наконечники стрел, готовить лучших лошадей для этой большой охоты.

И вот мы выступили в том направлении, которое указали разведчики. Первыми ехали акацита* — двадцать человек цепью. Того, кто решился бы вырваться вперед, сразу бы вышибли из седла. Акацита следили за порядком, и все обязаны были подчиняться их приказаниям. За ними следовали остальные охотники. Главный советник прошел по рядам и отобрав самых лучших охотников на быстрых лошадях, обратился к ним: «Молодые воины, полные сил, сородичи! Я знаю, вы никогда не возвращаетесь без добычи, всегда в охоте вам сопутству-

ет успех. Сегодня вы накормите беспомощных соплеменников, одиноких стариков и старух, и тех, у кого в типи есть малые дети, но нет мужчины. Вы поможете им. Дичь, которую вы сегодня убьете, отдайте им». Такого рода поручение было большой честью для молодого человека.

После, когда мы подошли к стаду бизонов еще ближе, охотники окружили животных и с боевым кличем: «Хока хей!» — бросились преследовать их. Потревоженные бизоны подняли громадное облако пыли. Все охотники были почти полностью обнажены, у каждого за спиной висел колчан, полный стрел. Обычно охотники настигали бизона и поражали его пониже левой лопатки. Некоторые стрелы входили в тушу по самое оперение, а порой, не встречая костей, проходили насквозь. Всем было радостно.

Рассказывает Стоящий Медведь:

До этого на моем счету был всего лишь один молодой бизон — поэтому охоту я помню хорошо: мне было уже тринадцать лет; я решил, что пора бы уже стать настоящим мужчиной и добыть годовалого бычка. Один из бизонов помчался в ложину, и я бросился преследовать его на своем пони. Мой первый выстрел, кажется, не причинил ему никакого вреда, зато вторая стрела вошла в бизона почти наполовину. Думаю, что я поразил его в самое сердце, потому что животное сразу зашаталось, и из ноздрей его хлынула кровь. После каждого удачного выстрела охотники обычно восклицали: «Йоху!» Я тоже не переставая вопил: «Йоху!», поскольку это был мой первый взрослый бизон. По тому, как я кричал, можно было подумать, что мне удалось расправиться со всем стадом. Когда мой бизон свалился, я спешил и стал свежевать его. Меня переполняла радость. По всей равнине до самого горизонта лежали бизоньи туши; их разделяли охотники. На помощь к ним спешили женщины и старики, издавая высокие ликующие возгласы. Было это в месяц красной вишни (июль). Добыча была велика.

Черный Лось продолжает:

В это время я был уже вполне здоров и мог ездить на пони, но для охоты был еще слишком мал. Поэтому мы, маленькие мальчики, лишь разведывали местность и наблюдали за охотниками. Стоило нам завидеть группу бизонов, мы, как взрослые охотники, кричали: «Йоху», но никто не обращал на нас никакого внимания.

Когда окончили разделку туш убитых бизонов, охот-

ники взвалили мясо на лошадей, прикрепив его сыромятными ремнями. Не осталось ни одной не нагруженной лошади. Мы, мальчики, никак не могли дождаться, пока мясо приготовят и некоторые лакомились по дороге в лагерь сырой печенью. Никто нас не одергивал.

Дома женщины уже готовили длинные шесты, которые укладывали на треноги. Получалась рама для сушки мяса. Возвращавшиеся охотники бросали длинные полоски мяса на подстилки из листьев.

Все советники прошли обратно в типи совета, а к их типи отовсюду стал стекаться народ с мясными дарами для них; советники вскричали: «Хай-ааа!» и запели песнь в честь тех, кто принес им эти добрые дары. Когда они съели столько, сколько могли, глашатай вышел и объявил: «Ступайте домой! Я уже сыт!» Люди забрали то мясо, что осталось от пира, и унесли домой.

Все женщины вокруг были заняты только тем, что резали мясо на полоски и вешали сушиться на рамы. Везде, куда ни глянь, висело красное мясо. Всю ночь люди пировали, плясали и пели. Счастливое было время.

Тогда, после большой охоты мы, мальчики, часто играли в военную игру. Отойдя недалеко от лагеря, мы строили из травы несколько типи. Сами мы были как бы врагами, а травяные типи нашим лагерем. Мы выбирали своего советника, который, когда стемнело, приказывал нам прокрасться в лагерь взрослых и похитить мясо. «Советник» держал над нашими головами прутик, и каждый должен был подпрыгнуть и откусить от прутика. Если ты откусывал много, то следовало добыть большой кусок мяса, если мало — то маленький кусочек. Потом мы пробирались в лагерь взрослых ползком на животе и, когда возвращались назад непойманными, устраивали большой пир, плясали, вели бесконечные победные речи, и словно настоящие воины, описывали свои храбрые деяния. Раз, помню, мне не пришлось расписывать свою храбрость; я подкрался к кривому дереву, росшему позади одного из типи. На ветвях его сушилось мясо. При тусклом лунном свете я заметил там бизоний язык и сразу вскарабкался на дерево. Я уже было собрался схватить его, как вдруг человек в типи крикнул: «Йе-а-а!» Он спугнул свою собаку, которая тоже подбиралась к мясу. Мне же показалось, что он заметил меня. Я так испугался, что свалился с дерева и в слезах убежал.

Еще мы часто исполняли пляску, которую называли «Пляской потрескавшейся груди». Наш «советник»

осматривал всех и выбирал того, у кого была самая загорелая грудь. Тогда этот мальчик плясал, а все мы, мальчишки, пели:

У меня потрескалась грудь.
Грудь моя красная.
Грудь моя желтая.

Занимались мы и проверкой друг друга на выносливость. «Советник» насыпал нам на запястья высушенные семечки подсолнуха и зажигал их. А мы должны были терпеть, пока они не прогорят до самой кожи. Было очень больно, и после этого оставались ожоги, но если кто не выдерживал и сбрасывал семечки с рук или вскрикивал, его сразу обзывали девчонкой.

V

В ГОРОДКЕ СОЛДАТ

После того, как все мясо было высушено, шесть племен нашего народа, которые собрались вместе примерно в то время, когда меня посетило видение, покинули лагерь в устье Ивового Ручья и разошлись в разные стороны. Мы, небольшая часть оглалов, направились к югу, в городок солдат, что стоял на реке Дымная Земля (Уайт-Ривер). Там жили некоторые наши сородичи и мы хотели навестить их, а заодно попить кофе, угостившись агиапи, паисута сапа и чахумписка — хлебом, кофе и сахаром. Остальные оглалы остались вместе с Неистойой Лошадью*, который вообще не хотел иметь ничего общего с васичу. Это было в месяц, когда созревают вишни¹, и мы, мальчишки, проводили все время в играх. В лагере было совсем немного мальчиков, поэтому все держались вместе. К тому времени я почти забыл о своем видении, да и головокружения больше не тревожили меня. Я уже перестал быть таким застенчивым, как раньше. Лишь в сильную грозу всего меня переполняло какое-то счастливое чувство — словно кто-то приходил навестить меня.

Сначала мы разбили лагерь на Паудер-Ривер, затем у истоков северного рукава Доброй реки (Чейенн-Ривер) у большого холма, который мы прозвали Сидит-Рядом-С-Младшим-Братом, потому что за ним стоял еще один

¹ Июль.

небольшой холмик. Потом останавливались у ручья Дрифтвуд-Крик, затем на равнине Сосновых Деревьев. Следующей нашей стоянкой был Плам-крик, Сливовый ручей. Когда мы добрались до него, сливы уже начинали краснеть, но еще не совсем созрели. Дедушка пошел туда и сорвал несколько больших спелых плодов. Мне они показались очень вкусными.

Когда мы достигли ручья Военный Головной Убор, что протекает совсем неподалеку от городка солдат, там нас уже ожидали моя тетя и другие сородичи. Они захватили с собой хлеб, кофе, и мы вместе устроили большой пир. Ночью я опять заболел, и утром родители настояли на том, чтобы я ехал на волокуше. Они очень боялись, что на этот раз я непременно умру. Мне кажется, тогда я просто переел хлеба и выпил слишком много кофе. Может быть, и слив съел больше, чем нужно. Мы вновь стали лагерем, теперь уже на холме Бедра. На этот раз к нам присоединились почти все соплеменники из городка солдат. На следующий день примерно двадцать типи покинули лагерь; другие остались на месте. Всю зиму мы прожили со своими сородичами у городка солдат. Для нас это было счастливое время — мы катались на санках, сделанных из челюстей и ребер бизона, связанных сыromятными ремнями.

Той зимой мне было уже десять лет, и как раз тогда я впервые увидел васичу. Поначалу из-за своей бледности они показались мне больными. Еще я боялся, что они возьмут и нападут на нас, но потом привык к ним.

В ту зиму один из наших мальчиков забрался на флагшток и обрубил его верхушку вместе с флагом васичу. Это чуть не привело к беде. Нас со всех сторон окружили солдаты с ружьями. Однако Красное Облако без оружия встал между двумя сторонами и обратился с речью к васичу и к нам. Он сказал, что мальчик, который сделал это, должен быть наказан, а солдатам заметил, что глупо взрослым мужчинам стрелять друг в друга из-за детских шалостей — ведь и они когда-то в детстве делали глупости. В конце концов все уладилось.

Красное Облако был из оглалов. Это был великий вождь. Но к тому времени, о котором я рассказываю, он уже больше не сражался с васичу. Он перестал воевать после того, как пятью годами раньше заключил договор (1868г.), и теперь жил со своей группой «Свирепые лица» в городке у солдат. Думаю, что величайшим вождем был Неистовая Лошадь, и он тоже был из оглалов.

В месяц появления трав¹ группой в 30 палаток мы снялись из нашего лагеря и двинулись к Черным Холмам*, чтобы запастись шестами для типи. Шли по течению ручья Отрубленной Лошадиной Головы и добрались до самого устья. Когда мы стояли там лагерем, я как-то вышел побродить за его пределы. Бродил и вдруг услышал посвист пятнистого орла. Я взглянул вверх — орел парил прямо у меня над головой. Тут у меня опять сильно закружилась голова и на короткое время мне показалось, что я снова попал в мир своих видений.

Из этого места мы перебрались к Ущелью Бизона у самого подножья Черных Холмов. Однажды мы отправились с отцом поохотиться на оленей. Нам пришлось взбираться вверх по склону большого холма и продираться сквозь лесные заросли. Отцу было трудно идти из-за раны, полученной во время битвы «Ста убитых». Когда наконец мы добрались до самой вершины, отец посмотрел вниз и сказал: «Вон там я заметил несколько оленей. Подожди тут, а я пойду подкрадусь к ним». У меня неожиданно опять закружилась голова, и сам не знаю почему, я ответил ему: «Нет, отец, останемся здесь. Они выведут к нам». Отец посмотрел на меня строго и удивленно спросил: «Кто это выведет?» Я не мог ответить; он, пристально посмотрев на меня, уступил: «Хорошо, сын». Мы залегли в траве и стали ждать. И впрямь, олени сами подошли к нам, а отец подстрелил двоих.

Пока мы свеживали оленей, я ел оленью печень; и тут меня охватила жалость оттого, что мы убили этих животных. Мне подумалось — надо оставить какую-нибудь жертву взамен. «Отец, а не оставить ли одного из них диким зверям?» — спросил я. Он опять внимательно посмотрел на меня, однако положил одну из туш головой к востоку, а сам, встав лицом к западу, воздел руки и четырежды вскричал: «Хей-хей!» — и произнес слова молитвы: «Праотец наш Великий Дух, услышь меня! Всем диким, вкушающим мясо, предлагаю я эту жертву, чтобы народ мой и дети мои жили в достатке».

Наш народ прожил счастливо еще одно лето, ибо не пришла еще большая беда. Люди заготовили множество шестов для типи. Там, на восточной стороне Черных Холмов, в изобилии водилась дичь. Эти холмы для нас были словно кладовая, полная всякой пищи. Вдвоем со своим одногодкой по имени Железный Бык я увлекся

¹ Апрель.

ловлей рыбы. Опуская в воду приманку, мы всегда приговаривали: «Ты, что живешь в воде и носишь красные крылья, я предлагаю тебе эту пищу, иди сюда». Когда мы начинали ловлю и вынимали первую рыбу, то зажимали ее раздвоенным прутиком и целовали. Мы были уверены, что если бы не сделали этого, то другие рыбы узнали бы и ушли. Если нам попадалась маленькая рыбка, мы кидали ее обратно, чтобы рыба побольше не боялась и не уходила. Не знаю, помогало нам все это или нет, однако домой мы всегда возвращались с большим уловом. Родители гордились нами. А мы, в свою очередь, стремились поймать больше рыбы, чтобы люди дивились нашим успехам.

Жил в лагере один человек по имени Уатанья, который умел бить рыбу острым копьем. У него сильно болели губы; они так потрескались у него, что он не решался смеяться. Бывало, люди нарочно смешили его, но он вставал и уходил от них. Однажды он предложил мне: «Младший Брат, я покажу тебе, как надо бить копьем рыбу», и мы вместе пошли к ручью. В прозрачной воде лежала большая, размером по локоть, рыба. «Возьми копье и ударь вглубь» — сказал Уатанья. — В воде рыба лежит гораздо глубже, чем это кажется нам». Я схватил копье и пустил его что было сил, однако глубина оказалась намного больше, чем я предполагал. Поэтому я промахнулся, и не удержавшись, рухнул в холодную воду. Когда я вскарабкался на берег, Уатанья, держась за живот, весь сотрясаясь от хохота. Кровь ручьями струилась по его лицу. Он со всех ног бросился прочь от меня, и еще долгое время потом, едва только я встречался на пути, он поворачивался и убегал, боясь вновь рассмеяться. Раз я как-то даже нарочно спрятался в кустах, дожидаясь, пока он пройдет мимо, чтобы только посмотреть, как он побежит, когда я выскочу.

Но Уатанья, наверное, любил меня, потому что часто брал с собой ловить рыбу или на охоту. Он постоянно учил меня разным полезным вещам; он любил рассказывать всякие истории, главным образом смешные — если, конечно, у него не болели губы. До сих пор помню один из его рассказов о юноше-лакота по имени Высокий Конь, и о том, какие трудности тот претерпел, добываясь руки любимой девушки. Уатанья уверял, что все именно так и было: может, и верно. Если же нет, нечто подобное могло случиться на самом деле. Я расскажу тебе эту историю.

VI

СВАТОВСТВО ВЫСОКОГО КОНЯ

Знаешь, в старые годы было совсем непросто взять девушку в жены. Нередко для юноши это было делом нелегким, и ему приходилось многое вынести. Вот, скажем, я, например, юноша и мне понравилась девушка, которая так прекрасна, что стоит мне подумать о ней, как всего меня охватывает тоска. Но я не могу так просто пойти и сказать ей об этом, а потом жениться, если она согласна. Тут нужно быть пронырливым малым. Если вообще удастся перекинуться с ней словечком, это только начало.

Мне немало придется потосковать из-за своей сильной любви, а она, как правило, даже не взглянет на меня; родители неотступно следят за дочерью. Но вот я стану тосковать все сильнее, как-нибудь подкрадусь ночью к ее типи и буду ждать, пока она выйдет. Может статься, что я не смыкая глаз проведу там всю ночь, а она так и не появится. Тогда уж мне совсем будет худо.

Я, быть может, попытаюсь затаиться в кустах у ручья, к которому она ходит за водой, и, если она пройдет мимо, а вокруг никого не будет — я выскочу, возьму ее за руку и попрошу выслушать меня. Если она тоже любит меня, это сразу можно понять по тому, как она себя поведет. Из-за своей скромности девушка поначалу порой не скажет и слова, а будет просто стоять, потупив взор. Тогда я дам ей уйти, а сам, побродив вокруг типи постараюсь застать как-нибудь ее отца, которому расскажу, сколько лошадей я могу дать за его прекрасную дочь. И к этому времени мне уже так худо, что я готов отдать всех лошадей в мире.

Так вот. Того юношу, о котором я веду рассказ, звали Высокий Конь. В деревне жила одна девушка, которая была так красива, что он только и думал о ней, все больше и больше влюбляясь. Девушка же была очень скромна, а родители сильно ее оберегали, потому, что сами были уже немолоды, и то был их единственный ребенок. Целыми днями они не отпускали ее от себя ни на шаг. Они сделали так, чтобы и ночью, когда все спят, девушке ничего не грозило. Поскольку родителям было известно, что Высокий Конь увивается вокруг нее, на ночь они при-

вязывали дочь к постели сыромятными ремнями, чтобы никто не смог похитить ее, пока они спят. Не доверяли они дочери — кто знает, не хочет ли она быть похищенной?

В общем, Высокому Коню пришлось порядком побродить вокруг да около, скрываясь и поджидая девушку, пока наконец он не застал ее одну и не уговорил побеседовать с ним. Он понял, что тоже не совсем безразличен девушке. Понятно, что одно это помогло ему воспрянуть духом. Он еще больше загорелся желанием добиться ее руки. Это придало ему силы бизона; он пошел к ее отцу и сказал прямо, что любит его дочь и готов отдать за нее двух хороших лошадей — одну молодую, а другую постарше. Но старик лишь отмахнулся, тем самым показав Высокому Коню, чтобы тот уходил и перестал болтать глупости.

Высокий Конь теперь совсем не мог найти себе места от переполнявшей его любви. Один юноша, его приятель, сказал, что одолжит ему двух пони, а когда Высокий Конь разживется лошадьми, то вернет их. После этого он опять пришел к старику и предложил за девушку четырех лошадей — двух молодых и двух взрослых. А старик вновь отмахнулся и не пожелал с ним говорить.

Высокий Конь опять принялся бродить вокруг типичной девушки, пока не застал ее одну. Он предложил ей бежать вместе с ним, а если она не согласится — он умрет на месте. Однако девушка отказалась. Ей хотелось, чтобы ее взяли замуж законным путем, как всякую красивую женщину. Видишь ли, она тоже знала себе цену.

Высокий Конь совсем загрустил, он смотреть не мог на еду и бродил вокруг, понунив голову — ему оставалось только умереть.

Был у него один очень близкий товарищ — Красный Олень. Они всегда держались вместе. Увидел Красный Олень, что творится с другом и спросил: «Брат, в чем дело? Не болен ли ты? Ты так плохо выглядишь, словно собрался умирать».

Тогда Высокий Конь рассказал другу обо всем: жизнь потеряет для него всякий смысл, если он в ближайшем времени не женится на своей любимой. Красный Олень подумал немного и сказал: «Послушай, брат, у меня есть план. Если ты достаточно смел, чтобы выполнить его, все будет в порядке. Она не хочет бежать с тобой, четырех лошадей старик отверг, а больше у тебя нет. Остается

лишь выкрасть ее. Потом, через некоторое время ты вернешься назад и старику придется волей-неволей смириться, ведь она станет твоей женой. Возможно она сама хочет, чтобы ты украл ее».

Вместе они составили план, который предстояло осуществить Высокому Коню. Он сказал, что любит девушку очень сильно и готов на все. И вот что они сделали.

Поздней ночью они подкрались к типи девушки и ждали до тех пор, пока внутри не смолкли все звуки. Семья как будто заснула. Тогда с ножом в руке Высокий Конь потихоньку прополз в типи. Ему надо было перерезать сыромятные ремни, которыми была привязана девушка, а Красный Олень должен был помочь вынести невесту и засунуть ей в рот кляп. Потом жених перекинет ее через круп пони и помчится прочь, и будет счастлив до конца дней.

Когда Высокий Конь заполз в типи, он так разволновался, что слышал биение своего сердца. Ему казалось — оно колотится так сильно, что непременно разбудит стариков. Однако все было спокойно. Он принялся перерезать ремни. Каждый раз ремень лопался с шумом, который пугал его до полусмерти. Все шло хорошо, и он уже обрезал все ремни, дойдя до самых ног девушки. Но тут он так сильно разволновался, что нечаянно кольнул ножом девушку. Та громко вскрикнула. Старик тут же вскочил и стал кричать. Однако Высокий Конь был уже снаружи и вместе с Красным Оленем они бросились бежать, словно антилопы. Старик и соседи преследовали юношей, но те скрылись в темноте, и никто не узнал, кто это был.

Если тебе когда-нибудь доводилось влюбляться, ты хорошо поймешь, как горевал Высокий Конь. Ему было очень плохо. Казалось, если он не умрет от горя, то погибнет от голода.

Красный Олень все думал о том, как помочь другу? Через несколько дней он пришел к Высокому Коню и сказал: «Брат, мужайся! Я придумал еще один план, и уверен, что если ты настоящий мужчина, то на сей раз нам удастся похитить ее». На эти слова влюбленный юноша ответил: «Я сделаю все, что угодно, только бы добиться этой девушки».

Вот что они предприняли.

Они отошли подальше от деревни, и Красный Олень заставил своего товарища раздеться донага. Затем он

выкрасил его в белый цвет, а после разрисовал черными полосами, обведя глазницы черными кругами. Теперь Высокого Коня было не узнать. Он был так страшен, что Красный Олень, закончив работу, посмотрел — и сам немного испугался.

«Теперь, если тебя застигнут снова, то так испугаются, что подумают — ты злой дух и побоятся тебя преследовать», — заметил Красный Олень.

И вот, когда ночь уже состарилась, и все давно заснули, они тайком подкрались к типи девушки. Как и в первый раз, Высокий Конь заполз внутрь с ножом в руке, а друга оставил снаружи.

Влюбленный подобрался к постели девушки и начал перерезать ремни. Из головы у него не выходила мысль: «Если меня обнаружат, то просто застрелят из-за этого ужасного вида». Девушка спала беспокойно, постоянно ворочалась, и Высокий Конь работал очень медленно и осторожно.

Видимо, он все же наделал шуму, потому что старуха-мать проснулась и сказала мужу: «Старик, проснись! В типи кто-то есть!» Но муж крепко спал и не желал, чтобы его тревожили. «Ну, ясное дело, есть! Мы тут все в типи. Спи, не беспокой меня» — пробормотал старик и захрапел снова.

Высокий Конь так испугался, что всем телом приник к земле и лежал тихо-тихо. Понимаешь, в последнее время он почти не спал, постоянно тоскуя по любимой. И теперь, поджидая, пока наконец уснет старуха, он сам заснул, забыв обо всем на свете, и даже о красоте девушки. Красный Олень, дожидаясь его снаружи, терялся в догадках — что же там произошло, однако окликнуть друга он не решался.

Спустя некоторое время забрезжил рассвет, и Красному Оленю с двумя пони, которых он приготовил для Высокого Коня и его невесты, пришлось уйти, иначе его бы увидели проснувшиеся соседи. Он и ушел.

А в типи, где спала девушка, становилось все светлее и светлее. Девушка проснулась, и первым, что она увидела, было какое-то ужасное животное, все белое в черных полосах, спавшее у ее постели. Она закричала от страха, и тут же отчаянно завопила старуха, а за ней и старик. Напугавшись до смерти, Высокий Конь вскочил и так стремительно вылетел из типи, что чуть не снес его совсем.

Отовсюду — с ружьями, луками, топорами — сбегались люди и все вопили, что было мочи.

Высокий Конь бежал быстро-быстро, едва касаясь земли, и со стороны выглядел таким страшным, что люди, оказывавшиеся у него на пути, разбегались. Несколько храбрецов хотели выстрелить в него, но остальные предостерегли их — может, это какое-нибудь священное существо, и если убить его, их племя постигнет беда.

Высокий Конь добежал до протекавшей неподалеку речки, отыскал среди кустов дерево с дуплом и забрался в него. Некоторое время спустя совсем рядом с ним прошли несколько воинов, и он даже слышал, как они говорили друг другу, что это какой-то злой дух вышел из воды, а потом вернулся назад.

В то утро вожди решили перенести лагерь отсюда в другое место. Люди уехали, а Высокий Конь продолжал прятаться в дупле.

Красный Олень наблюдал за всей суматохой из своего типи и притворился, будто он тоже удивлен и перепуган, как и остальные. Когда же лагерь перенесли, он вернулся назад. Спустившись в заросли кустарника у реки, он окликнул товарища. Высокий Конь узнал голос друга и отозвался. Красный Олень помог ему смыть с себя краску, и они вдвоем уселись на берегу, чтобы поговорить о своих злоключениях.

Высокий Конь сказал, что теперь уже больше никогда не вернется назад, к племени. И все, что с ним теперь будет — ему уже безразлично. Он решил, что в одиночку вступит на тропу войны. Тут Красный Олень ответил: «Нет, брат, ты не пойдешь один на тропу войны, с тобой буду я».

Красный Олень приготовил для похода все, что нужно, и ночью они вдвоем отправились на тропу войны. Несколько дней спустя, незадолго до захода солнца они добрались до лагеря кроу, и когда стемнело, подкрались к их пасущимся лошадям. Вдвоем они убили ничего не подозревавшего сторожа — тот спал считая, что все лакота слишком далеко — и угнали около сотни коней.

Остальные лошади кроу бросились врассыпную, и кроу лишь к утру удалось переловить их. А двое друзей к этому времени были уже далеко. Три дня и три ночи Красный Олень и Высокий Конь без усталости мчались домой. Словно на крыльях пронеслись они по лагерю и подогнали свой табун прямо к типи, где жила девушка. Высокий Конь окликнул старика, и когда тот вышел, спросил его, достаточно ли лошадей он пригнал за его дочь? На сей раз старик не отмахнулся. Да и не лошади

ему были нужны. Ему просто хотелось иметь такого зятя, который был бы настоящим мужчиной.

Вот так Высокий Конь в конце концов получил свою невесту. Думаю, он заслужил ее любовь.

VII

ВАСИЧУ

В ЧЕРНЫХ ХОЛМАХ

На следующее лето, когда мне исполнилось 11 лет (1874 год), мы увидели первые признаки новой беды. Тогда наш клан стоял лагерем на ручье Сломанный Палец в Черных Холмах. Оттуда мы перебрались к Весеннему Ручью, а потом на Быстрый Ручей, в то место, где он выходит на открытую прерию. Однажды вечером, незадолго до захода солнца, на западе показалась большая грозовая туча. Не успел подуть ветер, как в небе закружились стаи ласточек. Все это напомнило мне часть моего видения, и снова начала кружиться голова. Мальчики пытались сбить ласточек, швыряя в них камнями. Мне больно было видеть это, но я не мог ничего сказать им. Я тоже взял камень и сделал вид, будто собираюсь кидать. Ласточки казались мне священными. Никто из ребят не попал ни в одну из птиц, и когда я подумал об этом, то понял — иначе и быть не могло, ведь ласточки священны.

На следующий день несколько человек принялись сооружать палатку для потения* знахарю по имени Щеп. Он собирался совершить какой-то обряд, перед которым нужно было подвергнуться самоочищению. Говорят, он был первым, кто изготовил священное украшение для нашего великого вождя Неистойой Лошади. Пока раскаляли камни для палатки, где будет потеть знахарь, ребята позвали меня на охоту за белками. Я согласился и пошел вместе с ними, и когда уже собирался подстрелить одну из них, то вновь почувствовал себя очень странно. Я сел на землю и удивился — что это опять со мной. Тут я услышал голос, который воззвал ко мне: «Немедленно уходите отсюда. Спешите домой!» Я сказал ребятам, что надо немедленно уходить, и все заспешили в лагерь. Когда мы вернулись, кругом царил возбуждение, разбирались типы, ловили лошадей, грузили

поклажу. Мне рассказали, что во время потения Щепы явился голос, который сообщил, что нам немедленно надо спасаться бегством, потому что здесь непременно что-то должно случиться.

Незадолго до захода солнца мы пустились в путь и шли всю ночь назад, в направлении Весеннего Ручья, а потом спустились вниз по этому ручью к южному рукаву Доброй реки. Большую часть ночи я ехал на волокуше, так как не мог усидеть на лошади, засыпая на ходу. Утром мы остановились на Доброй реке только для того, чтобы позавтракать. А потом вновь пустились в путь, и так шли весь день, пока не достигли устья Лошадиного ручья. Мы, было, собрались разбить здесь лагерь, однако вернулись разведчики и сообщили, что Черные Холмы наводнили солдаты. Вот что, оказывается, предсказывал Щепа. Поэтому, не останавливаясь ночью, мы заспешили к реке Дымная Земля (Уайт-Ривер). Когда добрались до нее, уже рассвело и я проснулся. Мы опять сделали короткий привал, чтобы подкрепиться, и пошли вверх по реке, дважды становясь лагерем, к Робинсону.

Позже я узнал, что это Пахуска* привел своих солдат в Черные Холмы тем летом — на разведку. Он не имел никакого права вторгаться туда, ведь вся эта страна принадлежала нам. Кроме того, васичу заключили с Красным Облаком договор (1868 г.), в котором говорилось, что эта земля будет нашей до тех пор, пока растет трава и текут реки. Потом я узнал также, что в Черных Холмах Пахуска обнаружил много желтого металла, от которого васичу сходят с ума. Именно этот металл и принес с собой огромные несчастья, как уже однажды случилось, когда были убиты сто солдат.

Наш народ давно уже знал, что в тех местах встречаются мелкие камешки желтого металла. Но людей это несколько не беспокоило — ведь он ни на что не годился.

Зиму мы прожили в городке солдат, поскольку боялись тех васичу, что ринулись в наши холмы. А между тем беда все надвигалась — и вот весной прошел слух, что в Черные Холмы с Миссури нагрянули другие васичу, чтобы добывать там желтый металл, ведь Пахуска широко разнес весть о нем — при помощи голоса, который доходит повсюду. Позже он и был за это наказан.

Целую зиму люди только и говорили об этом. Неистовая Лошадь находился тогда в стране Паудер-Ривер, а Сидящий бык* жил где-то к северу от Черных Холмов. Те лакота, что жили в городке солдат, считали — надо

объединиться и что-то предпринять. Люди Красного Облака, наоборот, утверждали, что солдаты пришли для того, чтобы не пустить золотоискателей в Черные Холмы. Но мы не верили этому, и называли людей Красного Облака «попрошайками». Говорили, что они продались васичу, и что если мы не предпримем что-либо, то навсегда потеряем Черные Холмы. Весной, когда мне уже было 12 лет (1875), из городка солдат к устью реки Ларами пришли еще солдаты с большим числом фургонов, и вторглись в Холмы.

Все лето не ослабевали многочисленные пересуды. В месяц, когда нагуливают жир (июнь) около городка солдат была устроена Пляска Солнца*, чтобы придать народу сил. Но приняли в ней участие немногие, возможно из-за того, что все были возбуждены разговорами о судьбе Черных Холмов. Вспоминаются двое мужчин, танцевавших на этой пляске бок о бок. Один потерял ногу в битве «Ста убитых», а другой лишился глаза во время атаки на фургоны. Пока шла Пляска Солнца, мы, мальчики, спустились к ручью и нарвали там листьев вяза. Пожевав, мы обкидывали ими пляшущих, которые были одеты в самые лучшие одежды. Не щадили мы даже и пожилых людей, однако никто не сердился. Во время пляски во что бы то ни стало надо было показать свое терпение. Поэтому взрослые помимо всего прочего вынуждены были сносить нашу шалость. Позже я расскажу тебе об одной Пляске Солнца, когда мы дойдем до того.

В месяц, когда телята покрываются шерстью (сентябрь) на реке Дымная Земля, в устье ручья Белая Глина состоялся большой совет с васичу. Сам совет я помню, но тогда еще не понимал многого из того, о чем там говорилось. На совет съехались лакоты, а также шайелы и голубые облака. Однако Неистовая Лошадь и Сидящий Бык отказались присутствовать на нем. В центре площадки натянули полог из парусины. Под ним уселись участники совета и принялись говорить. А вокруг них собралась большая толпа пеших и конных людей. Целыми днями на совете только говорили и говорили. В конце-концов все это стало похоже на простое сотрясение воздуха. Я спросил отца, о чем они там столько говорят. Он ответил, что Великий Отец в Вашингтоне выразил желание арендовать у нас Черные Холмы для того, чтобы васичу могли добывать там желтый металл, и что начальник солдат заявил — если мы не отдадим

Холмы, то они все равно уплывут от нас, словно талый снег сквозь пальцы, так как васичу в любом случае завладеют нашей страной.

Слушая все это, я расстроился. Так хорошо было играть в тех местах; людям всегда было там хорошо. Вспомнил я и о своем видении, о том как духи показали мне дорогу в Черные Холмы — центр мира.

По окончании совета до нас дошли вести, что васичу, проникавшие до этого в Черные Холмы маленьким ручейком, теперь потекли туда рекой, и что они уже возводят там свои городки. Все предвещало большую беду. Поэтому наш клан снялся всем лагерем и отправился на Паудер-Ривер к Неистойой Лошади. Первый привал мы сделали на ручье Лошадиная Голова. Потом пересекли старую дорогу васичу, ту самую, что принесла с собой беды и привела к сражению «Ста убитых». Теперь она вся заросла травой. Мы разбили лагерь неподалеку от нее на ручье Военный Головной Убор. Затем поочередно делали остановки у ручьев Шалфея, Бобра, Плавника и вновь пришли на равнину Сосновых Деревьев к самым отрогам Черных Холмов.

Ночи стояли длинные, но дни были ясные и погожие. Пока мы жили здесь, я ходил один к Черным Холмам и подолгу сидел под каким-нибудь деревом. Может быть, видение снова вернется — думал я — и покажет, как сохранить эту страну для моего народа. Однако все было напрасно, видение не повторялось.

Все это сильно печалило меня. Но через несколько дней случилось событие, которое заставило меня чуть воспрянуть духом. Вся наша группа перебралась к ручью под названием Там-Где-У-Кроу-Захватили-Лошадей. В этих местах нам встретилось много бизонов, и мы запасли на зиму много мяса и шкур. Жил у нас в лагере человек по прозвищу Толстяк, который то и дело рассказывал, какая у него быстрая лошадь. Однажды я заявил Толстяку, что моя лошадь бежит быстрее, чем его. В ответ он засмеялся и сказал, что лишь ворон да койот могут думать, будто моя лошадь чего-нибудь стоит. Тогда я спросил его, — что он даст мне, если я обгоню его. Он предложил черное лекарство¹. Мы устроили с ним скачки, и я выиграл. Все время, пока мы скакали, я думал о белом крыле ветра, что подарил мне Второй Предок из моего видения. Быть может, это его сила влилась в ноги моей лошади.

¹ Кофе.

На ручье Самоубийцы мы заготовили еще мяса и шкур, и решили присоединиться к лагерю Неистойой Лошади на Паудер-Ривер. Вместе с нами было несколько «попрошаек», которые, узнав, что мы собираемся примкнуть к Неистойой Лошади, сразу же откололись и направились назад, к городку солдат. Они боялись каких-нибудь беспорядков, потому что знали: Неистовая Лошадь будет сражаться, и поэтому в случае опасности им хотелось быть рядом с васичу. Мы недолюбливали этих «попрошаек».

Так как наша группа была маленькой, у нас не было советников, и при переездах не соблюдался обычный строгий порядок. Мы, мальчики, могли ехать, где заблагорассудится. Раз, когда мы направлялись к Паудер-Ривер, я ехал впереди вместе со своим сверстником по имени Крадет Лошадей. Вдруг мы увидели следы, уходящие в сторону от тропы. Мы двинулись по ним, и у ручья наткнулись на небольшой бугорок, где лежал старик-лакота. Спешившись, мы подобрались ближе. Он был мертв. Звали его Корень Хвоста, шел он к реке Язык, чтобы повидаться со своими родственниками. Был он очень старый и знал, что скоро умрет. Поэтому, когда почувствовал, что дни его сочтены, он просто лег на землю и умер, так и не повидав родных.

Через некоторое время мы добрались до лагеря на Паудер-Ривер и разбили свои типи ниже по течению. К этому времени я уже подрос и очень ждал своей новой встречи с Неистойой Лошадью, моим родичем. Надвигалась беда, и все свои надежды люди возлагали на него, поэтому Неистовая Лошадь казался великим как никогда.

Конечно, я изредка видел его еще в свои ранние годы и слышал рассказы о его славных делах. Помню одну историю о том, как на них с братом напала большая группа кроу, и как им пришлось спасаться бегством. Они скакали во весь опор, а кроу неотступно следовали по пятам. Вдруг Неистовая Лошадь услышал сзади крик и, оглянувшись, увидел, что лошадь его брата упала, а кроу уже рядом с ним. Рассказывают, что тогда Неистовая Лошадь развернулся, на скаку врезался в толпу кроу и сразился с ними, имея с собой лишь лук и стрелы, подобрал брата, усадил его позади себя и ускакал. Кроу оробели перед священной силой, которой обладал Неистовая Лошадь. Люди говорят, что он все свое время проводил с одним лакота по имени Горб. Горб уже в то

время был старым и знаменитым воином, может быть, самым знаменитым из всех в те давние времена. Люди удивлялись — отчего мальчик и старик настолько неразлучны друг с другом. Я же думаю, Горб знал, что Неистовая Лошадь станет великим вождем и поэтому хотел обучить его всему, что знал сам.

Отец Неистойой Лошади приходился моему отцу двоюродным братом. Среди всей нашей родни до Неистойой Лошади никогда не было вождей, были лишь знахари. Он стал вождем благодаря силе, которую получил во время своего видения будучи еще мальчиком. Когда я стал уже взрослым, отец рассказал мне кое-что об этом видении. Конечно, он не мог знать всего, но говорил, что Неистовая Лошадь во время сновидений попал в мир, в котором живут только души всех окружающих нас вещей. За нашим миром находится подлинный, реальный мир. И все, что мы видим здесь наяву, лишь тень, отражение того мира духов — Неистовая Лошадь вместе со своим конем побывал в том потустороннем мире и все вокруг него — лошадь, он сам, деревья, травы и камни, были сотворены из духа. Ничто не имело ясных очертаний, казалось, все кругом расплывается и парит. А лошадь его стояла спокойно и в то же время плясала, будучи сотворенной из духа. От этого он и получил свое имя, которое означает не то, что лошадь его была дикой и необъезженной, а то, что она плясала таким странным образом.

Именно это видение дало ему великую силу. Когда Неистовая Лошадь шел сражаться, то всеми своими мыслями он погружался в потусторонний мир и попадал в него. Вот почему он бросался в самую гущу и отовсюду уходил невредимым. До того, как васичу убили его в городке солдат, что на Белой реке, его ранили только дважды, да и то свои же лакоты, когда он не ожидал опасности и не мог погрузиться в тот мир. Первый раз его ранили просто случайно — ему было 15 лет, а в другой раз ему нанес рану человек, который ревновал к нему свою жену.

Говорили также, что он носит с собой священный камень, похожий на тот, что привиделся ему во сне. Когда ему грозила опасность, камень тяжелел и каким-то образом охранял его. Люди утверждали, что как раз из-за этого камня сам он оставался невредимым, а лошади долго под ним не держались. Не могу точно сказать, может так только казалось людям, однако он и вправду

часто менял лошадей взамен павших. Я же думаю — великим его сделала сила видения.

Он порой обращал на меня внимание и, бывало, разговаривал со мной. Несколько раз он присылал за мной глашатая и звал меня в свое типи поестъ. Во время этих встреч он слегка поддразнивал меня, а я сидел и молчал, потому что, мне кажется, я немного побаивался его. Нет, я боялся не того, что он обидит меня, просто вдруг нападала робость. Все другие испытывали к нему то же самое, поскольку был он человеком странным; обычно ходил по лагерю, не замечая людей, и всегда молчал. В своем же типи он был весел и разговорчив. Шутил он и тогда, когда выходил на военную тропу с небольшим военным отрядом и старался ободрить людей. В самом же лагере он мало с кем общался, кроме маленьких детей. Все лакота любят петь и танцевать. Он же никогда не танцевал и, кажется, никто не слышал, как он поет. Несмотря на это, все любили его, исполняли все его желания и шли туда, куда он прикажет. В сравнении с другими лакота ростом он был невысок, и на вид щуплый. Лицо его было худощавым, а глаза словно пронизывали то, на что он смотрел. Казалось, он постоянно думал о чем-то. Лично для себя довольствовался малым, не владел табунами лошадей, как подобает вождю. Говорят, когда дичи было мало, и народ начинал голодать, он вообще ничего не ел. Странный был человек. Возможно, он все время жил наполовину в мире своего видения. Это было величайший из людей. Если бы васичу тогда не убили его, может быть, мы бы до сих пор владели Черными Холмами и жили счастливо. И не в битве погиб он. Васичу предательством заманили его к себе и убили. Когда он погиб, ему было только под тридцать.

Однажды, в то самое время, когда мы стояли лагерем на Паудер-Ривер, я пошел навестить его. Но типи его оказалось пустым — наверное, он уехал куда-то, или, может быть, пошел с военным отрядом против кроу, ведь мы находились тогда совсем близко от их владений и должны были все время наблюдать за ними. Некоторое время спустя мне все же довелось увидеть его. Подойдя ко мне, он положил свою руку мне на плечо и повел в свое типи. Я не помню, что он тогда говорил, однако сказал он немного, и на этот раз уже не поддразнивал меня. Может быть, он думал о надвигающихся бедах.

Наша группа пробыла там совсем недолго, вскоре мы разошлись и стали лагерями в разных местах, так чтобы

и пони было достаточно пищи. Неистовая Лошадь со своими людьми остался на Паудер-Ривер, а мы переселились на реку Язык. Здесь построили загон для лошадей и все время держали их там. Предосторожность эта не была и излишней: соседи кроу слыли искусными конокрадами. Женщины днем рубили тополя, сдирали с них кору и клали ее на ночь лошадям и они быстро становились сытыми, упитанными.

У входа в загон стояло сторожевое типи. Однажды ночью там ночевал Вороний Нос со своей женой. В типи была прорезана дыра для наблюдения. Посторожив какое-то время, Вороний Нос почувствовал, что очень хочет спать. Он разбудил жену и попросил ее понаблюдать, пока он немного отдохнет. Не успел он заснуть, как жена увидела, как что-то темное медленно передвигается по снегу. Она разбудила мужа и прошептала: «Старик, вставай, мне кажется, кого-то вижу». Вороний Нос встал, выглянул и увидел человека, который осторожно передвигался по загону, выбирая при свете звезд самую лучшую лошадь. Вороний Нос наказал жене последить за врагом через дыру и дать ему знать, когда человек будет выходить с лошадью. А сам он залег, просунув ствол ружья через вход наружу. Вскоре они услышали, как отодвинули засов загона. Жена тихонько коснулась плеча мужа. Вороний Нос высунул голову и увидел человека: тот готовился вскочить на лошадь и ускакать. Его ясно было видно на фоне неба, и Вороний Нос сразу застрелил его. Выстрел разбудил весь лагерь — со всех сторон с ружьями и жезлами для подвигов сбегались люди. Желтая Рубаха первым коснулся убитого врага*, за ним многие другие. По обычаю тот, кто убил врага, не должен был касаться его, поскольку он уже совершил свой подвиг. Когда я подошел посмотреть, около убитого кроу лежала целая куча жезлов. Женщины разрубили мертвое тело топорами и разбросали его части. Это было ужасное зрелище. Потом прямо там, где лежал поверженный кроу, люди разожгли костер и начали плясать танец победы. Мужчины, женщины и дети танцевали прямо среди ночи. Все пели песни, в которых славили Вороньего Носа и Желтую Рубаху.

Наконец рассвело и глашатай объявил, что лагерь переносится в то место, где умер Корень Хвоста. Вороний Нос облачился в военный наряд, раскрасил лицо черной краской и поехал верхом на той лошади, которую пытались украсть. Если мужчина покрывает свое лицо

черной краской — все женщины издают крики высоким голосом. Это значит, что их мужья собираются в поход на врагов.

Когда мы вновь стали лагерем, к нам пришел один из людей Красного Облака, из той самой группы «попрошак», что ушла тогда от нас, опасаясь неприятностей. Он рассказал, что ночью, когда они спали, сделав привал на пути к городку солдат, кроу напали на них и всех перебили. Лишь ему одному удалось спастись, и то потому, что он вышел из лагеря на разведку.

Этой зимой прибыли гонцы от васичу. Они сказали, что всем нам надо немедленно идти в городок солдат, иначе будет очень плохо. Большей глупости нельзя было и придумать — ведь стояли сильные холода, многие наши люди и лошади наверняка замерзли бы. Кроме того, мы жили дружно в своей родной стране и никому не причиняли вреда.

В самом конце месяца, когда шерсть на телятах становится темно-красной, наступила сильная оттепель, и наша небольшая группа направилась к городку солдат. Однако, прежде чем мы добрались туда, в пути нас снова настигли сильные холода. Неистовая Лошадь, несмотря ни на что, остался со своими людьми на Паудере и в самый разгар месяца снежной слепоты там случилась беда. День только начинал заниматься. Вокруг бушевал снежный буран, было очень холодно, все люди спали. Вдруг со всех сторон зазвучали выстрелы и послышался топот копыт. Это была кавалерия васичу. Они громко кричали, стреляли и насакивали на типи. Застигнутые врасплах люди бросились врассыпную. Все были напуганы, народ бежал к обрыву у реки, стараясь там укрыться. Солдаты убивали всех подряд: мужчин, женщин, детей. Потом они перенесли огонь на типи, поражая не успевших выбежать. Когда люди спустились вниз по обрыву, Неистовая Лошадь сказал что-то, все воины сразу затянули песню смерти и бросились на солдат. Солдаты стали отступать, гоня перед собой захваченных пони. Весь день Неистовая Лошадь с группой воинов преследовал их, назад в лагерь.

Эти лакота жили в своей родной стране и никому не мешали. Они только хотели, чтобы их оставили в покое. Обо всем, что случилось на Паудере, мы слышали лишь некоторое время спустя, однако услышанного было достаточно, чтобы раскрасить лица черной краской.

VIII

СРАЖЕНИЕ С «ТРЕМЯ ЗВЕЗДАМИ»

Здесь, в городке солдат, мы прожили до тех пор, пока трава не стала наливаться соками, в месяц, когда линяют пони¹. А потом отец сказал, что мы уходим обратно к Неистойой Лошади и отныне будем сражаться с васичу, ибо нет другого пути удержать нашу страну. Отец сказал еще, что Красное Облако ничего не стоит, — он, как видно, хочет запродать Черные Холмы васичу; Крапчатый Хвост и другие — тоже не годятся в вожди, а «попрошайки» из форта полностью продались врагу. Моя тетя, которая жила вместе с нами в городке солдат, наверное, думала то же самое — когда мы собирались уезжать, она подарила мне настоящий шестизарядный револьвер, какой носят солдаты. Протягивая его мне, она сказала, что теперь я настоящий мужчина. Хотя мне было тринадцать лет и ростом я был невысок — я тем не менее был с нею согласен. Мы, мальчики, часто испытывали друг друга на выносливость, все были хорошими наездниками. К тому же я хорошо стрелял из лука и из ружья.

Ночью небольшой группой мы вышли из городка и как можно быстрее пошли прочь. На пути к ручью Военный Головной Убор к нам присоединились шайела (чейенны). Как и мы, они были сильно разгневаны на васичу и тоже шли к Неистойой Лошади. Позже я узнал, что многие небольшие группы сливаются вместе и стекаются отовсюду.

Не успели мы разбить лагерь на ручье Военный Головной Убор, как возвратились разведчики и рассказали, что видели вереницу фургонов васичу, которая движется по той старой дороге, что принесла с собой много бед. Эти люди были частью потока васичу, который наводнял Черные Холмы. Их фургоны тянули быки. Васичу открыли стрельбу по нашим разведчикам, и мы решили атаковать их. Когда готовили военный отряд, я подумал, что как я ни мал, тоже способен с честью погибнуть в бою, защищая свой народ, и если это действительно случится, я, может быть, прославлюсь.

¹ Май.

Я сказал об этом своему товарищу, моему сверстнику по имени Прыгающий Конь. Друг ответил, что согласен со мной. И вот с третьим нашим товарищем Крабом и несколькими другими ребятами мы присоединились к взрослым.

Когда васичу заметили нас, они сдвинули фургоны в круг и укрылись за ними со своими быками. Мы кружили, кружили вокруг фургонов, все теснее сжимая кольцо. Это был самый лучший прием, ведь сразить быстро движущуюся по кругу лошадь очень трудно. Несколько раз мы начинали двигаться двумя кругами, один внутри другого, мчась в противоположных направлениях. Это делало нас еще более неуязвимыми. В отличие от нас кавалерия васичу не умела вести бой. Кавалеристы всегда держались плотными рядами, и в наступлении их легко было поражать. Мы же, двигаясь по кругу, держались довольно далеко друг от друга. На скаку мы укрывались за крупами и стреляли из-под шеи лошадей. Удержаться на лошади таким образом нелегко, даже если у тебя длинные ноги, а я все же был еще мал. Однако я всеми силами цеплялся за пони и стрелял из своего шестизарядного револьвера, который подарила мне тетя. Перед самым началом атаки я испугался, но один из воинов, Большой Человек, подбадривал нас, ребят, называл храбрецами, и вскоре я преодолел свой страх. Васичу из-за фургонов вели быстрый огонь, кругом слышался свист пуль, но никого из нас они не сразили. Я все время думал о своем видении — может, это мне и помогло. Не знаю — убили мы кого-нибудь из васичу или нет. Несколько раз мы проскакали вокруг них и однажды подъехали совсем близко, но нас было мало, а достать васичу, прочно сидевших за фургонами, не удавалось. Поэтому нам пришлось уйти. Это было мое первое сражение. Когда мы возвратились назад в лагерь, некоторые воины-шайела говорили нам, что мы действительно храбрые ребята, и впереди нас ждет еще много сражений.

Разобрав лагерь, мы быстрым ходом двинулись дальше, ведь нам грозила опасность, и все хотели соединиться с Неистойой Лошадью. Сам Неистовая Лошадь в это время вместе со своими людьми перебрался на запад к реке Роузбад. Там собирался весь народ. По пути нам попадались другие небольшие группы, двигавшиеся туда же, что и мы. Когда мы добрались до цели и стали лагерем, то все группы порядком перемешались.

Здесь с нами находился сын Красного Облака. Сам же Красное Облако остался в городке солдат.

Когда мы взошли на гребень горы по эту сторону реки Роузбад, нам открылось бесчисленное множество типи и несметное число лошадей. Много, очень много людей пришло сюда — оглалы, хункпапы, миннеконжу, санз аркс, черные стопы, брюлэ, санти и янктонаи. Пришли к нам на помощь шайелы и голубые облака. Деревня протянулась так далеко, что весь лагерь невозможно было сразу окинуть взглядом. Навстречу нам выехали разведчики, чтобы показать место для стоянки. Все радовались нашему прибытию. В лагере сошлись великие люди: Неистовая Лошадь и Большая Дорога из оглалов; хункпапы Сидящий Бык, Желчь*, Черная Луна и Вороний Король; Пятнистый Орел из санз аркс, Горбмладший и Быстрый Бык — из миннеконжу, шайелы Тупой Нож* и Ледяной Медведь; пришел Инкпандута* со своими санти и янктонаи. Да, много великих собралось здесь со своими людьми и лошадьми. Хечету эло!

Где-то в середине месяца сытости¹ всю эту большую деревню перенесли немного выше по реке в то место, где удобнее было устроить Пляску Солнца. Долина здесь была ровной и широкой. Мы разбили лагерь в виде большого овала, в центре которого протекала река. На площадке возвели беседку из травы для танцующих, с выходом на восток, туда, где восходит солнце. Для охраны священного места везде поставили разведчиков. Руководил этой пляской Сидящий Бык, в те времена самый великий знахарь лакотов. Люди должны были пройти обряд очищения и приобрести силу и выносливость. Солнце стояло выше, чем всегда, и силы роста в мире достигли предела — вот почему для Пляски Солнца мы выбираем месяц сытости. Расскажу тебе, как проходила эта пляска.

Сначала посылали знахаря выбрать вага чун, священное дерево, которое должно стоять посреди площадки для танцев. Никому не разрешалось видеть, что он делает, или подслушивать священные слова, которые он говорит. Когда же он выберет нужное дерево, то сообщает об этом людям, и те идут к нему с песнями и цветами. Потом, когда все собрались, несколько женщин, из тех, что носят под сердцем дитя, пляшут вокруг священного дерева: Дух Солнца любит все живое, которое плодоносит. После

¹ Июнь.

этого один из воинов, совершивших подвиг этим летом, ударял по дереву жезлом удачи. После этого он должен раздать дары бедным. Чем храбрее и известней этот воин, тем щедрее должны быть его дары.

Потом появлялась группа девушек с остро отточенными топорами в руках. Все они должны были быть непорочными, чтоб никто не мог сказать о них ничего дурного. Каждый, кто знал что-нибудь нехорошее хоть об одной из них, обязан был перед всем народом заявить об этом и доказать свои слова. Если человек лгал, ему приходилось со всей строгостью отвечать за свой поступок.

Девушки срубают дерево, и потом вожди, которые сами являются сыновьями вождей, несут его домой. Четырежды они останавливаются в пути, по числу сезонов в году, и воздают каждому из них хвалу.

Теперь, когда священное дерево принесли в лагерь, но пока еще не установили в центре площадки для пляски, воины верхом на лошадях становятся кольцом вокруг деревни и по сигналу мчатся в центр, туда, где должно быть установлено дерево. Каждый пытается первым коснуться священного места. Кто выходит победителем — тому в этот год суждено выйти живым и невредимым из всех битв, в которых он примет участие. Когда все соревнующиеся мужчины собираются в середине, со стороны это походит на настоящую битву: пони становятся на дыбы, слышится громкое ржание, вокруг стоит облако пыли, воины кричат, борются между собой, пытаясь сбросить соперников с коней.

После этого устраивается большой пир, на котором все получают много еды, а потом большая пляска, словно мы одержали победу.

На другой день знахари устанавливают дерево в центре, поют священные песни и дают священные клятвы Духу. Следующим утром кормящие матери приносят своих младенцев и кладут их под деревом, чтобы те выросли храбрыми мужами и матерями отважных воинов. Знахари протыкают младенцам мочки ушей*, и за каждый такой прокол родители дарят лошадей кому-нибудь из нуждающихся.

Наутро начинается сама пляска. Те, кто собирается принять в ней участие, уже загодя приготовились. Они долго постились, молились, прошли обряд очищения в хижине для потения. Знахари раскрашивают их тела. Затем каждый ложится рядом с деревом, а знахари на груди

или на спине у них прорезают кожу, чтобы можно было продеть через нее ремень из сыромятной кожи, привязанный к вершине дерева. Этот ремень после того, как его продели, завязывается. Человек встает и начинает плясать под бой барабанов, провисая на ремне. Делает он это до тех пор, пока хватает сил выносить боль или пока не лопнет кожа.

Нам, мальчикам, в течение этих двух дней пляски было вольготно, поскольку разрешалось как угодно досажать участникам пляски, а те должны были терпеть это. Мы набирали в руки ползучего пырея и, если пляшущий оказывался поблизости, кололи его этой травой — и слушали, не вскрикнет ли он от боли, ведь участникам пляски надлежало сносить любые испытания. Матери носили воду своим детям, а мы мастерили маленькие луки и стрелы, прятали их под своими накидками, подбирались к женщинам, стреляли и делали дырки в кожаных мешках с водой. Женщины тоже не могли бранить нас, когда вода начинала течь из мешка ручьем. Словом, было весело!

Едва только закончилась Пляска Солнца, глашатай оповестил: «Вернулись разведчики и сообщили, что вверх по реке стоят солдаты лагерем. Молодые воины, мужайтесь! Готовьтесь встретить их!»

И все воины стали готовиться к битве. Сам Неистовая Лошадь собирался повести военный отряд, и мне хотелось быть рядом с ним, так что я тоже готовился. Но мой дядя, который очень заботился обо мне, удержал меня: «Племянник, не уходи. Взгляни на всех беспомощных, что остались в лагере. Будь дома, может быть, сражение разгорится и здесь».

И военные отряды ушли без меня. Видно, дядя посчитал, что я слишком еще мал, а, может, он боялся, что я погибну.

После того, как воины ускакали, глашатай оповестил лагерь, что пора сниматься. Мы разобрали типи и двинулись дальше на запад к реке Скользящей Травы и стали лагерем у истоков Весеннего ручья. Позже мы узнали, что там, на Роузбаде, с нашими людьми сражался Три Звезды*. У него было большое количество пеших солдат и немного кавалерии. Вместе с солдатами находилось немало кроу* и шошенов. Все они собирались напасть на нас во время Пляски Солнца, однако Неистовая Лошадь разбил их, и враги ушли назад к Гусиному ручью, где стояли их фургоны. Мой друг, Железный Ястреб в тот

день принимал участие в битве — он и расскажет тебе, как все было.

Рассказывает Железный Ястреб:

Сам я хункпапа, Тем летом мне было четырнадцать лет, и я был рослым подростком. На врага тогда пошли два военных отряда. Самый большой вышел с южной оконечности лагеря, поменьше — с северной. Я поехал с последним, составлявшим сорок человек. Большой отряд добрался до Роузбада раньше нас. К утру, когда подошли мы, наши товарищи уже вовсю сражались. Там, у излучины реки, была широкая долина, уже вовсю сражались. Там у излучины реки, была широкая долина, с утесами и холмами, и казалось, что повсюду сражаются люди. Сразу мы очутились лицом к лицу с кроу и солдатами, и тут же вступили в бой. Дела наши шли как будто успешно. Однако с одной стороны стали наступать солдаты, и нам пришлось отступить. Мы поскакали, чтобы присоединиться к большому отряду. Солдаты неотступно преследовали нас; кроу, почувствовав перевес, тоже воспрянули духом. Когда мы добрались до излучины реки, кроу сумели настигнуть нас. Наши схватились с врагом, все кругом перемешалось. Не знаю, удалось ли мне убить кого-нибудь, но думаю, что удалось: была такая жаркая схватка, что если ты не убил, значит убили тебя. Я перепугался и дрался изо всех сил. И вот остался живым. Рядом со мной сражался один лакота по имени Без Типи. Какой-то кроу могучего телосложения сшиб его с лошади, и тот бежал. Я, конечно, тоже испугался и побежал. Не могли же мы сразу биться со всеми кроу и солдатами. Да и не я один спасался бегством. Отступали мы все, а кроу нас преследовали. Вдруг мы увидели, что навстречу нам скачет отряд солдат. Как они попали сюда — не знаю. Может, это были кавалеристы, возвращавшиеся из разведки. Дела наши были плохи. Потом я услышал, как кто-то на нашем языке закричал: «Мужайтесь! В такой день славно умереть! Вспомните о детях и других беспомощных, что остались дома!». Тут мы все разом закричали «Хока хей!» и кинулись на солдат, ехавших нам навстречу. Солдаты, падая от наших выстрелов, обратились в бегство — они устремились к своему основному отряду. Там, где бились главные силы, все смешалось. Невозможно было понять, что происходит — то враг одолевал нас, то мы его. Сражение продолжалось весь день. Потом кроу опять стали наседать на нас сзади. Мы развернулись и бросились на них. Но к ним на по-

мощь спешило много солдат. Поэтому пришлось отступать, все наши кричали «Йе-хей», поскольку нас было мало. На сей раз я перепугался еще сильнее и скакал во весь опор, спасая свою жизнь. Нас загнали в скалистую местность, нога моей лошади застряла между двух камней, и ей чуть было не оторвало копыто.

Рядом со мной оказался мой друг — очень храбрый шайела по имени Сидящий Орел. Когда я спешился, чтобы осмотреть копыто лошади, сзади ко мне стал подбираться кроу. И тут мой друг шайела в открытую пошел на врага. Они схватились врукопашную и кроу упал, поверженный Сидящим Орлом. Жалко, что я не оказался рядом с ним — тогда я первым бы коснулся мертвого врага. Меня опередил другой воин.

Я побежал дальше, держа свою лошадь под уздцы. Неожиданно впереди я заметил дымок, который струился из глубокого оврага, там где протекает ручей. Подбежав к оврагу, я увидел внизу троих лакотов. Они подстрелили бизона и прямо здесь пировали, пока вокруг, на холмах, бушевало сражение. Эти лакота пригласили и меня присоединиться. Я не отказался и вместе с ними принялся за еду. Ведь мне было 14 лет, я рос и все время был голоден. Нет-нет, а нам то и дело приходилось выглядывать, чтобы убедиться, что не грозит никакая опасность. Один из лакотов взял сгусток бизоньей крови, вымазал ею кусок шкуры и обернул копыто моей лошади, чтобы я смог ехать. Мы уже довольно долго лакомились бизоньим мясом, но тут к оврагу неожиданно подскочил другой лакота, лицо которого было в крови и пыли. Подъехав, он гневно воскликнул: «Что вы здесь делаете? Мы там сражаемся, а вы ничего лучшего не могли придумать, как сесть за еду! Или забыли о тех беспомощных, которых мы оставили в лагере! Быстрее, пошли! Мы должны отстоять свою землю!»

Я сгорал от стыда. Поэтому стремглав вскочил на лошадь и поскакал на поле битвы. С перевязанным копытом она скакала быстрее. Мы въехали на гребень холма. Отсюда было видно всю долину Роузбада, где развернулось сражение. Кто кого одолевает — понять было невозможно. Все смешались в кучу. Тут нас атаковали несколько кроу, и я так и не смог присоединиться к главному отряду, который отчаянно дрался в долине. Однако там, где мне довелось быть в этот день, тоже было не легче. Единственная передышка была тогда, когда я сидел с теми лакотами и лакомился бизоньим

мясом. Должно быть, я пробыл с ними достаточно долго, поскольку уже вечерело. Понятно, когда мы добрались до гребня холма, битва внизу шла уже довольно долго.

Опустилась ночь, и мы уехали назад в лагерь, чтобы охранять женщин и детей. Враг не стал преследовать нас. Я считал, что васичу нас разбили. Оказалось, совсем наоборот. Битва была не закончена, ночь прервала ее, и все же мы победили васичу. Они не стали нападать на нашу деревню, а отступили назад к Гусиному ручью, и остались там у своих фургонов.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я не участвовал в том сражении и многие другие тоже. Воины возвратились ночью, все в лагере были настолько возбуждены, что не могли заснуть.

Утром человек двадцать молодых людей выехало посмотреть на поле сражения. Первое, что мы увидели, была мертвая лошадь без подков. Затем попалась другая мертвая лошадь, но уже с подковами. Рядом с ней лежал солдат, весь утыканный стрелами. Наконец, мы доехали до того места, где солдаты отдыхали после битвы. В одном месте земля была свежескопана, а на ней остывала зола от большого костра. Мы принялись копать, чтобы посмотреть, что там спрятано. Вскоре наткнулись на одеяло, в которое был завернут мертвый солдат. Одеяло было перехвачено ремнями в ногах, на груди и шее. Мы вытащили его, и один из наших воскликнул: «Это мое одеяло. Я долго искал себе такое. Возьму его с собой». И он взял это одеяло.

Под первым лежал еще один мертвый солдат, завернутый в одеяло, под ним другой, а потом еще и еще. Четвертый васичу оказался черным. Каждый раз кто-нибудь восклицал: «Это мое одеяло» и забирал его. Я получил одеяло с пятого солдата. В него был завернут молодой человек, на пальце которого блестело кольцо со сверкающим камнем. Я отрезал палец и долгое время хранил у себя это кольцо. Один из наших оскальпировал какого-то солдата и отправился домой со скальпом, нанизанным на жезл. Взобравшись на вершину холма, вдаль мы увидели солдат генерала Три Звезды, которые, поднимая облака пыли, отступали в направлении Гусиного ручья. Потом мы отправились домой.

Мы прожили у Весеннего ручья еще несколько дней, а потом перенесли лагерь к реке Скользких Трав.

IX

РАЗГРОМ ЖЕЛТОВОЛОСОГО

Черный Лось продолжает:

В тот день на Роузбаде Неистовая Лошадь разбил генерала Три Звезды. Я думаю, он вполне мог бы перебить всех оставшихся там солдат: призвать к себе воинов из других деревень и продолжить бой на рассвете. Ведь солдаты не ушли ночью с Роузбада, а стояли там на отдыхе.

Победил он кавалерию Три Звезды и тогда, когда та напала на деревню Неистойой Лошади холодным утром в месяц снежной слепоты¹. Потом Неистовая Лошадь со своими людьми переселился дальше на запад к Роузбаду, а когда солдаты опять пришли, чтобы уничтожить нас, он снова разгромил их и заставил отойти. После этой последней битвы мы перебрались дальше на запад к долине Скользких Трав. Мы жили в своей родной стране и хотели лишь одного — чтобы нас оставили в покое. Однако и сюда пришли солдаты убивать нас. И снова они все были разбиты. Мы защищали свою страну, но не желали войны.

Там, в долине Скользких Трав, мы стали лагерем в полдень в южной ее части. Мне кажется, это было за два дня до битвы с Желтоволосым. Деревня опять протянулась так далеко, что невозможно было сосчитать все типы. Выше всех по реке на самой южной оконечности лагеря обосновались хункпапы, за ними к северу расположились станы миннеконжу, санс аркс, черных стоп, шайела и, наконец, санти и янктонаев. Восточная часть долины реки поросла лесом. Сама река была очень полноводной от таявшего в горах Биг-Хорн снега. Взойдя на вершину какого-нибудь холма вдалеке на юго-западе, можно было видеть отроги этих гор. За крутым противоположным берегом шли холмы, все изрезанные лощинами. К западу от нашего лагеря лежала местность пониже. Здесь мы пасли и охраняли своих лошадей. Их было так много, что и не счесть.

Жил с нами человек по имени Гремучий Ястреб, которому прострелили бедро в сражении у Роузбада. Думали, что он уже не поднимется. Однако знахарь Волосатый Подбородок вылечил его.

¹ Март.

За день до битвы с Желтоволосым я намазался жиром и собрался пойти купаться с ребятами, но Волосатый Подбородок подозвал меня и повел в типи Гремучего Ястреба. Знахарь попросил помочь ему. С Волосатым Подбородком уже были пятеро других ребят. Мы должны были исполнять роль медведей в его обряде исцеления, поскольку силу свою он получил во сне от медведя. Он выкрасил мое лицо и тело в желтый цвет, потом провел по одной черной полосе справа и слева от глаз к носу и связал мои волосы пучками так, чтобы они походили на уши медведя. В волосы он воткнул несколько орлиных перьев.

Пока он все это проделывал, я размышлял о своем видении. Вдруг мне показалось, будто я отделился от земли. И тут меня постигло озарение, которого не опишешь словами. Я только был уверен, что вскоре произойдет что-то страшное, и испугался.

Всех остальных ребят он выкрасил в красный цвет, а к головам их прикрепил настоящие медвежьи уши.

На плечи самого Волосатого Подбородка была накинута настоящая медвежья шкура вместе с головой. Знахарь затынул песню, примерно такую:

Священные травы ликуют у входа в типи...

Пока он пел, в типи вошли две девушки и стали по обе стороны раненого. Одна держала в руках чашу с водой, у другой была какая-то целебная трава. Я попытался разглядеть, отражается ли в чаше все небо, как это было в моем видении, но ничего не увидел. Они протянули Гремучему Ястребу чашу и траву, а Волосатый Подбородок все пел. Потом девушки дали раненому палочку из красного тростника, а сами направились к выходу. Гремучий Ястреб, встав со своего ложа, последовал за ними, опираясь на священную красную трость. Мы, ребята, исполнявшие роль медвежат, должны были прыгать вокруг него и издавать рычание. Когда мы так прыгали и рычали, казалось, что у нас изо ртов вылетают разноцветные перья. Затем Волосатый Подбородок выбрался наружу на четвереньках, он был очень похож на настоящего медведя. Вскоре Гремучий Ястреб мог передвигаться заметно лучше. Конечно, на следующий день, когда разгорелась битва, он еще не мог сражаться, но тем не менее, через некоторое время поправился.

После этого обряда мы побежали на речку смыть с себя краску. Когда мы вернулись назад, в деревне

кругом люди или танцевали, или вели беседы, вспоминая о тех подвигах, что совершили во время битвы с генералом Три Звезды у Роузбада.

Когда солнце приблизилось к закату, нам, ребятам, нужно было подгонять пони на ночь к самой деревне. Пока мы сходили за лошадьми и привели их, на землю уже спустилась ночь. Однако в лагере люди еще всюю плясали вокруг костров. Мы присоединялись то к одному, то к другому танцу, пока, наконец, сон совсем не сморил нас.

На рассвете отец разбудил меня и взял с собой помочь выгнать лошадей на пастбище. Когда мы выгнали табун, отец заметил: «Надо бы привязать к одной из лошадей подлиннее веревку,—так ее легче будет потом поймать. Если что-нибудь случится—немедленно гони табун назад. И следи все время за лагерем».

Вместе с друзьями я сторожил наших лошадей до самого полдня, пока солнце не поднялось совсем высоко. Становилось нестерпимо жарко. Мой двоюродный брат сказал, что поглядит пока за лошадьми до нашего возвращения. Когда я уже натерся жиром и готов был окунуться в воду, мне сделалось как-то нехорошо, пришло головокружение. Казалось, вот-вот должно произойти что-то страшное. И все же я побежал вместе с ребятами купаться. В такой полуденный зной в реке купалось много людей. Большинство женщин ушло к западу от деревни собирать дикую репу. Мы купались уже довольно долго. Вскоре мой брат спустился с лошадьми к реке, чтобы напоить их.

Тут-то мы и услышали, как в лагере хункпапов, что находился неподалеку от нас, глашатай закричал: «Солдаты идут! Наступают! Солдаты идут!». Потом то же самое прокричал глашатай оглагов. Сигнал тревоги понесся дальше на север от лагеря к лагерю, до санти и янктонаев.

Все кинулись ловить лошадей. К счастью, наши были рядом. Мой старший брат галопом понесся на своем гнедом к хункпапам. Я тоже поймал себе лошадь, но тут подбежал отец и сказал: «Брат ускакал без ружья к хункпапам. Найди его и отдай оружие. Потом сразу скачи назад». Помимо ружья, отец держал в руке мой шестизарядный револьвер — тот самый, что подарила мне тетя. Я схватил револьвер и ружье, вскочил на свою пони и помчался за братом. Подъехав ближе, я увидел, как прямо за деревней хункпапов вздымается большое

облако пыли, поднятое копытами лошадей. Вскоре в клубах пыли появились солдаты, которые скакали на своих крупных скакунах. Они казались высокими и большими, и все стреляли прямо на скаку. Хункпапы метались по лагерю и кричали. Многие выскакивали из реки, с них ручьями лилась вода. Брат схватил ружье, а мне крикнул, чтобы я возвращался назад. Неподалеку находился густой лес и некоторые воины стали сбегаться туда. Туда же бросился мой брат, а следом за ним и я. Женщины и дети толпой бежали вниз по течению реки. Я оглянулся и увидел, как все они вскоре скрылись за холмом.

Когда мы добрались до этого густого леса, там уже собралось довольно много хункпапов. Солдаты обстреливали лесок так часто, что срезанные пулями листья падали на нас. Теперь уже невозможно было разглядеть, что происходит в деревне. Кругом стояла густая пыль, слышались грохот и крики.

Здесь, в лесу, и там, в лагере хункпапов, слышался крик: «Смелее! Будьте мужчинами! Нашим слабым сородичам грозит опасность!» Думаю, этот призыв прозвучал тогда, когда вождь Желчь остановил бежавших от врага хункпапов и повернул их назад.

Некоторое время я оставался в лесу и думал о своем видении. Я почувствовал, как это придает мне силы, и воспрянул духом. Мне казалось, что наши лакота превратились в громовых духов и солдаты будут побеждены.

Тут раздался радостный клич: «Неистовая Лошадь идет! Неистовая Лошадь!» Все кричали: «Хока хей!», — и клич этот звучал подобно раскатам грома, словно рев сильного ветра. Слышались звуки свистков из орлиной кости.

Долину реки заволокло дымом и пылью. Кругом мелькали тени людей и лошадей, стоял невообразимый шум от многоголосого крика, топота копыт и ружейной стрельбы. Слева от себя я слышал цокот подков кавалерийских лошадей, отовсюду раздавались выстрелы. Потом топот копыт прекратился, я выбрался из леса и тут же очутился в потоке людей и коней, который устремился вверх по течению реки. Все кричали: «Скорей! Скорей!» Оказалось, солдаты убегают от нас вверх по реке. В наступивших сумерках все смешалось в этом ужасном шуме. Мне мало что удалось увидеть. Помню, заметил, как один лакота бросился на солдата, видно, очень храброго. Лакота схватил лошадь солдата под уздцы, но тот застрелил его из своего шестизарядного револьвера.

Я был еще слишком мал, и не мог пробиться туда, где находились солдаты, поэтому и не убил никого из них. Впереди меня было много наших, кругом стояла темень, и все перемешалось: свои и чужие.

Вскоре всех солдат загнали в реку. Бившиеся лакота и солдаты поднимали тучи брызг, бисером рассыпавшихся вокруг. Потом мы выбрались из реки, люди стали снимать с убитых солдат форму и натягивать ее на себя. Неподалеку от меня лежал какой-то солдат, еще подававший признаки жизни. Один лакота подъехал ко мне и сказал: «Мальчик, слезь с лошади и оскальпируй его». Я спешился и принялся за работу. Волосы у солдата были короткие, а нож мой туповат. Он заскрежетал зубами от боли. Тогда я выстрелил ему в лоб и наконец снял с него скальп.

Многие наши воины преследовали солдат до самого холма на другом берегу. Другие повернули коней и поскакали вниз по течению реки — там, прямо за лагерем сани, видны были клубы пыли, слышался грохот многочисленных ружей.

Мне захотелось показать добытый скальп своей матери, и я подскакал к холму, за которым укрылась толпа женщин и детей. По пути я увидел группу воинов, спешивших броситься в битву. Среди них была очень красивая молодая женщина, которая пела так:

Братья, друзья пришли к вам на помощь!
Будьте храбрыми! Будьте храбрыми!
Неужели вы дадите врагам пленить меня?

Когда я проезжал через лагерь оглазов, то наткнулся на Гремучего Ястреба, который сидел у своего типи с ружьем в руках. Вокруг него не было ни души, и он пел песнь сожаления:

Братья, куда устремились вы, что я не с вами?

Когда я добрался до места, где укрывались женщины и дети, то услышал, как все они поют и высокими голосами подбадривают мужчин, сражавшихся на другом берегу. Мать радостно приветствовала меня, увидев мой первый скальп.

Я постоял рядом с матерью, наблюдая, как на холме по ту сторону реки, где шло сражение, вздымаются громадные клубы пыли. То и дело из них вырывались лошади без седоков.

Рассказывает Стоящий Медведь:

Я — миннеконжу, наш лагерь был третьим с юга. В тот день мы встали поздно утром. Женщины пошли

копать репу, а двое моих дядей отправились на охоту. Я же, моя очень старая бабушка, которая еле передвигалась, и третий дядя остались дома. Днем, когда солнце стояло уже высоко, я спустился к реке искупаться, и назад возвратился в одной рубашке. Бабушка поджарила немного мяса и накормила нас. За едой дядя сказал: «Когда поешь — сразу ступай к лошадям. Как бы чего не случилось». В это время мой старший брат вместе с другом пасли два табуна у ручья Мускусной Крысы, что расположен ниже по течению реки, за лагерем сани.

Не успел я закончить еду, как снаружи послышались возбужденные возгласы. Потом раздался клич глашатая о том, что идут солдаты. Только мы услышали его, дядя сказал: «Говорил же тебе — что-нибудь случится! Скорее беги и помоги привести лошадей».

Я перебрался через Скользящую Траву — вода была мне только по грудь — и взобрался на Черный Пригорок осмотреться. Оглянувшись, заметил, как на противоположной стороне реки от лагеря хункпапа по береговому склону в воду спускается отряд конных солдат. Переплыв реку, они рысью пустились дальше. Я сбежал с пригорка и помчался в лагерь к нашим. Однако я был босиком, а вокруг росло много колючей травы — поэтому добрался я не так скоро. Когда случайно бросил взгляд на юго-восточные холмы, то и там увидел скачущих солдат. К лошадям я уже не побежал — а, как только мог, поспешил назад к деревне. Кругом слышались крики, все куда-то бежали. Через некоторое время брат пригнал лошадей. Дядя сказал мне: «Скорее собирайся, мы выступаем!» Я поймал своего серого скакуна, схватил шестизарядный револьвер, а через плечо повесил лук со стрелами. К волосам я привязал иволгу, которую подстрелил накануне. Я поклялся, что если этот амулет сделает меня невредимым в битве, то я принесу жертву. И, действительно, иволга охранила меня.

Вооружившись, мы поскакали вниз по течению реки к устью ручья Мускусной Крысы, что за лагерем сани. Здесь мы хотели встретить тот второй отряд, который я увидел, и сразиться с ним. Однако пока мы добирались до северной части лагеря, солдаты, должно быть, уже схватились с нашими там на холме, поскольку по дороге на восток от устья Мускусной Крысы нам попался лакота. Изо рта у него хлестала кровь, стекавшая на шею лошади. Звали его Длинный Лось. Впереди нашего отряда скакали воины «передней линии», самые храбрые

и закаленные в боях. Мне же было 16 лет, и я ехал позади с молодыми.

Проехав еще немного, мы опять наткнулись на другого лакота, который стоял, пошатываясь, и весь истекал кровью. Он то вставал, то снова падал. Когда мы добрались до холма, я, наконец, увидел солдат. Они к этому времени все спешили и держали своих лошадей под уздцы. Солдаты вели по нам сильный огонь. Однако наши сумели уже окружить холм, где они находились, со всех сторон. Я услышал, как кто-то из воинов крикнул: «Отступают!» Было видно, как многие лошади у солдат вырываются и разбегаются в разные стороны. Все лакоты стали кричать: «Хока хей!» — «Вперед! Вперед!» Наши разом поднялись и кинулись на врага. Вокруг стало темно от поднятой пыли и дыма. Воины, словно тени, пронеслись вокруг меня. От топота копыт, грохота ружей и громких криков стоял такой невообразимый шум, что все походило на какой-то дурной сон. Вдруг прямо передо мной оказался солдат. Я не растерялся и, размахнувшись, ударил его рукояткой своего револьвера. Не помню, когда успел расстрелять все свои патроны. Солдат схватился за голову, осел и сразу же оказался под копытами лошадей. Нас было так много, что и ружей не понадобилось бы. Мы могли бы растоптать их одними копытами. Потом, когда мы стали спускаться с холма назад в деревню — вся дорога была усеяна мертвыми людьми и лошадьми. Все были перебиты.

Мы словно обезумели от этого боя. Я расскажу тебе, как сильно тогда мы рассвирепели. На нашем пути лежал ничком какой-то индеец. Кто-то из наших сказал: «Оскальпируйте этого ри*». Один из нас быстро соскочил с лошади и снял с него скальп. А когда мертвеца перевернули, это оказался шайела, наш союзник. Вот как мы обезумели!

Женщины покидали свои укрытия и приветствовали нас характерными высокими возгласами. Мы постояли с ними некоторое время, а потом увидели, как с юго-востока скачут другие солдаты. Все опять закричали: «Вперед!» и бросились навстречу врагу. Завидев нас, солдаты повернули назад. Один из них упал убитый. Много наших соскочило с лошадей и дотронулось до него, добывая удачу. А потом все снова сели на лошадей и преследовали солдат до самого холма, откуда они пришли.

Эти васичу укрепились на холме. В центр они загнали мулов и лошадей, а сами заняли круговую оборону,

укрывшись седлами и прочими вещами. Мы окружили их; холм, на котором мы стояли, был выше; все что делается у солдат, было ясно видно. Своих лошадей мы отвели в безопасное место за холмами. Лакоты беспрерывно обстреливали солдат и их лошадей. Стояла нестерпимая жара, и нашлись солдаты, которые стали пробираться с котелками вниз к реке, чтобы набрать воды. Они недалеко ушли, а оставшиеся в живых кинулись назад на холм. Я слышал, что спустя некоторое время несколькими солдатам все же удалось набрать воды, но я их не видел. После какой-то лакота в одиночку атаковал солдат, чтобы показать свою храбрость, но они застрелили его, и нам никак не удавалось забрать тело.

Уже близился закат. В пылу сражения я совсем не чувствовал голода. Теперь же мне очень захотелось есть. Храбрейшие из храбрых собрались на совет, чтобы решить, что делать ночью. Они сошлись на том, что часть из нас отправится домой ужинать и захватит оставшимся что-нибудь поесть. До солдат никак не удавалось добраться — поэтому мы решили морить их голодом и жаждой.

Когда я вернулся в лагерь, на землю уже спустилась ночь. Сначала мне показалось, что лагерь перенесли. Оказалось — просто все разбросанные деревни собрали в один сплошной лагерь. Ночью я не пошел с другими назад, а остался в лагере. По всей деревне разожгли костры. Мне никак не удавалось заснуть. Как только я закрывал глаза, передо мной вставали страшные картины, увиденные днем. Я думаю, что никто не сомкнул глаз.

На заре глашатай обошел лагерь и объявил: «Солдаты, что остались в живых, сегодня умрут!» После еды мы вновь были готовы выступать. На сей раз я оделся как полагается — натянул ноговицы и мокасины. Вчера на мне была только рубаха. Я оседлал лошадь и совсем был готов к сражению.

Приехав туда, где укрылись васичу, мы сменили отряд, стороживший солдат ночью. Мы окружили врага, а лошадей опять отвели за холм. Однако попасть в солдат теперь было труднее, поскольку за ночь они окопались. День опять выдался очень жаркий. То один, то другой солдат начинал ползти к реке, чтобы напиться. Мы застрелили нескольких, другие побежали назад. Не знаю, может, кому-то из них и удалось добраться до воды. Перестрелка длилась долго. Раз я услышал, как кто-то закричал: «Хей-хей!» Я подполз на крик и увидел

лакота, в лоб которому попала пуля, чуть выше бровей.

Прошло довольно много времени. Потом нам сообщили, что сюда движется много других солдат. Получив это известие, все лакоты повернули домой. Люди говорили: «Бросим все, как есть».

Потом мы разобрали лагерь и направились к горам Биг-Хорн.

Если бы не пришли те другие солдаты — все васичу, засевшие на холме, были бы уничтожены.

Рассказывает Железный Ястреб:

Сам я из хункпапов и, как я уже сказал, было мне в ту пору 14 лет. Так вот, в тот день солнце стояло высоко, а я еще только завтракал, поскольку проснулся поздно. Во время еды я услышал голос глашатая: «Солдаты идут». Я вскочил и бросился к нашим лошадям. Они паслись около самого лагеря. Одну я заарканил, а остальные бросились бежать, однако старший брат сумел повернуть табун обратно. Солдаты обстреливали нас, люди кругом носились взад-вперед, мужчины и юноши старались поймать своих лошадей, которые были напуганы стрельбой и криками. Я увидел, как купавшиеся дети выбегают из реки. Все они вместе с женщинами пустились бежать вниз по долине, чтобы укрыться.

Наш табун снова вырвался и устремился к лагерю миннеконжу, но мы вновь окружили его и пригнали назад. Воины наконец пришли в себя и, оседлав лошадей, поскакали навстречу солдатам. Многие хункпапы собирались в лесу, заросшем кустарником. Лес находился около того места, где солдаты остановились и спешили. Я проскакал мимо древнего старика, который кричал: «Юноши, мужайтесь! Неужели вы дадите, чтобы малых детей, словно щенят, отняли у меня?»

Вбежав в типи, я лихорадочно принялся облачаться в военный наряд*. Снаружи свистели пули. Меня всего била такая сильная дрожь, что никак не удавалось вплести в волосы орлиное перо, и провозился я довольно долго. В довершение всего, пока я готовил себя к бою, мне приходилось не выпускать из рук веревку, к которой была привязана лошадь. Она то и дело сильно дергалась, норовя убежать. Пока я приводил себя в порядок, дальше вверх по реке — послышался топот копыт и крики воинов: «Хока хей!» Наконец, я выкрасил лицо красной краской, взял лук со стрелами и вскочил на коня. Ружья я не имел — у меня были лишь лук и стрелы.

Когда я сел на коня и хотел скакать вверх по реке —

сражение там, оказалось, уже было закончено, потому что воины устремились назад. Они пронеслись с кличем «В такой день славно умереть!»

Ко мне на пегой лошади подскочил воин по имени Маленький Медведь; седлом ему служило очень красивое одеяло. Он подъехал и воскликнул: «Мужайся, юноша! Все мы умрем когда-нибудь, а земля будет жить вечно!» И я помчался вместе с ним и другими воинами вниз по реке. Там, на восточном берегу реки, на дне одной из лощин, что вела к холму, где засел второй отряд солдат, собрались многие из наших хункпапов. С нами был один очень храбрый шайела. Я услышал, как кто-то сказал: «Вон он идет». Посмотрев в ту сторону, куда указывал говорящий, я увидел его. Голову шайела украшал военный головной убор из перьев пятнистого орла, на плече была надета пестрая накидка из кожи какого-то животного, крепилась она тоже пестрым поясом. Он в одиночку направился к холму, а мы в отдалении следовали за ним. Вдоль гребня выстроились солдаты, которые спешили и держали своих лошадей под уздцы. Шайела покружил перед ними, подъезжая совсем близко — солдаты непрерывно обстреливали его. Потом он вернулся к нам с криком: «А! А!» Кто-то спросил: «Друг шайела, в чем дело?» В ответ шайела стал развязывать свой пестрый пояс, и когда он встряхнул его, с пояса посыпались пули. Этого прекрасно сложенного воина оберегала священная сила, поэтому он был неуязвим для солдат.

Некоторое время мы стояли, дожидаясь чего-то, вокруг слышалась стрельба. Потом раздался крик: «Идут, идут!» Мы посмотрели вверх и увидели как разбегаются в разные стороны серые лошади кавалеристов.

Тут неожиданно лошадь Маленького Медведя встала на дыбы и рванулась вверх по холму в направлении солдат. Когда он подскочил совсем близко, лошадь его подстрелили, а самому ему пуля пробила ногу. Он встал и, хромая, устремился назад к нам. Солдаты усердно обстреливали его. Тогда побратим* Маленького Медведя Лосиный Народ помчался верхом ему навстречу и, усадив товарища позади себя, вынес его из-под пуль. Он должен был выручить своего побратима, даже если знал, что самому ему грозит смерть.

После этого наши воины с оглушительными криками ринулись на холм со всех сторон. Все почернело от пыли.

Мы увидели, как солдаты бросились бежать, устремившись прямо на нас. Почти все они были пешими. Мне

кажется — они были так сильно напуганы, что сами не знали, что делают. Мы закричали: «Хока хей!» и бросились на них, закружившись вокруг в сгустившейся тьме.

На меня наскочил один конный солдат. Он жестоко поплатился за это. Моя стрела пронзила его под ребро и вышла с другого конца. Он вскрикнул, ухватился за луку седла и свесился вниз головой. Я схватил свой тяжелый лук и ударил им солдата сзади по шее. Он свалился на землю, а я соскочил с лошади и добил его своим луком. Он был уже мертв, а я все продолжал колотить его — настолько я разозлился, вспомнив о женщинах и малых детях, метавшихся вдали, с испугом и затаенным дыханием следивших за битвой. Васичу сами напросились на это и получили то, что заслужили. Что было потом — я плохо помню. Видел только, как Несет Изобилие сразил солдата дубинкой, а Краснорогий Бизон сам пал убитый. Помню еще, как по краю балки скакал лакота и кричал, что надо найти какого-то солдата, который скрывался там внизу. Потом я увидел этого лакота, он, наконец, настиг своего врага, убил его и начал поло-совать ножом.

Затем мы поскакали к реке, облака пыли, поднятые нами, стали понемногу рассеиваться. Навстречу нам бежали женщины и дети. Все солдаты были перебиты и рассеяны.

Женщины гурьбой столпились на холме и принялись снимать одежду с солдат. Теперь они кричали, смеялись и пели. Здесь на холме произошел один смешной случай. Две толстые старые женщины раздевали солдата, который был ранен и притворился мертвым. Раздев его, они решили отрезать его мужскую плоть. Он вскочил, как ошпаренный и стал бороться с двумя женщинами. Пока он сражался с одной, другая пыталась улучшить момент и убить его ножом. Немного спустя к ним подоспела еще одна женщина и всадила свой нож в солдата, который упал замертво, теперь уже по-настоящему. Смешно было наблюдать, как этот голый васичу дерется с двумя толстыми женщинами.

Тут нам пришлось броситься против солдат, спешивших сюда с другого холма, на помощь отряду, только что разбитому нами. Завидев нас, они повернули назад, а мы стали их преследовать и так доскакали до самого холма, где они укрылись вместе со своими выючными мулами. Там, на холме, солдаты основательно окопались, спрятались за седлами и другими вещами, так что мы не

могли нанести им серьезного ущерба. Я находился у самой реки и вдруг увидел, как сюда спускаются несколько солдат. Они были совсем без оружия, с одними котелками. Вместе со мной было еще несколько юношей. Они выскочили из-за кустов и стали швырять в лица солдат комья глины, пока не загнали их в реку. Думаю, там они напились вволю, и до сих пор еще пьют: там в воде мы их и убили.

Уже смеркалось, и я с большей частью воинов отправился домой поесть. Некоторых мы оставили следить за солдатами. Целый день у меня не было ни крошки во рту, ведь вся эта битва началась как раз тогда, когда я только что приготовился завтракать.

Черный Лось продолжает:

Показав матери свой первый скаल्प, я пробыл там с женщинами еще некоторое время. Все они распевали песни и подбадривали воинов. Из-за густой пыли мы не смогли хорошенько разглядеть самую битву, но мы уже знали, что ни один солдат не уйдет оттуда живым. Рядом со мной находились другие мальчики, примерно одного со мной возраста. Кто-то предложил всем вместе отправиться на поле битвы. Мы вскочили на своих пони и поскакали. По дороге нам попадались серые кони, оставшиеся без седоков. Они, словно сумасшедшие, метались в воде. Переправившись через Скользкую Траву мы оказались у края балки, которая вела к месту сражения.

Когда мы добрались туда, почти все васичу уже лежали мертвыми, но некоторые были еще живы и сопротивлялись. По пути к нам присоединились многие другие ребята. Мы скакали по полю битвы, выпуская стрелы в васичу. Я подъехал к одному из них. Этот солдат лежал и корчился от боли — из него так и торчали стрелы. Я принялся снимать с него мундир, другой воин оттолкнул меня и взял мундир себе. Потом вдруг я увидел, что у него с ремня свисает что-то яркое и блестящее. Не долго думая, я сорвал эту вещь. Она была круглая и блестящая, желтого цвета и очень красивая. Я надел ее себе на шею как ожерелье. Сначала внутри ее раздавалось тиканье, а потом прекратилось. Долго еще я носил этот предмет у себя на шее, прежде чем узнал, что это такое и как им пользоваться.

Потом подошли женщины. Мы отправились к вершине холма. Там валялись мертвые серые кони. Некоторые лежали целыми кучами вперемешку с убитыми васичу. Наших убитых там почти было — их уже успели подо-

брать. Однако, в этой битве много наших воинов было ранено и убито. Объезжая убитых, я наткнулся на солдата, который поднимал руки вверх и стонал. Я пустил ему в лоб стрелу, и он забился в предсмертных конвульсиях. Рядом несколько лакотов вели под руки раненого воина. Я подошел поближе и узнал его — это был брат воина Преследует Утром по имени Черный Васичу. У него было прострелено плечо, и пуля прошла сквозь тело, застряв в левом бедре, поскольку он стрелял свесившись из-за крупы лошади. Ему пытались дать какое-то лекарство. Этот воин приходился мне родственником — его отец и мой были так разгневаны, что пошли и располосовали ножами одного мертвого васичу...

Один мальчик, помладше меня, попросил снять для него скальп с солдата. Я сделал это, и он побежал показывать добычу матери. Пока мы находились здесь, большинство воинов преследовали других солдат до холма, где у васичу были спрятаны вьючные мулы. Некоторое время спустя я уже просто не мог смотреть вокруг себя — везде стоял запах крови, и мне стало дурно. Поэтому вместе с несколькими мальчиками я вернулся домой. Нет, я вовсе не сожалел о том, что только что видел. Наоборот, я был счастлив. Эти васичу пришли убивать наших матерей, отцов и нас самих. Мы же защищали свою страну. Когда я притаился там в густом леске у лагеря хункпапов и слышал первые выстрелы солдат — я уже знал исход сражения. Я стал думать, что мой народ сродни громовым духам из моего видения, и что солдаты сделали глупость, напав на нас.

Всю ночь деревня не спала. Наутро тех, кто сторожил у холма, сменил другой военный отряд. Мы с матерью поехали туда вместе с этим отрядом. Мать ехала на лошади, за которой бежал маленький жеребенок, привязанный к кобыле.

Там, на холме, виднелись лошади и вьючные мулы. Но солдат не было видно — они окопались. Внизу за холмом на западном берегу Скользкой Травы были заросли бизоньей ягоды. Вокруг кустов бегал один мальчик постарше меня по имени Круглый Глупец. Когда мы спросили его, что он это делает, он ответил: «Там в кустах прячется васичу». Действительно, он оказался прав. Один из солдат спрятался здесь еще тогда, когда другие отступили к вершине холма, и просидел так всю ночь. Мы начали осыпать его стрелами. Все это походило на охоту за кроликом. Он, пригнувшись, перебегал из

стороны в сторону, а мы носились вокруг кустов, стреляя в него из луков. Раз он закричал: «Ой!» Потом мы по-дожгли вокруг кустов траву, и он выскочил оттуда. Кто-то из воинов убил его.

После этого мы вернулись к подножию холма, где находились наши воины, и осмотрели укрепления солдат. Васичу по-прежнему не было видно — они лежали в своих окопах, но лошадей и мулов можно было рассмотреть. Многие из животных были мертвы. Когда мы спустились и вновь стали пересекать реку, несколько солдат выстрелили нам вдогонку; пули фонтанчиками взметнули воду. Мы с матерью галопом помчались назад в лагерь. Уже вечерело. Прибыли разведчики, и сообщили, что со стороны истоков Скользкой Травы к солдатам идут подкрепления. Поэтому лагерь мы разобрали. Не успела на землю спуститься ночная тьма, как мы уже были готовы к походу и пустились в путь в направлении ручья Древесного Клеща, который течет в горах Биг-Хорн. Шли мы всю ночь по течению Скользкой Травы. Я вместе с двумя младшими братьями ехал на волокуше. Мать положила рядом со мной маленьких щенков. Они все время норовили выползти из сумки, и я то и дело заталкивал их обратно. Поэтому мне не удалось особенно поспать.

К утру мы добрались до высохшего ручья, разбили здесь лагерь и устроили большой пир. Мясо, которое мы ели, было слегка с жирком — сейчас бы отведать такого!

Днем мы опять пустились в путь и наконец пришли к ручью Древесного Клеща. Здесь, у самых отрогов гор Биг-Хорн, мы разбили лагерь. С нами в деревне находился один тяжело раненый воин по имени Три Медведя. Он лежал в бреду, все время повторяя: «Енени, енени». Не знаю, что он имел в виду — только воин умер, а за этим местом так и закрепилось название: Лагерь-Где-Умер-Енени.

Вечером люди вдруг заволновались, слышались крики: «Солдаты идут!» Я посмотрел вместе со всеми — действительно, прямо на нас цепью скакали солдаты. Однако, оказалось — это наши лакоты ради смеха переоделись в солдатские мундиры.

Разведчики сообщили, что на самом деле солдаты нас не преследуют и все спокойно. Целую ночь по всему лагерю горели большие костры, народ исполнял танцы и песни победы. Я спою тебе песни, которые люди сочиняли и распевали в ту ночь. Вот некоторые из них:

Длинноволосый ушел навсегда
И его женщина плачет, плачет,
Плачет, сюда направляя взоры.

Длинноволосый, у меня не было ружей,
Ты подарил их мне много. Спасибо!
Я весь трясусь от смеха!

Длинноволосый, у меня не было лошадей,
Ты подарил мне их много. Спасибо!
Я весь трясусь от смеха!

Длинноволосый — никто не знает, где он покойся.
Васичу плачут, никак не найдут его.
Там на холме лежит он!

Палите из ваших священных железок.
Какие вы мужи, чтоб вред причинить нам!
Палите из ваших священных железок!

Я так наплясался в ту ночь, что здесь же свалился на землю и заснул. Той ночью умер мой родственник Черный Васичу.

Х

НАРОД ИДЕТ ЧЕРНОЙ ДОРОГОЙ

В этой стране, у отрогов гор Биг-Хорн, мы прожили всего одну луну, а может, чуть больше. Отец говорил мне, что наша борьба оказалась напрасной, поскольку «попрошайки» готовятся так или иначе запродать васичу Черные Холмы, и что на нас идет все больше солдат. Три Звезды находился со своими людьми на Гусином ручье. Много других солдат расположилось в верховьях Йеллоустоуна. Все эти васичу, говорил отец, двинутся и стиснут нас с двух сторон.

Понемногу наши люди покидали лагерь и отправлялись в те агентства, что учредили васичу. Но нас оставалось еще довольно много, и вот мы пустились в путь, со всеми своими лошадьми, спасаясь от солдат. Длинной цепью спускались мы вниз по течению Роузбада и наконец стали лагерем там, где река протекает мимо двух высоких отвесных скал. Потом мы перебрались в то место, где перед самым разгромом Длинноволосого устроили Пляску Солнца. Оказалось, что солдаты проходили здесь — кругом все сплошь было усеяно конским

навозом и истоптано копытами лошадей. Затем мы перебрались вниз по течению к одному священному месту, где у самой воды стоит высокая отвесная скала, наверху которой время от времени появляются разные картины, предсказывающие то, что вскоре должно случиться. Тогда на этой скале были изображения множества солдат со свесившимися головами. Люди говорили, что эти рисунки были там уже до разгрома Длинноволосого. Не знаю, но все же они были там, и невозможно представить, чтобы кто-то мог забраться так высоко и сделать эти изображения.

И вот мы переехали к реке Язык, где некоторое время стояли лагерем. Однажды возвратились разведчики и сообщили, что большая огненная лодка, груженная кормом для солдатских лошадей, пришла с верховьев Йеллоустоуна и причалила к противоположному берегу реки. Несколько наших юношей пошли посмотреть, и одного из них, по имени Желтая Рубаха, сидевшие в лодке солдаты застрелили. Однако другие сумели принести домой кукурузы и нам дали немного. Мы поджарили ее и с удовольствием ели.

Примерно в это же самое время, в месяц, когда чернеет вишня, народ стал раскалываться на небольшие группы и уходить — мы опять узнали, что солдаты преследуют нас. Тупой Нож со своими шайела ушел к Ивовому Ручью, в горы Биг-Хорн. Многие лакоты отправились в агентства*, а остальные, в том числе и мы, двинулись на восток. За нами по пятам шли солдаты генерала Три Звезды. Отходя, наши подожгли за собой траву, и дым поднялся высоко, затмевая день, а свет пожара озарял ночь. Мы хотели оставить солдатских лошадей без корма.

Потом пошел дождь, который лил все время, пока мы двигались на восток. Наши пони еле передвигались, увязая в глубокой грязи. Солдатским лошадям без еды приходилось, должно быть, еще хуже. Сидящий Бык и Желчь отделились от нас и двинулись в Землю Бабушки*. Другие лакоты по пути то и дело откалывались и небольшими группами уходили. Однако Неистовая Лошадь не хотел покидать родную страну.

В месяц черного теленка¹ мы стояли лагерем у истоков Гранд-Ривер. В это самое время Американская Лошадь вместе со своими людьми сразился с солдатами

¹ Сентябрь.

генерала Три Звезды у Слим-Бьютс* на Кроличьем Ручье. Там под проливным дождем произошла жаркая схватка. Солдаты убили Американскую Лошадь, выгнали из типи женщин и детей, захватили все запасы папа (сушеного бизоньего мяса), которые лакоты заготовили на зиму. Узнав обо всем этом, Неистовая Лошадь отправился туда и гнал солдат до самых Черных Холмов. Много солдатских лошадей пало, завязнув в глубокой грязи. Неотступно преследуя васичу, Неистовая Лошадь не раз навязывал им битву.

Куда бы мы ни пошли, везде солдаты сеяли смерть, а ведь это была наша родная земля. Она была нашей еще до того, как васичу заключили договор с Красным Облаком, в котором говорилось, что страна будет нашей до тех пор, пока растут травы и текут реки. Этот договор был заключен всего 8 зим назад, и теперь васичу преследовали нас, оттого что мы помнили о нем.

Потом мы вновь пошли на запад. Отныне счастье нас оставило — многие лакоты распустили хвосты своим лошадям (сошли с тропы войны) и перешли к васичу. Мы ушли в самые глубины своей земли. Почти вся земля почернела от огня и бизоны покинули ее. Мы разбили лагерь на реке Язык, здесь росли тополя, кора которых была хорошим кормом для лошадей. Рано легла холодная зима. Намело много снега, и для нас настали голодные времена, ведь дичь найти было нелегко. Пони умирали, и нам приходилось есть их. Они не могли достать еду из-под сильно замерзшего снега и гибли; коры тополей не хватало для всех. Этим летом нас было тысячи, теперь же не набралось бы и двух тысяч.

Здесь в месяц падающих листьев¹ до нас дошла весть, что Черные Холмы, а также вся страна к западу от них, где мы сейчас жили, продана васичу. Когда я стал старше, я узнал, что наш народ не хотел продавать землю. Тогда васичу отправились к некоторым вождям и по отдельности уговорили их поставить свои знаки на договоре. Возможно, некоторые из них сделали это, одурманенные минневакан (священной водой, виски), которую васичу им поднесли. Так я слышал, а точно не знаю. Но лишь сумасшедший или глупец способен продать свою мать-землю*. Временами мне кажется, что было бы лучше, если бы мы остались все вместе и дали васичу перестрелять всех нас.

¹ Ноябрь.

Тупой Нож со своими шайела стоял лагерем на Ивом Ручье у отрогов гор Биг-Хорн. Однажды рано утром в конце месяца падающих листьев туда пришли солдаты, чтобы перебить всех шайела. Все люди спали. Стоял сильный холод, снег был глубоким. Когда солдаты начали обстреливать типи, люди обнаженными выбегали прямо на снег. Мужчины сражались на холоде совершенно раздетыми, на них были одни лишь патронташи. Схватка была очень жаркой, ведь воины защищали замерзающих женщин и детей. Солдаты разбили их. Те шайела, которые остались в живых и не замерзли, бежали и добрались до нашего лагеря на реке Язык.

Я вспоминаю, как пришел Тупой Нож с теми, кто остался от его клана. У них не было почти ничего, некоторые из них погибли в пути. Умерло много маленьких детей. Мы дали им одежду, а из еды мало что могли предложить, поскольку сами питались мертвыми пони. Некоторое время спустя они покинули нас и отправились сдаваться васичу в городок солдат на Белой Реке. Так мы остались совсем одни в той стране, которая принадлежала нам и которую похитили у нас васичу.

После этого люди стали замечать, что Неистовая Лошадь ведет себя все необычнее. Он почти не появлялся в лагере. Видели, как он в одиночестве стоит на холоде. Его просили вернуться домой, он отказывался. Люди удивлялись — ест ли он что-нибудь вообще. Однажды мой отец застал его в одиночестве и Неистовая Лошадь сказал ему: «Дядя, тебе странно то, как я себя веду. Не беспокойся, я могу укрыться в окрестных пещерах и лощинах. Здесь в уединении мне помогут духи. Я думаю, как сделать мой народ счастливым».

Он и так был человеком странным, но той зимой сделался еще необычнее. Может быть, он увидел смерть, ожидавшую его, и размышлял о том, как помочь нам, зная, что его скоро уже не будет с нами.

С большим трудом пережили мы ту зиму; все были в унынии. Вскоре на нас обрушилось еще одно несчастье. Вернувшиеся разведчики сообщили, что в устье реки Язык разбили лагерь солдаты. А в начале месяца, когда холод приходит в типи¹, разведчики предупредили, что солдаты идут вверх по реке, чтобы сразиться с нами, и что с ними едут два ружья, установленные на фургонах.²

¹ Январь.

² Пушки.

Спасаться было уже негде, поэтому мы приготовились к сражению. Отец сказал, что у нас осталось очень мало патронов. Мы перенесли деревню немного вверх по течению, и наши воины засели на высокой скале. Утром подошли солдаты и развели костры, стали завтракать, а наши голодные люди наблюдали за ними. Позавтракав, они стали стрелять из ружей, установленных на колесах. Оба ружья выстрелили, каждое по два раза, потому что железные шары, которые они выпускали, взрывались, уже упав на землю. Некоторые не взрывались, и мы, мальчишки, сбегали за одним и добыли его. Потом солдаты стали взбираться на скалу. Пошел сильный снег. Мы не могли остановить их наступление — не было патронов. У солдат же было все, что нужно для боя. Когда васичу добрались до нас, воины стали отбиваться копьями и прикладами ружей, которые они превратили в дубинки. Мужчины удерживали их, пока женщины не свернули лагерь и не увели детей с лошадьми. Вокруг бушевала снежная буря, мы двигались на юг к реке Литл-Паудер. Солдаты еще преследовали нас какое-то время, пытаясь навязать бой. Нам удалось оторваться от них, но мы побросали все необходимое, и когда стали лагерем на Литл-Паудер, то оказались почти такими же нищими, как люди Тупого Ножа, приходившие к нам раньше. Стоял очень сильный холод, и мы опять питались своими истощенными пони.

В конце месяца темно-красного теленка¹, а может в начале месяца снежной слепоты², к нам прибыл Кrapчатый Хвост с вождями других племен. Его сестра приходилась матерью Неистойой Лошади. До того, как Кrapчатый Хвост перешел на сторону васичу, он был великим вождем и храбрым воином. Теперь же он мне не понравился. Он разжирел на пище васичу, мы же все были истощены голодом. Отец сказал мне — Кrapчатый Хвост пришел, чтобы заставить своего племянника сдаться солдатам; наш собственный народ встает против нас, а весной придет еще больше солдат, и с ними много шошонов, кроу и даже лакотов, и наши старые друзья шайелы — все выступят против нас вместе с васичу. Этого я не мог понять, и все думал и думал. Почему бывает так, что плохие люди жиреют, а хорошим приходится умирать с голоду? Я вспоминал о своем видении и очень

¹ Февраль.

² Март.

расстраивался из-за него. Я спрашивал себя — может, это был просто-напросто какой-то странный сон?

Потом я услышал, что с появлением первой травы мы все пойдем в городок солдат, и что Неистовая Лошадь распускает хвост своей лошади и сойдет с тропы войны.

В месяц первой травы¹ наш маленький клан первым направился в городок солдат, а в первые дни месяца, когда линяют пони², пришел Неистовая Лошадь с остальными людьми, с лошадьми, от которых остались лишь кожа да кости. Когда он сдавался, вокруг выстроились ряды солдат и полицейских-лакотов. Я видел, как он снял свой военный головной убор. Мне не удалось пробиться поближе и поэтому я не услышал того, что он сказал. Голос его был негромок, сказал он лишь несколько слов, а потом сел.

Мне было 14 лет. Теперь у нас было достаточно еды и мы, мальчишки, могли играть, не боясь ничего. Солдаты следили за всеми, и отец и мать время от времени вспоминали о наших людях, которые ушли в Землю Бабушки вместе с Сидящим Быком и Желчью, родителям хотелось быть вместе с ними. Теперь наш лагерь стоял неподалеку от агентства Красного Облака, а само агентство рядом с городком солдат. Тем летом ничего особенного не случилось...

XI

УБИЙСТВО НЕИСТОВОЙ ЛОШАДИ

Однажды ночью в месяц, когда телята покрываются шерстью³, мы потихоньку разобрали свой лагерь в агентстве Красного Облака и пустились в путь. Отец сказал, что мы направляемся в лагерь Крапчатого Хвоста, но не объяснил, зачем. Шли мы всю ночь, а затем сделали остановку.

Однако на следующий день, когда мы были снова в пути, нас догнали люди Красного Облака и сообщили, что случится большая беда, если мы сейчас же не воз-

¹ Апрель.

² Май.

³ Сентябрь.

вратимся. Некоторые из нас повернули и поехали назад. Других какое-то время спустя вернули посланные за ними солдаты. Но Неистовая Лошадь не остановился, а продолжал путь в лагерь своего дяди.

Уже потом отец разъяснил мне, почему Неистовая Лошадь решился на это. Он опасался, что в агентстве Красного Облака, где стояли все солдаты, может в любое время начаться смута. А поскольку васичу забрали все наше оружие, мы оказались бы беззащитными, дойди дело до большой беды. Из-за покладистости Крапчатого Хвоста васичу сделали его верховным вождем всех лакотов, и Неистовая Лошадь решил, что нам будет жить гораздо безопаснее с его дядей. « Попрошайки » потом утверждали, что Неистовая Лошадь будто бы вновь хотел встать на тропу войны, и начать биться с васичу. Но как мог он это сделать, если у нас не было ружей и достать их мы не могли? Подобные слухи распустили лживые языки васичу, ведь они не могли победить Неистовую Лошадь в открытой битве. Он был великим человеком и отказался продаться васичу, как Крапчатый Хвост и другие вожди. Отец рассказал мне: васичу хотели, чтобы тем летом Неистовая Лошадь вместе с Красным Облаком, Крапчатым Хвостом и другими поехал в Вашингтон к Великому Отцу, но он отказался, ответив: « Отец мой всегда со мною, и между мной и Великим Духом нет никакого Великого Отца ».

Вечером следующего дня, после того как мы возвратились в агентство Красного Облака, туда пришли солдаты, ведя с собой Неистовую Лошадь. Он ехал на своей лошади чуть впереди их. Они здесь не задержались, а отправились в городок солдат. Мы вместе с отцом и многими другими пошли посмотреть, что они собираются с ним сделать.

Когда мы добрались туда, Неистовую Лошадь разглядеть не удалось. Вокруг дома, где его содержали, стояли солдаты и полицейские-лакоты, а вокруг них толпа народа.

Вскоре я почувствовал — там внутри творится что-то неладное. Все вокруг заволновались, слышался гул голосов. Потом раздался громкий крик на нашем языке: « Не прикасайтесь ко мне! Я Неистовая Лошадь! » В людей словно ударило сильным ураганом, поразившим сразу все деревья. Там в доме кричали что-то еще, а все вокруг меня спрашивали, что произошло или сами рассказывали о случившемся. Одни говорили, что Неистовая Ло-

шадь убит, другие, что болен, третьи, что ранен. Я испугался, слишком уж это напоминало тот день битвы на Скользяй Траве. Казалось, все тут же бросятся в бой.

Потом, однако, все успокоилось. Люди чего-то ждали, а затем стали расходиться. Я услышал, что больного Неистовую Лошадь только что забрали и он, возможно, скоро поправится. Однако, вскоре мы узнали правду, так как некоторые видели что там случилось. И я расскажу тебе, как все было.

Васичу обещали Неистойой Лошади, что не причинят ему никакого вреда, если он пойдет в городок солдат и переговорит с их вождем. Однако они коварно солгали. Его не повели к вождю на переговоры. Они заманили его в маленькую тюрьму с железными решетками на окнах, потому что хотели избавиться от него. Когда он понял, что происходит, то развернулся, выхватил из-под рубахи нож и бросился на всех этих солдат. Маленький Большой Человек, который когда-то был другом Неистойой Лошади и ободрял нас тогда во время моей первой битвы на ручье Военный Головной Убор, схватил его сзади и попытался отобрать нож. Пока они боролись, один из солдат, зайдя сзади, пронзил Неистовую Лошадь штыком. Тот упал и стал угасать. Тогда они подняли его и поволокли в контору вождя солдат. Контора вся была окружена солдатами, которые никого не пускали внутрь, и вскоре заставили всех разойтись. Я с отцом возвратился в наш лагерь в агентстве Красного Облака.

В эту ночь откуда-то донесся траурный плач, он становился слышнее и слышнее, и вот весь лагерь был объят горем.

Неистовая Лошадь умер. Был он храбрым, добрым и мудрым. Он не хотел ничего иного, кроме спасения своего народа. С васичу же сражался лишь тогда, когда они вторглись в нашу страну и стали убивать нас. Ему было только тридцать лет. Васичу никак не могли победить его в битве, поэтому они ложью заманили его и убили.

Мы с отцом всю ночь проплакали от горя.

На следующий день отец и мать Неистойой Лошади привезли в фургоне тело сына в наш лагерь. Потом они положили его в ящик. Говорили, что им пришлось разделить тело на две части, потому что оно не вмещалось в ящик. Родители положили ящик на волокушу и вдвоем ушли на северо-восток. Я как сейчас вижу двоих стари-

ков, увозящих тело своего сына. Никто их не сопровождал. Я долго еще стоял и смотрел им вслед. Лошадь, что везла тело Неистойвой Лошади, была желтого цвета. Отец его ехал на гнедом с белой мордой и белыми задними ногами. Старуха-мать сидела на коричневой кобыле, за которой бежал гнедой жеребенок.

Старики никогда не рассказывали, где похоронили они своего сына. Теперь они уже умерли, и сегодня никто не знает, где он лежит. О том, где его могила, ходило много разговоров. Некоторые говорили, будто знают где она, но не скажут. Многие думают, что она находится где-то на Медвежьем ручье в Дурных землях*. Я знаю только одно. Родители направились с телом сына прямо вниз по Перцовому ручью, который протекает неподалеку от нас за холмом к югу. Там у ручья проходили двое охотников и они видели стариков и пони с волокушей. Когда они рассказывали об этом моему отцу, то говорили, что лошадь, тянувшая волокушу, была желтого цвета и что на волокуше был закреплен какой-то ящик, а старик ехал на гнедом, у которого была белая морда и белые задние ноги. Старуха же сидела на коричневой кобыле, за которой бежал гнедой жеребенок. Старики шли вниз по Перцовому ручью, а позже охотники увидели их на ручье Белой Лошади, где были раньше. Ящика с ними уже не было. Вот почему мне кажется, что они, наверное, спрятали тело где-то у Перцового ручья, а быть может, ночью возвратились, забрали ящик и унесли его с собой в Дурные земли. Кто знает? Неважно, где находится его тело, потому что теперь оно поросло травой. Но славно было б попасть туда, куда ушел его дух.

XII

ЗЕМЛЯ НАШЕЙ БАБУШКИ

В конце месяца падающих листьев¹, после того, как убили Неистовую Лошадь, васичу приказали лакотам переселиться на Миссури, где нам отвели различные агентства. Сначала пустилась в путь большая группа людей под руководством Красного Облака, а мы вышли через день с другой большой группой, где вождем был Крапчатый Хвост.

¹ Октябрь.

Все были печальны — Неистовая Лошадь погиб, а теперь васичу собирались загнать нас на крохотные островки земли и заставить жить как они. Поэтому не пройдя и половины пути, некоторые откололись и пошли обратно на родину. Шли быстро, и солдаты не преследовали нас. Когда наша небольшая группа дошла до земель у Паудер-Ривер, глазам предстал совсем опустошенный край. К зиме мы готовы не были. Не останавливаясь, мы быстро пошли на север. Нам хотелось соединиться со своими сородичами, жившими во главе с Сидящим Быком и Желчью на Земле Бабушки.

В пути к Глинистому Ручью, где стояли лагерем сородичи, нас уже застигли морозы. Родные были очень рады нашему прибытию и позаботились о нас. В этой стране бродило еще много бизонов, люди заготовили в изобилии мяса. Солдаты не могли прийти сюда и уничтожить нас.

Мне было уже пятнадцать, и я все чаще задумывался о своем видении — когда же настанет мой час? Часть того, о чем мне рассказывали праотцы, сбылась — народ пошел по черной дороге, священный круг его жизни распался, зеленеющее дерево засохло. Я должен был соединить этот круг и сделать так, чтобы в центре его вновь зазеленело священное древо, и вывести людей на красную дорогу. Мне хотелось знать, когда же во мне окрепнет та сила, с помощью которой я смогу осуществить все это. Нечего было и думать о том, чтобы поделиться с кем-нибудь. Я был еще мальчиком, и все посчитали бы мои слова глупостью, да сказали бы: «Какой толк от тебя, если даже Сидящий Бык ничего не может поделаться?».

Когда вновь появилась трава, случилась памятная для меня охота за бизонами. Теперь я достаточно вырос, чтобы охотиться вместе со взрослыми. Мы выехали вдвоем с дядей, которого звали Бегущий Конь. Подо мной был гнедой, а вдобавок я вел за собой чалую лошадь. Дядя ехал на другой чалой и тоже вел рядом с собой второго коня. Так мы доехали до ручья Малой реки, пересекли его, и тут вдруг у меня снова закружилась голова. Я знал — непременно что-то должно быть. Сказал дяде: «Я очень странно себя чувствую. Видно, вскоре что-то произойдет. Я послежу, пока ты убьешь бизона, потом мы быстро разделаем его и уедем». Он удивленно посмотрел на меня, потом сказал: «Хау», — и поскакал вперед. Там в долине паслось несколько бизо-

нов. Я остановил лошадей и стал наблюдать. Когда дядя подстрелил одну жирную бизониху, я подъехал и помог разделять ее. Мое предчувствие не оставляло меня... Вскоре я услышал голос, сказавший: «Ступай немедленно и посмотри!» Я сказал дяде, что поднимусь на вершину холма и осмотрюсь. Въехав на холм, я увидел с него двоих охотников-лакотов, преследовавших бизона. Как только они скрылись за возвышенностью, мой конь наострил уши, стал осматриваться и нюхать воздух. И тут, с той стороны, куда скрылись лакоты, я услышал стрельбу, потом топот многочисленных лошадей. Из-за возвышенности показалось около пятидесяти человек верхом. Я узнал кроу. Позже мы узнали и то, что именно они убили этих двух лакотов. Захватив с собой добытое мясо, мы с дядей быстро поехали назад в деревню и предупредили остальных.

Мне стало ясно, что сила моя росла; я был рад этому. В месяц, когда нагуливают жир¹, Сидящий Бык с Желчью устроили Пляску Солнца на Лесном Холме, а потом опять состоялась охота. В этот раз я промышлял вдвоем с человеком по имени Железный Хвост. Я убил большую жирную корову. Когда мы разделявали ее, началась гроза, потом хлынул дождь, и я услышал, как голос из облаков сказал: «Поспеши! Сегодня еще до конца дня что-то случится!» Конечно, меня охватило волнение, и я сказал Железному Хвосту, что слышал голос из облаков и нам надо спешить домой. Захватив с собой одного лишь жиру, мы бросили все остальное и поторопились домой. В лагере мы взволнованно сообщили всем, что надо немедленно сниматься и уходить. Люди поспешно разобрали типи и пустились в путь. Мы дошли до Мутного Ручья — дождь лил не переставая на всем протяжении пути. С трудом мы переправились через ручей, лошади утопали в грязи. Большинство уже выбралось на берег, но у одной семьи, состоящей из старика, старухи и их красивой дочери, увязла волокуша. Вдруг неожиданно откуда-то появилась большая группа кроу. Их было так много, что мы все равно не сумели бы их сдержать. Поэтому нам пришлось, отстреливаясь, отступить.

Среди нас был человек по имени Храбрый Волк, который совершил в этот день великий подвиг. Он находился рядом со стариком и красавицей-дочерью, когда у тех завязла волокуша. Храбрый Волк спрыгнул с коня, на-

¹ Июнь.

тренированного для охоты на бизонов, усадил на него девушку, а сам остался со стариками и сражался до тех пор, пока не пали все трое. Девушка ускакала на его быстроногом коне. Мой двоюродный брат Его-Трудно-Сразить тоже совершил подвиг и погиб. Он отвлек на себя одного из кроу, который стрелял из-за кустов в кого-то из наших, и был убит.

Голос из облаков сказал правду. Казалось, моя сила растет день ото дня.

После гибели двоюродного брата моей обязанностью стало заботиться о его жене. Таков наш обычай. Мы ехали с ней вдвоем и в темноте отбились от нашей маленькой группы. Дождь лил всю ночь. Жена брата так сильно расплакалась, что мне пришлось заставить ее замолчать. Я опасался, как бы нас не обнаружил враг.

Когда к утру мы наконец добрались до своего лагеря, родственники начали оплакивать брата. Ухватив друг друга за плечи, они причитали в течение всего дня. Я тоже плакал вместе с ними, ходил весь в слезах и твердил: «Брат мой — он был так близок мне, и я был так близок ему, теперь же он мертв». Я любил брата, однако не хотел плакать весь день. Но просто приходилось это делать, и такая обязанность, признаюсь, не из легких.

Все это лето и зиму, когда мне исполнилось шестнадцать, мы прожили на Глинистом Ручье, на Земле Бабушки. Зима выдалась очень холодная. Сначала ураганы шли один за другим — охотиться было очень трудно. Потом кончились все запасы папа¹. Нам грозила голодная смерть. Все в лагере пали духом. Небольшие охотничьи отряды уходили в разных направлениях, но возвращались ни с чем. Мы с отцом пошли вдвоем, погоняя лошадей, которые увязали в глубоком снегу. Добравшись до ручья Малой Речки у обрывистого берега ручья, мы соорудили из своих одеял убежище и разожгли костер. Вечером в одном дупле я обнаружил кролика. Когда же я срубил дерево, там внутри оказались еще трое. Снег был настолько глубок, что они не могли убежать, поэтому и достались нам. Мы устали от долгих блужданий, и постоянного голодания, поэтому перед сном зажарили всех четырех и съели.

Этой ночью ветер поутих, было очень холодно. Неподалеку стал завывать койот. Меня словно озарило: он хочет что-то сообщить мне. Я прислушался: это не были

¹ Сушеное мясо.

человечьи слова, но смысл его завываний был ясен: «Двуногий,— говорил он,— на большом гребне к западу есть бизоны, но прежде чем ты доберешься туда, ты повстречаешь двух своих братьев». Я разбудил задремавшего отца: «Отец, я слышал, как койот сказал, что к западу на большом гребне есть бизоны, и что сначала мы повстречаем в пути двух людей. Давай выйдем пораньше».

К тому времени отец уже заметил, что я обладаю какой-то странной силой и поверил мне. Утром вновь поднялся ветер. Мы двинулись на запад, но в двух шагах уже ничего нельзя было разглядеть. Потом сквозь снежный вихрь показались очертания каких-то двух лошадей. Они стояли спиной к ветру, низко опустив головы. Когда мы подошли поближе, то в кустах увидели убежище-навес, а в нем двух изголодавшихся и замерзающих лакотов — старика и мальчика. Они очень обрадовались нам, потому что уже совсем пали духом. Два дня им пришлось блуждать по снегу и теперь они совершенно ослабели. Через некоторое время все мы вчетвером поднялись на гребень холма. Здесь рос густой лес. Затем спустились, укрылись от пурги и стали ждать, пока погода успокоится. Кругом ничего не было видно. Пережидая пургу, мы вспоминали о тех, кто остался дома и голодает. Вдруг тьма на время рассеялась, и совсем рядом мы увидели косматую голову бизона, который брел по лошине, проходившей мимо того места, где мы укрылись. За ним появились еще семь животных, и тут порыв ветра вновь скрыл все вокруг в снежном буране. Увидеть нас они не могли и учуять тоже, потому что шли по ветру.

Мы все четверо стали воздавать молитвы четырем сторонам света: «Хако! Хако!». Потом вывели своих лошадей из кустов и поехали к входу в лошину, где должны были пройти бизоны. Решили, что сначала выстрелят старики, а мы верхом станем преследовать остальных животных. Вскоре показались бизоны. Старик с отцом подкрались и выстрелили; но то ли из-за холода, то ли от волнения, им удалось подстрелить лишь одного бизона. Вскричав: «Хока!»,— мы в свою очередь бросились преследовать других. Они сами утоптали снег для наших лошадей, поэтому преследовать их было нетрудно. Вдруг те бизоны, за которыми гнался я, совсем утопли в снегу. Я понял, что они провалились в заваленный снегом овражек. Останавливаться было уже поздно, и моя лошадь тоже увязла там. Так мы и барахтались — я со своей ло-

шадью и четыре бизона. Наконец, я кое-как выбрался. Из винчестера, что дали мне в лагере, я тут же застрелил всех четырех. Однако во время стрельбы я увлекся, отбросил рукавицы, и ружье примерзло к рукам, пришлось оттирать его вместе с кожей.

Мой товарищ убил трех бизонов. На снегу было распростерто восемь туш. Было еще утро, но мой отец со стариком весь день до темноты разделявали бизонов. Я же со своими пораненными руками не годился в помощники. Наконец, все мясо было свалено в одно место. Под большой скалой мы сделали прекрасное укрытие. Вокруг рос густой кустарник и было много сушняка. Мы развели большой костер, привязали все наши бизоньи накидки на лошадей и дали им вволю поестъ коры тополя, которую мы содрали с деревьев у ручья. Сырые шкуры пошли на наше убежище. Утром устроили большой пир, пели песни и чувствовали себя счастливыми.

Ветер приутих, но мороз стал еще сильнее. Поэтому всю ночь мы поддерживали огонь. Ночью мне почудилось, как будто кто-то плачет снаружи. Я выглянул и увидел кучку дикобразов, пугливо жавшихся к нашему укрытию. Они плакали от холода. Нам стало жалко этих животных, и мы их не тронули.

На следующий день, положив на лошадей столько мяса, сколько они способны унести, мы отправились домой в лагерь. А то, что не смогли взять с собой, спрятали в тайнике у большого дерева. Здесь его легко было найти. Весь день мы медленно шли по глубокому снегу. Мне казалось, что становится все холоднее. К концу второго дня мы наконец добрались до лагеря. Люди радовались нам и нашей добыче. Потом несколько человек отправились к тайнику забрать оставшееся мясо.

На утро я вышел проверить тех лошадей, которых мы брали с собой на охоту в лошину. Оказалось, что пять из них от сильного холода замерзли насмерть. После того, как стих ветер, мороз стал свирепым.

Всех нас в лагере охватила тоска по родине, где мы жили когда-то так счастливо. Старики только и вспоминали о ней, да о тех добрых временах, когда к нам еще не пришла беда. Временами мне хотелось плакать, слушая их рассказы.

ХІІІ

НЕОДОЛИМЫЙ СТРАХ

Весной, когда вновь травы стали показывать свое нежное лицо, две наши семьи свернули типпи и пустились в путь на родину, где мы были так счастливы. Шли мы пешком, ведя с собой лишь пятерых лошадей — все другие погибли от мороза. Стояло дождливое время. Через некоторое время мы доехали до ручья Совсем-Без-Деревьев и сделали там остановку. Я решил сводить наших лошадей попастьись туда, где трава была гуще. Но стоило мне отойти совсем недалеко от лагеря, как у меня снова закружилась голова, и голос сказал мне: «Будь внимателен и осторожен! Ты что-то увидишь!» Этот голос прозвучал настолько отчетливо, что я невольно посмотрел по сторонам — кто же это мог быть. Но никого не было. Я привязал лошадей там, где стоял, а сам сел, чтобы обдумать услышанное. Неподалеку от лагеря стояла высокая скала с двумя вершинами. Я забрался на одну из них, туда, где лежали большие камни. Укрывшись среди этих камней, я огляделся, но ничего особенного не заметил. Я начал подумывать — не почудился ли мне голос. И тут, взглянув на вторую вершину скалы, я заметил совсем близко от себя двоих мужчин. Они ползком пробирались к той вершине. Я узнал в них врагов. Мне сначала показалось, что они из племени кроу, но потом понял, что это черноногие. Я всем телом врос в землю и украдкой следил за ними. Они находились так близко от меня, что можно было добросить до них камнем. Я подумал — будь у меня сейчас ружье, я мог бы застрелить их обоих. У самой вершины враги остановились, потом один из них прополз еще немного вперед и, выглянув, осмотрел наши типпи, стоявшие в долине. Первый сделал знак товарищу, и они оба теперь осмотрели весь наш лагерь. Затем я услышал их разговор — они решали, как лучше напасть на нас. Через некоторое время они отползли назад, встали и побежали вниз по склону, и исчезли из виду. Когда они скрылись, я переполз на другую сторону утеса и спустился вниз. У подножия я сел и, вспомнив свое видение, обратился к духам с молитвой: «Праотцы, со мной может случиться беда. Но положусь на силу, которую вы мне даровали. Услышьте меня и помогите!» После этого я побежал к своим и предупредил их, что надо немедленно уходить.

Нас было так мало, что мы не решились остаться и свернуть свои типи, а сразу пустились в путь. Шли очень быстро. По пути нам пришлось пересечь ручей Совсем-Без-Деревьев. Сейчас, весной, этот ручей стал полноводным потоком. Поэтому мне и еще одному подростку пришлось переплывать ручей, прикрепив к себе сыромятные ремни, которыми опоясались старухи, и тянуть их через глубокую воду. Они чуть не захлебнулись, пока мы тащили их. Когда все выбрались на берег, стариков усадили на лошадей и мы быстро двинулись вперед, на восток.

На небе с западной стороны надвинулась грозовая туча. Я уже знал: она пришла, чтобы защитить нас. Слышно было как грозовые духи кричали мне: «Хей! Хей!» Туча застыла у нас над головами, полная молний и голосов. Мы успели отойти не слишком далеко. На землю стала спускаться ночь, и тут позади со стороны покинутого лагеря слышались выстрелы. Враги, по-видимому, стреляли по неразобраным типи, полагая, что мы находимся внутри.

Наконец, настала ночь. Сильно стемнело, потому что громовая туча со множеством голосов висела прямо над нами; мы не переставая шли до самого рассвета. Затем туча рассеялась и наступил рассвет. Мы остановились, чтобы поесть и поспать.

Теперь я уже лучше, чем когда-либо, знал, что обладаю настоящей силой. Ведь я молил праотцов о помощи, и они услышали меня, послав громовых духов, которые скрыли нас и охраняли, пока мы спасались бегством.

Поев и поспав, мы вновь пустились в путь и добрались до лагеря миннеконжу. Потом вместе с этими сородичами пошли до устья Тополиной реки и пересекли Миссури на огненной лодке, которая ходила по ней. И наконец, поохотившись некоторое время, мы пришли в городок солдат, что в устье реки Язык, и разбили лагерь с другими лакотами, которые бежали из резерваций сюда на родину.

Солдаты отобрали у нас ружья и почти всех лошадей, оставив на каждое типи по две лошади. Здесь, у городка солдат, в месяц изобилия мы устроили Пляску Солнца. После нее я, казалось, не мог думать ни о чем другом, кроме своего видения. Мне шел уже семнадцатый год, а я не совершил ничего, о чем вещали праотцы, однако они помогали мне. Я не знал, как осуществить то, что они от меня хотели.

Для меня наступили страшные времена — я не мог поделиться своей печалью ни с кем, даже с отцом и матерью. Я боялся приближающихся туч. С их появлением я всегда слышал, как ко мне взывают громовые духи: «Слушай своих праотцев! Поспеш!» Я понимал, что мне слышалось в пении птиц: «Пора! Пора!» Днем меня кликали вороны, ночью — койоты и все они повторяли: «Пора! Пора! Пора!»

Я не знал, что делать; всякий раз я просыпался до рассвета и выходил из типи, потому что боялся той тишины, что наступает, когда все спят. На востоке друг с другом перешептывались тихие голоса, а утренняя звезда в тишине пела такую песню:

Свято ты пойдешь по земле!
Народ твой будет внимать тебе!

В это время мне трудно было общаться с людьми, поэтому я садился на лошадь и уезжал подальше от лагеря, блуждал, сопоставлял все то, что видел на земле и в небе, с тем, что наблюдал я во время видения. Вороны замечали меня и перекликались друг с другом, словно смеясь надо мной: «Вот он! Вот он!»

Когда ударили первые морозы, я обрадовался, поскольку теперь долгое время не будет гроз. С ними всегда приходили голоса: «Оо-хей! Пора! Пора!» Я боялся их все больше и больше. Зимой все было не так страшно. Однако временами меня и зимой охватывал сильный страх. Плач койотов приводил меня в такой испуг, что я начинал бегать из одного типи в другое, и так до тех пор, пока, утомленный, не падал, засыпая. Мне начинало казаться, что я сошел с ума. Отец с матерью сильно беспокоились, и говорили: «У него та же странная болезнь, за лечение которой мы отдали тогда лошадь Ловцу Вихря, а мальчик так и не выздоровел». А я не мог им рассказать, в чем все дело, ведь тогда бы они посчитали, что я болен еще больше.

Той зимой мне исполнилось 17 лет. Когда травы снова начали показывать на свет свои нежные лица, отец с матерью попросили старого знахаря по имени Черная Дорога зайти и посмотреть меня. Черная Дорога остался со мной один на один в типи и попросил сказать, не привиделось ли мне чего-нибудь, вселяющего тревогу. К этому времени я настолько устал всего бояться, что не удержался и рассказал ему про свое видение. Когда я кончил, он долго смотрел на меня, и наконец в сильном изумлении воскликнул: «Аа-ааах!» А потом, обращаясь

ко мне, сказал: «Племянник, теперь я знаю, в чем дело. Надо осуществить то, чего хотел от тебя тот гнедой из видения. Ты должен выполнить порученное дело и воплотить это видение здесь, на земле, на благо людям. Сначала же тебе надо устроить Пляску Лошадей на глазах всего народа. Тогда тебя покинет страх, а если ты не сделаешь этого, с тобой произойдет что-то очень плохое».

И мы принялись готовиться к Пляске Лошадей.

XIV

ПЛЯСКА ЛОШАДЕЙ

С нами жил человек по имени Медведь Поет, был он стар и очень мудр. Черная Дорога попросил его о помощи, и тот согласился.

Сначала поутру послали глашатая, который объявил людям, чтобы они поднялись немного вверх по реке Язык, отойдя от городка солдат, и там по кругу разбили лагерь. Когда это было сделано, в центре круга Медведь Поет и Черная Дорога поставили священное типи и разрисовали его картинами из моего видения. На западной стороне они изобразили лук и чашу с водой, на северной — белых гусей и священную траву, на восточной — утреннюю звезду и трубку, а на южной — зеленеющий побег и круг жизни народа. Потом нарисовали лошадей, лосей и бизонов. Над входом в священное типи они нарисовали пылающую радугу. Знахарь со стариком трудились целый день, и все вышло очень красиво.

Они предупредили, чтобы я не ел ничего до самого конца Пляски Лошадей и очистился в палатке для потения, пол которой устлан шалфеем; а после очищения мне надо было обтереться этой травой.

Вечером Черная Дорога и Медведь Поет велели мне прийти в разрисованное типи. Мы были там только вдвоем, и никто не осмелился приближаться и слушать. Они спросили — слышал ли я какие-нибудь песни в своем видении, и если да, то должен обучить их этим песням. Я спел все песни, которые слышал во время видения, и мы почти всю ночь просидели, разучивая их. Все время, пока мы сидели в типи, напевая, снаружи повсюду слышался глухой гром. Все понимали, что это такое. Громовые духи пришли к нам на помощь и выражали свою радость.

Отец с матерью тоже помогали — они добывали все то, что нужно для пляски. На следующее утро все было готово. Привели четырех черных коней, которые обозначали запад, и столько же белых, гнедых и желтых. Они означали север, восток и юг. Для каждого коня подобрали по всаднику. Нашли гнедого и для меня, похоже на того, который был со мной во время видения. Приготовились принять участие в пляске и четверо самых красивых девушек нашей деревни. Праотцами выбрали шесть глубоких стариков.

И вот пришло время раскрашиваться и одеваться для самой пляски. Четыре девушки и шестнадцать всадников обратились лицом к священному типи. Черная Дорога и Медведь Поет затянули песню, а другие подхватили:

Отец, начертай на мне землю.
Отец, начертай на мне землю.
Отец, начертай на мне землю.
Народ дано мне избавить
Племя двуногих возвысить.
Отец, начертай на мне землю.

После этого закончили раскраску. Четырех юношей, что сидели на черных лошадях, выкрасили в черный цвет, на ногах изобразили голубые зигзаги молний, на руках нарисовали такие же голубые линии, а бедра покрыли белыми точками, обозначавшими град. Тех, что должны были сесть на белых лошадей, выкрасили в белый цвет, а на волосах и руках изобразили красные зигзаги молний; на ногах лошадей тоже были нарисованы красные молнии. Вдобавок на головах у них были надеты шапки из конского волоса, которые обозначали гусей. Тела других, сидевших на лошадях востока, были покрыты красной краской, а на руках, ногах и груди были проведены прямые черные линии молний. На ногах и груди лошадей также изобразили черные молнии. Тела всадников на желтых лошадях покрыли желтым цветом. Ноги лошадей ниже колен целиком выкрасили в черный цвет, а выше и на груди нанесли черные зигзаги молний.

Ноги моего гнедого были покрыты красными полосами, которые тоже обозначали молнии. А на спине, где я сидел, нарисовали пятнистого орла с распростертыми крыльями. Меня самого с головы до пят выкрасили в красный цвет, а на руки и ноги нанесли черные молнии. На лицо я надел черную маску, а в волосы воткнул

орлиное перо, свешивавшееся на лоб. Когда наконец, раскрасили и людей и лошадей, то со стороны они казались одновременно страшными и прекрасными. Все мужчины, сидевшие верхом, были обнажены, они были в одних набедренных повязках. Четыре девушки надели алые платья из оленьей кожи, лица свои они также покрыли алой краской, а волосы заплели в косы. У каждой на шее был венок из душистого священного шалфея, с воткнутым в него орлиным пером. Девушки выглядели настоящими красавицами. Они были очень хороши. Все это время я находился в священном типи вместе с шестью старцами, изображавшими праотцев. Тут же с нами внутри были и четыре девушки. Никто другой не должен был меня видеть до начала пляски.

В самом центре типи праотцы начертили круг и провели через него две дороги: красную — с юга на север, и черную — с востока на запад. На западной стороне круга они поставили чашу с водой и положили на нее небольшой лук и стрелу. Там, где был восток, они нарисовали утреннюю звезду. Затем девушке, что должна была обозначать собой север, они вручили целительную траву и белое гусиное крыло — очищающий ветер. Другой, представлявшей восток, они дали священную трубку. Третьей (юг) — сложили в руки живой побег, четвертой (запад) — обруч, означавший священный круг жизни. Теперь все девушки, добрые и прекрасные, держали в руках символы жизни народа.

У меня в руках был только красный прут, обозначавший священную стрелу, мощь громовых духов запада.

Теперь мы были готовы начать пляску. Шесть праотцев затаили песню, поочередно славя всадников всех четырех сторон света. Сначала они спели песнь в честь черных:

Они грядут — глядите, глядите.
Они грядут — глядите, глядите.
Вот они, лошадиный народ.
Вот они, племя духов громовых.
Глядите — они грядут.
Глядите — они грядут.

В ответ юноши оседлали черных коней и стали в ряд лицом туда, куда заходит солнце.

Вновь запели шесть праотцев:

Они грядут — глядите, глядите!
Вот, они, лошадиный народ, глядите!
Вот оно, гусиное племя, глядите!

И тогда четверо белых всадников вскочили на лошадей и выстроились в ряд лицом к стране Белого Великана.

Опять запели шестеро праотцев:

Они грядут, — обитатели края встающего солнца!

Грядет бизоний народ, глядите!

Грядет лошадиный народ, глядите!

Теперь красные всадники оседлали своих лошадей и выстроились лицом к востоку.

Наконец, праотцы запели в четвертый раз:

Грядет лосиный народ, из края, куда взоры мы обращаем!

Глядите!

Грядет лошадиный народ,

Глядите!

И тогда настала очередь желтых всадников. Они выстроились на своих лошадях лицом к югу.

Теперь я должен был выйти из священного типи — настала моя очередь. Выходя, под стук барабана праотцев, я запел:

Грядет он, глядите!

Грядет орел в орлиное племя.

Глядите!

Снаружи слышался храп и стук копыт моей лошади. Одна за другой вышли девушки, а я следом за ними. Оседлав своего гнедого, я стал позади девушек лицом к западу.

Потом появились шесть праотцев и, встав в ряд за моей спиной, под звуки барабана, они запели быструю, живую песню:

Пляшут они,

Они спешат узреть тебя,

Лошадиный народ запада пляшет

Они спешат узреть!

После этого они спели такие же песни о лошадях севера, востока и юга. И каждый раз названная группа разворачивалась и занимала свое место позади праотцев. Наконец все лошади — черные, белые, гнедые и желтые — по четыре выстроились в сторону запада, нетерпеливо перебирая копытами. И во все время священных песен мой гнедой становился на дыбы и громко ржал.

И вот все мы построились. Я взглянул вверх — на темную тучу, которая наплывала на небо с запада. Все люди и кони притихли. В наступившей тишине были слышны лишь глухие раскаты грома. И тогда, подняв правую руку ладонью наружу, я вскричал четыре раза, обращаясь к духам этой тучи:

Хей-я-хей! Хей-я-хей! Хей-я-хей! Хей-я-хей!
И тут же праотцы запели другую священную песню из
моего видения:

Глядите, четвероногих племя в центре земли.
Так они мне сказали!

И пока они пели, случилась странная вещь. Мой гнедой навострил уши, поднял хвост и, ударив копыто о землю, громко и протяжно заржал в сторону заходящего солнца. Четыре черных лошади ответили ему громким ржаньем, к ним присоединились белые, гнедые и желтые, а потом заржали все лошади, что находились в деревне. Даже те кони, что паслись в долине и на склонах холмов, поднимали головы и отозвались дружным ржаньем. И тут вдруг на небе я увидел всю картину своего видения: типи из облаков, прошитое молниями, над входом — пылание радуги, а внутри — шестерых праотцев; по четырем сторонам света стояли лошади. И еще я увидел самого себя, сидевшего на гнедом перед типи. Я огляделся вокруг и понял — все, что мы делаем здесь на земле — словно тень того яркого видения, что сияло там, на небесах. Мне было ясно, что настоящее — там, в небе, а тут внизу — лишь тусклый образ его. И пока я глядел, шесть праотцев там, на небе, а с ними всадники со всех четырех сторон света и даже я сам — все протянули ко мне ладони, и когда они сделали это, я понял, что должен молиться. И потому я воззвал:

Праотцы, узрите меня!
Услышьте меня, духи мира!
Здесь я повторю все, что вы мне показали!
Услышьте меня и помогите!

Потом видение пропало, а громовая туча приближалась, шумя многими голосами и сверкая спереди молниями. Стайки ласточек заматались над нами.

Люди побежали крепить шесты своих типи, чтобы их не сорвало бурей, а черные всадники запели под барабаны, рокотавшие громом:

Я устранил их видом.
Орлиный знак носил я.
Я устранил их видом.
Мощь молний носил я.
Я устранил их видом.
Устранил их.
Мощь града носил я.
Я устранил их видом.
Устранил их,
Глядите!

Они пели, а там на западе, неподалеку от нас, падал град и лил дождь. Но туча стояла над нами, грохоча и озаряя блеском молний, и лишь несколько капель упало на нас. Видно было, что громовые духи рады; они пришли в великом множестве поглядеть на пляску.

Вот четыре девушки высоко подняли священные предметы, которые держали в руках: траву, белое крыло, священную трубку, живой побег, круг жизни народа, и протянули их духам запада. Тогда больные и страждущие люди деревни приблизились к девушкам и сделали им подношения. После этого всем им стало лучше, а некоторые исцелились и стали плясать от радости.

Шесть праотцев вновь забили в барабаны, и пляска началась. Четверо черных всадников, стоявшие позади стариков, обогнули девушек и поскакали к западной стороне нашей деревни. Все другие в том же порядке последовали за ними; пони били копытами, становились на дыбы. Когда черные достигли цели, они развернулись и встали в конец группы. Теперь во главе оказались белые всадники, которые повели всех к северу деревни. Затем они встали взади черных, а впереди поскакали гневные, пока не достигли востока, где их место заняли желтые. Желтые поскакали во главе и достигли южной стороны деревни. Потом впереди снова встали черные, и вновь вся цепь поскакала по кругу к западу. Каждый раз, когда всадники достигали своей стороны света, шесть праотцев пели песнь в честь тех сил, что обитали там. И каждый раз я поворачивал своего гнедого в ту или иную сторону света. Он громко ржал, а все другие лошади немедленно подхватывали. Повернувшись на север, я обратился к небесному праотцу со словами: «Праотец, услышь меня! То, чем ты одарил меня, я отдал народу — силу целебной травы и очищающий ветер. Народ мой должен обрести счастливую жизнь. Услышь меня и помоги!»

Когда же пони достигли востока, а старцы кончили свою песнь я воззвал: «Праотец, услышь меня! Народ мой блуждает во тьме. Укажи ему верный путь и дай мудрости. Услышь меня и помоги!» Двигаясь от одной стороны к другой, мы все пели такую песнь:

Со всей вселенной лошадиный народ,
Вот ржет он,
На дыбы поднимаясь,
Вот он, смотри!

Когда мы достигли юга, старцы спели песнь в честь силы плодородия, а мой конь повернулся на юг и заржал, и опять все лошади ответили громким ржанием. С поднятой рукой я стал молиться: «Праотец, тот живой побег и священный круг жизни народа, что ты подарил мне, я отдал людям. Ты, обладающий силой плодородия, услышь меня! Укажи народу истинный путь, чтобы уподобился он цветам на твоём священном древе, сделай так, чтобы это древо глубоко проросло в чреве Матери-Земли, покрылось листвою и поющими птицами».

Потом, когда черные были опять впереди и скакали к западу, а мы пели и танцевали в честь этой стороны света, серая грозовая туча, которая все еще стояла на западе и наблюдала за нами, наполнилась кричащими голосами: «Хей-хей! Хей-хей!» Это громовые духи выражали свою радость моими делами. Тогда все люди вокруг, счастливые и радостные, стали отвечать им: «Хей-хей! Хей-хей!» Тут лошади снова заржали, соединив свое ликование с радостью духов и людей. Так четыре раза с песнями прошли мы вокруг деревни, меняя впереди четырех всадников. И каждый раз шесть старцев пели песнь в честь силы какой-нибудь стороны света, а я обращался к ней с молитвой. Стоило нам остановиться у одной части света, как кто-нибудь из больных или охваченных горем устремлялся к девушкам с подношениями красного цвета, из маленьких алых кисетов, наполненных чакун-ша-ша, ивовой корой. После подношений человек сразу чувствовал себя лучше и начинал плясать от радости.

На втором круге к нам присоединились многие из тех, у кого были лошади, и тоже приняли участие в пляске. Постепенно к нам стекалось все больше и больше людей. Они кружили вокруг на конях, пока мы шли по кругу, и так продолжалось до тех пор, пока наконец вокруг нас не образовался целый вихрь мечущихся лошадей. Остальные плясали пешими, и у всех на устах были те же песни, что и у нас.

Когда мы в четвертый раз достигли запада, то построились по-новому, лицом к центру лагеря, в ту сторону, где стояло священное типи. Во главе были девушки, за ними я со своим гнедым, потом шесть старцев, а по бокам у них по восемь всадников на лошадях — справа — гнедые и желтые, а слева — черные и белые. Когда мы выстроились в таком порядке, самый старый из праотцев, Дух Неба, воскликнул: «Приготовьтесь. Он четы-

режды обратится к духам, и на четвертый раз вы поскачете к священному типи и коснетесь его. Тот, кто сделает это, станет обладателем новой силы!»

Все всадники хотели тотчас же броситься к центру. Казалось, нараставшее возбуждение охватило и коней. Они вставали на дыбы, норовя вырваться. Я поднял руки и четыре раза воззвал «Хей-хей!», а на четвертый все закричали: «Хока-хей» и бросились к типи. Вместе со всеми я поскакал к центру, но прежде чем я добрался туда, многие уже меня опередили и успели коснуться типи.

Потом всех лошадей обтерли священным шалфеем и увели, а мы стали входить в типи, чтобы посмотреть, что произошло там за время нашего отсутствия. Старик посыпал свежей землей круг жизни народа, который они прочертили тогда в центре типи. Вблизи этого маленького круга жизни мы увидели следы крошечных копыт пони, как будто здесь плясали духи лошадей, пока мы сами плясали снаружи. Теперь Черная Дорога, который помог мне организовать пляску, взял у девушки востока священную трубку. Набив ее чакун-ша-ша, красной ивовой корой, он зажег трубку, поднес поочередно всем Силам Мира, сопровождая свои действия молитвой:

«Праотцы! Ты, обитающий в стране заходящего солнца; ты, кто обладает силой священного крыла, живущий в стране Белого Великана; ты, что обитаешь в стране утренней звезды, там, где зарождается день; ты, живущий в стране сил плодородия; ты, небо, и ты, земля, услышьте меня. Сам я вместе с лошадиным народом выполнил то, что должен был сделать на земле. Всем вам подношу я эту трубку, чтобы народ мой жил!» Затем он затянулся и пустил трубку по кругу. Она прошла по всей деревне, пока каждый не сделал по затяжке.

Когда Пляска Лошадей уже кончилась, мне все еще казалось, что я не иду, а как бы парю над землей. Поскольку все люди вокруг чувствовали себя счастливыми, мне тоже было радостно. Меня окружила большая толпа. Больные люди говорили, что они сами или их занемогшие родственники поправились после пляски. Все принесли мне много даров. Даже лошади, казалось, стали здоровее и счастливее.

Страх, что до сих пор постоянно преследовал меня, исчез, и теперь когда в небе появлялись грозовые тучи, я всегда радовался,— ведь теперь они приходили в

гости ко мне как сородичи. Все вокруг отныне казалось добрым и прекрасным. Прежде знахари не заговаривали со мной, а теперь стали заходить и беседовать о моем видении. С этого времени я стал вставать еще до зари и наблюдать появление утренней звезды. Люди знали об этом, бывало многие из них отправлялись со мной, и когда появлялась звезда, мы вместе говорили: «Глядите, вот звезда мудрости».

XV

ВИДЕНИЕ СОБАК

Мы жили в устье реки Язык до самого конца Месяца плодородия (июнь). Потом воздь солдат приказал нам покинуть эту страну, поскольку мы ее продали и она уже больше не принадлежит нам. Мы и не думали ее продавать; но пришли солдаты, забрали у нас всех лошадей и ружья, погрузили нас на большую огненную лодку, которая пошла вниз по Йеллоустоун, затем по Миссисипи до форта Йейтс. Здесь белые устроили одну из первых резерваций для лакотов*. Нас высадили. Тут уже поселились многие соплеменники Сидящего Быка и Желчи, хотя сами они все еще находились на Земле Бабушки. Насчет забранных у нас лошадей солдаты сказали, что Великий Отец* в Вашингтоне заплатит за них. Однако с тех самых пор я не слышал, чтобы он выполнил свое обещание.

Я узнал, что оглалов, к которым я принадлежал, угнали в места, где мы находимся сейчас. Поэтому я решил пойти к ним, чтобы выполнить свой долг и спасти народ. В месяц, когда сливы алеют¹, с тремя товарищами я пустился в путь. Идти пришлось пешком, из оружия у нас были лишь луки и стрелы.

Сначала мы решили добраться до брюлэ. Пока я жил на Земле Бабушки, их тоже угнали на ручей Роузбад, где они живут до сих пор. В пути мы сделали семь привалов.

Однажды вечером мы переправились через Дымную реку (Уайт-Ривер) и заночевали на ее южном берегу рядом со сливовой рощей. Сливы на деревьях уже налились, это была наша единственная пища. Поблизости был холм, который поднимался над рекой; я взобрал на него

¹ Сентябрь.

и сел в одиночестве, наблюдая заходящее солнце. Вечер был ясным и тихим; казалось, вся природа застыла, прислушалась к чему-то. Мне почудилось, будто кто-то хочет поговорить со мной. Я встал и затянул первую песню из своего видения, ту, что принесли с собою два духа:

Слушай, слушай! Голос священный к тебе взывает!
Со всего неба Голос священный к тебе взывает!

И пока я напевал песню, со стороны заходящего солнца вновь появились те двое мужей из видения. Как и тогда, они летели головами вперед, словно стрелы и целили в меня из своих луков. Потом они остановились, встали на ноги, подняв луки над головами, и стали глядеть на меня. Они не проронили ни слова, но я понимал, чего они хотят. Я должен был помочь оглалам, употребив силы, к которым они указали мне путь. Я стоял и пел им. Потом они развернулись и вернулись в закат, головами вперед, точно стрелы в полете. Двое моих друзей знали о моей силе и слышали песнь, доносившуюся с утеса. Поэтому, когда я вернулся к месту ночлега, они спросили, что я там видел. Я лишь ответил, что пел для своих знакомых из потустороннего мира.

После короткой остановки у брюле на ручье Роузбад, теперь уже без спутников, я отправился к ручью Белая Глина. Там васичу строили для оглалов агентство Пайн-Ридж. Наши люди называли это место «Стоянка Красного Облака» или «Место-Где-Обо-Всем-Кипят-Споры». Здесь я и остался. Той зимой, в месяц, когда на деревьях лопается кора, мне исполнилось 18 лет¹.

Зима выдалась очень тяжелая, подобная томительно долгой ночи, когда лежишь с открытыми глазами и бесконечно ждешь рассвета. Все дело в том, что громовые духи, ставшие мне близкими, словно сородичи, с первыми заморозками пропали и не возвращались до тех пор, пока травы вновь не показали свои нежные лица. Без громовых духов я чувствовал себя потерянным и одиноким среди своего народа. Мало кто из них видел пляску лошадей, слышал о моем видении и о той силе, которую оно мне даровало. Все окружающие, казалось мне, бродят во тьме под тяжкой ношей. Сами они не видели своей темноты и ноши. Великим бременем висели они на мне. И тем не менее, когда я вновь и вновь припоминал свое видение, мне становилось приятно это бремя, и я чувствовал сострадание к своему народу.

¹ Декабрь 1881 г.

И сейчас, уже на склоне лет, я готов зарыдать, видя несчастья своего народа. Я жалею, жалею о том, что видение не снизошло на человека более достойного. Дивлюсь, отчего духи избрали именно меня, жалкого, ни на что не способного старика. Я исцелял от болезней мужчин, женщин и детей той силой, которую дало мне видение, но помочь своему народу я так и не сумел. Что значит несколько исцеленных мужчин, женщин и детей, когда погибает целый народ? Ведь ради него на меня и снизошло видение, а я не смог выполнить его воли...

Когда я был молодым, я ощущал в себе большую силу; мне казалось, что с помощью сил потустороннего мира я смогу сделать все. Я начал успешно выполнять указание праотцев, но предстояло сделать куда больше. Вот почему для меня зима стала долгой ночью и я томительно ждал рассвета.

Когда наконец травы вновь показали свои лица, меня переполнило счастье, ведь теперь я слышал громовых духов, которые шептали: «Пора исполнить то, что поручили тебе праотцы».

После долгой зимы ожидания я должен был устроить обряд плача. Прошла первая гроза, и я стал готовиться: для обряда плача надо выбрать в помощь какого-нибудь старого мудрого знахаря, спокойного и великодушного. Он должен набить трубку и поднести ее шести силам, а также четвероногим и крылатым. Один старый и добрый человек по имени Мало Хвостов с радостью согласился помочь мне. Сначала, по его совету, я постился в течение четырех дней и пил лишь одну воду. Затем, когда он сделал подношение трубки, я совершил обряд самоочищения в палатке для потения, которую мы соорудили из ивовых ветвей и покрыли бизоньими шкурами. Внутри, посередине палатки мы положили раскаленные камни, и пока я сидел там, Мало Хвостов плескал воду на камни. Во время очищения я пел песни в честь духов. А в конце старик обтер меня священным шалфеем и заплел мои волосы в косы. Приготовившись к ночному плачу, я разделся донага и укутался в одеяло из бизоньей шкуры, поскольку ночи стояли еще холодные. С собой я захватил одну лишь священную трубку. Для плача необходимо уединиться куда-нибудь подальше от людей. Поэтому вместе с Мало Хвостов я вышел из Пайн-Риджа и отправился сюда, где мы сейчас с тобой сидим¹.

¹ К дому Черного Лося близ Мендерсоновой почты, Южнее Дакота.

Мы подошли к высокому холму, что рядом с ручьем Травы, который протекает здесь чуть западнее. Кроме нас двоих, да неба и земли, вокруг не было ни души. И все же это было оживленное место — здесь обитали духи.

Когда мы добрались до холма, солнце почти зашло. Старик помог устроить место, где мне надлежало стоять. Мы взошли на вершину и освятили ее, устлав шалфеем. Потом в середине Мало Хвостов воткнул живой побег, а по всем четырем сторонам разместил подношения из красной изовой коры, завернутые в маленькие узелки алой ткани.

Затем Мало Хвостов рассказал, что я должен делать, чтобы духи услышали меня и разъяснили мне мой дальнейший путь. Сначала мне предстояло встать посередине, плакать и молиться, прося духов о наставлении. Потом надо сделать несколько шагов к западу, встать и некоторое время причитать там. Затем снова возвратиться в центр, и оттуда сделать несколько шагов к северу, помолиться и попричитать; а потом воззвать к остальным частям света. И так в течение всей ночи.

Пора было начинать плач. Мало Хвостов ушел, оставив меня наедине с духами и заходящим солнцем. Стоя в центре священного места лицом к закату, я затянул жалобную молитву: «О Великий Дух, прими мои подношения! О, вразуми меня!»

Пока я причитал и плакал, с запада с пронзительным свистом прилетел пятнистый орел. Он спустился и сел на сосну чуть восточнее меня. Я отошел в центр, оттуда направился к северу, причитая: «О Великий Дух, прими мои подношения и вразуми меня!» И тут появился маленький ястреб, который опустился к югу на кустарник. Опять, возвратясь в центр, я направился оттуда к югу, причитая и прося Великого Духа вразумить меня; и тут появилась черная ласточка, принялась кружить вокруг меня и наконец села неподалеку в кустах.

Отойдя к середине, я шагнул теперь в направлении юга. До сих пор я лишь пытался заплакать, а сейчас в самом деле зарыдал и слезы ручьями текли по лицу — да оно и не могло быть иначе, ведь я стоял лицом к стране, откуда исходит жизнь. Я вспоминал о тех днях, когда все мои ушедшие родичи были живы и молоды, вспомнил о Неистойой Лошади, который был нашей силой, а теперь уже не возвратится, чтобы вызволить нас из беды.

Сильно плакал я и думал: пусть эти причитания совсем убьют меня — тогда я окажусь в потустороннем мире, где нет отчаяния.

И пока я плакал, с юга стало приближаться что-то, подобное облаку пыли. Оно придвигалось все ближе, и вот я увидел тучу прекрасных разноцветных бабочек. Это разноцветное облако окутало меня так плотно, что я ничего не мог разглядеть.

Отступив опять назад в середину круга к живому побегу, я услышал, как пятнистый орел, сидя на сосне, сказал: «Смотри на них! Это твой собственный народ. Великие трудности обрушились на него, и ты поможешь ему». И тут я услышал, как кружащиеся бабочки издают слабые, еле слышные стоны — казалось, они тоже плачут. Потом все они взмыли ввысь и улетели обратно на юг.

Теперь из кустов заговорил маленький ястреб: «Смотри, смотри! Выходят твои праотцы — сейчас ты услышишь их!» Я поднял глаза и увидел: с запада шла сильная буря. То был народ громовых духов. Было слышно конское ржание и мощь голосов. Сильно потемнело, и ревуший запад озарился страшными зарницами.

Вдруг из непроглядной тьмы, разорванной отблесками молний, возникло видение. Я снова увидел тех двух мужей, пришедших за мной во время великого видения. Как и тогда, они летели головой вперед, словно стрелы. В том месте, где они приблизились к земле, взметнулось облако пыли; из пыли стали проглядывать головы собак. Приглядевшись, я увидел, что это не пыль, а снова туча разноцветных бабочек, кружащихся вокруг собак.

Теперь двое мужей сидели на гнедых лошадях, разрисованных черными молниями. Вооруженные луками и стрелами, они бросились на собак, а громовые духи подбадривали всадников раскатистыми голосами.

Внезапно бабочки превратились в ласточек, которые плотной стаей закружились позади атакующих всадников. Вот один из них кинулся вперед и насадил на наконечник стрелы окровавленную голову собаки. Весь запад тут же отозвался ликующим ревом. Второй последовал за ним и тоже поднял на стреле собачью голову, и опять ночная тьма запада отозвалась приветственными громами и молниями. На моих глазах собачьи головы превратились в головы васичу. И тут же видение пропало. Осталась лишь страшная, ревущая буря.

Я заплакал еще сильнее, потому что очень испугался.

Черная ночь окружала меня, внезапно вспыхивая огнем, звуча громкими голосами и ревом ветра. Я умолял пратцев сжалиться и пощадить меня, я говорил им, что теперь знаю, чего хотят от меня духи, и что я исполню это, если смогу.

Внезапно весь страх пропал. Я подумал: если меня убьют — в потустороннем мире мне будет, наверное, лучше. Я лег на землю здесь, в центре священного места, и вновь поднес трубку всем силам. Потом натянул на себя одеяло из шкуры бизона, укрылся с головой и принялся ждать. Снаружи рычали и ревели голоса. Стук падающего града был подобен грому барабанов, в которые били великаны, напевая: «Хей-я-хей!». На священный круг, где я лежал, не упало ни единой градины, ни капли дождя. Когда буря кончилась, я откинул одеяло и прислушался. В наступившей тишине повсюду было слышно журчание дождевых потоков в оврагах, и лишь далеко на востоке слышались слабеющие голоса: «Хей-я-хей!».

Было уже далеко за полночь, и вскоре я заснул. Во сне я видел своих соплеменников. Расстроенные и опечаленные, сидели они вокруг священного типи. Многие были больны. Пока я смотрел на них и плакал, из земли пробился удивительный свет — переливавшийся всеми цветами красок, он поднимался до самого неба. Потом свет пропал, и на том месте стала прорастать целебная трава. Пока я во все глаза глядел на нее, чтобы не забыть этого чуда, раздался голос, который разбудил меня: «Поспеши! Народ нуждается в тебе».

Я проснулся. На востоке чуть брезжил рассвет. Стоя, я обратился к этой предрассветной мгле с молитвой. На небе медленно возшла утренняя звезда, такая красивая и безмолвная, а вокруг нее — облачка, имевшие вид детских лиц — лиц еще не рожденных людей. Все они улыбались мне. Те звезды, что еще не исчезли с первыми отблесками рассвета, заиграли разноцветными красками. Под ними плавно двигались головы мужчин и женщин. Где-то там, вдалеке пели птицы, раздавались радостное ржание и топот копыт лошадей, раскатился трубный голос оленя, слышалось мычание бизона. Все, что я не мог видеть, я слышал.

Думаю, я опять заснул, потому что теперь меня разбудил другой голос: «Вставай, я пришел за тобой!» Я ожидал увидеть перед собой духа, но оказалось, что надо мной склонился добрый старик Мало Хвостов. Солнце уже всходило.

Вместе мы возвратились с трубкой домой, где я опять поднес ее всем шести силам и подверг себя новому очищению в палатке для потения. После этого несколько мудрых и добродетельных старейшин попросили меня рассказать, что я видел и слышал. Вновь поднеся трубку всем духам и раскурив ее, я поведал им обо всем. Внимательно выслушав, старики сказали, что я должен воспроизвести на земле видение собак и тем самым помочь народу. А поскольку люди охвачены горем и печалью, мне следует проделать все это с помощью хейоков. Хейоки были священными клоунами, которые делают все неверно или, наоборот, чтобы позабавить людей. Старики предсказывали, что я стану великим человеком, ибо не многим суждено увидеть такое видение. Они повелели мне подождать 20 дней, а потом устроить обряд с хейоками. И я стал ждать.

XVI

ОБРЯД ХЕЙОКА

И вот прошло двадцать дней; пора было воспроизвести видение собак с помощью хейоков. Но прежде я расскажу тебе о хейоках и самом обряде хейока, который на первый взгляд может показаться глупым. Но на самом деле это не так.

Выступать в роли хейоков могут лишь те, кого посетили видения о громовых духах запада. Такие люди обладают священной силой и делятся ею со всеми людьми, но делают это они забавными поступками. Когда от громовых духов запада приходит видение, оно сопровождается ужасом, словно во время бури. Когда же гром видения проходит, мир оживает, становясь зеленее и счастливее. Ибо где бы ни являлась в мир истина видения, она подобна дождю. Мир, как ты видишь, обновляется, пройдя через ужас бури.

А в обряде хейока все происходит наоборот — сначала людей смешат и радуют; чтобы священной силе было легче проникнуть в них. Ты, наверно, заметил, что в этом мире истина является в двух обликах. Один лик ее полон страданий, а другой смеется, но это одно и то же лицо, что смеется и плачет. Отчаявшимся людям смех сослужит добрую службу, а для тех, кто блаженствует и слишком уверен в себе, быть может, лучше увидеть

плачущий лик. Вот для чего, мне кажется, нужен обряд хейока.

Один человек по имени Вачпанне (Бедняк) взялся возглавить этот обряд. Он много раз был хейока и хорошо разбирался во всем. Сначала он попросил всех людей собраться в круг на ровном месте около Пайн-Риджа. В середине, рядом с возведенным здесь священным типи, он поставил котел с водой, которую вскипятил, бросая туда из костра раскаленные камни. Потом он сделал подношение западу; усевшись у огня с пучком душистой травы в руках, он произнес: «Дню Великого Духа, старому и мудрому дню, я делаю это подношение». Затем, бросив траву в костер, над которым сразу заструился приятный дымок, он запел:

Глядите!
Я сжигаю, приношу в жертву эту траву.
Святую хвалу возношу,
Святую хвалу возношу.
Народ мой, гляди и будь добрым!
День солнца стал моей силой.
Тропа луны станет мне покрывалом.
Святую хвалу возношу.
Святую хвалу возношу.

После этого надо было убить собаку — быстро, не оставляя на теле никаких следов, так, как убивает молния. Именно от молнии к хейокам приходит сила. Двое хейоков взяли веревку из сыромятной кожи, осыятили ее в дыму, струившемся от душистой травы и, захлестнув собаку за шею, стали тянуть с обоих концов. Трижды они слегка затягивали ее, а на четвертый раз дернули так сильно, что свернули жертве шею. Вачпанне опалил шерсть собаки, обмыл тушку и отделил все члены, оставив голову с позвоночником и хвостом. Затем, отойдя на шесть шагов от котла (каждый шаг — в честь одной из шести сил), он поднес голову с позвоночником поочередно всем шести силам и снова обернувшись к котлу, произнес: «Священным образом варю я эту собаку». Три раза он погружал голову в воду, а на четвертый совсем опустил ее в кипящую воду. Потом Вачпанне взял сердце собаки и проделал с ним то же, что и с головой.

Все это время 30 хейоков, по числу дней в месяце, выделявали всякие смешные трюки, стараясь развеселить людей. Они были так потешно раскрашены и одеты, что при виде их никто не мог удержаться от смеха. Индеец по имени Однобокий и я изображали шутов. Мы

выкрасились красной краской с головы до ног и провели по телам черные линии — молнии. С правой стороны наши головы были начисто выбриты, слева волосы свисали длинными прядями. Все это было смешно, но имело свой смысл — когда мы стояли лицом к югу, выбритая часть головы была обращена к западу. Это показывало наше смирение перед громовыми духами, одарившими нас силой. Оба мы держали в руках по очень длинному изогнутому луку, такому длинному, что из них нельзя было стрелять. Стрелы, которые мы держали, тоже были слишком длинными и непомерно кривыми, и оттого выглядели нелепо. Сидели мы на гнедых лошадях, разрисованных черными молниями, и должны были представлять двух мужей из моего видения собак.

Вачпанне вошел в священное типи и запел песню о хейоках:

Священны они,
Священны они,
Так говорится,
Так говорится.
Священны они —
Так говорится.

Двенадцать раз повторил он эту песню, по числу месяцев в году. Потом, пока кипел котел, Однобокий и я, оседлав гнедых, повернулись к западу и запели:

Священным манером возвысили голос,
Полмира возвысило голос.
Священным манером возвысило голос, вызывая к вам!

Даже во время священных песен хейока выделявали всякие нелепые штуки и смешили людей. Например, двое хейоков с длинными кривыми луками и со смешно выкрашенными стрелами подошли к маленькой лужице и принялись изображать, будто перебираются через глубокую и широкую реку. Сопровождая свои действия жестами, они решили проверить, глубока ли вода. Для этого они взяли свои кривые стрелы, но не воткнули прямо, а бросили плашмя в воду. Вот вся стрела намокла. Поставив стрелу вертикально, они показывают, что вода выше их головы. И вот они готовятся переплыть реку. Один бросается головой вперед в самую грязь и начинает дико колотить по воде, будто тонет. Ему на помощь бросается второй, и вдвоем они выделяют такие штуки, что люди вокруг смеются вовсю.

Мы же с Однобоким, пропев песнь западу, обернулись к котлу, где варились голова и сердце собаки. Дер-

жа в руках остро отточенные стрелы, мы стремительно поскакали к котлу и миновали его. Я должен был на скаку насадить на стрелу голову собаки, а Однобокий — сердце. После того, как мы сделали это, все хейока бросились преследовать нас, пытаясь оторвать себе долю, а мои соплеменники кинулись к котлу, чтобы тоже ухватить себе хоть кусочек священного мяса, в котором теперь была заключена сила запада. Словно лекарство, оно должно было сделать людей радостнее и сильнее. После окончания обряда настроение у всех приподнялось, ведь это был день веселья. Люди яснее видели теперь свежесть мира, безмерность этого священного дня, все краски земли.

Шесть праотцев сотворили многих существ и каждое наделили счастьем. Всякое, даже самое маленькое существо, что-нибудь да значит, оно должно быть счастливым и нести счастье другим. Мы, люди, подобно травам, радующим своими нежными лицами друг друга, должны делать так же, ибо такова была воля Праотцев этого мира.

XVII

Я НАЧИНАЮ ИСЦЕЛЯТЬ

После обряда хейока я переехал сюда, где и живу до сих пор: между ручьем Вундед-Ни и Травяным ручьем. Перебрались сюда и другие люди. Мы построили из бревен вот такие маленькие серые дома. Все они квадратные. Жить в них совсем не годится, ведь в квадрате не заключено никакой силы.

Ты, быть может, заметил — все, что бы ни делал индеец — движется по кругу. Это оттого, что Сила Мира всегда действует по кругу, и все вокруг стремится к нему. В былые времена, когда мы были сильным и счастливым народом, вся наша сила заключалась в священном круге жизни народа, и до тех пор, пока этот круг оставался целым, люди процветали. Зеленеющее древо было его сердцевиной, а четыре стороны света питали его. Восток нес с собой мир и свет, юг — тепло, запад — дождь, а север своими холодами и могучими ветрами давал стойкость и силу. Это знание, вместе с нашей религией, пришло к нам из внешнего мира. Все, что ни делает Сила Мира, действует по кругу: небо округло, и я слышал,

что и земля и звезды тоже круглые, словно шары. Ветер, когда достигает наибольшей мощи, крутится вихрем. Птицы вьют свои гнезда округлыми, ведь у них с нами одна вера. По кругу восходит и заходит солнце, то же делает и луна, и сами они круглые. Даже времена года сменяют друг друга по большому круговороту, вновь возвращаясь к своим началам. И жизнь человека движется по кругу — от детства к детству, и так бывает со всем, что имеет силу. Округлы, словно птичьи гнезда, наши типы, и устанавливаем мы их всегда по кругу, то — круг жизни народа, гнездо многих гнезд, куда поместил нас Великий Дух, дабы мы растили в них своих детей.

Но васичу загнали нас в эти квадратные ящики. Пропала наша сила, и мы погибаем, ибо сила покинула нас. Погляди на наших мальчиков — ты увидишь, чем мы стали теперь. В былые времена, когда мы жили силой круга, мальчики становились мужчинами в 12—13 лет, а теперь им нужно куда больше времени для этого.

Что же, все идет, как есть. Пока мы находимся здесь мы военнопленные. Но есть ведь еще и потусторонний мир.

Обряд хейока состоялся в месяц, когда пони прячутся¹. Однажды, в месяц плодородия (июнь), когда все кругом расцветало, я пригласил Однобокого к себе пообедать. Все это время я размышлял о траве, светившейся четырьмя лучами, я видел ее уже дважды — в том великом видении, что посетило меня в девять лет, и во второй раз, когда я с плачем взывал к духам на холме. Я понимал — мне надо разыскать эту траву для исцеления людей. Мне казалось, что я узнаю то место, где видел ее тогда во время своего ночного плача.

После еды я рассказал Однобокому, что мне надо найти некую траву, и попросил его помочь мне. Конечно, я не говорил ему, что она явилась мне в видении. Он согласился; мы оседлали лошадей и поехали к Травяному ручью. Там никто не жил. Въехав на высокий холм у ручья, мы спешили и сели на землю, потому что мне казалось, будто мы находимся где-то совсем близко от того места, где была эта трава в моем видении собак.

Мы немного посидели на холме, напевая некоторые песни хейока. Потом я один затянул песнь, которую слышал в своем первом великом видении:

¹ Май.

Священным манером они возвышают голос...

Пропев эту песнь, я посмотрел на запад, и там, внизу у ручья, над одним местом кружили сразу вороны и сороки, маленькие ястребы и пятнистые орлы.

Я все понял и сказал Однобокому: «Друг, вон там растет эта трава». «Пойдем посмотрим,— ответил он. Вновь оседлав лошадей, мы направились вниз по ручью, пока не доехали до высохшей лощины, по дну которой направились дальше. Вот показалось то самое место, здесь сходились четыре-пять пересохших лощин. Едва мы приблизились, все птицы улетели. Справа от нас, на склоне я заметил траву и сразу узнал её, хотя никогда прежде не видел такой — только в своем видении.

Корни травы были толщиной с большой палец, а длинной доходили мне до локтя. На каждой травинке было по четыре цветка: голубой, белый, красный и желтый.

Мы спешили. Сделав подношение Шести Силам из красной ивовой коры, я помолился в честь травы и сказал ей: «Теперь мы пойдем вместе к двуногим, но лишь к самым слабым из них, чтобы принести им счастливые дни». Трава росла на краю лощины, поэтому мы легко выкопали ее и отправились домой. Достигнув Травяного ручья, я завернул находку в шалфей, который рос по берегам. Видно, кто-то толкнул меня найти эту траву накануне, потому что на следующий день она понадобилась мне, а без нее я не смог бы ничего сделать.

Я ужинал, когда в типи вошел человек по имени Рубит-В-Куски и срывающимся голосом поведал о беде, свалившейся на него. «Мой сын,— сказал он,— очень болен. Я боюсь, что он скоро умрет. Он уже долго болеет. Говорят, после Пляски Лошадей и обряда хейока ты получил великую силу. Может быть, ты спасешь мне сына, я так сильно люблю его». Я ответил ему, что если Рубит-В-Куски действительно хочет помощи, пусть идет домой и принесет мне трубку с прикрепленным к ней орлиным пером. Пока его не было, я размышлял о том, что предпринять. Я испугался — ведь до сих пор я никогда еще никого не лечил с помощью своей силы, а убитого горем отца мне было очень жаль. Я стал упорно молиться, прося о помощи. Когда Рубит-В-Куски возвратился с трубкой, я сказал ему, чтобы он положил трубку слева от меня, а сам встал справа. Когда он сделал это, я послал за Однобоким, чтобы тот помог мне. Потом я взял трубку и пошел в типи, где лежал больной маль-

чик. Мои отец с матерью тоже пошли с нами, а мой друг Стоящий Медведь уже был на месте.

Сначала я поднес трубку Шести Силам, а потом пустил ее по кругу, и все сделали по затяжке. Потом я забил в барабан, подражая раскатам грома; ведь когда сила запада нисходит к двуногим, ее всегда сопровождает грохот. А после ее ухода все кругом наполняется свежестью, оживает и радуется. Вот почему я стал подражать этому грому. К тому же голос барабана — это одновременно и подношение Мировому Духу. Его звук будит ум, помогает постигать таинства и силу вещей.

Больной малыш лежал на северо-восточной стороне типи. Мы вошли в проход с юга, повернули налево, сделали круг и остановились на западной стороне типи. Тебе хочется знать, отчего мы всегда ходим слева направо. Назову тебе одну из причин — не все. Подумай сам — разве не юг является источником жизни, разве не оттуда принесен живой побег? Разве не отсюда движется человек к закату своей жизни? Разве он не приближается затем к северу, когда его волосы седеют и если позволят годы? Разве потом не приходит он к свету и мудрости, что лежат на востоке? И, наконец, разве не возвращаешься назад к детству, откуда начал свой путь, чтобы расстаться со своей жизнью, чтобы слить ее со всем живым, а тело отдать Матери-земле, породившей его? Чем больше думаешь об этом, тем глубже видишь смысл, заключенный в этом движении.

Как я уже сказал, мы вошли слева направо и сели на западной стороне. Больной мальчик лежал в северо-восточной части типи. Он сильно исхудал. Со мной, как ты уже знаешь, были трубка, барабан и лучистая четырехцветная трава. Я попросил принести еще деревянную чашу с водой и свисток из орлиной кости, который обозначал бы пятнистого орла из моего великого видения. Чашу с водой поставили передо мной; и тут я задумался в нерешительности, ибо делал все впервые.

Все же я кое-что понял и потому вручил свисток Однобокому и рассказал ему, как пользоваться им, помогая мне. Потом набил трубку красной ивовой корой и отдал ее молодой красивой дочери Рубит-В-Куски, показав девушке, как ее нужно держать — так, как держала дева востока в моем великом видении.

Теперь все было готово. Я ударил в барабан и, отбивая ритм, четырежды вскричал «Хей-я-хей» в честь Мирового Духа. И в это время я почувствовал, как во

мне начинает разливаться сила, поднимаясь от ног и наполняя тело! Я понял, что смогу помочь больному мальчику.

Под глухие удары барабана я повторял свою мольбу: «Праотец мой, Великий Дух, только к тебе одному вызывают люди. Говорят, Ты один сотворил все на свете, сделал его хорошим и прекрасным. Ты создал четыре стороны света и две дороги, что пересекают друг друга. Ты наделил силой страну заходящего солнца. На земле двуногие пали духом. Ради них, Мой Праотец, я обращаюсь к тебе. Ты сказал мне: больные снова встанут на ноги. В видении ты повел к центру земли и открыл мне там силу, с которой можно все одолеть. Благодаря силе, что заключена в подаренной тобой чаше с водой, оживут умирающие. Силой той травы, которую ты показал мне, воспрянут слабые и немощные. Из страны, куда вечно обращены наши лица, появится дева, идущая красной дорогой добра — она делает подношения трубки. В ней — сила зеленеющего древа. Ты подарил мне священный ветер обновления из страны Великанов, севера. Там, где проносится этот ветер, слабые обретают силы. Так ты сказал мне. К тебе, ко всем твоим силам и к Матери-земле взываю я о помощи».

Видишь ли, я никогда еще не совершал такого. Теперь я понимаю, что достаточно было обратиться к какой-нибудь одной силе. Но мне так хотелось помочь больному мальчику, что я призвал на помощь все силы. Когда я взывал к ним, я, конечно, стоял лицом к западу. Теперь я прошел по кругу на север, восток и остановился на юге, где хранится источник жизни и откуда исходит красная дорога добра. Тут я запел:

Священным манером я поднял их на ноги.
Народ священный лежит повержен.
Священным манером я поднял их на ноги.
Священный двуногий лежит повержен.
Священным манером он на ноги встанет.

Я пел и чувствовал, как во всем теле что-то происходит. Мне до боли стало жаль всех несчастных, и из глаз потекли слезы. Я подошел к западной стороне, разжег трубку, поднес ее всем силам, а потом, затянувшись, пустил по кругу. Я заметил, что больной мальчик улыбается мне; почувствовал, что сила моя крепнет.

Я взял чашу с водой, отпил из нее немного и, пройдя по кругу, подошел к ложу мальчика. Встав перед ним, я четырежды топнул ногой, а потом приник губами к его

животу и стал вдувать в него северный ветер обновления. Пожевав священную траву я положил ее в воду, после часть ее бросил на мальчика, а часть — на четыре стороны света. Чашу с оставшейся водой я вернул девушке, которая дала испить из нее больному. Затем я попросил девушку помочь мальчику встать и обойти типи по кругу, начиная с юга, источника жизни. Мальчик был очень слаб, но с помощью девушки он все это исполнил. После этого я ушел.

На другой день пришел Рубит-В-Куски и сказал мне, что мальчик чувствует себя лучше — он уже может сидеть и даже ест немного. Через четыре дня он поднялся, а потом и вовсе поправился. Рубит-В-Куски подарил мне за это хорошую лошадь, но, конечно, не к этому я стремился.

Когда люди слышали об исцелении мальчика, многие стали искать моей помощи, и я постоянно был занят исцелением. А случилось это летом, когда мне шел девятнадцатый год, в месяц плодородия.

XVIII

СИЛЫ БИЗОНА И ЛОСЯ

Кажется, я рассказывал тебе, а если нет, ты сам, наверное, понял — человек, на которого снизошло видение, не сможет воспользоваться его силой до тех пор, пока не воспроизведет это видение на земле, показав его людям. Ты помнишь, что великое видение явилось мне в девять лет, а я не мог им воспользоваться до тех пор, пока не провел Пляску Лошадей, когда мы стояли лагерем в устье реки Язык, тогда мне было восемнадцать. И если бы не тот страх, который заставил меня повторить видение, я, наверное, принес бы людям меньше пользы, чем простой человек, вообще не имевший видений. Но пришел страх, и, не подчинись я его воле, я скоро просто умер бы от него.

Но только после обряда хейока, где я повторил видение собак, получил я силу знахаря и способность исцелять больных. Многих вылечил я с помощью силы, вселившейся в меня. Конечно, не сам я лечил людей. Все это было делом сил Внешнего Мира. Видения и обряды сделали меня лишь посредником, через которого на двуногих нисходили эти силы. Если бы я возомнил, что

все это дело моих собственных рук, то сразу же перестал бы быть посредником, сила ушла бы от меня.

В моем видении были еще другие картины, которые мне предстояло воспроизвести, прежде чем я стану использовать их силу. Вернись к моему рассказу о великом видении, и ты вспомнишь, как красный человек превратился в бизона, перекатившись на месте, и как после этого люди обрели красную дорогу добра.

Чтобы воспользоваться силой бизона, мне нужно было показать людям эту часть видения. Тем летом, когда я впервые начал исцелять, я и сделал это. Я отнес трубку одному мудрому и доброму старику — знахарю по имени Живот Лисицы, и попросил его помочь. Он с радостью согласился, но сначала я должен был рассказать ему обо всем, что было в этой части моего видения. Все видение я не стал ему пересказывать, только одну эту часть. Ни разу еще никто не слышал историю моего видения с начала до конца, даже мой старый друг Стоящий Медведь и мой сын слушают ее сейчас впервые, когда я рассказываю тебе о ней. Конечно, в видении есть очень много такого, что, как бы ни постарался, я не смогу рассказать, ибо оно выше слов. Но я рассказал все, что можно передать словами.

Я сильно печалился вначале. Ночами я лежал с открытыми глазами и спрашивал себя, правильно ли делаю. Ведь я знал, что расставаясь с великим видением, я лишусь той силы, которая находилась во мне и теперь, возможно, скоро умру. И все же я считаю, что поступил правильно, сохранив своим рассказом видение для людей, пускай даже я раньше умру от этого. Ибо я знаю — смысл видения мудр, прекрасен и добр; что же до меня — перед тобой всего лишь жалкий старик.

Итак, я рассказал Животу Лисицы все, что нужно было знать, чтобы помочь мне. После того, как он услышал от меня даже эту малость, он воскликнул: «Мой мальчик, на тебя снизошло великое видение, тебе непременно надо помочь людям пойти красной дорогой добра, как хотят того Священные силы». Обряд этот был не сложен, но имел большое значение, поскольку он воспроизводил отношения между людьми и бизоном, и вся сила его заключалась в содержании обряда.

Прежде всего в центре деревни мы разровняли священное место, как будто здесь валялись и играли бизоны, и установили тут священное типи. Внутри типи мы начертили круг с четырьмя сторонами света, а через

круг с юга на север прочертили красную дорогу. Затем Живот Лисицы по обеим сторонам дороги сделал маленькие впадины, изображавшие следы бизонов. Все это означало, что люди должны пройти этим путем навстречу великому северному ветру обновления, обладая силой и выносливостью бизонов. На северной части круга он поставил чашу с водой, так, чтобы люди, преодолевая силой бизона порывы великого ветра, стремились к воде — источнику жизни. Меня всего с головы до ног выкрасили в красный цвет, чтобы я был похож на красного человека из видения, до того, как он превратился в бизона. На голову я надел бизоньи рога. На левый рог я подвесил пучок травы утренней звезды, на которой растет четырехцветный цветок мудрости. В волосах с левой стороны я укрепил одно орлиное перо — оно означало мой народ, что близок к бизонам и кормится от них.

Пришел ко мне Однобокий, чтобы тоже помочь. Как и я, он был раскрашен в красный цвет, а в руках держал трубку и барабан. Во время обряда, куда бы я ни пошел, он неотступно следовал за мной, подобно тому, как люди всегда идут за бизонами.

Внутри типи мы встали на южной стороне круга, у начала красной дороги добра, и Живот Лисицы запел:

Одаривая нас, идут они,
Идут, одаривая святой травой.
Одаривая нас, идут они,
Одаривая святою жизнью бизона.
Одаривая нас, идут они,
Одаривая святым пером орлиным.
Одаривая нас, идут они —
Орел и бизон — словно двое сородичей.

После этого мы прошли по красной дороге и вышли наружу. Нас окружила толпа людей с подношениями из красных лоскутов ткани, отовсюду спешили больные, чтобы исцелиться. Потом мы вдвоем с Однобоким пошли по лагерю, подражая бизонам. Когда мы вернулись назад, к священному типи, люди принесли сюда своих маленьких детей и каждому из них я дал отпить глоток воды жизни из деревянной чаши, чтобы впредь их ноги твердо ступали по красной дороге добра, которая ведет к здоровью и счастью.

Сила приходит от понимания вещей. А сила обряда заключалась в понимании его смысла. Ибо все на свете существует лишь в согласии с жизнью и движением Мировой Силы.

После обряда я постоянно продолжал исцелять больных. Меня больше не терзали сомнения. Теперь я все время чувствовал в себе силу.

На следующее лето, когда мне шел двадцатый год (1883 г.) я представил обряд Лося, тоже часть моего видения. Помнишь, как в моем видении трубка и бизон находились на востоке, а лось — на юге. Обряд Лося должен был показать источник жизни и таинство роста живых существ.

Я послал трубку Бегущему Лосю, дяде Стоящего Медведя, доброму и мудрому старцу. Он пришел и выразил желание помочь мне. Как и прежде, в центре лагеря мы поставили священное типи. В этом обряде шесть мужчин должны были изображать лосей, а четыре девушки — дев из моего видения. Лоси означают юг, но сила, которую они показали мне, возвращена всеми четырьмя сторонами света, небом и землей. Поэтому их должно быть шесть. Четыре девы представляли собой священный круг жизни народа; он имеет четыре стороны света, поэтому и понадобились четыре девушки. Бегущий Лось выбрал двух человек на роль лосей, а я, находясь между Мировой Силой и священным кругом жизни, четырех других, ибо я должен был оживить этот круг на земле. Эти шесть человек надели на себя цельные лосиные шкуры с головами. Их руки по локоть и ноги по колено были выкрашены в черный цвет, а все остальное тело покрыто желтой краской. Ведь истоки жизни покрыты тайной, словно ночной тьмой, зато по мере движения к ней все озаряется живительным светом. Семена прорастают во тьме земной, прежде чем познают ласковое лето и свет дня. Дух обретает плоть в темноте чрева. Четыре девы надели алые платья, каждая вплела в косу орлиное перо; поскольку женщина дает начало человеческому роду, орлиное перо, как и в обряде бизона, означало народ. Лица дев были покрыты желтой краской — цветом юга, источника жизни. Кроме того, у одной девушки на лбу была нарисована красная утренняя звезда, а у другой — голубой полумесяц, поскольку сила женщины прибывает и убывает вместе с луной. У третьей на лбу было изображено солнце, а у четвертой вокруг губ и бровей — голубой круг, который означал круг жизни народа. На спинах всех «лосей» также нарисовали круги жизни, потому что именно на спины мужчин падает забота о судьбе народа. В середину каждого круга воткнули орлиное перо, означавшее сам народ. На лицах «лосей»

были надеты желтые маски, ведь за женской силой жизни скрывается сила мужчины. В руках мужчины несли живые побеги, срезанные со священного тополя и выкрашенные в красный цвет. На вершинках каждого побега было оставлено по несколько листьев. Женщина дает жизнь растущему дереву, зато мужчина должен питать и оберегать его. Поэтому одна из девушек тоже несла побег, другая держала трубку мира, третья — целительную траву, а четвертая — священный обруч, круг жизни народа, поскольку все эти силы вместе составляют женскую силу.

Как всегда, еще до всех этих приготовлений участники обряда подвергли себя очищению в палатке для потения. Когда мы все собрались в священном типи, Бегущий Лось запел песню:

Со всех сторон света,
Со всех сторон света,
Грядут они узреть тебя
Со всех сторон света,
Подходя по всем сторонам света,
Грядут они узреть тебя!

После окончания песни все мужчины издали трубные звуки, подражая лосям, а Бегущий Лось опять запел:

С песней моей шлю я голос,
С песней моей шлю я голос.
Обруч священный ношу я.

Теперь пора была выходить из священного типи — первой вышла девушка с трубкой, за ней та, что несла живой побег, затем девушка с целительной травой, и наконец та, что несла обруч — круг жизни. Девушки дошли до западной стороны деревни и встали там в ряд лицом к западу. За ними, притопывая и пофыркивая, вышли мы вместе с «Лосями» и тоже встали в ряд позади девушек. Девушки воздели руки со священными предметами, предлагая их громовым духам. Затем они пошли на север, а мы, «Лоси», все это время плясали вокруг них. Дойдя до северной части лагеря, они протянули руки со священными предметами в сторону великого белого ветра обновления, а потом прошли на восток, юг и везде останавливались, простирая руки с подношениями; мы же без усталости плясали вокруг них.

На юге четыре девушки повернулись прямо к северу и пошли красной дорогой добра к центру деревни, туда, где стояло священное типи, а мы, мужчины, по-прежнему в пляске кружили вокруг них, поскольку сила мужчины окружает и защищает силу женщины.

Четыре девушки опять вошли в типи: сначала та, что держала обруч, за ней девушка с живым побегом, а потом третья — с целительной травой, и после нее — девушка с трубкой. За ними вошли и мы, мужчины.

Так проходил этот обряд. Как я уже говорил, сила обряда заключается в понимании его смысла. Ибо все на свете живет в согласии с жизнью и движением Мировой Силы.

XIX

ЧЕРЕЗ БОЛЬШУЮ ВОДУ

Как я уже рассказывал, обряд Лося был проведен летом, когда мне шел 20-й год (1883 г.) Говорят, той осенью васичу уничтожили последнее стадо бизонов. Я вспоминаю те времена, когда бизонов было не счесть. Но васичу все прибывали и прибывали, и убивали их до тех пор, пока от бизонов не остались одни кучи костей, разбросанные по равнине. Они убивали животных не для еды, а ради того металла, который сводит с ума васичу, и забирали только шкуры на продажу. Бывало, не брали даже и шкуры, а только языки. Я слышал, по Миссури спускались огненные лодки, целиком груженные сушеными бизоньими языками — ты видишь, на это способны только сумасшедшие. Иногда васичу не брали даже языки, а просто убивали и убивали, потому что им нравилось это. Мы же, когда охотились на бизонов, отстреливали ровно столько, сколько было нужно. А когда в прериях не осталось ничего, кроме груды костей, пришли васичу, подобрали эти кости и тоже продали.

В это время весь наш народ уже жил в квадратных серых домах. Он островками был разбросан по этой голодной земле и опутан границами, которые провели васичу, чтобы не выпускать нас. Круг жизни народа был разорван, и уже не было больше центра для зеленеющего древа. Люди впали в отчаяние. Они были так измотаны и замучены, что, казалось, их невозможно уже заставить прозреть. Теперь нас часто посещал голод, поскольку многое из того, что посылал для нас Великий Отец из Вашингтона, должно быть, разворовывалось по пути жадными до денег васичу. Было много лжи, раздвоенные языки раздавали одни обещания, но мы не становились сытыми от этого.

Еще три года я продолжал лечить больных и исцелил многих. Но стоило мне вспомнить о великом видении, которое должно было спасти круг жизни народа и заставить в его центре зазеленеть священное древо, как я готов был плакать, ибо священный круг распался на мелкие части. А ведь жизнь народа заключалась в этом круге. Что значили маленькие жизни отдельных людей, если смысл их жизни был утрачен?

Однако в конце лета, когда мне шел 23-й год (1886 г.), казалось, появилась слабая надежда на спасение. К нам приехало несколько васичу, они хотели отобрать группу оглазов для большого представления, которое проводил еще один Пахуска*. Они рассказали нам, что это представление повезут через большую воду показывать в далекие земли. Мне казалось, я должен поехать с ними, ведь там я смог бы помочь моему народу. В моем великом видении, когда я стоял в центре мира, те двое мужей с востока принесли мне траву утренней звезды и велели бросить ее в землю; там, где трава коснулась земли, она пустила корни и расцвела четырехцветными лучами. Это была трава постижения. Трава проросла и расцвела и там, где красный человек из моего видения, перекатившись, превратился в бизона. А когда бизон исчез, люди в моем видении вновь обрели красную дорогу добра. Если бы мне удалось увидеть большой мир васичу может быть, тогда я смог бы понять, как соединить разорванный священный круг и заставить древо вновь зазеленеть в его центре.

Я перебирал в памяти прошлое, вспоминал прежнюю жизнь своего народа. Но люди уже больше не жили по ее законам. Они шли теперь черной дорогой, каждый был сам по себе и жил без правил — как в моем видении. Я был в отчаянии и даже думал, не стоит ли моему народу перенять жизнь васичу, если она лучше нашей. Теперь я понимаю — это была глупая мысль, но тогда я был молод и сильно отчаялся.

Родственники уговаривали меня остаться дома и продолжать исцелять людей, но я никого не слушал.

Организаторы представления послали за нами из Рашвила по железной дороге фургоны. Всего в путь собралось около 100 лакотов, мужчин и женщин. Полпути по железной дороге нас провожало много народу. Мы остановились, поели, а потом покинули соплеменников; многие плакали, потому что нас ожидал далекий путь — через большую воду.

Этим вечером, там, у железной дороги, где нас ожидали большие фургоны, мы устроили пляску, а потом расселись по этим фургонам. Когда мы тронулись, вокруг была ночь. Я вспомнил дом, родственников и загрустил. Мне хотелось выбраться и бежать назад. Всю ночь мы ехали с большим грохотом, а утром, позавтракав в Лонг Пайн, снова пустились в путь. Вечером прибыли в один очень большой город (Омаха). Потом опять гроыхали всю ночь и приехали в город еще больше прежнего (Чикаго). В нем мы пробыли целый день. Здесь я мог сравнить жизнь своего народа с жизнью васичу. Сравнение еще больше повергло меня в уныние. Я все сильнее жалел, что уехал из дома.

Затем вновь мы с грохотом продолжили свой путь, и через некоторое время прибыли в еще больший город — очень большой город (Нью-Йорк). Мы погуляли по нему, дошли до того места, где должно было состоять представление (Мэдисон Сквер Гарден). Там уже были пауни и омаха. Завидев нас, они издали боевой клич, бросились вперед и дотронулись до нас. Делали они это ради шутки, на самом деле они были рады встрече с нами. В городе меня поразили большие дома, толпы людей, ночью здесь горели такие яркие огни, что не было видно звезд. Мне рассказывали, что некоторые из этих огней были сделаны с помощью силы грома.

Всю зиму мы прожили там, показывали представления для многих, многих васичу. Мне нравились те части, где были заняты наши, а те, где играли васичу, я не любил. Спустя некоторое время я уже привык ко всему вокруг. Однако я чувствовал себя так, словно меня никогда не посещало видение; я словно бы умер и потерял свой народ. В голову все чаще приходила мысль — может, я никогда больше не увижу его. Вокруг я не видел ничего, что помогло бы моим соплеменникам. Я видел, что васичу не заботятся друг о друге, как делали наши люди прежде, чем был разорван круг жизни народа. Каждый васичу, если б смог, все бы отнял у своего соседа. Среди них были такие, которые имели намного больше того, что нужно для жизни, в то время как толпы народа вообще ничего не имели и, возможно, голодали. Васичу забыли, что земля — это их мать. Не может быть, чтобы все это было лучше прежней жизни наших людей. Там, где большая вода подходила к городу, на одном островке была тюрьма. Однажды нам удалось посмотреть на нее. Люди направили ружья на заключенных, заставляли их

ходить по кругу, словно зверей в клетке. Я очень расстроился, ведь мой народ тоже был загнан на островки земли, и, может быть, васичу намеревались так же обращаться с нами.

Весной стало теплее, но васичу у себя в городах даже траву загнали под землю. Нам стало известно, что совсем скоро мы поедем через большую воду в далекие земли. Некоторые лакоты отправились домой, они и меня звали с собой; однако я еще не увидел ничего такого, что могло хоть как-то помочь моему народу: быть может за большой водой я увижу что-то доброе. Поэтому я решил не возвращаться в родные места, хотя очень сильно скучал и горевал. Васичу посадили всех нас на очень большую огненную лодку, такую большую, что, когда я впервые ее увидел, то просто обомлел. А когда она подала голос, я испугался. Здесь у берега стояли и другие большие, и маленькие огненные лодки, и они тоже подавали голоса.

А через некоторое время я уже ничего не видел, кроме воды. Казалось, мы никуда не движемся, а стоим на месте, то взлетая, то падая вниз. Однако нам сказали, что мы едем быстро. Я подумал — если мы действительно двигаемся быстро, то наверное скоро должны сойти там, где кончается вода, или остановимся в том месте, где небо сходится с водой. Всех охватило отчаяние, многим стало так плохо, что они запели песни смерти. Под вечер заревел сильный ветер, а вода забурилась. Нам дали предметы, которыми надо было опоясать себя, и мы спали на них. Об их назначении я узнал лишь много позже. Мы тогда не понимали, что делать с ними, поэтому просто клали на пол и ложились на них. Пол ходил ходуном все сильнее и сильнее, так что мы перекатывались из стороны в сторону и не могли заснуть. Мы испугались; теперь уже все лежали больные. Сначала васичу смеялись над нами, однако очень скоро и сами тоже сильно перепугались, стали возбужденно бегать туда-сюда. Наши женщины и даже некоторые мужчины плакали, ведь все вокруг было таким страшным, а они ничего не могли поделать. Через некоторое время пришли васичу и раздали нам предметы, которыми надо было обвязаться, чтобы плыть. Я не стал надевать их, поскольку мне не хотелось плыть. Вместо этого я приготовился к смерти, одевшись в самую лучшую одежду, в которой выступал на представлениях, и запел песню смерти. Если уж суждено было умереть, то нам хотелось погибнуть как воины. Мы

не могли сражаться с теми, кто собирался убить нас, но мы могли умереть так, чтобы душам наших родичей не было стыдно за нас. Но все были так больны, что подчас не могли даже встать. Что бы мы ни съели — все вываливалось обратно.

Мы совсем не спали. Утром вода вокруг походила на настоящие горы, однако ветер ослабел. В эту ночь несколько бизонов и лосей, которых мы везли с собой для представления, умерли, и васичу бросили их в воду. Когда на моих глазах бросали бедное животное за борт, я чуть не заплакал, потому что мне казалось, что вместе с бизоном они выбрасывают частицу мощи моего народа.

Наконец, после долгого путешествия, мы увидели множество домов и огненных лодок, стоящих у берега. Сейчас спустимся на землю — подумали мы. Но не тут-то было. К нам подъехала маленькая огненная лодка и стала рядом. Люди, которые находились в ней, все тщательно осмотрели на нашей огненной лодке, перед тем, как мы сошли. Почти целый день мы ехали очень медленно и наконец прибыли туда, где притиснувшись друг к другу, стояли дома и бесчисленное количество других огненных лодок. Эти дома отличались от тех, что мы видели прежде. Всю ночь васичу держали нас на огненной лодке, а потом выгрузили и повели туда, где должны были проходить представления. Этот очень большой город назывался Лондон. Теперь мы снова были на твердой земле, однако поначалу было трудно ходить: нас покачивало, словно мы были еще на воде. Здесь мы пробыли шесть лун. Посмотреть на наши представления приходило очень много людей.

Однажды объявили, что к нам собирается ее Величество. Сначала я не понял, кто это. Оказывается, это была Бабушка Англии (королева Виктория), которой принадлежала Земля Бабушки, где мы жили некоторое время после того, как васичу убили Неистовую Лошадь. Она приехала на представление в большом сверкающем фургоне, по обеим сторонам которого стояло по солдату. Вместе с ней приехали другие сверкающие фургоны. В тот день мы давали представление только для нее и ее людей. Во время представления мы иногда должны были стрелять, но на этот раз не стреляли — только пели и плясали. Я был один из тех танцоров, которых отобрали специально для этого, потому что был молод, гибок и хорошо плясал. Мы стояли прямо перед Бабушкой Англией. Сама она была невысокой и полной.

Нам она понравилась, потому что была добра к людям. После пляски поговорила с нами и сказала примерно следующее: «Мне шестьдесят семь лет. Я повидала разные народы по всему свету, но сегодня увидела самых лучших людей, каких знаю. Если бы вы были моими подданными, я бы не разрешала показывать вас на подобных представлениях». Она также произнесла много других добрых слов, а потом пригласила нас к себе в гости. Каждому из нас Бабушка пожала руку. Рука ее была очень маленькой и мягкой. На прощание мы издали радостный клич, а потом появился сверкающий фургон, она села туда и все уехали.

Через пол-луны мы поехали в гости к Бабушке. Нас тоже посадили в сверкающие фургоны и привезли в очень красивое место. Там стоял огромный дом с остроконечными башнями, а внутри на возвышении по кругу стояло много скамеек. На них сидело полным-полно васичу, которые стучали каблуками и кричали: «Виват!» Виват!..» Я так и не узнал, что это значит.

Нас посадили всех вместе внизу, где кончались скамейки. Сначала появился красивый черный фургон, запряженный четверью черными лошадьми. Он сделал круг и остановился. Я слышал, что в нем сидел маленький внук Бабушки. Затем приехал красивый черный фургон, запряженный четверью серыми лошадьми. На тех лошадях, что находились справа, было по седоку, а третий человек шел слева держа поводья передней лошади. Мне сказали, что в этом фургоне находятся родственники Бабушки. А следом прибыл сверкающий черный фургон, который тянули восемь каурых лошадей, запряженных по две. На лошадях справа тоже сидело по седоку, а переднюю лошадь слева вел человек. Вокруг этого фургона стояли солдаты с винтовками при штыках. Тут люди на скамейках громко закричали: «Виват!» и «Виктория!» И мы опять увидели Бабушку Англии. Она сидела в задней части фургона, лицом к ней — две другие женщины. Все, что было на Бабушке и вокруг нее — все сверкало: ее платье, шляпа, фургон, лошади. Она была похожа на приближающееся пламя. Потом я узнал, что на лошадях и фургоне был желтый и белый металл.

Когда она подъехала к нам, ее фургон остановился, и Бабушка встала. Сразу же встали все люди со скамеек, они закричали и поклонились ей, но Бабушка поклонилась в нашу сторону. Мы издали громкий приветственный клич, а женщины вскричали высокими голосами.

Нам потом сообщили, что некоторые люди в толпе так перепугались, что заболели и упали в обморок. Потом, когда все успокоилось, мы спели Бабушке песню. Это было очень славное время. Нам нравилась Бабушка Англия, поскольку мы знали, что она прекрасная женщина, и относится к нам по-доброму. Быть может, будь она нашей Бабушкой, моему народу жилось бы лучше.

XX

ПУТЕШЕСТВИЕ ДУШИ

Да, то было славное время, но оно подошло к концу. Мы поехали в Манчестер и в течение нескольких лун показывали там свое представление.

Однако накануне нашего отъезда домой трое лакотов и я вместе с ними потерялись городе, и огненная лодка ушла без нас. Мы не могли разговаривать на языке васичу, и не знали, что нам делать, поэтому просто бродили по улицам. Вскоре мы встретили двух других лакотов, которые тоже отстали от наших. Один из них разговаривал по-английски. Он сказал нам, что если бы удалось добраться до Лондона, то там мы смогли бы заработать деньги на другом представлении, и тогда уехать домой. Всем нам очень хотелось вернуться на родину. Тот из нас, кто умел говорить по-английски, на все деньги купил билеты, и мы поехали в Лондон по железной дороге.

Представление, в котором мы приняли участие, называлось «Мексиканец Джо». Оно не было таким большим, как прежде, но нам платили по доллару в день. После представлений в Лондоне с «Мексиканцем Джо» мы отправились в Париж. Очень часто посмотреть на нас приходила одна девушка-васичу. Я понравился ей; она привела меня к себе домой и познакомила с отцом и матерью. Им я тоже понравился, и они ко мне хорошо относились. Так как я не мог говорить на их языке, мы объяснялись знаками, а девушка выучила несколько лакотских слов. Из Парижа мы поехали в Германию, а оттуда — в то место, где горит земля. Здесь стояла высокая гора с дырой наверху, словно в типи, и в этой дыре клокотал огонь. Я слышал, что в давние времена здесь, под землей, были погребены город и множество людей.

Все это время я все сильней и сильней тосковал по

дому — ведь прошло уже две зимы с тех пор, как я покинул родину. В конце-концов из-за своей тоски я заболел по-настоящему. Однако я считал, что должен остаться со своей группой до тех пор, пока не заработаю достаточно денег, чтобы уехать домой. «Мексиканец Джо» привез нас обратно в Париж, но там я не смог принимать участие в представлении, поскольку был сильно болен. Девушка, о которой я уже рассказывал, забрала меня к себе домой. Ее семья очень хорошо заботилась обо мне, и у них я поправился. И вот однажды утром я все-таки на короткое время попал домой.

В то утро на мне была одежда васичу — туфли и все остальное. Единственно, что меня отличало от всех — это длинные волосы, свободно ниспадавшие на плечи. Чувствовал я себя хорошо, и мы готовились сесть завтракать. Моя подруга сидела рядом. Ее отец, мать и две сестры тоже сидели за столом. Когда мы уселись, я взглянул наверх, и потолок поплыл у меня перед глазами. Дом стал кружиться и вытягиваться вверх. Я увидел, как все мы с домом быстро поднимались вверх. Вот к дому спустилось облако, и вдруг я оказался стоящим на нем, а дом с оставшимися людьми поплыл вниз от меня. Я был один на облаке; оно стремительно несло куда-то. Я боялся, что упаду — поэтому крепко держался за него. Далеко внизу виднелись городские дома, зеленые поля и реки, и все казалось плоским. Потом я оказался прямо над большой водой. Теперь я уже не боялся, потому что понял, что направляюсь домой. Вдруг меня окутала тьма, а потом снова стало светло, и внизу я увидел большой город. Я знал, что именно здесь мы садились на большую огненную лодку; теперь я находился в родной стране. Я был очень счастлив. Облако по-прежнему быстро несло, и внизу мелькали города, речки и вновь города и зеленые поля. Потом я стал узнавать местность внизу. Я увидел Миссури, потом Черные Холмы, и центр мира, куда духи повели меня с собой во время великого видения.

Наконец я очутился прямо на Пайн-Ридж, и облако замерло. Посмотрев вниз, я ничего не мог понять — казалось, лаготы съехали отовсюду, и стали здесь большим лагерем. Я увидел типа своего отца и матери. Они находились снаружи, мать готовила еду. Мне хотелось прыгнуть с облака прямо к ним, только я боялся, что разобьюсь. Пока я смотрел вниз, мать подняла голову и взглянула вверх. Я был уверен, что она заметила меня.

Но тут вдруг облако быстро понеслось назад. Я очень опечалился, но ничего не мог поделать. Опять оно пролетело над большим городом, а потом внизу опять была одна вода. После этого меня окутала беззвездная ночь. Я плакал оттого, что нахожусь совсем один в этой черной пустоте. Однако через некоторое время далеко впереди посветлело. Под собой я увидел уплывавшую назад землю, города, поля и дома. Вскоре облако остановилось над большим городом и дом, кружась, стал подниматься ко мне. Едва он коснулся облака, я сразу же оказался внутри, а дом, вертясь, стал опускаться. Вот дом оказался на земле, и до меня донесся голос моей девушки, а потом другие испуганные голоса. Я лежал в постели, а девушка, ее отец, две сестры и доктор как-то странно смотрели на меня, словно были испуганы. Тот лакота, что говорил по-английски, зашел с представления и рассказал мне, как все было. Говорили, будто сидя за столом, я посмотрел вверх, улыбнулся и замертво упал со стула. Три дня я лежал, как мертвый, и лишь время от времени чуть дышал. Часто нельзя было уловить, бьется ли мое сердце. Все были уверены, что я действительно скоро умру, и уже готовились купить для меня гроб. Если бы я не вернулся в тот день к жизни, меня бы, наверное, положили в хороший гроб; а так, я думаю, это будет простой ящик.

Я никому не рассказал, где был все это время, ведь мне все равно не поверили бы. Несколько дней спустя мои хозяева услышали, что Пахуска вновь приехал в Париж. Мы все отправились на его представление. Пахуска был рад видеть меня. Он велел своим людям в честь меня трижды издать приветственный клич. Потом он спросил — хотел бы я остаться с группой или же вернуться домой. Я ответил, что очень тоскую по дому. Пахуска сказал, что устроит это; он достал мне билет и дал 90 долларов, а потом дал для меня большой обед. У Пахуски было твердое сердце. Через некоторое время за мной пришел полицейский и велел собирать вещи. Он проводил меня на поезд, и утром я был у большой воды, где меня посадили на огненную лодку. Восемь дней мы плыли по воде. Часть пути я проболел, но сильно не горевал, поскольку радовался скорой встрече с домом. Когда огненная лодка опять прибыла в тот большой город у меня на родине, я по железной дороге сразу же отправился домой. В Рашвилл мы прибыли рано утром. В здешних местах лакоты не жили, однако неподалеку

стоял крытый фургон, который направлялся в Пайн-Ридж. В нем я и отправился.

Когда я добрался до Пайн-Риджа, все кругом было именно таким, как я видел с облака. И точно, здесь собрались все лакоты, ведь это был год подписания того договора (1889 г.), когда васичу купили у нас всю землю между Дымной Землей (Уайт-Ривер) и Доброй рекой (Шайенн-Ривер). Почти три года меня не было дома, и я еще ничего не слышал об этой глупости.

Типы моей матери и других людей нашего племени стояли именно там, где я видел их, глядя вниз с облака. Родители были очень рады видеть меня, мать плакала от счастья. Я тоже заплакал. Теперь мне надлежало уже быть мужчиной, но слезы сами лились из глаз. Мать рассказала, что однажды ночью ей приснилось, будто я прилетел домой на облаке, но не смог остаться. И тогда я рассказал ей о своем видении.

XXI

МЕССИЯ

Еще до моего отъезда за большую воду наш народ сильно голодал. Васичу так и не дали нам тех припасов, которые были обещаны по договору об уступке Черных Холмов. Васичу сами составляли этот договор, а мы сопротивлялись ему. И все же васичу дали нам меньше половины того, что обещали. Поэтому еще до моего отъезда народ уже голодал.

Но когда я вернулся, нам стало еще хуже. Вид людей вызывал жалость. Летом пришла сильная засуха — казалось, реки и ручьи вот-вот совсем пересохнут. Все, что люди сажали, чахло, а васичу присылали еще меньше мяса и других продуктов, чем раньше. Васичу перебили всех бизонов, а нас, словно скот, заперли на маленьких островках земли. Казалось, скоро мы все умрем от голода, ведь нельзя же питаться одними лживыми обещаниями, которые раздавали васичу.

В довершение ко всему, васичу составили еще один договор, чтобы забрать половину и той земли, которая еще оставалась у нас. Как и раньше, наш народ был против. Однако приехал Три Звезды (генерал Крук возглавил комиссию, которая подготовила договор 1889 г. — ред.) и навязал нам его: васичу очень нужна была земля,

расположенная между Дымной Землей и Доброй рекой. И вот лавина васичу, запятнанная грязными делами, ринулась и поглотила половину оставшихся наших земель. Когда Три Звезды пришел к Роузбаду, чтобы убивать нас, Неистовая Лошадь разбил и прогнал его. Теперь же он прибыл без солдат, и тем не менее рассеял и прогнал наших людей. Нас просто окружили со всех сторон, и мы ничего не могли ответить.

Все то время пока я находился вдали от дома за большой водой, моей силы не было рядом со мной. Я был словно мертвец, и почти не помнил своего видения, а если случайно и вспоминал, оно казалось мне полузабытым сном. Сразу по возвращении люди вновь стали обращаться ко мне с просьбой об исцелении. Я сначала боялся, что сила навсегда покинула меня. Однако оказалось, что это не так, и я продолжал помогать больным, а их было очень много, поскольку из-за голода среди людей распространилась корь. Больных стало еще больше, когда зимой прошел коклюш и стал косить детей, истощенных недоеданием.

Вот так все и шло. Люди были в жалком состоянии, они впали в отчаяние. Однако ранней весной, как раз когда я вернулся домой (1889 г.), с запада до нас дошли необычные вести. Люди только и говорили, что о них. Первыми услышали оглалы, которым рассказали об этом шошоны и Голубые Облака (арапахо). Они верили слухам, другие нет. Да, трудно было в это поверить. Когда я сам впервые прослышал об этом, мне показалось это пустой болтовней. А слух поведал о том, что там, на западе, в одном месте у подножия великих гор (Сиерра), что стоял перед большой водою, среди пайютов появился святой, который в своем видении разговаривал с самим Великим Духом. Великий Дух поведал его, как спасти индейские народы и сделать так, что васичу исчезнут, возвратятся бизоны, воскреснут мертвые, и земля обновится. Еще до моего возвращения люди собрались на совет, чтобы обсудить все это. Они послали к пайютам трех гонцов — Доброго Грома, Храброго Медведя и Желтую Грудь — чтобы те своими глазами посмотрели на этого святого и убедились в правдивости рассказов. Эти трое проделали долгий путь на запад, а осенью, когда я уже был дома, возвратились назад к оглалам и поведали удивительные вещи.

После их возвращения недалеко от Пайн-Рнджа в верховьях ручья Белая Глина собрался большой совет,

но я не попал туда, потому что еще не верил этому. Может быть, лишь отчаяние заставляет людей верить слухам — думал я — подобно тому, как изголодавшемуся человеку мерещатся горы еды.

На большой совет я не пошел, но от других слышал все, о чем там говорилось. Эти трое — а им можно было верить — подтвердили дошедшие до нас вести, и рассказали вот о чем. Втроем они ехали, ехали до тех пор, пока не добрались до большой плоской долины (Долина Массонов, Невада). Эта долина расположена у последней гряды великих гор перед большой водой. И там они увидели Ванекна, того, кто был сыном Великого Духа, и говорили с ним. Васичу называли его Джеком Уилсоном, но его настоящее имя — Вовока*. Вовока рассказал людям, что скоро вся земля обновится. Новый мир придет с запада ураганным облаком и сокрушит на этой земле все старое и отжившее. В этом обновленном мире, как в старину, будет много дичи, оживут все умершие индейцы и убитые бизоны опять будут бродить по степям.

Святой дал Доброму Грому священную красную краску и два орлиных пера. Люди должны раскрасить свое лицо этой краской и исполнить пляску духов — святой обучил ей Доброго Грома, Желтую Грудь и Храброго Медведя. Если люди послушаются этих советов, говорил святой, то они попадут в обновленный мир, а васичу исчезнут. Когда Вовока передал два орлиных пера, он сказал Доброму Грому: «Возьми эти орлиные перья и внемли им, с их помощью мой отец приведет к себе твой народ». Всю зиму об этом только и говорили.

Когда я услышал о красной краске, орлиных перьях и возвращении народа к Великому Духу, я крепко задумался. У меня самого было видение, которое должно было привести людей назад, к священному кругу жизни народа. Быть может, на этого святого снизошло такое же видение и стало сбываться. Может быть, не одного меня выбрал Великий Дух, чтобы вернуть людей на красную дорогу добра, и если я помогу тою силой, что дарована мне, древо зазеленеет и народ будет спасен. Всю зиму эта мысль не покидала меня. Только я не знал, что именно за видение посетило того святого человека и жалел, что не могу поговорить с ним и все вызнать, как следует.

Зима выдалась очень суровая, люди сильно голодали и болели. С началом заморозков от жестокой болезни, которая охватила многих, умер мой отец. Я сильно го-

ревал. Казалось, счастье совсем покинуло нас. Еще до моего возвращения умерли мои младшие брат и сестра, а теперь вдобавок я остался без отца. Но у меня еще была мать. Работал я в одной торговой лавке васичу, чтобы иметь возможность приносить ей чего-нибудь поесть. Я продолжал работать там и думать о том, что рассказали Добрый Гром, Желтая Грудь и Храбрый Медведь. И все же тогда до конца я еще не верил им.

В течение всей зимы людям хотелось услышать побольше о самом святом и о том новом мире, который скоро должен наступить. Поэтому на запад послали опять Доброго Грома, Желтую Грудь с двумя другими оглалами, чтобы они обо все разузнали еще подробнее. С ними поехали люди из других агентств. Среди них были Медведь Лягается и Короткий Бык*. Время от времени от этих двоих индейцев приходили письма с вестями. Люди верили всему, что слышали. Я же продолжал работать в торговой лавке и исцелять больных своей силой.

Наступила весна (1890 г.), и я услышал, что посланцы, наконец, вернулись и все рассказы оказались правдой. Однако я и на этот раз не пошел на большой совет, но со слов других знал, что тот святой действительно сын Великого Духа. Еще в давние времена он пришел к васичу, но те убили его, и теперь он решил прийти к индейцам. Рассказывали, что в новом мире, который скоро придет, словно ураганная туча и сметет умирающую землю, васичу тоже не станет. Говорили еще, что случится это ровно через одну зиму когда появятся травы (1891 г.).

Посланцы рассказали много других удивительных вещей о Ванекии, а они были людьми, которым можно доверять. Ванекия мог заставить говорить животных, а однажды показал собравшимся видение. Все увидели большую воду, а за ней прекрасную зеленеющую землю, по которой ходили давно умершие индейцы, бизоны и другие животные. Потом Ванекия заставил видение исчезнуть, поскольку на земле для него еще не наступило время. Вот когда пройдет одна зима и появятся травы, оно сбудется.

Рассказывали еще, что как-то раз Ванекия снял свою шляпу и попросил их заглянуть внутрь. И когда собравшиеся сделали это, то все, кроме одного, увидели там весь мир и все доброе, что есть в нем. И лишь один человек увидел изнанку шляпы и больше ничего. Сам Доб-

рый Гром рассказывал, что силой Ванекии он вошел в типи из шкур бизона, где со своей женой жил давно умерший сын Доброго Грома, и они долго беседовали там. Все это было не похоже на мое великое видение, и я продолжал работать в лавке. Я просто был озадачен и не знал, что делать.

Некоторое время спустя я узнал, что к северу от Пайн-Риджа, в верховьях ручья, шайенн Медведь Лягается устроил первую пляску духов, и что люди, принявшие в ней участие, видели своих умерших родственников и разговаривали с ними. Потом я услышал, что они перешли на другое место и пляшут у ручья Вундед-Ни пониже Мандерсона.

Я все еще не верил рассказам, но они сильнее и сильнее западали мне в душу с тех пор, как умер отец. Мне хотелось все разузнать самому. Что-то словно толкало меня пойти и посмотреть. Какое-то время я удерживался, но потом больше уже не мог, и, оседлав свою лошадь, поехал к ручью Вундед-Ни.

Оказавшись там, я удивился и едва верил своим глазам — в том, что увидел, оказалось много от моего собственного видения. Танцоры, как мужчины, так и женщины, держались за руки, образуя большой круг, а в центре его стояло дерево, выкрашенное в красный цвет. Большая часть ветвей на нем была срезана, а на оставшихся были еще высохшие листья. Все это в точности походило на ту часть моего видения, где священное дерево тоже стояло, а круг мужчин и женщин, взявшихся за руки, был похож на священный круг жизни, в котором заключалась сила, способная заставить вновь зазеленеть это дерево. Я заметил также, что священные подношения, принесенные людьми, были красного цвета, как и в моем видении. Лица людей были также раскрашены алой краской. Во время обряда они тоже пользовались трубкой и орлиными перьями. Я сел и с грустью стал наблюдать за танцующими. Казалось, все это каким-то непонятным образом пришло из моего видения, а я сам еще ничего не сделал, чтобы заставить зазеленеть дерево.

И тут меня вдруг охватило ощущение великого счастья. Конечно же, это было напоминанием мне сразу приступить к работе и помочь моему народу вернуться в священный круг жизни и вновь пойти священным порядком по красной дороге, как пожелали силы Вселенной, составляющие вместе одну силу. Я вспомнил, как

духи взяли меня с собой к центру земли, показали мне все, что есть доброго, и объяснили, как моему народу добиться процветания. Вспомнилось также и то, как шесть праотцев рассказали мне, что с помощью их силы я должен буду вдохнуть в народ жизнь и как зазеленеет священное древо. Я готов был поверить, что мое видение, наконец, начинает сбываться и поэтому чувствовал себя очень счастливым.

Отправляясь к месту пляски, я думал только посмотреть и узнать, во что верят люди, но теперь я решил остаться и использовать ту силу, что была дарована мне. В тот день пляска подходила к концу, но ее собирались начать на следующее утро, и я готов был плясать вместе со всеми.

XXII

ВИДЕНИЯ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА

И вот на следующее утро я облачился в священные одежды и пошел к людям, стоявшим вокруг засохшего древа. Добрый Гром, который был родственником моего отца, а позже женился на моей матери, обнял меня и повел в центр к священному древу. Остановившись около него, он начал молиться за меня: «Отец, Великий Дух, узри этого юношу. Пусть на него снизойдут твои откровения». А потом заплакал.

Мне вспомнились отец, брат и сестра, которых теперь не было со мной, и я тоже не смог сдержать слез. Я поднял голову вверх, чтобы остановить их, но слезы все равно текли по щекам, и пока плакал, я видел перед собой свой народ, охваченный отчаянием. Я думал о своем видении, о том, что народ мой должен будет найти на этой земле место, где он обретет счастье, думал о теперешних людях, которые идут по дороге бед, и о том, что быть может их можно вернуть назад, в круг жизни, на дорогу добра. Так я стоял у засохшего древа и оплакивал его гибель. В слезах я молил Великого Духа вернуть ему жизнь, зеленые листья и поющих птиц, как в моем видении.

Потом по всему моему телу прошла сильная дрожь. Я знал — в меня вселяется сила. Добрый Гром взял меня

за одну руку, а Медведь Лягается — за другую, запели песнь и начали пляску:

Кто это грядет, кто грядет сюда?
Тот, кто пришел за своей матерью!

Это была песня, которую запоют умершие, входя в потусторонний мир и разыскивая своих сородичей, пришедших туда раньше их.

Танцуя, я почувствовал знакомое головокружение. Мне казалось, что я отделяюсь от земли. Однако видение в этот первый день не посетило меня. Ночью я думал о потустороннем мире и о том, что там находится сам Ванекиа вместе с моим народом. Может быть, священное древо из моего видения действительно расцвело, и там в потустороннем мире видение сбылось? Из центра земли мне открылись все полезные и прекрасные вещи в большом круге мира. Может быть, в ту самую землю, что я видел в своем видении, и движется мой народ, и там уже не будет васичу, и все заживут счастливо?

На следующий день перед началом пляски Медведь Лягается обратился к Великому Духу с молитвой: «Отец, Великий Дух! Вот они, эти люди! Сегодня они увидят своих умерших сородичей и там будут всегда счастливы, счастьем их не будет конца».

Потом мы все встали в круг, взяли за руки и начали пляску. Почти все плакали и рыдали, а некоторые смеялись от счастья. Время от времени кто-нибудь, словно подкошенный, падал на землю от изнеможения и его посещали видения, а мы продолжали плясать и петь. Многие, рыдая, молились о возврате старой жизни и прежней религии.

Вдруг голова у меня закружилась еще сильнее. Потом мне показалось, будто в ноги вцепились полчища муравьев. Как и другие, я плясал и пел с закрытыми глазами. Вскоре я почувствовал, что раскачиваюсь, не касаясь земли. Я все сильнее и сильнее раскачивался, словно на качелях. Мне было совсем не страшно. Наоборот, меня все охватывало счастливое успокоение.

Потом, должно быть, я упал, однако упал словно бы с качелей, и теперь летел по воздуху вперед головой, с распростертыми руками. Вскоре я увидел орлиное перо, потом оно превратилось в пятнистого орла, который стал плясать, хлопая крыльями и издавая свой обычный пронзительный посвист. Тело мое застыло, но сам я летел, глядя вперед.

Впереди показался гребень горы. Я подумал, что сей-

час врежусь в него, однако перелетел прямо над ним. По другую сторону гребня я увидел прекрасную землю, на которой расположился лагерь в виде круга. Я заметил, что люди здесь выглядят счастливыми. Везде царило изобилие, тут и там стояли рамы с развешенным для сушения мясом. Воздух был чист, и все кругом было озарено прекрасным светом жизни. Вокруг лагерного круга в зеленой, сочной траве паслись сытые и здоровые лошади. Зеленые холмы кишели всяким зверьем, и счастливые охотники с песнями несли домой богатую добычу.

Я парил над ними, а потом вдруг стал спускаться вниз прямо в центр круга, где стояло прекрасное дерево, все в зелени и цветах. Когда я коснулся земли, ко мне подошли двое мужей, одетые в особые священные рубахи и произнесли: «Еще не пришло время тебе увидеть отца, который живет здесь и счастлив. Нужно сделать важную работу. Мы дадим тебе то, что ты отнесешь к своим людям. С помощью этих вещей они смогут прийти сюда и повидать любимых родичей.

Я понял, что они имеют в виду свои священные рубахи, которые я должен передать людям. Мужики приказали мне тотчас возвращаться, и я тут же опять быстро полетел по воздуху. Когда я подлетел к месту пляски, люди все еще танцевали, но молча. Я надеялся увидеть засохшее дерево зеленым и цветущим, но оно по-прежнему было мертво.

Потом душа моя вернулась обратно в тело, и сразу же повсюду раздались голоса, а сам я, как оказалось, сидел на земле. Вокруг меня толпились люди, все спрашивали, какие видения явились мне. Я рассказал им все, что видел, и о тех священных рубахах, которые были на двух мужах.

В тот же вечер некоторые из нас собрались в типи Большой Дороги и принялись за изготовление священных рубах, таких, как я видел. На следующий день я с утра до самой ночи кроил рубахи духов и расписывал их священными знаками из своего видения. Делая рубахи, я размышлял о своем видении, и мне казалось, что если в этом мире сделать так, как оно велит, то дерево вновь зазеленеет здесь, на земле.

Первую рубаху я изготовил для Бойтсы Ястреба, а вторую — для сына Большой Дороги.

Вечером я вырезал священный жезл похожий на тот, что я видел в своем первом видении, и выкрасил его в красный цвет священной краской, которую дал Ванекиа.

К верхнему концу жезла я прикрепил одно орлиное перо. С этим жезлом, одетый в священную рубаху, я и плясал.

Поскольку я обладал священным видением и силой, полученной от него, на следующее утро меня попросили возглавить пляску. Мы все выстроились в одну линию лицом к западу, и я произнес молитву: «Отец, Великий Дух, узри меня! Народ мой пребывает в отчаянии. Ты возвестил о новой земле, ты показал мне ее. Пусть и народ мой тоже увидит ее». После молитвы все протянули правые руки в сторону запада и начали плакать. Пляска еще не начиналась, а некоторые уже с рыданиями падали в обморок. Во время этой пляски меня, как и вчера, охватило головокружение и тело словно поднималось над землей. Медведь Лягается и Добрый Гром держали меня за руки. Некоторое время спустя мне показалось, что они куда-то пропали, а я опять парю над землей с распростертыми руками. И вновь впереди танцевал пятнистый орел, слышались его пронзительный посвист и крик. Впереди опять показался гребень горы, за которым все явственней слышался гулкий раскатистый грохот, а из самого гребня вырывались языки пламени. Однако я плавно перелетел через его вершину и увидел шесть деревьев, раскинувшихся в прекрасной зеленой долине, озаренной живительным светом. Я перелетел и через них, опустился на южной стороне у шестой деревни. Стоило мне коснуться земли, как тут же передо мной появились двенадцать мужей и сказали: «Ты увидишь отца нашего, двуногого вождя».

Они повели меня в центр лагеря, где я опять увидел священное древо, покрытое свежей листвой и цветами. Но это было еще не все. Напротив священного древа стоял человек, широко раскинув руки. Я пристально всматривался в него, но так и не смог определить, к какому народу он принадлежит. Он не был похож ни на васичу, ни на индейца. Его длинные волосы свободно ниспадали на плечи, слева в волосы было воткнуто орлиное перо. Тело, расписанное красной краской, было очень хорошо сложено. Я силился узнать его, но не мог. Пока я всматривался, тело его начало излучать все цвета радуги, а сам он нараспев произнес: «Я таков, что все живое на этой земле принадлежит мне. Твой отец, Великий Дух, сказал об этом, и ты должен сказать так же».

И он сразу исчез, словно язык пламени, задутый ветром.

Тогда двенадцать мужей, что стояли рядом, произнесли: «Гляди, такой будет жизнь твоего народа!»

Я опять увидел, каким прекрасным будет новое время — голубое небо излучало живительный желтый свет на зеленеющую землю. Все люди вокруг были радостными и юными. Не было ни стариков, ни детей, а только красивые люди одного возраста. Затем передо мной появились двенадцать женщин: «Гляди! Эту жизнь ты принесешь на землю», — сказали они. После их слов с запада послышалось пение. Я запомнил слова песни. Затем один из двенадцати мужей взял в руки два прута, один, выкрашенный в белый, а другой в красный цвет. Воткнув их в землю, он произнес: «Возьми их! В них твоя сила. Спеши!»

Я сделал несколько шагов, и тут словно сильный ветер, подув снизу, подхватил и понес меня. Раскинув руки, я быстро полетел вперед. Тут на моем пути показалась ужасная черная река, вода в ней ревела, бурлила и пенилась. Посмотрев вниз, я увидел много мужчин и женщин, все они тщетно пытались переправиться через эту темноводную и страшную реку. Они смотрели вверх и со слезами на глазах молили: «Помоги нам!», но я летел, и не мог остановиться. Сильный ветер все нес и нес меня вперед.

Потом я вновь увидел соплеменников, которые плясали танец духа, и душа вернулась в мое тело, лежавшее на земле. Приподнявшись, я сел, а вокруг стал толпиться народ, желая узнать, какое видение посетило меня на сей раз.

Я стал петь песни, и в них рассказал об увиденном, а старики объясняли их значение остальным. Я спел песнь, которая состояла из тех слов, что сказал мне стоявший рядом с цветущим деревом. Мелодия этой песни была та, что донеслась с запада после слов двенадцати женщин. Четыре раза пропел я эту песнь и тут все люди стали плакать, оттого что васичу забрали у нас наш прежний прекрасный мир.

Я все думал и думал об этом видении. Шесть деревень, должно быть, означали Шестерых Праотцев, которых я видел давным-давно в Типи Пылающей Радуги. Прилетев в шестую деревню, я, наверное, прибыл к самому Шестому Праотцу, Духу Земли, потому что я должен был выступить от его имени здесь, на земле. Я спрашивал себя — быть может, Ванекна и есть тот самый красный муж из моего видения, который превратился в

бизона, а потом в траву с четырьмя лучами света, траву утренней звезды, траву постижения мудрости. А двенадцать мужей и двенадцать жен, как мне казалось, означали число лун в году.

XXIII ПРИШЛА БОЛЬШАЯ БЕДА

Пока все это происходило, лето близилось к концу. Я не знал всего того, что творилось в других местах, однако кое-какие слухи доходили, а еще больше я узнал потом. Когда Добрый Гром и Медведь Лягается вернулись весной в Пайн-Ридж после встречи с Ванекией, васичу посадили их в тюрьму, а потомпустили. Было ясно, что они чего-то опасаются. В месяц, когда чернеет вишня¹ в лагере Безводный что на ручье Глина, в Пляске Духов принимало участие много народу. Приехал агент и приказал им прекратить пляску. Но люди отказывались подчиниться, они отвечали, что если придется, будут сражаться за свою веру. Агент уехал, а люди продолжали плясать. Индейцы прозвали этого агента Молодым-Человеком-Который-Боится-Лакотов.

Позднее я узнал, что в это же время к востоку от нас плясали брюлэ, а в резервации на реке Доброй плясали люди Большой Ноги. Слышал и о том, что Медведь Лягается пришел в лагерь Сидящего Быка на Гранд-Ривер, и что там люди тоже пляшут. До нас дошли вести о том, что индейцы начинают плясать повсюду. Кругом царили голод и отчаяние, и многие поверили в тот хороший мир, который должен был наступить. Васичу выдали нам мясного скота меньше половины против того, что обещали по договору, и к тому же весь этот скот был сильно отощавшим. Сначала наши люди не хотели брать этих животных, так мало их было и так сильно они исхудали. Но потом пришлось все же забрать их, иначе все умерли бы с голоду. Вообще, нам досталось больше лживых обещаний, нежели мяса, но мы не могли питаться одними словами. И когда агент приказал прекратить обряд пляски, сердца людей наполнились ненавистью.

С пляски в Вундед-Ни я поехал к брюле, которые в это время стояли лагерем на ручье Резаного Мясa... Я захватил с собой шесть рубах, сделанных наподобие

¹ Август.

тех, что я видел в своем видении на двенадцати мужах, и шесть платьев как у двенадцати женщин. Все это я отдал брюле, а они сами наделали себе подобных одежд.

У брюле мы опять плясали, и меня вновь посетило видение. Мне явилась Пылающая Радуга, совсем как та, что я видел в своем первом великом видении. Под радугой стояло типи, сделанное из облака, а надо мной в вышине парил пятнистый орел, который сказал: «Помни об этом». Вот все, что я видел и слышал в своем видении.

С той поры я много думал обо всем этом. Мне кажется, что здесь-то и была моя самая большая ошибка. Меня посетило когда-то величайшее видение, и мне надо было полагаться только на него. А я стал прислушиваться к более мелким видениям, которые стали являться во время плясок на ручье Вундед-Ни. Быть может, видение Пылающей Радуги призвано было предостеречь меня, а я не внял ему. Я перестал полагаться на великое видение, я стал рассчитывать на два прутика, которые видел во время малого видения. В нашем мире тьмы и неизвестности то и дело меняющихся теней очень трудно следовать одному какому-либо великому прозрению. Люди теряют свой путь среди этих теней.

Когда я покинул брюле, заметно холодало. Со мной ушло много людей этого племени, которые присоединились потом к Пляске Духов в Вундед-Ни. До нас дошли слухи, что в Пайн-Ридже стоят солдаты, и что с каждым днем их становится больше и больше. Затем однажды утром мы услышали, что солдаты движутся к нашей стоянке. Разобрав лагерь, мы перебрались западнее к Грасс Крик, а оттуда к ручью Белая Глина, где на некоторое время остались и продолжили пляску.

Тут к нам прибыли Огненный Гром, Красная Рана, Американская Лошадь-младший с посланием от солдат, в котором говорилось, что дело с Пляской Духов надо внимательно рассмотреть и как-то упорядочить, и что они не хотят совсем запрещать пляски. Но разве могли мы верить тому, что говорили васичу? Ведь языки у них раздвоенные.

Мы переехали поближе к Пайн-Риджу и стали там лагерь. Теперь здесь находилось очень много солдат. Для чего же они пришли? Агент устроил большой совет, но я не пошел туда. Он издал указ, что можно соблюдать обряд Пляски Духов лишь три дня каждый месяц, а остальное время люди должны где-нибудь работать. Он не

разъяснил нам, где найти работу, но люди согласились. На следующий день, когда мы сидели в типи с Добрым Громом, вошел один из полицейских и сказал: «Меня сюда никто не посылал. Я пришел только ради вас, чтобы предупредить, что вас двоих собираются арестовать». Добрый Гром посчитал, что надо уходить к брюле, которые в это время стояли лагерем на Вундед-Ни ниже Мандерсона. И тем же вечером мы оседлали лошадей и пустились в путь. Пересекли ручьи Перец, Белая Лошадь и вдоль по Вундед-Ни добрались до брюле. Они были рады видеть нас.

Утром по лагерю прошел глашатай и объявил о созыве совета. На нем я обратился к брюле. Я сказал им: «Родичи мои, мы с вами делаем одно дело. Благодаря ему нас посетили видения. В этих видениях мы видели и слышали в потустороннем мире своих умерших родственников. Сейчас они находятся вместе с Ванекией. Если васичу хотят сражаться с нами, пускай делают это. Наберитесь мужества, укрепитесь в желании, ведь за нами стоят души умерших, которые живут в грядущем мире».

К нам присоединились другие брюле, с ручьев Дикобраз и Медисин-Рут и все вместе мы переехали вниз по Вундед-Ни к реке Дымная Земля (Уайт-Ривер). В наш лагерь явился Черный Плащ (католический священник) и пытался уговорить нас вернуться в агентство. Наши люди отвечали ему, что все обещания васичу никуда не годятся; все, что они обещали когда-то, оказалось ложью. Лишь несколько оглазов ушли с Черным Плащом. Сам он, однако, был хорошим человеком. Той зимой во время резни на Вундед-Ни его тяжело ранили. Это был добрый человек, не похожий на других васичу.

С реки Дымная Земля мы переехали в местечко Хай Покетс, что к юго-западу от Кани Тейбл, высочайшего плато в центре Дурных Земель. Во время нашего пребывания там к нам пришли Американская Лошадь и Быстрый Гром. Оба они были вождями и пришли, чтобы привести нас назад в Пайн-Ридж. Огламам пришлось подчиниться. Брюле же отказались это сделать и пытались удержать нас. Завязалась даже небольшая борьба, но мы все же ушли, потому что у нас не было выхода. Однако Медведь Лягается остался у брюле. Тем не менее некоторое время спустя и он вернулся в Пайн-Ридж. Вообще же из брюле с нами мало кто вернулся. Мы стали лагерем на Уайт-Ривер, потом перенесли его на

Белую Глину, затем на Шейенн-Ривер, севернее Пайн-Риджа. Здесь же поблизости разбили свой лагерь почти все оглалы.

Примерно в это время с севера к нам пришла дурная весть. Мы узнали, что полицейские из Стэндинг Рока прибыли на Гранд-Ривер, чтобы арестовать Сидящего Быка, а он не позволил этого сделать. Произошла схватка, в которой Сидящего Быка убили.

Близилась к концу луна трескающейся коры, и мне исполнилось 27 лет (декабрь 1890 г.). Мы услышали, что из Дурных Земель идет вождь Большая Нога почти с четырьмя сотнями людей, в том числе некоторые лакоты из рода Сидящего Быка. Они бежали после убийства своего вождя и присоединились к Большой Ноге на Гранд-Ривер. У Большой Ноги было всего лишь около ста воинов, а все остальные — женщины, старики и дети. Все они жестоко голодали и замерзали от холода, а сам Большая Нога был так сильно болен, что его пришлось везти всю дорогу на волокуше. Сначала они скрывались в Дурных Землях, а теперь из-за голода и морозов возвращались назад в Пайн-Ридж. Перейдя реку Дымная Земля, они прошли до самых истоков ручья Медисин-Рут Крик. Там их и нашли солдаты. У васичу было прекрасное оснащение, они не мерзли и не голодали. Солдаты настигли Большую Нogu у холма Дикобраз. Индейцы сдались и пошли вместе с ними к ручью Вундед-Ни, туда, где сейчас стоит торговая лавка Бренана.

К вечеру мы узнали, что Большая Нога стал там лагерем вместе с солдатами. Это примерно в 15 милях от нас, если ехать по старой дороге. А на следующий день случилось нечто страшное.

XXIV

РЕЗНЯ В ВУНДЕД-НИ*

В тот вечер, еще до того, как все случилось, я поехал в Пайн-Ридж и услышал о приходе Большой Ноги. Пока я находился там, солдаты все время продвигались к его лагерю, и к утру их набралось до пяти-сот человек. Когда я увидел, как солдаты выходили из агентства, я почувствовал, что непременно должно случиться что-то страшное. Всю ночь я не мог сомкнуть глаз, и большую часть ночи просто бродил вокруг.

На утро я отправился за своими лошадьми, и по пути

услышал звуки стрельбы. Я определил, что это, должно быть, ружья на фургонах (пушки). Каждый выстрел заставлял меня содрогаться. Я чувствовал, что происходит что-то ужасное. Когда я возвратился с лошадьми обратно в лагерь, ко мне подскакал человек и вскричал: «Хей-хей-хей! Стреляют в наших соседей! Я точно знаю!»

Я оседлал свою каурую лошадь и надел священную рубаху, ту, что сделал специально для себя. На спине распростер крылья пятнистый орел, а на левом плече сияла утренняя звезда — когда стоишь лицом на юг, это плечо всегда обращено к востоку. Через всю грудь от левого плеча до правого бедра была изображена пылающая радуга. Другая радуга повисла на шее, как ожерелье, а под ней звезда. С каждого плеча, локтя и запястья свисало по орлиному перу. Со всех сторон рубаха была расписана красными полосами молний. То были знаки из моего великого видения, и ты услышишь, как они защитили меня в тот день.

Все лицо я выкрасил красной краской, а в волосы воткнул орлиное перо в честь Великого Духа. Собрался я быстро, звуки стрельбы еще не прекратились. Я выехал один по старой дороге, которая шла через холмы к Вундед-Ни. У меня не было ружья; я держал лишь священный лук запада, который видел в своем видении. Не успел я отъехать, как меня догнала группа молодых людей на лошадях. Первыми, кто подъехал, были Любит Войну и Железный Васичу. Я спросил, что они намерены делать. Они ответили, что едут просто разузнать, где стреляют. За ними поскакали другие, в том числе несколько пожилых людей.

Нас теперь было примерно человек двадцать. Стрельба слышалась все ясней и ясней. Навстречу галопом скакал какой-то человек, который успел крикнуть: «Хей-хей-хей! Их всех перебили!», хлестнул лошадь и еще быстрее понесся к Пайн-Риджу. Скоро мы добрались до гребня горы, откуда, если посмотреть на восток, сейчас видна церковь и общая могила. Отсюда и началась эта страшная резня. Прямо на юго-запад от этого места проходит глубокая извилистая лощина, которая тянется почти до самой вершины, где мы стояли. Лощина эта безымянна, однако васичу сейчас иногда называют ее ручьем Битвы. Мы остановились на этом гребне неподалеку от начала высохшей лощины. Ружья на фургонах все время били по возвышенности и вдоль лощины. Повсюду слышались выстрелы, стоны и крики. Кавалеристы носились

по холмам, скакали вдоль лощины и стреляли в бегущих женщин и детей, которые пытались спастись в овражах и за чахлыми сосенками.

Прямо впереди, где начиналась лощина, сбились в кучу несколько женщин и детей. Подскакавшие кавалеристы направили на них свои ружья. Мы придерживали коней за гребнем, и я обратился к своим спутникам: «Мужайтесь. Там наши сородичи. Попытаемся спасти их». И все мы разом запели:

Я — из племени Духов Громовых.

Я — из племени Духов Громовых.

Я говорю: вы будете жить.

Я говорю: вы будете жить,

Вы будете жить.

Вы будете жить.

А потом я галопом перемахнул этот гребень, а за мной остальные. С криком: «Мужайтесь! Пришло время сразиться!» — мы понеслись вперед. Завидев нас, солдаты, державшие на прицеле женщин и детей, дали залп в нашу сторону, а затем бросились врассыпную. За ними последовали другие кавалеристы с той стороны лощины. Мы же забрали своих сородичей и помогли им перебраться за гребень горы, к северо-западу, где они были в безопасности. Ружья у меня не было, и когда мы бросились в атаку, я просто держал в правой руке прямо перед собою священный лук. И ни одна пуля нас не задела.

В лощине мы нашли маленькую девочку. Я не мог сразу взять ее с собой, но позже я забрал ребенка, и кто-то из соплеменников удочерил ее. В ту минуту я успел лишь завернуть ее в покрывало и оставил на месте. Здесь она была в безопасности, а меня ждали другие дела.

Кавалеристы бежали на восток за холмы, где находились другие солдаты. Там все они спешили и залегли. Я попросил своих спутников придерживать лошадей, а сам атаковал их, держа в правой вытянутой руке священный лук. Все солдаты стали стрелять в меня, вокруг свистели пули. Я подъехал совсем близко к ним, и только тогда развернулся и поскакал обратно. Солдаты с той стороны лощины тоже стреляли в меня. Но назад я вернулся целым и невредимым. Все больше и больше лакотов, услышав стрельбу, прибывали из Пайн-Риджа. Мы вторично все вместе бросились в атаку на васичу. Солдаты побежали на восток, туда где резня началась. А мы преследовали их по высохшей лощине. То, что мы увидели

на своем пути, было ужасно: кругом лежали мертвые и раненные женщины, дети, грудные младенцы. Солдаты преследовали несчастных и убивали их. Время от времени попадались груды мертвых тел, наваленных друг на друга — солдаты расстреливали жавшихся друг к дружке людей. Некоторые из убитых были разорваны в куски ружьями на фургонах. Я видел младенца, который пытался сосать грудь своей мертвой окровавленной матери.

Здесь же, в ложине, нам попались два маленьких мальчика. У них были ружья, и они сами стреляли в солдат. Мы даже видели тех васичу, которых они убили. Мальчики оказались здесь совершенно одни, но не испугались. Это были очень храбрые ребята.

Когда мы отогнали солдат, они окопались. У нас было мало людей, чтобы выгнать их оттуда. Под вечер они строем ушли вверх по ручью Вундед-Ни, и тогда нам открылось все, что они сотворили. У подножия той небольшой возвышенности, где солдаты установили ружья на фургонах, грудями лежали мертвые мужчины, женщины, дети. А к западу, вверх по высохшей ложине, до самого гребня все было усеяно убитыми женщинами, детьми и грудными младенцами. Когда я увидел все это, мне самому захотелось умереть. Нет, мне не было жалко их. Они были счастливы в потустороннем мире, и мне тоже хотелось быть там вместе с ними. Но перед уходом в иной мир я желал отомстить. Я думал о том дне, когда мы сможем расплатиться с солдатами.

Уже после ухода солдат мой друг Вождь Собак рассказал мне, как все это началось. Сам он был там, стоя рядом с Желтой Птицей, когда началась резня. Вот как это было.

Утром солдаты стали отбирать ружья у людей Большой Ноги, которые расположились лагерем на открытом месте, немного ниже той небольшой возвышенности, где сейчас находятся памятник и кладбище. Люди сложили вместе почти все свои ружья и даже ножи рядом с типи, где лежал больной вождь Большая Нога. Повсюду вокруг в это время стояли солдаты, люди были почти полностью окружены; на них в упор смотрели ружья на фургонах.

Некоторые еще не сдали оружие, и потому солдаты рыскали по всем типи, раскидывая вещи и перевертывая все вверх дном. Прямо перед типи Большой Ноги стоял человек по имени Желтая Птица и еще один лакота. Оба

они завернулись в белые простыни с прорезями для глаз. Под простынями у них были ружья. Один из офицеров подошел, чтобы обыскать их. Он забрал оружие у одного человека, а потом стал отнимать ружье у Желтой Птицы. Тот не желал уступать и стал бороться с офицером. Во время этой борьбы ружье выстрелило и убило офицера. Васичу и некоторые другие говорили, что Желтая Птица сделал это намеренно, однако Вождь Собак, который стоял совсем рядом, рассказывал мне, что все было не так. Как только ружье выстрелило, какой-то офицер выстрелил в Большую Ногу, который лежал больной в типи, и убил его. После этого уже никто не признавал, что происходит. Все солдаты разом принялись стрелять. Ружья на фургонах начали вести огонь прямо по самой гуще людей.

Многих застрелили тут же. Женщины и дети бросились бежать в ложину и к горам на западе. Пули солдат настигали их. На пятьсот солдат приходилась лишь одна сотня наших воинов. Эти воины кинулись к куче сваленных ружей и ножей. Они дрались с солдатами врукопашную, пока не добрались до ружей.

Вождь Собак видел, как Желтая Птица забежал в типи и стрелял оттуда в солдат, пока жилище не охватил огонь. Тут он и умер, весь изрешеченный пулями.

Все это происходило в погожий зимний день. Ярко светило солнце. Но после того, как солдаты ушли, сделав свое грязное дело, погода испортилась — пошел густой снег, а ночью задул ветер, он принес с собой буран. Сильно похолодало. Извилистую ложину глубоко засыпало снегом и она превратилась в одну большую могилу для убитых женщин, детей и грудных младенцев, которые никому не сделали зла, а лишь пытались спастись бегством.

XXV

КОНЕЦ МЕЧТЫ

После того, как ушли солдаты, мы вместе с Красным Вороном отправились обратно в Пайн-Ридж. Я вез с собой ту девочку, о которой рассказывал. Красный Ворон тоже подобрал одного ребенка.

Мы ехали назад к Пайн-Риджу, думая, что здесь все мирно и спокойно. Но это было не так. Во время нашего

отсутствия вблизи агентства произошла схватка и наши люди покинули его. Они ушли так быстро, что оставили на месте все типи.

Уже смеркалось, когда мы обогнули Пайн-Ридж с севера, там где сейчас стоит больница. По дороге нас обстреляли солдаты. Мы въехали в покинутый лагерь, кругом не было ни души. Мы очень проголодались, ведь мы ничего не ели с самого утра, и потому стали заглядывать в разные типи, пока в одном не нашли котелок с сушеным мясом (папа). Усевшись, мы принялись за еду. Тут солдаты стали стрелять в типи и одна пуля просвистела прямо между мною и Красным Вороном, обдав пылью наш котелок. Но мы продолжали трапезу до тех пор, пока наелись. Если бы та пуля поразила меня, я умер бы с неразжеванным мясом-папа во рту. Потом мы взяли детей и поехали по следам наших людей, которые бежали вниз по ручью Белая Глина.

Уже поздно ночью добрались мы до того места, где заночевали наши. Подул ветер со снегом, а люди сидели без всяких укрытий у небольших костров. Я услышал голос своей матери. Она напевала песню смерти, поскольку была уверена, что я погиб. Увидев меня живым, она была так рада, что не переставая плакала от радости. Женщины, у которых было молоко, накормили привезенных нами младенцев. Кажется, в ту ночь никто, кроме маленьких детей, не сомкнул глаз. Снег шел не переставая, а у нас совсем не было типи.

Когда стало светать, мы собрали военный отряд и я отправился вместе с ним. Однако на сей раз я захватил с собой ружье. Вчера, когда я поскакал вместе со всеми к Вундед-Ни, у меня был лишь священный лук, не годный для стрельбы. Я тогда чуть сомневался в учении Ванекии и вовсе не хотел кого-либо убивать. Но после того, что я увидел позже, во мне загорелась жажда мести. Теперь я хотел убивать.

Перейдя ручей Белая Глина, мы направились вверх по его течению, держась западного берега. Вскоре до нас донеслись звуки стрельбы многочисленных ружей. Мы устремились на запад, по склону, туда, где шел бой. Стрельба шла рядом с мессией, и следы пуль остались на здании до сих пор. С того гребня, на который мы въехали, было видно, что лакоты находились по обе стороны ручья и вели огонь по солдатам, двигавшимся вниз по ручью. Посмотрев вниз, мы заметили небольшой овражек, а за ним находился большой холм. Мы пересекли

овражек и въехали на склон холма. Здесь и шла схватка. Один из лакотов крикнул мне: «Черный Лось, вот славный день, чтобы совершить что-нибудь великое!» Я ответил «Хау!»

Спешившись с лошади, я обтерся землей, чтобы показать Силам, что я ничто без их помощи. Потом взял с собой ружье, вскочил на лошадь и галопом понесся к вершине холма. Снизу стреляли солдаты. Мои товарищи удерживали меня, кричали, что среди солдат есть хорошие стрелки и я погибну напрасно.

Но я помнил свое великое видение, ту его часть, где появляются гуси севера. Сила их передалась мне. Раскинув руки подобно низко летящему гусю, я поскакал вперед, издавая крик гусей — «бр-рр-п, бр-рр-п, бр-рр-п». Солдаты заметили меня и принялись обстреливать еще сильнее, а я все скакал на лошади, и когда оказался совсем близко от них, то выстрелил по ним в упор, а после развернулся и помчался назад. Все это время вокруг жужжали пули, но ни одна из них меня не задела. Мне совсем не было страшно. Все было как во сне. Но едва достигнув вершины холма, я словно пробудился, и тут-то мне стало страшно. Я опустил руки и перестал издавать гусиный крик. И едва только я сделал это, меня что-то сильно ударило в пояс — как будто кто-то стукнул меня обухом топора. Я едва не выпал из седла, однако сумел удержаться и переехал через гребень холма.

Рядом оказался один старик по имени Защитник. Он подбежал и поддержал меня, потому что я просто валился с лошади. Я покажу тебе, где меня поразила пуля — в бок через живот (Черный Лось показал длинный глубокий шрам в области живота). Мои внутренности вываливались наружу. Защитник разорвал одеяло на полосы и обвязал ими меня, чтобы удержать внутренности в животе. Чуть опомнившись, я стал неистово рваться в бой и просил Защитника: «Помоги мне сесть на лошадь! Пусты меня назад. В такой день не стыдно умереть. Я вернусь туда!». Однако Защитник ответил: «Нет, юный мой племянник! Сегодня тебе нельзя умирать. Это было бы очень глупо. Ты нужен своему народу. Позже еще предоставится возможность умереть». Он усадил меня в седло и повел лошадь вниз по склону холма. Вскоре я почувствовал себя очень плохо.

К этому времени нам казалось, что солдаты вот-вот будут разбиты, однако потом я узнал, что им на подмогу пришли черные васичу, и нашим пришлось отступить.

В этой мессии находилось много наших детей. Сестры и священники заботились о них. Но я слышал, что были и такие сестры и священники, которые прямо в разгар сражения отказывали в помощи раненым и лишь молились. Один человек по имени Маленький Солдат принял меня из рук Защитника и увел в лагерь. Пока мы сражались там у мессии, наши бежали к О-она-гази (убежище, возвышенное плато в Дурных Землях с отвесными склонами, совершенно неприступное, кроме одной узкой полоски земли, которую легко оборонять — ред.) и стали лагерем на его вершине, где женщины и дети были бы в безопасности от солдат. Здесь с нами был старик Пустой Рог, очень могущественный знахарь. Он пришел исцелить мою рану. Через три дня я уже мог ходить, но живот у меня все еще был обмотан куском одеяла. Уже почти в разгаре был месяц, когда мороз проникает в типи¹. До нас дошли слухи, что солдаты находятся на реке Дымная Земля и идут сюда, чтобы напасть на нас. Нам также стало известно, что они остановились в местечке Черное Перо. Сразу же около 60 человек вышли на военную тропу, чтобы найти их. Моя рана еще не совсем зажила, но мне никак не хотелось оставаться, и, как ни удерживала меня мать, я присоединился к ним, ведь после того, что я увидел в Вундед-Ни, я искал любую возможность, чтобы убивать солдат.

Мы поехали вниз по течению Грасс-Крик к реке Дымная Земля и, переправившись через нее, продолжили свой путь по ее течению. Скоро с вершины одного маленького холма мы заметили фургоны и кавалеристов, охранявших их. Заметив нас, солдаты стали делать из фургонов загон и готовиться к сражению. Спешившись, мы проползли холмами к маленькому бугру, откуда стали наблюдать за врагом. В это время несколько солдат вели на водопой оседланных лошадей вниз к небольшому ручью. Я сказал своим товарищам: «Если вы останетесь здесь и прикроете меня стрельбой, я добуду несколько хороших лошадей». Они знали о моей силе и поэтому согласились. Я верхом бросился вперед, а товарищи принялись стрелять в солдат. Я поймал семерых лошадей, но когда пустился назад, все солдаты заметили меня и начали стрелять. Они убили двух лошадей, но пять других я благополучно доставил в укрытие и сам остался невредим. Из захваченных лошадей я выбрал себе пре-

¹ Январь

красного гнедого, а своего старого коня отпустил на волю.

В это время к солдатам на помощь подоспел большой отряд кавалеристов, двигавшийся вверх по реке. Последовала жаркая схватка. Поскольку нас было мало, пришлось с боем отойти назад. Вдруг сзади я увидел бегущего Красную Кору, одного из наших товарищей. Он крикнул мне: «Племянник, у меня убили лошадей!» Я быстро поймал для него одну из солдатских лошадей и под сильным обстрелом солдат придержал ее для него. Так ненадолго я сам послужил Ванекией-спасителем. В этом бою тяжело ранили Длинного Медведя и еще одного лакота, имя которого я уже не помню, но нам удалось спасти их, унеся с собой. Солдаты не стали преследовать нас далеко в Дурные Земли и когда наступила ночь, мы благополучно вместе с ранеными въехали в О-она-гази.

Нам не терпелось собрать военный отряд побольше, чтобы наутро выйти и рассчитаться с солдатами, но сделать это было трудно, поскольку другие, сломленные голодом и холодом, не соглашались с нами. Тогда мы устроили совет, после которого все уже было согласилось выступить большим военным отрядом, как вдруг из Пайн-Риджа приехал Боится-Своих-Лошадей, чтобы заключить мир с Красным Облаком, который в это время находился в нашем лагере.

Наш отряд несмотря ни на что хотел пойти и сразиться с солдатами, но Красное Облако обратился к нам с такой речью: «Братья, зима выдалась очень суровая. Женщины, дети голодают и замерзают. Если бы сейчас было лето, я бы сказал — сражайтесь до конца. Теперь же, однако, мы не можем решиться на это. Надо подумать о женщинах и детях, о том, что для них все это обернется большим несчастьем. Поэтому мы должны заключить мир, а я позабочусь о том, чтобы солдаты никого не тронули». Мы согласились с этим, потому что в его словах была правда. Поэтому на следующий день мы свернули лагерь и двинулись из своего укрытия в Пайн-Ридж, где уже было много лакотов. Там также было и очень много солдат. Они стояли двумя рядами, держа перед собой ружья, а мы в это время шли между ними к месту нашей стоянки. Так вот все и закончилось. Тогда я еще не все понимал, не знал, что с этими событиями еще что-то ушло. Теперь же, когда я оглядываюсь назад с этого высокого холма своей старости, перед мной

ми глазами все еще лежат растерзанные женщины и дети в той извилистой ложине. До сих пор они стоят у меня перед глазами так же ясно, как в пору молодости. Я знал также, что там, на окровавленной земле, погибло что-то еще и было захоронено в снежном буране. Там умерла мечта народа. Это была прекрасная мечта.

А я, на которого в молодости снизошло такое великое видение — ты видишь сейчас, кто я — жалкий старик, который так ничего и не совершил, ведь круг жизни народа разорван и рассеян. Нет больше центра, и священное древо мертво.

ОТ АВТОРА*

Черный Лось закончил свое повествование. Мы сидели на северной оконечности Кани Тейбл, окидывая взглядом «Дурные Земли» («красоту и таинство земли») — как повторял старик. Указывая на пик Харни, черная глыба которого вырисовывалась на горизонте, он сказал: «Туда в пору моей юности духи повели меня в видении к центру земли и показали все добро в священном кругу мира. Как хотелось бы мне встать там, на вершине, перед своей смертью; я хочу поговорить с Шестью Праотцами».

И тогда мы устроили восхождение на Пик Харни, и через несколько дней добрались до ее вершины. На пути к ней Черный Лось заметил своему сыну Бену: «Сегодня что-то должно случиться. Если у меня осталась хоть какая-нибудь сила, громовые духи услышат мой голос: по крайней мере должен быть небольшой гром и дождь». То, что произошло потом, для читателя-васичу покажется всего лишь поразительным совпадением. День был солнечным и безоблачным. Когда мы достигли вершины, небо по-прежнему было совершенно ясным. Стояла засуха, одна из сильнейших на памяти старика. Небо оставалось ясным до самого окончания обряда.

— Вон там стоял я во время своего видения, — указывая на оконечность скалы, сказал Черный Лось. — Только мир, что раскинулся внизу по кругу, был иным, ибо наблюдал я его глазами души.

Одевшись и раскрасив себя как во время своего великого видения, старик повернулся лицом к западу, держа в правой руке перед собой священную трубку. Потом

он заговорил; тонко и жалобно прозвучал этот голос в безбрежном пространстве.

— Хей-я-я-хей! Хей-я-я-хей! Хей-я-я-хей! Праотец, Великий Дух, еще раз узри меня на земле и склонись, дабы услышать слабый мой голос. Ты начало начал, ты древнее любой нужды, старше всякой молитвы. Все живые существа принадлежат тебе — все двуногие, четвероногие, крылатые, вся зелень, имеющая жизнь. Силы четырех сторон света заставил ты пересекать друг друга. Дорогу добра и дорогу бедствий заставил ты пересечься — и место это священно. В тебе ежедневно и извечно жизнь всех вещей.

Вот почему я обращаю к тебе свой голос, Великий Дух, праотец, помня обо всем, что создано тобою — звезды Вселенной и травы земные.

Когда я еще был молод и мог надеяться, ты сказал мне, что в трудную минуту я должен четырежды воззвать к тебе, поочередно к каждой из частей света, и ты услышишь. Сегодня я шлю к тебе свой голос во имя отчаявшегося моего народа.

Ты дал мне священную трубку и с ее помощью я совершаю свое подношение. Ты видишь ее сейчас.

С запада ты дал мне чашу живой воды и священный лук, власть оживлять и уничтожать. Ты дал мне священный ветер и траву из той страны, где живет белый великан — силу обновления и исцеления. Утреннюю Звезду и трубку, ты дал с востока, а с юга — священный круг жизни народа и древо, предназначенное к цветению. К центру земли повел ты меня и показал добро и красоту, и таинство зеленеющей земли, единственной нашей матери. И там же духовный облик всех вещей, какими они должны быть, ты показал мне — и я увидел. Ты сказал, что в центре священного круга я должен заставить это древо зазеленеть.

Струятся слезы, о Великий Дух, Великий Дух, праотец мой — слезы струятся, когда я признаюсь тебе в том, что то древо так и не зацвело. Жалким стариком видишь ты меня, сломленным тяжестью лет, стариком, который так ничего и не совершил. Здесь в центре земли, куда ты водил меня в дни моей юности и наставлял, здесь я стою стариком, а древо иссохло, о дед мой!

— Снова, и быть может, в последний раз на этой земле вспоминаю я о великом видении, что ты послал мне. Может быть, какой-нибудь малый корень священного древа жив еще. Тогда вдохни в него жизнь, чтобы он

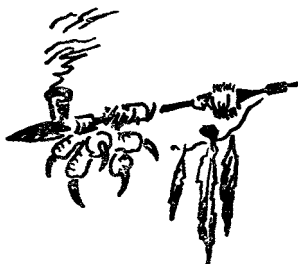
оделся листвою и зацвел, и наполнился поющими птицами. Услышь меня, ведь не о себе я молю, а о своем народе — я стар. Услышь меня и сделай так, чтобы народ мой снова смог вернуться к священному кругу жизни и найти красную дорогу добра, и ограждающее древо!

Мы, слушавшие его, обратили внимание, что в небе появились небольшие облачка. Стал накрапывать редкий холодный дождь. Послышались низкие раскаты грома. Слезы ручьями текли по щекам Черного Лося. Старик повысил свой голос и с тонким надрывным причитанием молвил:

— В печали обращаю я к вам слабый свой голос, о Шесть Мировых Сил! Услышите меня в моем горе, ибо я могу уже больше никогда не воззвать... О дайте жизнь моему народу!

Старик еще некоторое время стоял молча, с поднятым кверху лицом, весь в слезах, под каплями дождя.

Вскоре небо очистилось и опять стало ясным...





Я, Нулигак



I



ИЛИАПАК — БЕДНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ СИРОТА

I. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Я, Нулигак, расскажу вам историю своей жизни со всеми ее событиями и приключениями, многие из которых навсегда остались у меня в памяти.

Предки мои издавна жили на полуострове Китигариут*. В дни моей ранней юности племя китигариутмеут было весьма многочисленным. Я видел этих людей и хорошо знал их. Я вырос сиротой — отец мой умер, когда я был младенцем, и я его совсем не помню. Как всякий сирота, да к тому же еще и живущий в бедности, я замечал все, что происходило вокруг. Раз увидев что-нибудь, я запоминал это на всю жизнь.

За маленьким сиротой присматривала бабушка, мать моего отца. Она не могла ходить — нога у нее была вся в язвах. В те дни мы с ней жили совсем одни и очень бедствовали, но все же не голодали благодаря помощи наших соседей.

В те времена эскимосам была незнакома пища белого человека. Даже муки и сахара мы не знали. Чай, табак, порох и свинец для патронов — вот все, что мы брали у белых. Эскимосы тех дней занимались охотой и рыбной ловлей и ели только мясо животных и рыбу.

Одним из самых первых моих впечатлений была охота на белого кита. Весной на Китигариут приходили охотиться жители всех окрестных стойбищ и на море появлялось множество каяков. Я был слишком мал тогда, чтобы сосчитать их. Помню только, что песчаной отмели Китигариута едва хватало, чтобы вместить все приплывшие каяки, а она тянулась на добрых восьмьсот-девятьсот ярдов*. Смотреть, как уходят в море все эти каяки, было для нас, детей, любимой и никогда не надоедающей забавой.

Весла каяков были разрисованы красной краской, и все орудия охоты тоже были красными. В каждом каяке лежало по два гарпуна с прямым тонким древком длиной восемь-десять футов. К одному из гарпунов прикреплялся небольшой пузырь, наполненный воздухом. К концу второго гарпуна привязывалась длинная веревка, в середине которой крепился деревянный диск, или виак, а на конце находился другой пузырь, побольше, чем первый, который был набит перьями орла. Каяк имел шестнадцать-восемнадцать футов в длину, восемнадцать-девятнадцать дюймов в ширину и около четырнадцати дюймов в высоту. Гарпуны помещались всегда на носу.

Перед отплытием охотники выбирали вожака, громко выкрикивая его имя. На это место мог быть избран любой охотник, независимо от возраста. Когда охотники пускались в погоню за китами, его каяк должен был идти первым. За каяком вожака следовали по одному все другие каяки. Помню, как на больших китовых охотах, когда собиралось великое множество каяков, они растягивались так, что когда первый уже исчезал вдали, последние еще только отплывали.

Когда наступал сезон охоты на китов, мужчины Китигариута были постоянно начеку. Они рано вставали и пытались определить, какая будет погода. Некоторые оставались на берегу и смотрели на море, дожидаясь, когда белухи* поплывут к песчаным отмелям. Когда киты исчезали в волнах, дозорный призывал охотников и в море выходил целый рой каяков. Из всех сил налегая на весла, охотники устремлялись в погоню за китами.

Подплыв к отмелям со стороны моря и заметив китов, охотники начинали громко кричать и бить по воде веслами, поднимая фонтаны брызг. Напуганные шумом, киты бросались к берегу, надеясь спастись там от опасности. Вскоре они оказывались на мелководье, откуда уже не могли выбраться. Тогда эскимосы начинали громко выкликать старейшего охотника. Первый удар принадлежал ему. Старик выбирал самого большого кита, хватывал из каяка гарпун и бросал его в свою жертву. После этого и все остальные охотники начинали избивание китов. Попавшие в западню киты металась и бились на мелководье, обрушивая на китобоев целые водопады.

После окончания охоты мужчины извлекали из туш свои гарпуны. На каждом гарпуне был особый знак, по которому охотник отличал свое оружие. Хорошие охотни-

ки забивали по пять-семь белух, другим же и одну удавалось добыть с трудом. Чтобы доставить китов в стойбище, в туши вставляли особые трубки, через которые вдувался воздух, так что они легко держались на поверхности воды. Подчас китобой тащил за своим каяком пять белух в одной связке.

После удачной охоты весь берег был завален китовыми тушами. Я их никогда не считал, но думаю, что их было великое множество. Однажды я слышал, как взрослые говорили о трехстах забитых китах. В другой раз было добыто сто пятьдесят. Сейчас белух почти не осталось. Эскимосы редко встречают их на охоте и в наши дни едят уже пищу белых людей.

В ИГЛУ

После завершения охоты на китов, китигариутмеуты разбивались на группы, чтобы идти ловить рыбу на восточном побережье. Для этой цели использовались умиаки, женские лодки, в которых гребцами были женщины. Они шли на веслах вдоль берега и во время частых и длительных стоянок мужчины ловили сельдь сетями. Так проходило лето.

С приближением зимы мы все собирались вместе, чтобы построить иглу. Наши иглу были достаточно большими, чтобы вместить десять-двенадцать семей.

Иглу разделялось перегородками на три помещения, выходящих на общую галерею. В полу этой галереи имелось отверстие, выходящее в проход длиной три-четыре фута, через который можно было выйти наружу. Днем это отверстие, или катак, не закрывалось, а ночью на него накладывалось что-то вроде крышки. В иглу было только одно окно — отверстие в крыше, затянутое высушенными и сшитыми кишками тюленя.

В те времена у нас не было печей. Свет и тепло нам давали каменные светильники. Три таких светильника горело постоянно, а остальные зажигали по мере необходимости. Иглу не промерзало даже ночью, и нам всегда было там тепло. Внутри мы могли снять свои атиги (верхняя парка мехом внутрь) и чувствовать себя вполне уютно.

КАЙВИТИЙВИК — ПРАЗДНИКИ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Во время полярной ночи эскимосы почти не покидали своих иглу. Когда дни становились короче, а солнце пре-

вращалось в маленькую точку на горизонте, эскимосы из всех окрестных мест собирались на Китигариуте на зимние празднества.

Из шкур бурых медведей делали чучела, которые выглядели совсем как живые звери и даже могли рычать. Чучела белых медведей двигали лапами и скребли когтями. Как только солнце уходило с неба, начинались игры и развлечения. В те дни они заменяли нам рождественские и новогодние праздники. Днем все ели и наблюдали за состязаниями борцов. Когда сгущалась темнота, мы, дети, не решались выходить из иглу, опасаясь медведей. В стойбище был особый вождь, который распоряжался праздником и устраивал игры. Он был очень стар. Когда опускалась ночь, дети, сидя на корточках на лежанках в иглу, в страхе ожидали появления медведей. Внезапно раздавался испуганный крик — это «медведи» входили в иглу через катак, сопровождаемые веселым пением взрослых. Я был еще очень мал и не запомнил этих песен.

После ухода медведей взрослые устраивали перетягивание каната или мерились силами, стараясь перетянуть друг друга за руки. Была еще одна игра, которая называлась орсиктартут — сделай петлю. К потолку прикреплялись две веревки. Сидя на полу, человек должен ухватиться за концы веревок и приподняться над его поверхностью. Вися в воздухе, он должен подвести под себя руки и сесть на них. Потом он должен возвратиться в прежнее положение, не касаясь пола, и начать все сначала. Некоторым удавалось проделать это по пять раз кряду, другие же вообще не могли оторвать себя от пола. Победить в этой игре было нелегко.

Затем вождь начинал следующую игру — испытание силы рук, которая продолжалась до тех пор, пока кто-нибудь один не побеждал всех. В состязаниях по прыжкам надо было достать большим пальцем ноги какой-нибудь предмет. В крадийгирке, иглу, где проходили собрания, был очень высокий потолок, в котором было прорезано окно, выходящее на крышу. Некоторые подпрыгивали так высоко, что могли коснуться этого окна пальцем ноги. Те, кто не мог этого сделать без посторонней помощи, подскакивали, держа стрелу в вытянутой руке.

На улице мы прыгали через небольшие нарты, поставленные стоймя. Один из наших молодцов перепрыгнул через нарты с пятью поперечинами, а это высота порядка семи футов.

В другое время застрельщик игр говорил, что сегодня придут иткрилиты, индейцы. При этом он старался, чтобы его не слышали дети и новички. Вечером, когда все соби-
рались в иглу, вождь говорил: «Спойте еще что-нибудь». Песня была незнакомой, со сложной мелодией. Вдруг пение прерывалось громким стуком — было ясно, что кто-то хочет войти в иглу. Вождь говорил незнакомцу: «Входи, не бойся». Тот показывался из катака, выбегал на середину иглу и начинал танцевать. Громким восклицанием вождь прерывал его танец и начинал с ним разговор.

«Откуда ты пришел?» — спрашивал он незнакомца.

«Я пришел издалека, чтобы посмотреть на эскимосов, и очень замерз. Вы тоже, наверное, рады меня видеть».

У индейца был нож из твердого дерева, и если кто-нибудь подходил к нему слишком близко, он угрожающе им размахивал, и только суровый окрик вождя удерживал его от удара. Одежда индейца была необычной. Длинные волосы, скрывавшие лицо, во время пляски почти касались пола. Когда эскимосы воевали с индейцами, они снимали скальпы с самых длинноволосых и приносили их самым ловким из своих соплеменников, чтобы те изображали индейцев на празднествах. Вот почему у незнакомца были такие длинные волосы. Моя бабушка Оконалук рассказывала мне, что ее дед Кинавинак развешивал высушенные индейские скальпы на стенах своего иглу. Когда ему нужно было изображать индейца, он жевал их, чтобы сделать мягкими. Я хотел узнать, был ли на скальпах жир, но бабушка ответила, что вряд ли.

Индеец был прекрасным танцором, и вождю было жаль прерывать его. Его прыжки были проворны и бесшумны. Он был постоянно настороже и всякий раз, когда кто-нибудь подкрадывался к нему сзади, мгновенно оборачивался и бросался на подошедшего с ножом.

Взмахом руки вождь останавливал его. Высоко подпрыгнув, индеец устремлялся к выходу, как вдруг, о чудо! — на пол обрушивался град игрушек, бусинок и брелков, кусочков оленьего жира и других безделушек. Они рассыпались по всему полу, и дети кидались собирать их. У нас было множество таких обычаев, но я уже не помню их все.

Теперь наставлял черед посмотреть на тунраит, забавных кукол. Старики, которые их обычно делали, рабо-

тали только по ночам, чтобы их не увидели дети и новички. Куклы были самые разнообразные: белые и бурые медведи, лисы всех расцветок, ла́ски, утки — и подумать только, все они двигались, как живые! Чтобы дети сами догадались, что это за звери, кукол никогда не называли по имени. Все они именовались одним словом тунраит.

В условленный вечер вождь приглашал стариков показать своих кукол, выкликая каждого по имени. Тот, кого вызвали, громко произносил имя своей куклы, и тут в дверях появлялся зверь — лиса или медведь! При виде их дети всегда пугались.

К примеру, вождь просил моего деда Авилортора показать своего тунраита и тот начинал громко звать его. На пороге появлялся лебедь! Он выходил на середину иглу, останавливался и хлопал крыльями. Лебедь выглядел совсем как живой, когда бил крыльями, прохаживался, поглядывая по сторонам, и вытягивал свою длинную шею. В неверном свете темного декабрьского дня его вполне можно было принять за живую птицу! Повинуясь дедушкиному приказу, лебедь подходил к катаку и исчезал в проходе. Наступала очередь следующего умельца. На этот раз появлялся песец, который начинал поедать остатки рыбы в мусорной корзине — он ел, как настоящий зверь!

В те времена, когда эскимосы были искусными мастерами, у многих были такие куклы. Они приводились в движение нитями из китового уса, но секрета их изготовления я не знаю. Жестокая болезнь увела всех стариков, прежде чем они успели научить своему ремеслу молодежь. Они столь ревностно охраняли тайны своего мастерства, что так и унесли их с собой в могилу.

Во время зимних праздников происходило столько интересного и забавного, еда была такой обильной, а игры такими увлекательными, что долгая полярная ночь пролетала незаметно.

Когда вновь появлялось солнце, мы завершали свои праздники состязанием в метании стрелы. Стрела, к концу которой прикреплялись перья утки, летела прямо и точно. Ее вручал участникам состязаний мастер, который ее изготовил. Мишенью служил небольшой кусок оленьего жира (туну), слепленный в виде свечи длиной около четырех дюймов и диаметром полтора дюйма. Его помещали в центре иглу. Собиралось много зрителей — мужчин, женщин и детей. Некоторые бились об заклад,

ставя на кого-нибудь из игроков. Чем выше была ставка, тем больший интерес вызывало состязание. Время от времени иглу оглашали взрывы смеха. Победитель, сумевший поразить мишень, должен был, в свою очередь, выставить награду для следующего участника состязания.

Так завершался кайвитийвик — время танцев и развлечений, которое начиналось с заходом солнца и заканчивалось, когда оно вновь появлялось на небосклоне.

2. ЦЫГАНЕ СНЕГОВ

Как только солнце поднималось над горизонтом, играм приходил конец. Наступало время отправляться в путь. Одни семьи уходили на рыбную ловлю, другие шли охотиться на куропаток, некоторые спускались по реке, а остальные отправлялись к великим озерам Имариук.

САННЫЙ ПУТЬ

В те дни у эскимосов было совсем мало собак: по одной-две в каждой семье. Семья, у которой было четыре собаки, считалась уже состоятельной. Обычно для дальних поездок объединялось от пяти до десяти семей. Все свои пожитки они укладывали на нарты. Чтобы полозья лучше скользили, их покрывали толстым слоем замерзшей грязи. Одна семья могла иметь до четырех нарт. На всех их перевозили съестные припасы. Кроме того, на первых нартах везли лежанки, меховые одеяла и детей, а последние нарты были нагружены дровами и светильниками. Светильники эти, вырубленные из камня, были очень тяжелыми. У нас их называли тунертат, а также крангмалертат, потому что их привозили из страны крангмалитов — эскимосов, живущих далеко на востоке, вокруг Коппермайна* и на Земле Короля Вильяма. Там добывали камень, из которого делались светильники. Они представляли для нас большую ценность, потому что доставлялись издалека.

В пути мужчины шли сбоку от нарт и тянули их за собой, подталкивая из стороны в сторону, чтобы объехать камни. Женщины волочили нарты, идя впереди. И те, и другие надевали для этой цели особую упряжь.

По моим подсчетам, у каждой семьи набиралось не менее 2000 фунтов груза, а в отдельных случаях его вес был вдвое больше. Янисколько не преувеличиваю — на

нартах возвышались горы поклажи: мешки с китовым мясом, рыба и мясо животных, кожаные мешки с маслом, доски, выпиленные из стволов деревьев, выброшенных на берег. И подчас везти все это помогала лишь пара собак. Иногда две семьи связывали свои нарты вместе и отправлялись в путь бок о бок.

СНЕЖНАЯ КРЫША ДЛЯ НОЧЛЕГА

Мы трогались в путь около двух часов утра. К полудню мы останавливались и начинали готовить стоянку. Может показаться, что мы прерывали свой путь слишком рано, но нам предстояло еще изрядно потрудиться, чтобы иметь крышу над головой.

Сначала мужчины выбирали место, где можно взять снег, достаточно твердый для постройки иглу. Затем длинными ножами они вырезали снежные кирпичи и укладывали их друг на друга. По мере того, как поднималась круглая стена, женщины забивали снегом щели между кирпичами и уплотняли его деревянными лопатками. После того, как иглу покрывали куполообразной крышей, женщины вносили внутрь светильники и зажигали их.

Когда я был маленьким, женщины зажигали светильники с помощью кремня, анмака, потому что спичек тогда у нас не было. Они ударяли кремнем по камню, и от искр загорался фитиль. Скоро в иглу становилось совсем тепло. Пока взрослые обустраивали стоянку, дети дрожали от холода. Но как только иглу достаточно прогревалось, мы забирались туда и не мерзли даже ночью.

НА ПУТИ К ОСТРОВУ БЕЙЛИ

Один раз мы с бабушкой проводили зиму на восточном мысу Туктуйактук (мыс Уоррен)*. Среди зимы две семьи, рядом с которыми мы жили, отправились на остров Бейли и взяли нас с собой. Девять нарт связали вместе, и в них впряглись все мужчины и женщины. Помогали им всего четыре собаки. Мы с бабушкой шли позади. Хотя у бабушки сильно болела нога, ей не позволили сесть на нарты. Мы двигались очень медленно, несмотря на то, что нарты тащили все, кто был в состоянии это делать. В те дни путешествия занимали много времени. Думаю, что мы передвигались тогда со скоростью не более полутора миль в час.

Прошло немало времени, прежде чем мы увидели остров Бейли. Мы подошли к острову с юго-запада, со стороны песчаных отмелей, и увидели там трехмачтовый корабль, лежащий на берегу. Я был поражен его размерами и тем положением, в котором он находился. Мачты его почти касались земли. Оказалось, что корабль этот был куплен эскимосом, который не успел им даже воспользоваться: во время шторма его выбросило на берег. Говорили, что корабль был совсем новый и его привели откуда-то издалека белые люди.

Мы с бабушкой отстали от своих попутчиков и шли далеко позади. Глаза мои широко раскрылись от удивления, когда я увидел два больших судна, вмерзших в лед у побережья Бейли. Там было множество людей — белых и эскимосов. Шел 1901 год. Мне в то время было шесть лет, но я хорошо запоминал все, что видел, потому что рос без отца и родных. Я жил в бедности и мне приходилось попрошайничать, чтобы выжить, поэтому я зорко наблюдал за всем, что происходило вокруг. Тому, кто все время плетется в хвосте у других, поневоле приходится быть внимательным, — а уж походили мы с бабушкой изрядно.

Той зимой, когда мы жили на Бейли, анана (бабушка) ушла жить к своему брату Кренрартаку. С приходом весны мы покинули остров, оставив там бабушку. Моя мать снова вышла замуж за человека по имени Авиоганак.

С тяжелым сердцем расставался я с бабушкой. На Китигариут меня увезли насильно. Дорога домой уже не была такой тяжелой — зимние холода отступили. У Авиоганака было две собаки, но обе они хромали после того, как попали в капкан. Нет нужды говорить, как медленно мы двигались, хотя меня в то время это ничуть не огорчало: по дороге происходило столько интересного! К примеру, когда мы уходили с острова Николсона, то на нарты поставили паруса, словно это были лодки. Попутный ветер наполнил их, и мы вмиг пересекли бухту и оказались на мысе Далхаузи.

Нам пришлось оставить одну из собак из-за ее покалеченных лап. Муж моей матери был уже почти старик. Должно быть, ему было не меньше пятидесяти. Я никогда не видел его раньше, ибо был слишком мал, чтобы вмешиваться в дела взрослых. В те времена эскимосы вообще мало интересовались чужой личной жизнью.

Весну мы провели на мысе Далхаузи. У нашей един-

ственной собаки все еще болели лапы, и мы не могли идти дальше. Скоро к нам присоединилась семья Краресалука, которая так и осталась с нами до конца сезона. Всякий раз, когда в этих местах появлялись стада карибу Краресалук и Авиоганак ходили охотиться и у нас было свежее мясо. С нами был и отец Краресалука, Мамаек. Это был старик лет семидесяти пяти. Он любил рассказывать о давно минувших днях, но я был слишком мал, чтобы слушать внимательно. Помню только, что в юности он убил кого-то. Этот «кто-то» был двоюродным братом Мамаека. Однажды утром Мамаек позвал своего брата на охоту, но его жена ответила, чтобы он убирался подобра-поздорову, если ему дорога его жизнь. Испугавшись, что брат убьет его, Мамаек решил опередить его и сам убил брата. Вот к чему может привести женская ложь.

Потом все мы ходили ловить рыбу на озеро. Мы отправлялись туда пешком и каждый нес свои пожитки за плечами. Мы с Мамаеком все время отставали и нагоняли своих, только когда они останавливались. Так мы достигли озера Сагло. Рыбы там водилось несметное множество, и улов был прекрасный. Пойманную рыбу мы разделили и высушили на солнце. После этого мы возвратились в Бухту Старых Иглу, где и провели весь весенний сезон.

УПРЯМЫЙ НАНУК¹ И НЕТЕРПЕЛИВЫЙ ИНУК

У семьи Краресалука была лодка — настоящий эскимосский умиак из тюленьей шкуры. В конце весны мы отплыли с ними в западном направлении, чтобы добраться до Китигариута по морю. Вблизи Нувурака (мыс Аткинсон) мы увидели белого медведя на маленьком островке. Краресалук, который плыл один в каяке, подошел к островку, но при виде его медведь прыгнул в воду.

У Авиоганака не было своего каяка, и он плыл с нами в умиаке. Женщины сидели на веслах и гребли очень медленно, несмотря на все его понукания. Быстрее грести они боялись. Тогда Авиоганак схватил весла и принялся за работу. Вскоре медведь вылез на песчаную отмель. Краресалук выстрелил и ранил зверя. Но медведь был огромный, а ружье — всего лишь 44-го калибра. Пуля не

¹ Медведь.

причинила зверю никакого вреда, и он снова бросился в воду. «Быстрее! Быстрее!» — кричал гребцам Авиоганак, а потом, потеряв терпение, выскочил из умиака и побежал за медведем по колено в воде. Мы были довольно далеко от берега, но у мыса Аткинсон вода мелкая. В умиаке можно плыть, даже имея всего несколько дюймов под днищем, поэтому мы далеко опередили нетерпеливого Авиоганака и первыми достигли берега. Если бы он остался в умиаке, он показал бы лучшее время! Но медведя он все же настиг.

Все время, пока мы плыли, старик Мамаек пел старые эскимосские песни. Наконец мы добрались до своего стойбища на Китигаурите. Там только что прошла охота на белых китов, и нас пригласили отведать мактак¹. Как всегда во время охоты на китов, собралось множество народа, и в море стояла целая флотилия каяков. Это был настоящий китовый праздник!

ВОЛКИ ИДУТ ПО СЛЕДАМ СМЕРТИ

Летом жители Китигариута стали умирать от какой-то болезни. Погибло почти все наше племя, за исключением нескольких семей. Мертвых хоронили два эскимоса, которых болезнь не тронула: Ангусипаок и брат моей матери Кралогарк. Трупы зарывали в землю без гробов. В то время я еще не умел считать и поэтому не могу назвать число умерших. Знаю только, что на Киклавак (остров Ричардса) отправилась лишь жалкая горстка людей — все, что осталось от нашего некогда многочисленного племени. Случилось это в 1902 году.

Среди тех, кто ушел на Киклавак, были и мы с матерью и моим младшим братом Иркралугалуком. Нас забрал с собой мой дядя Кралогарк, так как во время эпидемии мать потеряла своего второго мужа Авиоганака. На Киклаваке мы выстроили одно большое иглу на всех. Там все делились с нами съестными припасами.

Наступила зима, и однажды мы увидели на льду замерзшего моря огромную стаю волков, двигавшуюся на восток. Их было так много, что когда первые уже скрылись за горизонтом, последние все еще пробегали мимо нас. Говорили, что они устроили пиршество на трупах, оставленных на Китигариуте, и теперь продолжают свой путь в поисках добычи. Погода была ясная, и мы могли

¹ Шкура кита.

видеть далеко кругом. Не знаю, сколько было волков в этой стае, и чтобы не прослыть лжецом, не буду называть даже приблизительное количество. Именно тогда с Китигариута ушли карибу. После той зимы эскимосам нечасто удавалось подстрелить их — уж больно мало их осталось.

3. ОСТРОВ БОЛЬШИХ УМИАКОВ

Когда наступило лето, дядюшка Кралогарк взял нас с собой на остров Гершеля, что находится далеко на востоке. С нами пошел эскимос по имени Алоалук. По дороге охотники убили нескольких карибу. Когда бывала хорошая погода, мы садились в умиак, женщины брались за весла и наше продвижение вперед заметно убыстрялось.

Так мы достигли острова, который эскимосы называют Крекертариук. Там собралось множество эскимосов. Осенью я увидел огромные корабли. Матросы, которых мы встречали, постоянно что-то жевали. Это так заинтересовало меня, что я смотрел на их челюсти, не отрываясь. В один прекрасный день это «что-то» дали и мне. Я начал жевать — и прямо-таки зажмурился от удовольствия. Это была жевательная резинка. Так я впервые познакомился с миром белых людей.

Мать моя снова вышла замуж и поручила меня заботам овдовевшей женщины по имени Кудналик. Я оставался с ней всю зиму.

На Гершеле зимовали три вмерзшие в лед корабля. Один из них, большой трехмачтовый корабль, назывался «Боухэд». У «Дженнет» было две мачты и по размерам она почти не уступала первому кораблю. Третий же, двухмачтовая «Бонанза», был совсем невелик. В те дни я запоминал все, что по каким-то причинам привлекало мое внимание — ведь я был илиапаком, бедным маленьким сиротой.

На острове было множество китобойных лодок. Белые люди и эскимосы Аляски набирали там себе команды. У них было много мяса белух, и они отдавали нам мактак. Всю зиму эскимосы танцевали под бой барабанов. Я подолгу наблюдал эти пляски. Эскимосы с мыса Надежды на Аляске были замечательными певцами и танцорами. Одно удовольствие было смотреть на них.

Тем летом улов у китобоев был весьма скудным. На море оставалось слишком много льда, и это затрудняло охоту. Все лето упорно дул западный ветер. Суда, которые должны были отплывать домой, снялись с якоря в середине августа. Однако они не смогли пробиться сквозь льды, окружавшие Гершель, и им пришлось вернуться на остров. У них было недостаточно топлива и провизии, чтобы снова зимовать здесь, но лед был настолько толстым, что идти по морю было нельзя. У трехмачтовых шхун были довольно мощные паровые двигатели. Разведя полные пары, они предприняли тщетную попытку прорваться сквозь льды.

Я видел, как они возвращались. Один из них потерял бушприт при попытке сдвинуть айсберг. После возвращения моряки занялись починкой оснастки, но паруса поставить так и не смогли, так они заледенели. На острове осталось зимовать пять кораблей: трехмачтовые суда «Победитель», «Александр» и «Боухэд» и две двухмачтовые шхуны «Карлук» и «Дженнет».

Море уже начало замерзать, когда стало известно, что два судна сели на мель у мыса Кинг в тридцати трех милях к востоку от Гершеля. Одно из них, двухмачтовая шхуна «Бонанза», получило пробойну в корпусе и было выброшено на берег. Позже я видел, как к Гершелю подошли, пробиваясь сквозь льды, три китобойных лодки. Та, у которой был паровой двигатель, тащила за собой остальные две. Они привезли на остров моряков с «Бонанзы».

Я так и не узнал, как называлось второе судно, севшее на мель у мыса Кинг. Это был небольшой одномачтовый корабль. Я слышал, что он принадлежал экспедиции Амундсена. Говорили, что он вышел с Баффиновой Земли и направлялся к западу. Все это происходило в 1905 году.

Как только лед на море стал достаточно прочным для езды на нартах, с востока нам привезли новость, что на острове Бейли зазимовало четыре трехмачтовых судна. «Герман», «Белуха», «Бельведер» и «Нарвал». В четырех-пяти милях к востоку от Туктуяктука еще две шхуны были затерты льдами. Одна из них, «Чарльз Хансон», принадлежала моему знакомому, Джеймсу Маккене.

На судах, вынужденных зимовать на Гершеле, оставалось совсем мало провианта. Вот когда понадобилась по-

мощь эскимосов: и членов команды, и тех, кто жил по соседству. Многие из них отправились в горы охотиться на карибу. В середине зимы случилось серьезное происшествие. Рухнула крыша дома, где собралось поселиться множество моряков.

Моряки эти находили сотни разных способов, как развлечь себя. У них было много всяких музыкальных инструментов. Той зимой я впервые увидел, как белый человек танцует джигу. Я был восхищен его ловкостью.

Когда белым надо было оттаскивать лед, они использовали для этого огромные нарты, вроде тех, которые в наше время возят тракторами. На них нагружали громадные глыбы льда и каждые тянуло не менее двенадцати человек. Стоило посмотреть, как они взбираются на вершину холма!

Я видел, как многие из матросов сбегали. Видел я и как их привозили обратно эскимосы, посланные за ними в погоню. Бедняги сильно обмороживались в дороге. Однажды я наблюдал, как двоих привезли на нартах. Один из них был мертв. Другой был еще жив, но его отмороженная нога была твердой, как деревяшка. Все эти люди пытались пешком добраться до Доусона.

Во времена моего детства эскимосы зимовали в снежных иглу, обогреваемых лишь каменными светильниками. Печей у нас не было, и светильники использовали также для приготовления пищи. Полы в снежных иглу были очень холодными, и мы постоянно мерзли, потому что по бедности одевались в потрепанные обноски. Как я завидовал тогда детям, живущим в достатке!

Были, правда, и такие эскимосы, которые жили в бревенчатых домах под земляной крышей, окруженных высокими заборами.

КАК ОДЕЛИ МАЛЕНЬКОГО ОБОРВЫША

Рождество и Новый 1906-й год на Гершеле отметили очень весело. Собралось множество эскимосов и белых. В марте люди стали покидать остров, отправляясь на восток. Я плакал и просился с ними. И тогда меня взяли с собой Мангиланак и его жена. За ними прислали человека со шхуны «Чарльз Хансон», той самой, что зимовала во льдах к востоку от Туктуяктука. Капитан Джеймс Маккена снова взял их в команду. Белого человека, который забрал нас на шхуну, звали Джим Хилл.

Он относился ко мне с большим участием. Мать моя осталась на Гершеле. Проходя мимо мыса Кинг, мы видели шхуну из экспедиции Амундсена.

Моя ветхая одежда не спасала от холода, и по дороге я отчаянно мерз и часто плакал от холода. Когда мы останавливались на ночь, Джим Хилл, единственный, кто жалел меня, спешил скорее развести костер. Как-то раз этот Джим Хилл изрядно нас всех удивил. Мы запрягли собак, и одна из них вырвалась и убежала. Джим помчался за ней и, хотя та неслась во всю прыть, догнал ее и схватил за хвост. Да, бегать он был здоров! Так мы добрались до шхуны, причем только благодаря Джиму я не замерз в пути.

На шхуне были эскимосы с Аляски, из Сибири и Канады. Все они были взяты в команду капитаном. На шхуне жена Мангиланака совсем обо мне не заботилась и не давала новой одежды. Я ходил в лохмотьях и совсем обовшивел. Мне было стыдно, но жаловаться я боялся. Женщина она была злая и все время ворчала.

У одного из сибирских эскимосов был сын моего возраста, с которым мы часто играли. Однажды его отец подошел к нам и, отвернув ворот у парки, оглядел мою шею. Увидев там бегающих вшей, он отвел меня к своей жене, которая сняла с меня и выбросила всю одежду, кишевшую насекомыми. Потом она вымыла меня и облачила в одежду своего сына. Я очень благодарен этим людям за то, что они пожалели сироту, до которого никому не было дела. Моего благодетеля звали Ататиак. Он был из российских эскимосов. Когда я вырос, мне захотелось увидеть его, но встретиться нам так и не пришлось — слишком уж далеко они жили.

4. АНАНАГИК — МЫ С БАБУШКОЙ

Когда «Чарльз Хансон» освободился ото льдов у Тапкрака* (мыс Шингль), мы поставили паруса и поплыли к Туктуйактуку. Там мы долго ждали, пока море очистится ото льда, а потом направились на восток. Вскоре шхуна стала на якорь, и матросы стали выгружать на берег муку, сахар и полотно, из которого делают дома. Все это было оставлено на мысу Токер для китобоев Гершеля.

Наш корабль вновь устремился на восток, и скоро мы достигли Бейли. У песчаных отмелей в юго-западной ча-

сти острова стояло на якоре много больших судов. Эскимосское стойбище находилось в те дни довольно далеко от этого места.

Я знал, что в этом стойбище живет моя бабушка. Я не забыл ее и решил пойти проведать старушку. Когда мы стали на якорь, на воду была спущена китобойная лодка. От Чарли Уокера, второго китобоя на этой лодке, я узнал, что они собираются идти в эскимосскую деревню, чтобы купить там рыбы. Я попросил его взять меня с собой, и он согласился. Женщина, что присматривала за мной, запретила мне идти с ними, но я не послушался. Чарли Уокер жестом пригласил меня в лодку, где белые матросы потеснились, чтобы дать мне место. Видя, что я уже в лодке и готов отплыть, моя опекунша закричала: «Возвращайся вместе с ними!». Я кивнул головой, но больше уже никогда не видел супружескую пару, на попечении которой находился.

Эскимосское стойбище оказалось очень большим. Когда мы причалили, я стал всматриваться в лица людей на берегу. Как только я сошел на берег, какая-то женщина схватила меня за руку и потащила прочь.

Я СНОВА НАХОЖУ АНАНУ

Мы подошли к маленькой палатке и там, о чудо! — я увидел анану, бабушку, с которой расстался так давно, еще в 1902 году. Я сразу узнал ее и заплакал, потому что уже не надеялся ее увидеть. Какая радость, что она была еще жива. Много раз я представлял себе, как вернусь к ней, и вот моя мечта наконец сбылась. Китобойная лодка, на которой я приплыл, отправилась в обратный путь без меня. Я остался там, куда давно стремился: у моей бабушки!

Обитатели Бейли заботились о нас с бабушкой и не давали голодать. Как-то раз в августе, когда я сидел на берегу и стрелял из рогатки по арктическим ласточкам, имиткрутаилаит, к острову подошли баркасы с проходивших мимо китобойных судов. Там была целая флотилия. На кораблях были поставлены все паруса, и восточный ветер раздувал их. Я побежал за бабушкой, и мы вдвоем стали любоваться этим зрелищем. Скоро матросы уже сходили на берег. Они потерпели кораблекрушение и теперь рассказывали о своих злоключениях. На пути к Бейли они, идя на большой скорости в густом тумане, наскочили на рифы у мыса Пэрри! Запасаясь у эскимосов

рыбой, моряки без промедления покинули остров. Четыре китобойных судна пошли на Гершель по прямому курсу, выйдя далеко в открытое море. Им предстояло покрыть расстояние в 240 миль. Два остальных последовали за ними, держась у берега.

Чуть позже на острове появился Фред Уолки, белый, открывший факторию на реке Хортон. Фред был немец. Он не торговал «пищей белого человека». По правде говоря, он мало что мог нам предложить: чай, табак и все необходимое для того, чтобы зарядить ружье — порох, свинец и пистоны.

Эскимос по имени Пайолерк взял нас с бабушкой на охоту. Мы расположились в шестнадцати милях к востоку от Бейли. С наступлением зимы Пайолерк построил иглу. Всякий раз, когда он шел проверять свои ловушки или охотиться на тюленей, я увязывался за ним.

Вскоре к нам присоединились другие семьи: Таоланаки, Аккаоярки, Кревиоки, Анакренаки и молодой человек по имени Наперарк. Все они построили снежные иглу. Ни у кого не было печей, и единственным источником тепла были каменные светильники, кудлик. На этих же светильниках мы готовили пищу: медвежатину, мясо тюленя или угиука, огромного морского зайца. Только рыбу мы ели мороженой.

У нас не было ни муки, ни сахара и подчас не хватало чая. Табак курили очень немногие. Мужчины весь день проводили в поисках пропитания: охотились на медведей, тюленей и угиуков. Их мясом мы и питались всю зиму. Иногда на берег выбрасывало китовые туши: китобой с больших судов вынимали из них только китовый ус, а остальное выбрасывали. Тогда мы лакомились мактаком, китовой кожей.

На запах китовых туш приходили белые медведи и тоже становились нашей добычей. Вокруг сновало множество песцов, но на них никто не обращал внимания. Когда я жил на Бейли, людей интересовало только то, что годилось в пищу.

ЗАСТИГНУТЫЕ БУРАНОМ

Однажды я пошел с Пайолерком охотиться на тюленей. С нами было еще несколько молодых мужчин. Внезапно послышался рев ветра. Это с востока надвигался страшный буран. Не дожидаясь, пока он накроет нас, мы повернули домой. Но далеко уйти нам не пришлось. По-

сыпался такой густой снег, что мы не могли видеть собственных ног. Чтобы не потерять друг друга, Пайолерк все время громко кричал, и я шел на звук его голоса. Временами в снежном вихре мелькал его едва различимый силуэт. Даже в двух шагах ничего не было видно. Вокруг нас, подобно горным хребтам, громоздились глыбы льда. Неожиданно мы оказались на самой вершине такой горы. Вожак собачьей упряжки бросился вниз, и мы устремились за ним. Вверх-вниз! Вверх-вниз! Когда мы спускались со склона, немного прояснилось, и стала видна скала. На этот раз мы взбирались на настоящий горный хребет и это спасло нас. Не попадись нам эта гора, мы бы наверняка погибли. Одет я был практически в лохмотья: на мне болталось лишь легкое пальтецо, вроде того, какие носят белые люди. Когда мы наконец добрались до дома, в него набилось столько снега, что я едва мог шевелить руками. Я по сей день вспоминаю, как радовался нашему чудесному спасению.

Анакренак подарил мне лисий капкан. Я поставил его рядом с выброшенной на берег тушей кита и все время ходил проверять, но туда никто не попадался. Наконец в один прекрасный день, когда я, как обычно, наведалься к своему капкану, там, к моему удивлению, оказался песец! Так я поймал первого в жизни песца.

МЫ ОСТАЛИСЬ ОДНИ

Не помню, чтобы в те дни кто-нибудь из наших людей отмечал Рождество или Новый год. Правда, я тогда не отличал один день от другого. Весной 1907 года наша стоянка опустела: все ушли, оставив нас с бабушкой одних. Есть нам было нечего: и я стал ставить свой единственный капкан на сиксика (арктическая белка).

Ходить бабушка все еще не могла, но благодаря пойманным мной белкам мы не голодали. Когда прилетели гуси и утки, я стал ставить свой капкан рядом с гнездами, где они высиживали птенцов, и сумел кое-что поймать. Жаль, что капкан у меня был только один! Если бы их было хотя бы два, я сумел бы добыть гораздо больше птиц. Иногда в мой капкан попадались сразу две птицы. Больше двух гусей мне было и не унести. Ведь мне едва исполнилось десять лет.

Как-то раз мимо нашего лагеря проходили эскимосы, собиравшиеся охотиться на гусей в пяти милях к востоку от нашей стоянки. Они позвали меня в свое стойбище,

чтобы накормить. Когда я подходил к их палаткам, все женщины выбежали мне навстречу, и стараясь опередить друг друга, стали совать мне что-нибудь съестное. Но унести больше двух гусей мне было не под силу. Трех я уже не мог поднять.

На обратном пути наши люди забрали нас с бабушкой, и с ними мы вернулись на остров Бейли. Стояло лето, и на остров заходили большие китобойные суда. Иногда они охотились на китов рядом с островом, прямо у нас на глазах. Часто, гуляя по берегу, я находил куски мактака и орксока, выброшенные волной. Свои драгоценные находки я приносил бабушке, и она хранила их в бутылках из тюленьей кожи, которые мы называли аватарпак.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ОСТРОВЕ ВИКТОРИЯ

Прошлым летом капитан Тилток лишился своего судна на рифах мыса Пэрри. Теперь он вернулся на новом корабле — стоя на берегу в толпе матросов, я видел, как он подходил к острову. Я заметил также, что он сразу пошел расплатиться с эскимосами, у которых брал рыбу в прошлом году, чтобы накормить свою команду, когда они плыли на запад. Новый трехмачтовый корабль назывался «Герман». В то лето охота на китов была особенно удачной.

К Бейли подошла с востока двухмачтовая шхуна, на которой было много эскимосов. Они рассказали, как в конце зимы встретились с эскимосами из племени крангмалит* на берегу Залива Принца Альберта.

Кроманак, Тадиук и их жены обходили свои капканы, когда к их палаткам подошли трое незнакомых эскимосов. Они пришли пешком. Пока они говорили, Кроманак захотелось покурить: он набил табаком трубку, чиркнул спичкой и задымил. При виде такого колдовства пришельцы в страхе бросились бежать.

Один из них отстал от своих товарищей. Пытаясь догнать их, он споткнулся и растянулся на животе, но тут же с поразительной живостью вскочил на ноги и устремился вперед. Кроманак и Тадиук от души позабавились, стреляя им вслед, чтобы они бежали веселее.

Однако через некоторое время к ним явилась целая толпа крангмалитов. Они подкрались совсем незаметно и окружили стоянку. Пришли одни старики — в толпе не было видно ни одного молодого лица. Все они были во-

оружены длинными ножами, а у Кроманак и Тадиука в палатке не было никакого оружия.

Пришедшие крангмалиты подвергли их суровому допросу. Зачем они стали стрелять по их товарищам? Откуда они явились и почему ведут себя так враждебно? Кроманак с Тадиуком ответили, что пришли с мыса Базерст из местности под названием Аббак. Тогда старший из крангмалитов сказал:

«Наши предки вышли из тех мест. Мы с вами земляки, так зачем же нам быть врагами?»

После этого заявления старый крангмалит вышел из палатки и громко крикнул своих товарищей. Из-за мыса появилось множество нарт. На берегах залива Принца Альберта жило довольно много эскимосов.

Крангмалиты рассказали, что богач, который зимовал с ними, убил механика на своей шхуне. Звали этого богача Чарли Клендженберг. Крангмалиты приходили на его судно, чтобы обменять меха на ткани.

РАССКАЗЧИК

Когда Кроманак с Тадиуком закончили рассказ о своих приключениях, в разговор вступил брат моей бабушки, древний старик по имени Наойавак.

— В давние времена, — начал он, — множество эскимосов жило на островах Бут (группа мелких скалистых островков в нескольких милях от мыса Пэрри). Они охотились на китов и плавали в настоящих эскимосских умиаках. Здесь обитали племена абвар и крангмалит, и самым уважаемым человеком среди них был Санилиак. Он обладал огромной силой и к тому же бегал быстрее всех. Когда на острова пришли люди с Бейли, он пригласил их в свой дом. Там был еще один человек, которого пришельцы не сразу заметили. Санилиак окликнул его:

«Посмотрите-ка на Кайоктунака! Он уже надел свою боевую броню».

«Нет, — ответил Кайоктунак. — Я не собираюсь воевать. Просто я всегда так одеваюсь, когда собирается много людей. Это всего лишь предосторожность».

Обернувшись, гости увидели эскимоса, одетого в парку из песка, покрытую тюленьим жиром. В складки ее был насыпан мелкий песок. Мех, пропитанный жиром и посыпанный песком, высушивался на солнце, и получалась твердая броня, которую не могли пробить ни нож, ни стрела.

Потом Наойавак рассказал еще одну историю, довольно странную, но правдивую. Люди, жившие на островах Бут, нашли как-то раз в бухте Франклина китовую тушу, выброшенную на берег. Она была засыпана снегом. Крангмалиты начали ее есть, но позже, когда был счищен весь снег, обнаружили на ките пояс. Киты, как известно, поясов не носят. Это был великан! Кожа у него была такая же толстая, как у кита. Оказывается, они ели инукпака* — и его мясо убило их! Из всех живших на островах Бут уцелела лишь одна женщина. Это была Окпак, младшая сестра того самого Санилиака, о котором уже шла речь. Женщина все лето прожила одна у озер в устье реки Хортон. Она питалась рыбой, которую ей удавалось выловить. Наступившая зима застала ее врасплох — куда ей идти, она не знала. Откуда пришло сюда ее племя, ей тоже не было известно. Она даже не догадывалась, что идя берегом на север, легко могла бы попасть к абвармеутам, живущим на южной оконечности Бейли. Вместо этого она отправилась через плоскогорье на запад, оставив Бейли далеко в стороне. В конце концов она все же встретила людей на Нувураке (мыс Аткинсон) и осталась с ними. Эту историю она рассказывала сама, а я ее услышал от Наойавака и хорошо запомнил. Мой двоюродный дедушка упомянул также, что после всех этих событий на мыс Базерст пришла из Копермайна двухмачтовая шхуна. Позже я прочел в одной книге, что эта шхуна могла принадлежать Ричардсону, когда он проходил мимо Бейли в 1840 году.

ПЕРВОЕ РУЖЬЕ И ПЕРВЫЙ ТЮЛЕНЬ

Возвращаясь к своим собственным приключениям, скажу, что лето я провел на Бейли, занимаясь охотой и рыбной ловлей с живущими там эскимосами. Медвежатина, тюленье мясо и рыба были нашей единственной пищей. Другой еды мы тогда просто не знали.

Осенью мы с ананой отправились на восток. Нас взяла в свою кожаную лодку семья Аликнака. Мы остановились в восемнадцати милях к востоку от мыса Базерст и там провели зиму. У меня к тому времени уже было два капкана. Я ставил их на песцов, которые водились в тех местах в изобилии.

Мне подарили ружье 44-го калибра, и я постоянно ходил охотиться с Аликнаком. Мне удалось подстрелить несколько тюленей. Когда в мои капканы попались два

песца, анана пришила их шкурки на мое атиги. Карибу в тех местах не встречались, и потому унты мои были сшиты из тюленьей кожи. Лисиц было очень много, но эскимосы их не промышляли. Очень редко кто-нибудь ставил на них капканы. Только один Кринрартак занимался этим всерьез, и добыча у него всегда бывала огромной. У меня появились собаки — два симпатичных, лохматых существа.

КАК МЕНЯ ВЫЛЕЧИЛА СТАРАЯ КОЛДУНЯ

Той зимой я заболел и был на волосок от смерти. Меня вылечила девяностолетняя старуха по имени Панигиук. Я на всю жизнь благодарен ей за это. Это была ангаткок*, колдунья. Когда я был при смерти, она произнесла слова, которые поразили меня.

«Через три месяца, — сказала колдунья, — ты в первый раз выйдешь наружу и увидишь песца, сбегającego с холма».

Так и случилось. Спустя три месяца я смог выйти на воздух и сразу же увидел белого песца, который бегом спускался с холма. Я был потрясен. Старая колдунья сказала правду. С этого момента я быстро пошел на поправку.

Рождественских и новогодних праздников я так и не увидел. Наступил 1908 год.

II

ИЛИСАРОБЛУНГА — МОЛОДОЙ ОХОТНИК

1. НУКАТПЕРАЛУК — МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

С наступлением весны на мыс Базерст стали возвращаться люди. Теперь, когда у меня были нарты и свои собаки, я, отправляясь куда-нибудь, сажал бабушку на нарты поверх кладки и брал с собой. В те времена эскимосские собаки не могли бегать в упряжке без посторонней помощи. Кто-нибудь обязательно должен был идти впереди, направляя их. Мои же собаки умели ходить в упряжке совершенно самостоятельно.

Весной мы с бабушкой вернулись на Бейли, чтобы жить с Наойаваком. Я намеревался охотиться с ним на гусей и уток. Кроме того, каждое лето все окрестные эскимосы собирались на Бейли встречать большие парусные суда, заходившие на остров. Они приходили с целью пополнить истощившиеся за зиму запасы чая и табака, свинца и пороха, а также раздобыть полотна для палаток и другие необходимые вещи.

МОЙ ПЕРВЫЙ БЕЛЫЙ КИТ

В ожидании судов эскимосы охотились на белых китов и уток. Молодые охотники отправлялись в долгие пешие походы. Я всегда ходил с ними, чтобы перенять их искусство. Благодаря этим походам я и стал хорошим охотником. С молодыми охотниками всегда увязывалось множество подростков, и мы часто засиживались у костра до поздней ночи, когда взрослые уже давно спали. Как-то ранним утром в июле мы с моим товарищем по имени Осукрак играли на берегу. Рядом с нами в воде плескалась большая стая сельди. Мы сходили за ружьями и стали «охотиться» на рыб. За нами с любопытством наблюдали другие дети. Всякий раз, когда из воды выпрыгивала рыба, Осукрак стрелял по ней.

Бросив взгляд на море, я вдруг увидел перед собой косяк белых китов. Один из них всплыл наверх, чтобы подышать. Я выстрелил и попал ему в голову. Кит неподвижно застыл на поверхности воды. Я побежал к Наойаваку и вместе с Мангиланакком мы спустили на воду лодку и поплыли за китом. Он был мертв. Я сумел убить белого кита из мелкокалиберного ружья. Когда мы привезли кита на берег, эскимосы только еще начали просыпаться. Все удивлялись, а я был очень горд — ведь тогда мне было всего тринадцать лет.

МОЯ ПЕРВАЯ ПОКУПКА

У нас часто устраивались танцы, которые сопровождались пением и игрой на крилаоне, большом эскимосском барабане. Наши соседи очень хорошо пели.

Летом 1908 года с запада пришла двухмачтовая шхуна «Уокер». Я был среди тех, кто ее встречал. Капитаном на шхуне был Уильям Могг. Тогда я впервые увидел Вильялмура Стефанссона. С командой, набранной из эскимосов, он направлялся на восток. На этой шхуне я

купил пятьдесят фунтов муки и немного табаку для бабушки. Это была моя первая покупка, и я ее до сих пор помню.

Осенью люди Китигариута всегда занимались рыбной ловлей, чтобы запастись рыбой на всю зиму. Здесь же, на Абваке, никто и не помышлял об этом. Мы ели только свежую рыбу и мясо, ничего не заготавливая на зиму.

Надвигалась зима, и Наойавак никуда не отпускал нас с Абвака. Наойавак был братом моей бабушки, но я привык называть его дедушкой.

По соседству с нами жило много эскимосов, и я ходил с молодежью на охоту. Время от времени мне удавалось подстрелить тюленя. На наших собак напала какая-то болезнь, и многие из них сдохли. Анана сняла с них шкуры и сшила мне прекрасную парку и унты. Ничто так хорошо не греет, как собачий мех.

ШКОЛА ОХОТНИКОВ

Настала зима. У меня было уже три капкана, и я ставил их на лисиц. Всякий раз, когда мужчины собирались на охоту, я старался пойти с ними. Иногда они не брали меня, говоря что я замерзну. Но я упрямо стоял на своем. Порой дело доходило до того, что охотники уходили тайком, когда я еще спал. Тогда я догонял их по следам уже далеко в море. Я так спешил за ними, что уходил из дома, не поев. Так молодая собака бросается вслед за уходящей упряжкой и, сколько бы вы ни гнали ее, она вновь и вновь будет возвращаться обратно. Вот так же вел себя и я, когда был подростком.

Была еще одна причина, почему я так упорно преследовал охотников: я хотел участвовать в дележе добычи. Всякий раз, когда охотники добывали медведя или лахтака, они обязательно делились со мной. Вот почему я часто уходил, не позавтракав. С собой же еду было брать не принято. Поэтому приходилось ждать, пока доберешься до дома. До сего дня сохранил я привычку не есть по утрам — она осталась с детства, когда маленькому бедному сироте частенько приходилось покидать свой дом голодным.

Когда мы охотились на белого медведя, обнаружить его часто помогало острое чутье наших собак. Почувяв зверя, собаки начинали преследовать его, не давая ему скрыться. Подчас медведь уводил собак очень далеко. Охотники бежали им вслед, оставляя меня далеко по-

зади. Они надеялись, что мне наконец надоест волочить-ся за ними повсюду. Я и вправду очень боялся отстать и потеряться.

Обычно я нагонял охотников, когда медведь был уже убит. Несмотря на все их запреты, я каждое утро увязывался за ними. Некоторые пытались напугать меня, другие же помогали мне или, по крайней мере, не прогоняли. В те времена шкуры белых медведей высоко ценились у китобоев. Большая медвежья шкура приравнивалась к двадцати песцам. Деньги нам тогда не были известны, и мы ни разу даже не видели долларовой бумажки.

Благодаря тому, что я был бедным сиротой и вечно вертелся среди охотников, мне довелось повидать немало белых медведей. Добыть четырех медведей в день тогда считалось самым обычным делом. На Бейли медведи во множестве бродили повсюду, поедая китовые туши, выброшенные на берег.

Когда море покрывалось льдом, мы уже не могли охотиться на тюленей в открытой воде и начинали искать аглу, лунки, сквозь которые животные дышат зимой. Стоя вокруг такой лунки, мы ждали, когда там появится тюлень, и как только над водой показывалась его голова, кидали гарпун.

У тюленей существует несколько названий на эскимосском языке, в зависимости от их размеров. Самые крупные из них называются кралгерк, те, что поменьше, именуются аокпилиарнерк из-за своей красноватой шеи, следующие по размеру животные носят название кринроталернерк и имеют черную окраску шеи, а самые маленькие, с длинной белой шерстью — это паолоалик. Детеныш тюленя, находящийся во чреве самки, называется иблаок.

Когда эскимос поражает гарпуном угиука, тюленя, он громко зовет других охотников и начинается бешеная гонка. Каждый хочет прибежать первым. Тот, кто подоспеет первым, получает нижнюю часть тюленя, второму достается шея и один бок, а третий довольствуется хвостом. Остальные не получают ничего. Это старый обычай племени абвармеут. Вот почему я никогда не отходил от места охоты. Мясо, которое мне доставалось, я приносил анане и Наойаваку. Абвармеуты всегда строго соблюдали свои обычаи и никогда не жадничали при дележке угиука или белого медведя.

Как-то раз в наше стойбище пришел эскимос с Китигариута по имени Джимми Меморанак. Прослышав, что он продает чай, я пошел к нему, прихватив с собой песцовую шкурку. Там я увидел огромный ящик весом не меньше сотни фунтов. Джимми отмерял чай крошечной чашечкой и в обмен на одну песцовую шкурку насыпал его только пять раз. Мера была совсем маленькой — значит чай стоил очень дорого. Все же я обменял своего песца, потому что анана любила чай и мне хотелось порадовать ее.

Джимми Меморанак распродал весь ящик. При такой цене он, вероятно, получил целую уйму песцов. Пять малюсеньких чашек за шкурку! Он продавал и табак, но я не стал его брать. Для пущей важности Джимми даже пытался говорить на языке белого человека. Я слышал, как он бормотал: «Песец стоит пять чашек». Люди озадаченно спрашивали: «А что значит пять чашек?». И тогда Джимми объяснял им, что за одного песца он насыплет им пять чашек чайных листьев. Эскимосы были очень довольны. Они, видимо, думали, что чашка эта величиной с горшок, и радовались, что песцы стоят так дорого. Все попадались на эту удочку. А «горшок» этот оказывался крошечной фарфоровой чашечкой.

По приезде Джимми построил для своих иглу. Мы можем построить иглу очень быстро, но для этого годится не всякий снег: он должен быть не слишком жестким от холода, глубоким и однородным. Детьми мы часто забавлялись, выстраи́вая себе иглу. Так я обучился этому искусству.

МОЙ ПЕРВЫЙ БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

С наступлением весны эскимосы ушли охотиться на тюленей, диких уток и гусей. Некоторые отправились на реку Андерсон ловить рыбу на разводьях. Там же можно было ловить уток и собирать яйца. Карибу водились в тех местах в изобилии. Однако дедушка Наойавак и семья Ангусинаока решили остаться на старом месте.

У Ангусинаока болели ноги, и когда мы ходили охотиться на гусей, я вез его на нартах. Он был метким стрелком и ни разу не промахнулся. Соседи делились с нами своей добычей, и благодаря им мы не голодали той весной.

Лед на море был в тот год очень гладким, без обычных торосов, и поэтому белые медведи и тюлени попадались на каждом шагу. Сакраитор никогда не возвращался без добычи. Однажды — наверное это было в мае, поскольку уже наступил полярный день — охотники пошли добывать медведей и я, как обычно, увязался за ними. Рядом со стойбищем они ничего не нашли и поэтому вынуждены были зайти довольно далеко.

Прошла ночь, но наутро мы в стойбище не вернулись. Солнце стояло уже высоко. Я брел за своими нартами позади всех, засыпая на ходу. То и дело я терял след своих товарищей. Никто из нас не ел с тех пор, как мы покинули стойбище. И все же в тот день мне удалось подстрелить белого медвежонка величиной с лисицу!

Я ПРИНОШУ УДАЧУ

Летом все вернулись на Аббак. С востока пришла шхуна «Уокер», та самая, которая уже останавливалась у нас по пути на восток. Она возвращалась с острова Виктория, где оставалась в течение зимы. На шхуне было много эскимосов из тех мест — судя по их одежде, это были крангмалиты.

Море очистилось ото льда и началась охота на китов. Теперь китобои сами звали меня — я приносил им удачу, и улов каждый раз был большим. У меня не стало ни одного свободного дня — все наперебой приглашали меня с собой.

Как-то раз, когда я стоял у руля на шхуне, китобои добыли очень много китов. Я очень хорошо это помню.

Те, кто возвратился с реки Андерсон, принесли много сушеной рыбы и поделились со мной. В те времена эскимосы проводили все время в поисках пищи.

Двое наших соседей, Кревиунак и Кроманак, сильно повздорили и схватились за ружья. Правда, один из них тут же спрятался, чтобы его не убил другой. Я был очень рад, что никто не пострадал. Не очень-то весело остаться без отца и жить никому не нужным сиротой, который всего боится. Никто не знает, сколько мне пришлось пережить.

2. ТАКУНАКЛУНЕЛУ НАЛАКЛУНЕЛУ — ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ

Когда наступили холода, у меня уже было шесть капканов. Эскимосы стали обращать больше внимания на песцов. Кренрертак, к примеру, поймал триста штук. Другие, чьих имен я уже не помню, тоже добыли немало. В мои капканы попало четырнадцать зверьков. Они так и сновали повсюду.

КАК МЫ СТАВИЛИ ЛОВУШКИ

Когда охотники убивали медведя, тушу сразу раздвигали и в стойбище приносили мясо, завернутое в шкуру. К месту, где лежал медведь, сбегалось множество песцов, которые поедали залитый кровью снег.

В таких местах эскимосы устраивали особые ловушки. Во льду выбивалось углубление. Чтобы прикрыть его, вырубались две глыбы льда. Одну из них помещали над углублением, так чтобы один конец ее опирался о лед, а другой поддерживался второй глыбой, поставленной стоймя. Под глыбу клали приманку — небольшой кусок мяса, так чтобы оно служило ей опорой. Когда песец пытался вытянуть мясо, глыба падала и прибивала его. Эти ловушки эскимосы называли крепигиат.

Я не раз пытался их соорудить, но всегда безуспешно: песцы неизменно выбирались оттуда. Наверное, у меня не хватало сил, чтобы вырубить достаточно тяжелые глыбы.

Эскимосы говорили мне, что в тех местах, где нет дерева, люди знают только такой вид капканов. При этом я часто гадал, поймал бы я там вообще что-нибудь со своим умением!

КАК НАЗЫВАЮТСЯ МЕСЯЦЫ

Как-то раз дедушка Наойавак сказал мне:

«Я становлюсь стар и хочу научить тебя, как различать месяцы года. Многие уже позабыли их эскимосские названия. Поэтому ты должен хорошенько их запомнить».

Дедушка взял несколько палочек и воткнул в снег. Их было двенадцать. Дело происходило в середине зимы. Наступил как раз новый месяц. Насколько я могу судить

сейчас, это был январь. Вот что я запомнил из того, чему учил меня дедушка в том далеком январе 1909 года.

Январь по-эскимосски будет авуннивиаюк. В этом месяце карликовые тюлени производят на свет потомство. Детеныши обычных тюленей, появившиеся в это время, обычно замерзают.

Февраль называется авуннивик. Это время, когда рождаются детеныши у обычных тюленей. Они вырастают и становятся нашей добычей.

В марте, амаоликкервике, с юга прилетают маленькие зимние юнко (амаоликат).

Апрель получил название криблаликовик, потому что к этому времени снег начинает подтаивать, и его поверхность блестит и искрится на солнце:

Май, или по-нашему тигминивик, это время, когда с юга прилетают утки и гуси.

Июнь называется нуерторвик. В этом месяце мы охотимся на ондатр на реках и озерах. Сидя в каяках, мы бьем их острогами.

Июль мы называли падлерсерсивик, потому что в этом месяце высыхает земля.

Август по-эскимосски звучит как кругиуат тингивиа — время, когда начинают летать молодые лебеди.

В сентябре эскимосы, живущие на побережье Северного Ледовитого океана, садятся в свои каяки и отправляются охотиться на тюленей, используя для этого особые гарпуны, акликат. Поэтому месяц этот и называется акликарниарвик.

В октябре появляются предвестники наступающих холодов — у берегов нарастает тонкий лед. Этот лед называется туглу, а месяц — туглувик.

В ноябре уже холодно, и когда открываешь дверь, иглу заполняет белый туман. Наступают морозные дни, и поэтому месяц этот получил название итарториук.

Декабрь мы называем каитвитийвик, потому что в этот месяц полярной ночи все эскимосы собираются вместе и, забывая о своих заботах, веселятся, танцуют и развлекаются.

В наши дни эскимосы забыли свои названия месяцев. Кроме меня, их почти никто не знает. В детстве я любил слушать всякие истории и рассказы о старинных обычаях. Мне хотелось знать как можно больше.

Зимой трое охотников, Кринрартак, Кревиунак и Овайуак, попали в западню. Льдину, на которой они находились, оторвало от берега и понесло течением в от-

крытое море. На следующее утро мы с Танаомерком пришли на берег и стали стрелять. Издалека слышались ответные выстрелы. Мы побежали скорее в стойбище звать людей. Они на нартах подвезли к воде умиак из тюленьей кожи и, переплыв полынью, спасли незадачливых охотников.

КАК Я ВПЕРВЫЕ УСЛЫШАЛ О РЕЛИГИИ

Танаомерк, о котором уже шла речь, пришел в наше стойбище с Китигариута вместе с другими эскимосами и принес нам новость из тех мест.

«Священники сказали нам, что мы должны молиться по воскресеньям», — объявил Танаомерк.

«А что такое воскресенье?» — тут же спросили жители Бейли.

Тогда Танаомерк дал им такое объяснение:

«Когда пройдет шесть дней, следующий за ними и будет воскресенье».

И тут Танаомерк заявил, что сейчас он будет молиться. Послушать его собралось все стойбище. Многие пожилые люди посмеивались украдкой, находя все это очень забавным. Танаомерк спел пятнадцать гимнов за один присест — я сам считал их. Потом он долго говорил о заповедях господа бога, которые он назвал пинаилат.

Я УЧУСЬ ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ

Во времена моей юности молодые люди были не чужды новым веяниям. Я, к примеру, решил учиться читать и писать и поэтому не отходил от Танаомерка. Он стал обучать меня грамоте. Однако старики относились ко всем этим новшествам неодобрительно.

Все это происходило в 1910 году. Думаю, читатели уже заметили, что я правильно указываю все даты. Я хорошо запоминал все, что слышал от других людей: разные удивительные истории, рассказы о зимовках и приключениях. Позже, когда я был уже взрослым, мне довелось прочесть книгу о какой-то экспедиции и я нашел там даты и факты, которые помогли мне соотнести во времени все происшедшие события. Ведь в прошлом эскимосы не вели счет годам.

Ангаткот — шаманы или колдуны, играли важную роль в эскимосском мире. Подчас они прибегали к грубому обману, пользуясь доверчивостью своих соплеменников. Однако в большинстве случаев это были вполне честные люди, которые искренне верили в свои сверхъестественные способности. Они были убеждены, что следуют особым указаниям, которые получают во сне. Перед тем, как дать духам овладеть собой, шаманы подвергали себя испытанию голодом и холодом.

По представлениям эскимосов духи обитали везде и всюду: они населяли море и горы, насылали болезни и снежные бури. И шаманы были призваны служить посредниками между духами и людьми, изгонять злых духов из больных, налаживать хорошую погоду и т. п. За все эти услуги они получали вознаграждение. Шаманы часто устраивали сборища в иглу собраний. Там они распевали свои заклинания и впадали в транс. При этом присутствовали все жители стойбища, включая детей, которые таким образом приобщались к таинственному миру волшебства, куда имели доступ только шаманы.

М. М.

Это случилось, когда мы жили на Гершеле. В тот год на море долго не вскрывался лед, и мы не могли ловить тюленей в разводьях. Есть нам было нечего, и мы позвали шаманов, ангаткот.

Когда они пришли, мы попросили их сделать так, чтобы во льду поскорее появились трещины. Шаманов было двое: Апакак и Краронак. Это были муж с женой. Вечером они стали готовиться к своему волшебному полету.

Апакак сидел на полу иглу, и руки у него были связаны за спиной ремнями из тюленьей кожи. Один из этих ремней имел свободный конец длиной около пяти футов, к которому был привязан топор. У женщины руки были свободны. Шаманы попросили брата моей матери, тоже колдуна, помочь им. Кублуалук согласился и снял с себя одежду, оставшись, как и сам шаман, только в одних меховых штанах. Женщина одежды не снимала.

Каменные светильники были погашены. Скоро послышалось хлопанье крыльев. Топор, привязанный к рукам Апакака, стал громко стучать по стене иглу. Эскимосы в страхе попадали на пол. Вдруг откуда-то из-под пола раздался голос:

«Не бойтесь, он вас не заденет».

Шаманы улетели — в иглу их больше не было. Кублуалук на мгновение вернулся и улетел снова. Отсутствовали они минут тридцать. Потом таинственный голос произнес: «Они возвращаются». Вновь послышалось хлопанье крыльев, как будто прилетели какие-то большие птицы. Голос умолк. Вдруг все услышали голос Апакака, раздававшийся из дымохода. «Я не могу пролезть», — говорил он. Жена подхватила его.

Снова зажгли светильники. Апакак был весь черный от сажи. Минуту назад его голос раздавался из дымохода — он не мог влететь, а ведь никто из нас не закрывал отверстия в крыше.

На следующий день во льду появились огромные трещины, и эскимосы смогли добыть множество тюленей.

Позже я слышал, как Кублуалук рассказывал, что произошло. В ту ночь Апакак и его жена попросили его помочь им, и он согласился. Когда шаманы улетели, он последовал за ними и увидел, что они стали спускаться в недра земли. Они двигались очень быстро, но Кублуалук шел по их следам, которые привели его к подземному озеру. На его поверхности плясали языки пламени, а в волнах извивались чудовища, похожие на змей. Апакак с женой вошли в озеро, но Кублуалук замедлил свой шаг: он вовсе не хотел оказаться среди пламени и чудовищ.

Вернувшись ненадолго в иглу, он потом снова выбрался наружу, чтобы помочь прилетевшим назад шаманам.

Больше Кублуалук нам ничего не рассказывал.

Я много раз видел, как колдуют шаманы, но по молодости лет не слишком интересовался этим. Иногда им удавалось вылечить больного, в других случаях шаманы были бессильны сделать что-нибудь. Однажды в декабре я видел, как летал другой ангаткот. Звали его Алоулук. Мы слышали, как пролетая над иглу, он издавал звуки, похожие на крик белоносой гагары, тудлик.

По правде говоря, о шаманах я знаю не слишком много. Хотя могу рассказать еще одну историю, которую слышал от Ниуматунака. В то время он был молод и жил на мысе Барроу. Какой-то эскимос стал насмехаться над шаманом. «Ты не умеешь летать, — говорил он ему. — Как может человек летать, если у него нет крыльев?»

Вскоре после этого в иглу собрались шаманы, чтобы показать свою чудодейственную силу. Каждый обвязался

веревкой, к длинному концу которой был привязан камень.

Шаман, над которым смеялся эскимос, не привязал камня к своей веревке. Когда светильники были загашены и начался волшебный полет, кто-то вдруг громко закричал. Оказалось, что это вопит насмешник. Обиженный им шаман привязал конец своей веревки к его лодыжкам, и бедняга повис вниз головой, увлекаемый летящим шаманом. Он издавал отчаянные вопли, но скоро его голос затих вдали.

Когда ангаткот вернулся, его обидчик был недвижим.

3. УНИПКАРЕН — РАССКАЖИ ЧТО-НИБУДЬ

Унипкарен — расскажи что-нибудь! С такими словами дети, а подчас и взрослые, обращаются к старикам. Пожилые люди были хранителями традиций, легенд и устных преданий. Для эскимосов, не имевших письменности, эти наполовину вымышленные истории были способом выражения их духовного мира. В них воскрешались подвиги народных героев и действовали колдуны и духи, которыми воображение эскимосов заселяло их пустынный край. Подчас ими просто забавляли детей, как это делаем мы, читая им сказки Андерсена и Перро. Сейчас искусство устного рассказа почти полностью забыто в эскимосских стойбищах — его заменяет патефон.

Первая из приведенных здесь историй — это сказка для детей, в которой отражена вера эскимосов в загробную жизнь животных. Из второй можно видеть, что эскимосы не проводили четкой разделяющей линии между человеком и другими живыми существами. Человек, по их представлениям, мог превратиться в животное или птицу. Эта сказка в какой-то степени объясняет, почему в начале века еще бытовали некоторые магические обряды. Два последних рассказа представляют собой подлинные истории.

У эскимосов было два типа подобных историй, носящих разные названия. В одних, которые назывались унипкат, фантазия так тесно переплеталась с действительностью, что было трудно отличить одно от другого.

В других, кролиат, давалось точное и подробное изложение реальных событий, которые иногда объяснялись действием сверхъестественных сил. М. М.

Я расскажу вам удивительные истории, которые произошли в давние времена. Эти истории я услышал от Акламерк, жены Пайолерка.

Недалеко отсюда, во льдах, поселились белые медведи. У них были снежные дома и они жили, совсем как люди. Как-то раз один из них, старый почтенный медведь, стал рассказывать своим родным и друзьям о том, что произошло с ним в молодости.

«Давным давно,— начал он,— когда я был совсем еще молод, мне еле удалось спастись от двуногого. Встречаться с двуногим очень опасно. Он насылает на нас тех — кто — досаждают. Над глазами у них темные отметины, и от звука их голоса, похожего на смех, у нас подгибаются ноги. Они очень назойливы — все время гонятся за тобой, громко лают и кусаются!».

Услышав это, один из медвежат заявил:

«Если бы я встретился с человеком, ни за что бы не дал себя поймать».

Старый медведь попытался разубедить его:

«Тот, кто встречается с человеком, должен быть очень осторожен. Люди очень опасны, можешь мне поверить. И потом их кусачие помощники быстро бегают и легко настигнут тебя».

На это медвежонок упрямо возразил, что если ветер будет дуть ему в спину, никто на свете не сможет догнать его.

Старый медведь сурово прервал его, запретив даже думать об этом. Но медвежонок решил все же попробовать: он будет бежать так, чтобы ветер дул ему в спину и немного в бок и гнал его вперед, словно парусник. Однажды ночью, когда все уже спали, он выскользнул из иглу и растаял во тьме.

Сначала медвежонок отправился в сторону берега. Дойдя до береговых торосов, он в нерешительности остановился, а потом повернулся на восток. Всю ночь он брел вдоль ледяных нагромождений, отделяющих его от берега. И наконец увидел следы — следы двуногого, следы человека! Он был очень голоден и поэтому начал искать аглу, лунку во льду, где можно было бы подстеречь тюленя. Вскоре он нашел ее. Уже наступило утро, дул сильный восточный ветер. Медвежонок лег и затаился.

Вдруг позади послышался какой-то шум. Обернувшись, он убедился, что старый медведь был прав: к нему

подбегал один из тех самых «кусачих». Собака была уже совсем рядом. Медвежонок уловил направление ветра и бросился бежать, стараясь, чтобы ветер дул ему в спину. Но как он ни старался, собака догнала его за несколько секунд. Он почувствовал, как в зад ему вцепились острые зубы, и сел на лед. Подбежали другие собаки и подняли громкий лай. Ноги у медвежонка подкосились от страха — дальше бежать он уже не мог.

Оглядевшись вокруг, медвежонок увидел того, о ком рассказывал старый медведь — человека. Он шел на двух ногах, и казалось, вот-вот упадет. Человек подходил все ближе и ближе. Медвежонок рванулся бежать, но собаки не пустили его.

Человек подошел и воткнул в медвежонка длинную и острую палку. Тот затих и больше не двигался, однако продолжал сознавать все, что с ним происходит. Человек снял с него шкуру, разрезал его на куски и унес домой.

Дома жена охотника стала коптить принесенное мясо. Она бросала на каменный очаг еловые поленья, и кверху подымался густой дым. Четыре дня провисел над огнем медвежонок, вдыхая запах горящего дерева. Рядом с ним человек положил жертвоприношение — эскимосскую безделушку, надетую на берцовую кость тюленя.

Медвежонок, то есть теперь уже его дух, взял его и отправился к себе домой. Когда он показался у входа в иглу, его увидел старый медведь. Он сразу заметил безделушку, которая висела у медвежонка на шее.

«Человек заставил дышать меня дымом еловых поленьев», — пожаловался медвежонок.

«Я говорил тебе, что человек очень опасен».

«Это все те — кто — досаждают: они так громко лаяли, что ноги у меня подкосились от страха».

Медвежонок покинул иглу и побрел в сторону моря. Там, далеко во льдах, есть селение, где живут тени умерших медведей.

ПЕСНЯ, КОТОРАЯ УСМИРЯЛА ВЕТЕР

Акламерк рассказала еще одну историю. Вот она. Как-то раз один эскимос, прогуливаясь по берегу, увидал, как с моря подходят умиаки. Спрятавшись неподалеку, эскимос стал за ними следить. Стоял ясный тихий день, и когда умиаки подошли ближе, эскимос услышал, как поют гребцы. Охотники тянули за собой кита. Старик, плывший на переднем умиаке, пел волшеб-

ную песню. Спрятавшийся эскимос все слышал и хорошо запомнил ее слова.

«Посмотри, китобой, кого мы тянем за собой.

Айа-эйа!

Большой кит, большой кит

Хвостом море шевелит.

Эйа-айа!

Дай хорошую погоду,

Чтоб добрались мы до дому.

Эйа-айа!

Тяни, тяни веселей.

Эйа-айа!

Греби, греби поживей».

Гребцы работали так усердно, что им стало жарко, и они сняли свои капюшоны и закатали рукава. Когда лодки пристали к берегу, наш эскимос выскочил из засады и с громким криком побежал к ним. Испугавшись, гребцы превратились в ласточек и улетели. Но поскольку они забыли надеть капюшоны и опустить рукава, из ласточек они превратились в морских чаек.

С тех пор жители острова Бейли, абвармеуты, всегда пели эту песню, когда им удавалось загарпунить кита.

У них было еще одно магическое заклинание, аватарсиун, которое произносилось, когда гарпун вонзался в кита. Отчаянно пытаясь освободиться, кит устремлялся прочь, волоча за собой пузырь из тюленьей кожи и деревянный диск, который мешал ему уйти. В этот момент эскимосы пели:

«Пузырь в море не пускает,

Силы кит свои теряет».

Вскоре кит выбивался из сил и останавливался. К нему подплывали лодки, и сильный и точный удар гарпуна завершал охоту. Когда потом тушу кита тянули к берегу, наши предки пели ту самую песню ласточек, которую слышал эскимос. Эта песня помогала сохранить хорошую погоду, и китобои благополучно добирались до берега.

СИНГИТСКАЯ ЛЕГЕНДА

Однажды два эскимоса, отец и сын, отправились с мыса Нувурак на Имариук, чтобы поохотиться там на карибу, туктук. Имени отца я не знаю, а сына звали Ниакроанрик. В устье реки Кугалук берег сильно изрезан, и там есть несколько длинных песчаных кос, тянувшихся вровень друг с другом. Мы называем это место Сингит (косы).

Когда наши охотники подошли на каяке к одной такой косе, они увидели там какого-то человека. Отец сказал сыну:

«Если это индеец, иткрилерк, мы пойдем и убьем его».

Это действительно был индеец, который, завидя их, бросился бежать. Но вместо того, чтобы повернуть на юг, к берегу, он устремился на конец косы, к морю.

Тогда Ниакроанрик сказал: «Давай пристанем и догоним его». Они высадились на берег. Индеец не успел еще далеко уйти, но увидев, что за ним гонятся два эскимоса, он припустился бежать во всю прыть и стал кричать. Он вопил все громче и громче и, оглянувшись, эскимосы увидели, что их преследует целая толпа индейцев.

Забыв о своей жертве, они, в свою очередь, стали спасаться. Но уже был близок конец косы и дальше бежать было некуда. Индейцы наседали им на пятки. Индеец, которого они преследовали, заманил их в ловушку. Он был лишь приманкой. Оттесненные на самый конец косы, эскимосы потеряли всякую надежду на спасение. Вокруг уже свистели стрелы индейцев. Ниакроанрик стоял впереди, загораживая отца своим телом. Но все стрелы пролетали мимо, не задевая его. Обернувшись, чтобы посмотреть, почему молчит его отец, Ниакроанрик увидел, что тот сидит на земле. В теле его было столько стрел, что они не давали ему упасть. Старик был мертв. Юноше же стрелы не причинили никакого вреда!

Разгневанный убийством отца, Ниакроанрик бросился на индейцев, поражая их из лука. Когда у него кончились стрелы, он стал подбирать те, которые были пущены в него. Ни одна стрела так и не попала в юношу. Индейцы попытались захватить его живым, но он всякий раз выскальзывал из их рук.

В конце концов Ниакроанрик перебил всех индейцев, оставив в живых лишь двух из них. Дав им поест, он отослал их восвояси, чтобы они рассказали своему племени обо всем, что произошло. Так юноша отомстил за смерть своего отца, пронзенного стрелами.

Вернувшись к себе, индейцы рассказали, как на Има-риуке они напали на эскимоса, которого не могла поразить ни одна стрела. Когда они его окружили, чтобы захватить в плен, он превратился в ласку и проскользнул у них под ногами. Индейцам волей-неволей пришлось признать в нем непобедимого врага.

Ниакроанрик же после битвы вернулся на Нувурак.

ПРЕДАТЕЛЬ

Давным-давно эскимосы, жившие на большой реке, собрались у Тунунерка, чтобы идти на охоту. Здесь на них неожиданно напали индейцы и перебили всех до одного.

Один молодой эскимос спрятался среди ивовых деревьев, пока его товарищи сражались. После своей победы индейцы собрались вместе и юноша подслушал, о чем они говорили. Один из голосов явно принадлежал эскимосу, который, видимо, примкнул к индейцам и выступал вместе с ними против своего собственного народа. Он звал свою собаку по-эскимосски: «Начаркларк, хей-хей-хей!».

Юноша возвратился в свое стойбище и рассказал обо всем, что случилось.

«Индейцам помогал эскимос. Я слышал, как он называл свою собаку Начаркларк», — заявил он.

Несколько эскимосов отправилось посмотреть, кто же это может быть. Оказалось, что это Крийгалена.

Другие стали расспрашивать людей, где был Крийгалена прошлым летом. Те отвечали, что он с семьей поднимался вверх по реке и принес оттуда два железных ножа, один из которых был необыкновенной длины.

«Откуда у нашего племени могут быть большие железные ножи? — думали люди. — Он, наверное, получил их от индейцев в награду за предательство».

Палонерк решил послать кого-нибудь к Крийгалене, чтобы тот попросил у него его большой нож. Он рассуждал так:

«Если он получил нож от индейцев, то откажется отдать его и попытается скрыться. Если же он не предавал нас, то останется на месте».

Когда эскимос, посланный Палонерком, попросил у Крийгалены его самый большой нож, тот ничего не ответил и сразу же стал нагружать умиак. Он собрался покинуть стойбище вместе с двумя своими женами. Ошибки быть не могло: это он был предателем.

Палонерк с жителями стойбища пустились за ним вдогонку на больших кожаных лодках и скоро настигли беглеца.

«Дай мне твой самый длинный нож», — потребовал Палонерк.

Крийгалена был готов отдать свой маленький нож, но второй он хотел сохранить. Оба умиака шли рядом,

и гребцы изо всех сил налегали на весла. Крийгалена в одной руке держал свой большой нож, а другой управлял лодкой. Его жены сидели на веслах.

Тогда Палонерк прыгнул к нему в умиак, и между ними завязалась борьба. Палонерк был обезоружен. Вдруг одна из женщин толкнула их за борт. Они сразу пошли на дно, и кверху стали подниматься пузырьки воздуха, окрашенные кровью. Вскоре они исчезли, и вся вода вокруг покраснела. Из воды вынырнул Палонерк. Отняв под водой нож у своего противника, он убил его.

На суше и на море не было человека, отважнее Палонерка. Он вернулся в свое стойбище у большой реки, держа в руках два железных ножа.

4. БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Зиму мы провели на Бейли, а весной семья Паниксака взяла нас с собой на реку Андерсон. Весной 1911 года там жило много эскимосов. Охота на гусей и уток была очень удачной. У меня был карабин 44-го калибра, и я стрелял из него дробью.

ВО ВЛАСТИ ПРИРОДЫ

Когда на реке начался ледоход, в наше стойбище пришел незнакомец. Он рассказал нам, что они с женой собирались охотиться на карибу, но были застигнуты на том берегу ледоходом. Из двух шкур карибу они сделали маленький каяк, натянув их на раму из ивовых прутьев. На этом каяке мужчина пересек вскрывшуюся реку! Женщина осталась на том берегу. Мы переплыли реку на умиаке и забрали ее оттуда. Звали этого эскимоса Аликнак.

Аликнак начал охотиться на карибу. Снега осталось слишком мало, чтобы ездить на нартах, и добычу им с женой приходилось перетаскивать на себе. Иногда я ходил им помогать. Комаров там было видимо-невидимо. Мы ходили все искуанные и терли лица снегом. Я очень страдал от этого.

Когда наконец вскрылся лед на море, мы ушли с реки Андерсон. В заливе Ливерпуль начался ледолом, и тюленей там было великое множество. Мои попутчики хорошо поохотились на озерах Имариук.

Мы отправились на мыс Далхаузи. Однажды вечером,

перед тем как пристать к берегу, мы проверили глубину воды и она оказалась совсем небольшой. Когда же мы проснулись на следующий день, то вода совсем исчезла. Обе наши лодки лежали на земле, а море отступило куда-то за горизонт. Я испугался, что мы уже не уплывем отсюда, но мои попутчики сказали, что вода вернется — и оказались правы.

Сильный восточный ветер позволил нам быстро достичь Китигариута, нигде больше не останавливаясь. Так я снова попал в родные места. Народу там жило немало и среди прочих попадалось много эскимосов с Аляски. На каяках больше никто не плавал, их заменили деревянные китобойные лодки. Многие узнавали меня и удивлялись, что я вырос такой большой. Очевидно, они видели меня раньше, но я никого из них не помнил.

Эскимосы, пришедшие с материка, нунатармеуты, устраивали религиозные сборища на виду у всех, приводя наш народ в изумление. Они громовыми голосами распевали молитвы. Мне было удивительно видеть такое, поскольку люди на Бейли, с которыми я жил раньше, не делали ничего подобного. Они никогда не устраивали никаких молитвенных собраний.

Я целый день наблюдал за ними и обратил внимание на одного эскимоса, одетого в белую парку, настолько длинную, что ног почти не было видно. Своими широкими рукавами она напоминала одежду епископа. Звали этого эскимоса Окритлаик. На вид ему было лет тридцать пять — сорок. Всякий раз, когда он произносил проповедь, я зевал от скуки.

ТЯГОТЫ ОХОТЫ

Летом Ойангин взял нас с бабушкой на Кугалук. Он отвез нас туда на своей шхуне. Добравшись до места и устроившись там, мы с Калакротак и Кратерариуком отправились охотиться на карибу. Мы шли пешком и всю поклажу несли на себе. Вскоре один из моих товарищей заметил стадо карибу. Я прежде никогда не видел этих животных. У Калакротака была собака, и он попросил меня присмотреть за ней, пока он будет охотиться. Собака громко лаяла и вырывалась — она тоже хотела идти на охоту. Я не удержал поводок в руках, и собака помчалась вслед за хозяином, а я бросился за ней. Скоро я догнал своих товарищей и Калакротак повел своего пса обратно. Тем временем мы с Кратера-

риуком продолжали преследовать карибу. Настигнув их наконец, мы начали стрелять и перебили всех. Там было двенадцать оленей. Вернувшийся Калакротак был страшно разъярен этим. Я изрядно перепугался, но мой дядя Кратерариук успокоил меня. Вот так я убил своего первого карибу.

Проведя весь день на охоте, мы отправились домой, неся на спине тяжелый груз мяса. Местность, по которой мы шли, была покрыта болотами. Мы осторожно продвигались вперед, как вдруг Калакротак споткнулся и упал, угодив головой в болото. Тяжелый груз тянул его вниз, мешая выбраться из воды. Он глотал воду, задыхался и пускал пузыри. Над водой был виден только его зад — бедняга извивался и дрыгал ногами, стуча ими по земле, словно это был барабан. Мы с Кратерариуком просто умирали от смеха и никак не могли сдвинуться с места, чтобы помочь ему. Наконец, мой товарищ вытащил его, продолжая покатываться от хохота.

В начале зимы рядом с нашей стоянкой пристали к берегу индейцы. Часть из них спустилась по реке Вильям на бревенчатом плоту. Остальные прошли на веслах по эскимосским озерам. У них было длинное большое каноэ, построенное на индейский манер. Эти последние пришли с Арктик-Ред-Ривер. Каноэ принадлежало одному из них, наполовину эскимосу. Остальные были чистокровные индейцы. Все они собирались ловить рыбу на Кугалуке.

Когда озера покрылись льдом, мы расставили на норок ловушки из бревен. Ни у нас, ни у индейцев не было собак, и мы обходили свои ловушки пешком. Часто мы ночевали в лесу под деревьями у большого костра, который горел всю ночь. Снег в лесу был рыхлый, и мы всю зиму не снимали лыж.

Я не отставал от своих товарищей ни на шаг и добыл норок больше, чем все другие эскимосы. Паниксак поймал черно-бурую лису. В те времена ее мех стоил целое состояние.

МОЙ ПЕРВЫЙ ЛОСЬ

Над Кугалуком взошло солнце и с каждым днем поднималось все выше. В феврале, когда мы обходили свои ловушки, нам попадалось множество лосиных следов. Мои товарищи никогда прежде не охотились на лосей, и поэтому мы скоро потеряли след.

В следующий раз, когда мы оказались в лесу, Паник-сак и Кратерариук опять пошли по лосиному следу, но взяли неправильное направление и очутились в противоположной от лося стороне. Тогда они сказали мне:

«Лось где-то здесь, но ты мешаешь нам найти его. Из-за тебя мы опять его упустили»

Они велели мне оставаться на месте и ждать их. Я не стал с ними спорить и сказал, что охотно останусь, потому что боюсь этих зверей. Мои товарищи снова отправились на поиски лося и скоро исчезли за деревьями.

После их ухода я тоже пошел по следу. Прежде я никогда не видел лосей. Вскоре я набрел на совсем свежие лосиные следы. Внимательно осмотрев все вокруг, я в конце концов обнаружил этого лося в чаще и застрелил его. Это было огромное животное с длинной мордой, способное напугать кого-угодно.

Я пошел обратно по своему следу и наткнулся на своих товарищей, идущих по следу лося, которого я убил. Я рассказал им о своей удаче, и они похвалили меня. Мне было в то время шестнадцать лет.

5. НАНГИМ! — ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Наступил 1911 год. За всю зиму нам не удалось убить ни одного лося. Как-то раз Калакротак впал в ярость и пытался убить Кратерариука. Я всегда боялся его, хотя он и не обижал меня. В один прекрасный день он схватил ружье и выбежал из дома, чтобы застрелить Кратерариука. Тот приходился мне дядей и я подумал, что если Калакротак убьет его, то и мне несдобровать. Когда Калакротак убежал, я попросил Паниксака взять ружье и убить его. Паниксак ушел, но никаких выстрелов не последовало, и я почувствовал большое облегчение. Я и вправду испугался, что меня убьют. Хорошо, что рядом оказался Паниксак.

КАДЖГУМ — Я ГОЛОДЕН

Вместе с Паниксаком мы с бабушкой возвращались на Туктуйактук. У нас было двое нарт, но кончились все съестные припасы. Вся семья Паниксака и мы с Кратерариуком впряглись в нарты. Бабушка идти не могла и сидела на тюках с поклажей. У нас было три собаки, но они страшно исхудали. Под конец нашего пребывания

на Кугалуке нашей с ними единственной пищей были куропатки, которых мы ловили силками.

Ойангин, дочка Паниксака и Қалакротак с семьей остались на Кугалуке. С самого отъезда у нас не было ни крошки во рту. Когда мы останавливались, анана давала нам пожевать ивалунт, верхнюю оболочку жил карibu, которые наши женщины используют вместо ниток. Из всей нашей партии только мы с дядей пользовались этой привилегией. Так прошло три дня.

«Если мы дойдем до озер Имариук,— сказал мой дядя как-то вечером,— я знаю, где найти там рыбные места. Но я не знаю, где мы находимся сейчас».

Я был уверен, что мы все умрем от голода. Даже куропатки стали такими осторожными, что мы не могли к ним подобраться.

Утром мы продолжили свой путь. В середине дня, забравшись на высокий холм, мои попутчики увидели наконец Имариук. Скоро мы уже стояли на берегу. Кратериук долго смотрел на озеро, а потом указал пальцем на небольшой мыс вдаль и сказал: «Вот то самое место, где мы ловили рыбу в прошлый раз».

Мы пошли туда, и дядя сразу же пробил во льду лунку и велел бабушке ловить рыбу. Анана взяла свой аоладжун и уселась у лунки.

Пока она ловила рыбу, мы построили иглу из снежных кирпичей. Муки голода заставляли меня все время поглядывать в бабушкину сторону. И вдруг, о радость! — она вытащила большущую форель. Когда иглу было закончено, бабушка натаскала их уже целую кучу. Мы надолго задержались на этом озере, питаясь выловленной рыбой. В том апреле она буквально спасла нам жизнь.

Позднее к нам присоединились еще две семьи с Тук-туйактука: Акаойаки и Улутиты. Весной на Имариуке рыбы всегда было много.

Когда начал таять снег, мы трое возвратились на Тук, прихватив с собой огромный запас рыбы. На Туке мы встретили Крикоака с товарищами и отправились с ними за ондатрами. В то время капканов на этих зверьков не ставили — их убивали ударом палки.

ПАРА ЗАБАВНЫХ СЛУЧАЕВ

Я забыл рассказать вам одну смешную историю. Как-то раз, когда я был еще совсем молод, мы с Напераком

пошли покупать чай в фактории Фреда Уолки на реке Хортон. Дело было осенью, и море было свободно ото льда. Мы шли пешком и остановились передохнуть в доме у Атугаосеака. Он был болен, плевал кровью и редко покидал свою хижину. Атугаосеак рассказал нам, что с ним приключилось.

Накануне нашего прихода погода стояла великолепная и он вышел из хижины подышать свежим воздухом. Море было спокойным и гладким, как масло, не ощущалось ни малейшего ветерка. Атугаосеак стоял, глядя на море и восхищаясь его спокойствием, как вдруг налетевший шквал поднял его, как перышко, и погнал вперед, заставив бежать с немыслимой быстротой — и это его, который обычно еле передвигал ноги!

Мы от души посмеялись над его приключением.

Мне вспомнилась еще одна забавная история. Однажды к Пайолерку пришел эскимос с Аляски по имени Аитаг, что означает «открытый рот». Побыв немного, Аитаг встал и собрался уходить, не дождавшись чая. Тогда Пайолерк и говорит:

«Эй, посмотрите, «Открытый рот» уходит, так и не открыв рот, чтобы попить чаю!».

Эта игра слов всегда очень смешила наших людей, когда им рассказывали эту историю.

МОЕ ПЕРВОЕ ПЛАВАНЬЕ В КАЯКЕ

Весной 1911 года в Налрореаке собралось множество эскимосов. Они направлялись в форт Макферсон, чтобы обменять там свои меха на провизию.

Я поплыл за ними в каяке, который почти сразу же перевернулся. На мое счастье, какая-то женщина заметила мое отсутствие, когда все спали, и мои товарищи пошли искать меня. Вот так я чуть было не утонул.

В форт Макферсон отправилось очень много народу. В то время население Налрореака было довольно значительным. К нам присоединились люди с Китигариута и с материка. Как раз в то время на Китигариуте поселился священник, преподобный У. Г. Фрай. Дом ему построил плотник по имени Янг.

Самым уважаемым человеком в Налрореаке был мой дядя Овайуак. Мы остановились в его доме.

Вместе со всеми мы отправились ловить рыбу на Тук-туйактук. Успешно порыбачив, мы поднялись по реке. На Тунунерке мы охотились на зайцев. Когда большая река

стала замерзать, мы вновь спустились к Иглуйуаралуку, что в двадцати милях от Китигариута. Там мы и остались зимовать, потому что это место первым освобождалось ото льдов весной. Отсюда мы намеревались пойти на лодках в форт Макферсон и на Арктик-Ред-Ривер.

Когда река замерзла, дядюшка Овайуак объявил, что мы идем ловить рыбу на озеро Наитоалук, что на эскимосском языке означает «короткое озеро». И действительно, озеро это было совсем небольшим.

У нас с ананой было только две собаки, но дядюшка обещал дать мне еще одну. Утром в путь вышло три партии: Овайуак и Ниулрарпалук, каждый со своими товарищами, и семья Ивиткрока. Мы с ананой шли далеко позади. Я посадил ее на свои нарты. В упряжке было всего три собаки, и они не очень-то справлялись со своей работой. Дорогой мне пришлось помогать им. В начале зимы лед на реке еще почти не покрыт снегом, и нарты двигались с трудом.

Мы с бабушкой сильно отстали от своих попутчиков и шли по их следам. Местность вокруг была мне совершенно незнакома. Когда стемнело, мне стало по-настоящему страшно. Никакой еды у нас с собой не было. Ну и путешествие! Вокруг темнота, ветер дует в лицо, а мы все идем и идем, волоча за собой тяжелые нарты. Наконец впереди засветился костер. Скоро мы были уже со своими, и все мои страхи и печали прошли. В те времена мне часто бывало грустно и страшно — ведь мне едва минуло шестнадцать.

Там, на берегу озера, бабушка занемогла. В палатке, где мы жили, было ужасно холодно. Ей становилось все хуже и скоро она окончательно слегла. Своей палатки у нас не было, и мы жили вместе со всеми. Вскоре наши попутчики собрались уходить и стали снимать свои палатки. Анана сказала мне: «Уходи со всеми, малыш. Тебе нельзя здесь оставаться одному. Какая жалость, что я не успела дошить твою парку!».

Это были ее последние слова. Я долго и горько плакал. Даже сейчас, когда я вспоминаю об этом, глаза мои наполняются слезами. Когда все было собрано, мы положили бабушку на нарты и отправились на Имариук. Я шел последним и время от времени окликал бабушку, но она не отвечала. Один раз она кивнула головой, как бы соглашаясь, и это было все. Когда мы прошли четыре или пять миль, она перестала дышать. Так я потерял бабушку, мать моего отца.

Подростки временами чувствуют себя очень несчастными. В тот день мне довелось испытать всю глубину безутешного горя. Я все время плакал, но никто из моих попутчиков и не подумал ждать меня. До самого вечера ташил я тело бабушки в полном одиночестве и нагнал своих, только когда они остановились на ночь.

На следующий день я вышел вместе со всеми. Дядюшка Овайуак сказал мне, что они собираются идти дальше. Я опять отстал и плелся позади всех, волоча за собой бабушкино мертвое тело. Мы очень долго перебирались через Имариук: мои бедные собаки отошали от голода и совсем выбились из сил. Только к ночи я догнал своих.

На Имариуке мы оставались довольно долго, а потом дядюшка Нуйавиак, Ивиткронак и я отправились на Туктуйактук за рыбой. У нас с дядей были только одни нарты, и на них мы положили тело ананы. Уже наступил ноябрь. На Китигариуте священник Фрай и его плотник Янг сделали для бабушки гроб. Тириксинак взялся рыть могилу, но я не помогал ему. Мою бабушку звали Оконалук. Когда-то давно Тириксинак убил двух ее племянников и ничего не сделал, чтобы похоронить тела своих жертв. Поэтому теперь он решил вырыть могилу хотя бы для их тетки.

ЭСКИМОССКОЕ ЛЕКАРСТВО

Запасаясь рыбой на Туктуйактуке, мы с Нуйавиаком вернулись на Имариук к дяде Овайуаку. Пока другие занимались рыбной ловлей, я поставил три капкана на том берегу озера. В один из них попалась черно-бурая лисица.

Солнце больше не поднималось над горизонтом, и рыба перестала клевать. Есть нам было нечего, и мы решили вернуться на Тук. Там у нас было запасено много рыбы. Поскольку провизии у нас не было, мы с дядей взяли только одни нарты. У нас осталась только одна собака, у семьи — Овайуак — две. Хотя до Туктуйактука было совсем недалеко, наши голодные и замерзшие собаки отказались идти дальше. Они легли на снег, и нам самим пришлось впрягаться в нарты. Так мы добрались до Тука.

Из своих кладовых мы достали рыбу. Ночью одна за другой стали подходить собаки. Отдохнув и согревшись, они пошли по нашим следам. Мы хорошо накормили их.

Вскоре наши собаки поправились и окрепли. Овайуак, самый старший из моих дядюшек, решил идти на Китигариут, чтобы продать черно-бурую лису, которую я поймал на озере Имариук. Там Овайуак продал лису мистеру Янгу, который заплатил за эту маленькую шкурку 110 долларов. На эти деньги дядя купил провизии. Мне он купил карабин 30/30 и множество коробочек с патронами. Он также взял керосиновую лампу, и я с удивлением наблюдал, как ярко она освещает все вокруг.

Как раз в это время у нас с дядей Нуйавиаком появилось множество болячек на ногах и бедрах. Они так невыносимо зудели, что расчесав их до крови, мы бросались в снег, и он становился красным. Мы чуть не умерли тогда. Я думаю, что у нас было то, что белые люди зовут оспой. Частое сидение в снегу исцелило нас и залечило наши язвы.

6. НУНАМЕЛУ ТАРЕОМЕЛУ — МОЕЙ ШКОЛОЙ БЫЛИ МОРЕ И ТУНДРА

Зимой 1912 года мы остались на Китигариуте, где в то время жило и много других семей. Туда же пришли на зимовку и наши родственники, семья Каанерк. С Гершеля приехала на нартах моя мать, чтобы забрать меня с собой. Я очень давно не видел ее и моего отчима с братом. Мы расстались на Гершеле в 1906 году, а сейчас был уже февраль 1912 года. Узнав о смерти бабушки, они решили забрать меня к себе.

Проведя зиму на Туке, а сезон рыбной ловли на Имариуке, мы с наступлением весны двинулись на восток. Как-то раз, когда мы остановились на ночь, я пошел охотиться на зайцев. Подстрелив девять штук, я решил искать десятого. В долине реки я наткнулся на свежие медвежьи следы. Таких огромных следов я раньше никогда не видел. Куча навоза, который медведь оставил на снегу, могла бы заполнить наш большой таз для мытья. Увидя ее, я испугался и побежал обратно на стоянку.

СНОВА НА ГЕРШЕЛЕ

По дороге домой мы завернули на Тапкрак (мыс Шингль). Уильям Диллон жил там по-прежнему, но выглядел постаревшим. Когда мы прошли еще немного,

мой маленький брат сказал мне: «Тайка! Смотри!». Вдали показался Гершель, и вскоре мы уже были там. Народу на острове было видимо-невидимо. Там зимовала трехмачтовая шхуна «Бельведер», на которой капитаном был мистер Коттл.

Весной к нам пришел Аннарток с женой, чтобы взять меня в Акпаджеасак, где у них была китобойная лодка. Аннарток купил эту лодку у капитана Коттла, но вся оснастка принадлежала белому человеку по имени Сторкерсон, который до этого пользовался лодкой. И он забрал все свои снасти! Нам пришлось идти на Гершель за новыми. Лед на море уже начал подтаивать и поэтому мы шли пешком. Снасти мы сумели достать на зимующей шхуне. По дороге обратно мы заночевали на мысу Кей. Проснувшись, Аннарток пошел на охоту и добыл семь тюленей. Мы опять шли пешком, я устал и засыпал на ходу, но все же благополучно добрался до дома.

КАК МЫ СЕЛИ НА МЕЛЬ

Когда на Акпаджеасаке закончился ледоход, мы отправились в лодке вверх по реке. Мотора у нас не было. При попутном ветре мы ставили парус. Если же стояла тихая погода, мы оставались на стоянке. Как-то раз мы шли под парусом при попутном западном ветре. Аннарток стоял у руля. Нас было четверо вместе с его женой и дочкой. Мы торопились, так как хотели перехватить людей с Китигариута в том месте, где они обычно проходили, чтобы продолжить путь вместе с ними.

Попутный ветер гнал лодку вперед и все, кто был в ней, заснули, включая и нашего капитана, стоящего у руля. Вскоре Аннарток разбудил меня. Я в недоумении стал оглядываться вокруг и увидел, что лодка наша села на мель и наполовину торчит из воды. Зрелище засевшей на мели лодки с раздувающимися от ветра парусами ужасно развеселило меня, и я начал покатываться со смеху. Но Аннарток рассердился, заворчал и сделал грозное лицо. Я кусал губы, чтобы не рассмеяться. Он был весьма раздосадован, отлично сознавая, что это он, и никто другой, посадил лодку на мель.

КРЕЩЕНИЕ В ОЧЕРЕДЬ

Столкнув лодку в воду, мы продолжили свое плавание. Наконец мы достигли места, где должны были про-

ходить эскимосы с Китигариута, и стали на стоянку. Ночью нам досаждали тучи комаров. Постепенно стали подходить люди и среди них Мангилалук и Тирктерк, каждый со своими товарищами.

Потом все отправились в поселок на Арктик-Ред-Ривер. Там к нам присоединились индейцы и эскимосы с материка, и вниз по реке к форту Макферсон поплыла целая лодочная флотилия. Пароход еще не пришел. В ожидании его мы устраивали празднества, где исполнялись танцы эскимосов и белых людей. Все веселились от души. У нас даже были состязания по борьбе.

В то лето я научился пользоваться календарем и с тех пор никогда не делал ошибок. В Макферсон приехал священник, мистер Уиттакер. Он облил водой множество людей. Я встал в очередь и тоже принял участие в этой церемонии. Одному эскимосу по имени Ойангин священник сказал:

«Я даю тебе имя Гайдн».

«Что за странное имя ты мне даешь», — ответил Ойангин. Ему вовсе не хотелось так называться. Многие эскимосы вообще не понимали, что происходит, но не утруждали себя вопросами. Смысл молитв до них не доходил.

КАК МЫ ПЛЫЛИ ПО МОРЮ НА СОБАКАХ

Скоро в Макферсоне стало нечего есть и люди стали расходиться. Перед отъездом мы забросили сети и вытащили неплохой улов. Всякий раз, когда мы останавливались, друзья и родственники собирались друг у друга в палатках и ели вместе. Вскоре мы разделились и каждый пошел своим путем: одни отправились на Гершель, другие — на Китигариут. Мы с семьей Аннартока вернулись на Гершель.

Когда мы отплывали от Тартака, стояла безветренная погода. Кто-то сказал:

— Ветра не будет долго. Давайте впряжем в лодки собак.

В нашей лодке плыл Наипартунак с женой. У эскимосов с Аляски тоже было много лодок. Сказано — сделано. Собак впрягли в лодки и они потащили их. Наша лодка была первой. Я шел по берегу, погоняя собак и освобождая построжки, когда они запутывались в стволах выброшенных морем деревьев.

За нами шла китобойная лодка, которую тоже тащили

собаки, действуя при этом совершенно самостоятельно. Я просто не верил своим глазам, глядя как они обходят стволы деревьев, пни с торчащими корнями и коряги, скрывающиеся в воде. Всякий раз, когда они подходили к большому столу, их хозяин отдавал команду, и вожак входил в воду, увлекая за собой других собак. Так они благополучно обходили все препятствия. Я был восхищен их умом и ловкостью. Всему этому собак научил их хозяин, Онайарк.

НЕПЛОХАЯ ШУТКА

В полдень мы остановились, чтобы поесть. Один из эскимосов поднялся на холм, чтобы обозреть окрестности. Спустившись, он сообщил, что совсем недалеко видел карибу. За ним отправилось несколько охотников из племени нунатармеут, эскимосов Аляски с материка.

Я пошел с ними посмотреть, как они будут охотиться. Вокруг летали тучи комаров. Вскоре охотники увидели карибу, до которого оставалось около 400 ярдов. Мой дядя Наипартунак посоветовал охотникам потихоньку подползти к оленю. Они опустились на четвереньки, но дядя не последовал их примеру. Он схватил ружье и уложил карибу прямо с того места, где стоял. Охотники так и подскочили от неожиданности.

Чтобы разделать тушу, много времени не потребовалось, и каждый охотник понес на стоянку по небольшому куску мяса. Скоро на кострах закипели котлы, и в мгновение ока карибу был съеден без остатка.

Однако эскимосы с Аляски были недовольны: они ворчали на Наипартунака и по-всякому его обзывали. Но тот только посмеивался. В конце концов, хоть он и подшутил над охотниками, это благодаря ему люди смогли досыта поесть. В те времена многие нунатармеуты, сменив нищее существование на Аляске на привольную жизнь в дельте Маккензи, прямо таки раздувались от тщеславия.

Наконец мы достигли Гершеля. Я сразу же пошел в дом своих родителей. Те, кто жил в дельте, стали дожидаться шхуны капитана Петерсена «Эльвира». В обмен на свои меха нунатармеуты могли получить у него любой товар.

Раз уж разговор зашел о дельте Маккензи, я хотел бы рассказать о том, что слышал от родителей. Эскимосы Китигариута, коренные жители этих мест, издавна

избегали селиться в дельте. Так же вели себя и индейцы. Для них дельта была только местом охоты. Когда охотничий сезон кончался, они возвращались домой, считая устье Маккензи заповедником, где никто не должен строить дома или проводить весь год. Дичи там водилось видимо-невидимо. Переселившись с Аляски, нунатармеуты стали строить в дельте свои жилища и жить там круглый год. Они охотились на норок даже летом и вскоре опустошили всю эту местность. Сейчас в дельте совсем не осталось пушного зверя, и его промысел почти прекратился.

Лето мы провели на Гершеле. Закончив свои дела на корабле, эскимосы вернулись в дельту. Население Гершеля было довольно большим, и я с удивлением услышал, что многие эскимосы неплохо говорят на языке белого человека. Они научились ему от белых китобоев. Мой младший брат Иркралугалук все время ходил по пятам белых матросов и так выучился их языку.

В сентябре мы поставили сети на тюленей. Нередко одна сеть приносила за ночь десять — двадцать, а иногда и все тридцать тюленей. У многих эскимосов были сети, которые они не без успеха закидывали ночами. Иногда, правда, улов бывал невелик, потому что стада тюленей ходят неравномерно. И все же на острове Гершель нам жилось совсем неплохо.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ПЕС

Когда осенью море сковало льдом, я поставил несколько капканов на песцов. В то время на Гершеле не было факторий и нельзя было ничего купить. Я прослышал, что на Тапкраке поселился белый человек. С самого своего возвращения домой я ездил на собственных нартах. Стойбище наше находилось на материке, прямо напротив острова.

Я еще с прошлой зимы собирался охотиться с капканами, чтобы помочь своим. Мы жили очень бедно. Отчим мой не слишком заботился о семье: он редко ходил на охоту и не ставил капканов. И все же я не осуждал его за это, потому что он был добр и любил меня.

Рождество и новый 1913-ый год я встретил на Гершеле и после праздников отправился на Тапкрак, чтобы обменять песцовые шкурки на муку. Белый человек, которому принадлежала фактория, взял в жены эскимоску с Аляски. Он спросил меня, зачем я пришел, и я сказал,

что хочу получить муки. Он потребовал две шкурки за пятьдесят фунтов, и я купил 250 фунтов муки.

Белого человека звали мистер Стен. Ночь я провел на Тапкраке и утром вышел в обратный путь. Следующей ночью я остановился на мысе Кинг, построив себе снежное иглу. Мне предстояло пересечь полуостров, чтобы сократить долгий путь вдоль берега. Полуостров этот представлял собою длинное плато, круто спускающееся к морю. Поднялся я на него вполне благополучно, но при спуске мне пришлось поволноваться.

Я освободил четырех собак из упряжки, оставив пятую в постромках. С этими четырьмя собаками я спустился вниз и, оглянувшись, застыл от удивления. Нарты мои оказались на середине склона. Оставшаяся собака стащила их с вершины и одна тянула вниз. Нарты с поклажей были очень тяжелыми. Я побежал, чтобы остановить их, но они двигались все быстрее по крутому склону. В конце концов нарты поравнялись с собакой и, опрокинувшись на бок, придавили ее и на полной скорости протащили по склону. На бедного пса свалилась вся поклажа. Когда я подбежал к нему, он весь обделался со страху.

С трудом я поднял нарты и освободил собаку. Она вскочила и понеслась вниз. К моей великой радости, на ней не осталось даже царапины. Следующую ночь я провел на мысе Кей и к вечеру уже был на Гершеле.

СНЕЖНАЯ БУРЯ

В марте я снова поехал на Тапкрак за мукой. На обратном пути я заночевал в своем иглу на мысе Кинг. Утром поднялся ветер, предвещающий снежную бурю. Тем не менее, я решил продолжить свой путь, надеясь найти убежище в домике Канадской конной полиции на дальнем конце бухты к западу от мыса Кей. Добравшись туда, я вошел в хижину и обнаружил, что оттуда убрали печь, вероятно, для того, чтобы никто не мог там остановиться. Во всяком случае, я понял это именно так и не посмел остаться.

Ветер все усиливался и дул мне прямо в лицо. Я шел по льду и тянул за собой своих собак. Одна из них вдруг остановилась, не в силах идти дальше. Я положил ее на нарты и потащил их, пробиваясь сквозь снег и ветер. В какой-то момент мне показалось, что я уже прошел стоянку моих родителей на Фес-Ривер. Я решил по-

вернуть налево, в сторону берега, но дойдя туда, не увидел реки. Мне пришлось идти и дальше против ветра. Наконец, к моей великой радости, я добрался до реки — там, вверх по течению, был мой дом. Как же хорошо было вернуться туда! От снега и ветра у меня распухли глаза.

«Я и не думала, что ты дойдешь», — сказала мне мать.

ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ЛЕКАРСТВО

Наступила весна. Рядом с нами поселился белый человек с Гершеля. Звали его Питер Питерсон. Как-то раз он послал меня на остров за мукой, сахаром и другой провизией, одолжив свои нарты и собак.

На обратном пути у вожака и еще одной собаки появились признаки бешенства: изо рта у них пошла пена. Я не решился убивать их в отсутствие хозяина и поэтому поехал дальше, невзирая на опасность. Когда я вернулся на стоянку, Питер посадил собак на цепь. Посмотрев на них задумчиво некоторое время, он сказал, что когда-то давно видел, как эскимосы лечат своих собак от бешенства. Они вынимают из патронов свинец, оставляя в них только порох. Потом они стреляют холостыми патронами в больную собаку и она выздоравливает.

Все стали подбадривать его, советуя ему попробовать этот способ. Кругом собрался народ. Питер попросил ружье, вынул патрон, извлек оттуда порох и свинец, а потом порох насыпал обратно. Он подошел к собаке, и стоя прямо под ней, прицелился и спустил курок. Из ствола вырвался длинный язык пламени, но выстрела не последовало. Когда мы увидели, как Питер целится в собаку, а потом поднимает голову и с недоумением смотрит на свое ружье, нас охватил неудержимый смех. Но собака после этого все равно сдохла!

III

ИНУКТУН — НАСТОЯЩИЙ ЭСКИМОС

1. КАК ПРОХОДИЛИ НАШИ ДНИ

Далеко не все, что мне довелось пережить, нашло отражение в этом повествовании. Почти каждый день что-нибудь происходило, но события эти во многом схожи. Если бы я стал рассказывать обо всем, что хранит моя память, этого хватило бы на добрую дюжину книг. Поэтому многие события я опускаю и упоминаю лишь самое важное, что случилось за год.

Когда кончился сезон охоты на ондатр, некоторые решил идти бить китов, а остальные двинулись к форту Макферсон. Я присоединился к этим последним и, проведя некоторое время в стране иткрилитов (индейцев), возвратился на Тапкрак с попутной лодкой.

Тем летом на Тапкрак, в лавку Оле, приходило множество эскимосов. В первые две недели августа мы с моим братом Джимом охотились в горах. У карибу в это время длинная шерсть, и из их шкур получается хорошая одежда. Мы отправились туда с несколькими собаками, на которых навьючили поклажу.

С гор мы принесли много свежего мяса и устроили праздник для эскимосов. Эскимосские танцы исполнялись под барабан, а танцы белого человека — под скрипку. Джим отлично играл на скрипке, а я заказывал танцы. Наши гости не скучали.

Мы с Джимом решили увеличить наше иглу, чтобы там можно было свободно танцевать. Когда эскимосы возвратились в дельту, мы закончили работу и довели размеры дома до двадцати пяти на двадцать футов.

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО ХОРОШО КОНЧАЕТСЯ

В конце августа я плавал рулевым на шхуне «Макферсон», принадлежащей Компании Гудзонова залива. Мы доставляли провизию в форт Бернард Харбор, расположенный на земле крангмалитов. «Макферсон» вел за собой на канате шхуну Нельса Холма. У этого Нельса был компаньон, молодой крангмалерк, утонувший прошлой весной на Китигариуте.

В Бернард Харбор собралось множество крангмалитов. Перенести груз из трюма на берег мне помогли два индейца: Поль Барнаби и Уильям Кой. С наступлением темноты мы прекратили работу и пошли навестить эскимосов на берегу. Палатки у них были из шкур карибу — раньше я таких никогда не видел. Некоторые были совсем маленькими. Побродив по стойбищу, мы вдвоем зашли в большую полотняную палатку размером десять на двенадцать футов, где нас приветствовали Мавха и его жена Крилаолук.

У них был атортуяр, музыкальная машина, которую мы с большим удовольствием слушали.

«А где же Крановак?» — спросил меня Мавха.

«А кто такой Крановак?»

«Ну, он еще ушел прошлой зимой с Каблунаком, тем самым бровастым, который сейчас плавает с вами».

Тут мне на память пришли слухи, которые ходили прошлой весной.

«Нельс Холм говорил, что он утонул в реке во время ледохода».

«Да, это точно он, — сказал крангмалерк. — Того как раз звали Нельс!».

И Мавха сообщил, что старший брат Крановака Утугор, находится сейчас в стойбище. Он поклялся, что если Крановак не вернется из похода, он убьет любого, кто придет из тех мест.

«Кто-то должен пойти к Утугору и рассказать ему об этом», — обратился ко мне Мавха.

«Иди сам скажи ему», — ответил я.

Мавха поднялся и ушел вместе с женой. Я остался с индейцами в палатке. Они не знали Крановака и ни слова не поняли из нашего разговора. Объяснять, в чем дело, я им не стал. Я здорово испугался и вздрагивал при каждом шорохе. Мои товарищи смеялись и развлекались с музыкальной машиной, а я все время настороженно прислушивался. Я сделал попытку их увести, но потерпел неудачу. Индейцы заявили, что еще рано, и торопиться некуда. И тут я услышал крики. Палатки стояли близко друг от друга, и из одной из них доносились громкие голоса. Мои товарищи тоже их услышали.

«Кто это так вопит?» — спросили они.

«Тот, кто поклялся убить всех, кто приплыл на шхуне».

«Пойдем скорей отсюда», — заторопились индейцы. Мы выскочили из палатки. Вокруг была темнота.

Каяк, на котором мы приплыли, стоял в трехстах-четырехстах ядрах от стойбища. Мы с Уильямом пустились бежать со всех ног. Поль старался не отставать, но бежал он неважно. Он споткнулся о большой камень и растянулся на прибрежной гальке, ворча, как тюлень. Должно быть, он сильно ударился, но вида не показал.

Каяка на берегу не было! Мы стали кричать, и со шхуны послали за нами лодку. Уильям рассказал команде о наших приключениях, и матросы посоветовали нам покараулить на палубе. Я схватил железный ломик, а индейцы вооружились палками. На море не было ни ветерка. Вдруг от берега отделился маленький каяк. Матросы вышли на палубу посмотреть, что происходит.

На веслах в каяке сидел крангмалерк. Он доставил на борт шхуны одного из членов команды, Морриса Покиака. Пока мы в страхе ждали нападения, Моррис разыскал Утугора и сумел убедить его отказаться от мщения. На следующий день Нельс Холм подарил Утугору ружье и другие необходимые вещи, которые в те времена трудно было достать. Но я навсегда запомнил тот страх, который мне пришлось испытать.

Когда мы возвращались из Бернард Харбор домой, я убил белого медведя. Мы остановились на Бейли, где капитан взял на борт женщину, какую-то вдову. Утром он не встал с постели, и мне пришлось вести корабль одному. Дрейфующие льды таили в себе большую опасность, и мне не терпелось скорее добраться до дома. Я сошел на берег у мыса Кинг вместе с Эдди Кублу и женщиной, которую звали Моник. До Тапкрака мы дошли пешком и были счастливы очутиться наконец дома.

ДАЛЬНИЕ ПОХОДЫ И СНЕЖНЫЕ БУРИ

Улов осенью был хорошим, и до морозов мы успели наловить много сельди, забрасывая сети с каяков. Старик Дункан помогал мне охотиться на тюленей. В октябре я преследовал стада карибу. Ни одного дня не проводил я в праздности.

Песцы попадались довольно редко, но спрос на них не спадал и цена держалась высоко. В нашем большом иглу постоянно менялись люди. Служащие Компании Гудзонова залива, эскимосы с Китигариута, Гершеля и Аклавика, полицейские патрули, жители дельты, приходившие на Тапкрак за провизией,— все они были гостями нашего дома.

Перед самым Рождеством на Гершель приехал главный управляющий Компании Гудзонова залива мистер Холл. Он попросил меня довезти его до Аклавика, где намеревался провести праздники, и я согласился. Мистер Холл был весьма солидным мужчиной: он весил 360 фунтов. Тем не менее, всю дорогу до самого Аклавика он не слезал с нарт. Кроме того, мы везли палатку, печку и все необходимое для стоянок, включая съестные припасы. Мы оба ехали на нартах, а я весил 170 фунтов. По сей день я с гордостью вспоминаю своих собак, которые были способны тащить такой груз. Собаки мои славились своей силой и выносливостью.

После Рождества я возвратился на Тапкрак, чтобы встретить там Новый год. В первый раз я ехал на пустых нартах. Наступил 1919 год. После праздников Оле попросил Дункана пойти на остров Укивик. Старик не хотел идти один, и Оле обратился ко мне.

«Тебе это будет дорого стоить»,— заявил я ему.

«Давай, называй свою цену — я заплачу тебе»,— ответил Оле.

Нам предстоял тяжелый переход по льду вдали от берега, который бы мог служить ориентиром. Мы вышли в путь. На следующее утро, едва мы вылезли из иглу, где провели ночь, как подул резкий западный ветер, который вскоре перешел в снежный буран. Продолжать путь было нельзя: я опасался потерять старину Дункана. Вынув нож, я стал втыкать его в снег, чтобы определить, годится ли он для постройки иглу. Найдя подходящий участок, я остановился, и мы живо соорудили иглу. Там мы провели два дня и две ночи.

На третий день ветер стих, и мы вышли в путь. Но скоро сгустился туман и закрыл все вокруг плотной пеленой. Пришлось нам опять строить иглу.

На следующий день мы уже были на Укивике. Там Дункан купил песцовые шкурки по шестьдесят три доллара за штуку. Это была довольно высокая цена. Не знаю, сколько шкурок он взял. Я тогда не стал их считать. Через два дня мы отправились домой. Погода стояла великолепная, и мы добрались всего за полтора дня.

Спустя месяц после этого события из Фэрбенкса пришел белый человек по имени Джонсон. Он хотел попасть в дельту, чтобы купить там у эскимосов шкурки песца, норки и другого пушного зверя. За меха он собирался расплачиваться деньгами. Джонсон предложил хорошую плату, чтобы его проводили туда, и я пошел с ним.

На стоянке я выстроил иглу и поставил на печку котелок с рисом. Когда вода закипела, все вокруг заполнил густой туман. Так всегда бывает, когда в холодном иглу что-нибудь разогревается на огне. Скоро мы уже едва различали друг друга. Мой белый попутчик никогда раньше не видел настоящее иглу.

«Я, пожалуй, сменю унты, пока еще что-то можно рассмотреть»,— заявил он.

Шутка эта показалась мне такой забавной, что я смеялся, пока у меня не свело скулы.

На следующее утро я отвел его к эскимосам, где мы оставались около суток. Потом я вернулся домой, а Джонсон продолжил свой путь по реке, заходя во все попутные стойбища.

В марте конная полиция забрала белого человека, который вил нам веревки из льняных ниток. Мы с моим старым отцом сплели из них сеть длиной в сотню фэсомов, такую прочную, что ею можно было ловить китов.

ЭСКИМОС ПРОТИВ ИНДЕЙЦЕВ

В Аклавик я вернулся, когда там начался сезон охоты на ондатр. Поселок сильно разросся. В конце сезона я присоединился к группе индейцев и отправился с ними в форт Макферсон. С одним из этих индейцев, Джоном Фрэнсисом, я дружил. Я называл его «скелетом», а он меня «толстяком».

Однажды, не помню уж по какому поводу, он сказал мне:

«Глядя на тебя, никак не скажешь, что ты можешь быстро бегать».

«Это почему же?»

«Уж очень ты толстый, прямо как шар».

«Да только не тебе со мной тягаться».

«Почему не мне?»

«Больно ты тощий, кожа да кости».

«Во всяком случае,— заявил мой иткрилерк,— если мы побежим наперегонки, твой толстый зад никогда не окажется впереди меня!»

«Конечно, ты тощий, как жердь, но доведись нам бежать вместе, твои кости никогда не будут маячить у меня перед носом».

Все это слушали индейцы.

«Довольно болтать, покажите на деле, чего вы стоите»,— сказали они нам. Хвастая друг перед другом, мы

вошли в азарт. К нам присоединились и другие молодые индейцы. Всего бежало шестнадцать человек, и я был единственным среди них эскимосом. Мы установили расстояние в 500 ярдов. Я сразу же обогнал почти всех, но к цели мы прибежали одновременно с Фредом Фесом. Сразу же за нами пришел Джон Фрэнсис — остальные здорово отстали.

Я приветствовал Джона словами:

«Ну, что, успел рассмотреть мой толстый зад?»

Джон был раздосадован.

«Ладно, забудем об этом», — пробурчал он.

Мы решили пробежать еще разок. Я быстро вырвался вперед. По правде говоря, мне хотелось обогнать только Джона. В самом конце Фред настиг меня, обойдя всего на один шаг. Я обернулся и увидел, что Джон бежит прямо за мной.

«Джон, тебе не мешает этот толстяк впереди?»

На этот раз он весело засмеялся. Все были очень довольны.

Вскоре я отправился домой на своем вельботе.

ЭСКИМОССКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

Когда появились белые киты, мы достали свою длинную сеть и забросили ее на небольшом островке неподалеку от Тапкрака. Место там было очень удачное, поскольку сеть легко можно было закрепить на берегу.

В сеть попадалось множество белух, и сразу появилось немало желающих воспользоваться ею. Мы никому не отказывали и принимали всех, кто желал потрудиться. Те, кому сеть не доставалась, предлагали нам свою помощь. Так мы оказывали друг другу поддержку.

Обычно к длинной зиме эскимосы готовились совместно. В детстве я видел, как мои родители помогали своим соседям и делились с ними мясом. Когда кто-нибудь шел рыбачить или охотиться, я всегда предлагал свою помощь. Если я замечал вдали группу эскимосов или знал, что кто-то из них находится поблизости, я обязательно шел выяснять, все ли у них в порядке. Если им бывали нужны дрова, я колол их. Когда у меня выдавалось свободное время, я собирал бревна на берегу.

Своего младшего брата Джима я никогда не заставлял делать тяжелую работу. Джим был отличным музыкантом: он умел играть на любом инструменте белых.

Я купил ему скрипку и аккордеон. Сам я был ленив по этой части и никогда не пытался ни на чем играть. Я любил движение, работу, охоту — но был непрочь и потанцевать.

БОЛЬШАЯ ЛОДКА БЕЗ ПАРУСОВ

На Тапкраке ждали большое судно, которое должно было привезти товары и провизию. Вдруг на берегу слышались голоса:

«Умиарпаояр! Большая лодка пришла!»

На лодке не было парусов, но она быстро приближалась к нам, вызывая всеобщее изумление. Эскимосы никогда не видели раньше такой лодки. На ней был паровой двигатель, и принадлежала она чистокровному эскимосу Денису Аннактору.

Всем хотелось попасть на борт, так что скоро лодка была до отказа набита людьми. Я тоже забрался туда. Кто-то спросил Аннактора, какая мощность у его двигателя.

«От девяти до двенадцати лошадиных сил».

«Акрале! Вот это мощность!» — заволновалась толпа. Это был первый случай, когда эскимос стал обладателем парового двигателя.

Мы попросили Аннактора прокатить нас.

«Ладно, снимайтесь с якоря», — разрешил он.

Всем хотелось посмотреть, как будет работать лодка, и в рубку набилось полно народа. Мне стали кричать:

«Давай, вези нас — ты же был рулевым на моторной лодке».

Они были правы: я водил шхуну «Макферсон», принадлежащую Компании Гудзонова залива. Я стал у руля, и мы вышли в море. Эскимосы были восхищены скоростью лодки. Сейчас воспоминание об этом вызывает у меня улыбку. В наши дни суда действительно ходят быстро. А лодка Аннактора, которая повергла нас всех в такой восторг, имела маленький двигатель мощностью всего-навсего девять лошадиных сил!

НА ВЕТРУ И ПОД ДОЖДЕМ

Осенняя охота была в полном разгаре: из шкур карibu, убитых в это время, получается самая лучшая одежда. Мы с Джимом отправились охотиться пешком, прихватив с собой своих собак. Иногда, чтобы унести все

мясо, нам приходилось нагружать всех девятерых псов. Как-то раз нас в горах застал сильный дождь, и мы три дня не выходили из палатки, изнывая от безделья. Но когда мы наконец вернулись домой, началось время развлечений, хорошей еды, музыки и танцев. Эскимосы умеют веселиться по-настоящему.

Наши люди вернулись домой в сентябре, когда мы ловили сельдь. Вокруг Тапкрака эта рыба водится в изобилии. Подчас улов был таким большим, что мы ставили свои лодки рядом, когда вытягивали сеть.

Наступила зима, и море покрылось льдом. У Джима уже были собственные нарты и собаки. Мы вместе обходили капканы. В те дни мы нечасто бывали дома и не ходили в гости к друзьям. Все время мы проводили в походах, и ни снег, ни ветер не могли остановить нас. Когда погода портилась, мы связывали свои упряжки вместе. Джим ехал на нартах, а я вел собак, держась за длинный поводок.

Даже ночью, в кромешной тьме, в метель я не сбивался с пути. Я умел определять направление ветра и хорошо ориентироваться на местности, даже если попадал туда впервые. На льду моря, вдалеке от берега, я находил дорогу по сугробам. Когда небо было затянуто тучами, указателями мне служили борозды, проложенные в снегу ветром. У меня было хорошее чувство направления, и я всегда доходил до цели.

Подтверждением может служить мой поход с мистером Холлом в Аклавик, где он собирался проводить праздники. Туда пришли эскимосы со всей дельты, и каждый день устраивались танцы. Однако я не стал встречать там Новый год и вернулся на Тапкрак. Здесь нам жилось очень хорошо, и мы ни в чем не нуждались. Компания Гудзонова залива построила факторию, так что у нас теперь их было две. Цены на пушнину оставались высокими. В те дни эскимосам жилось вольготно, не то что сейчас. Когда дни становились длинней, мы начинали охотиться на карибу и убивали столько, сколько нам хотелось. Тогда не было никаких запретов на охоту.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ ОХОТЫ

Хочу поделиться своими мыслями относительно охоты. Диких зверей поймать не так-то просто. Для этого требуется много усилий. Возможно, ты, дорогой читатель, думаешь, что в те времена дичь водилась в изо-

били и охотиться на нее можно было, шутя и играя.

Должен сказать тебе, мой друг, что ты глубоко ошибаешься. С незапамятных времен эскимосы добывали себе пропитание охотой. И как часто охотники, потратившие много дней на поиски дичи, возвращались домой без единого карибу! Уйдя из дома, не поев, они проводили по два-три дня на морозе в сорок-пятьдесят градусов, не имея за все время ни крошки во рту. Бывало и так, что охотники, обнаружив карибу, не могли к ним подобраться — так ярко светило солнце.

Я видел, как эскимосы отмораживали себе щеки, носы и ноги. Когда в желудке пусто, мороз действует особенно сильно. В метель охотник бессилен, а когда погода хорошая и ясная, к зверю невозможно подойти. Случается, что карибу почуют нас и тогда приходится ночевать, терпеливо ожидая, когда изменится ветер. Жизнь эскимосского охотника полна лишений.

Временами я возвращался домой с пустыми руками. В другой раз охота складывалась удачно, и мне попадалась дичь, которая вовсе не была дикой. Есть удачливые охотники и есть охотники умелые. Среди эскимосов встречаются и те, и другие.

На лося очень трудно охотиться в тихую погоду: у него прекрасный слух. Когда он прячется в ивняке или кустах, своих излюбленных местах, подойти к нему можно только на лыжах. Если дует хотя бы слабый ветер, подобраться к лосю уже значительно легче. Лось очень быстро бежит, и догнать его нелегко. Сам я недостаточно легок на ногу, но знаю таких охотников, которым удавалось настичь убегающего лося. Я убил множество лосей, но всегда подкрадывался к ним незаметно.

Когда животное не хочет, чтобы его убили, охотиться всегда трудно. Другое дело, если зверь сам идет навстречу человеку.

В наших местах дни зимой короткие, и мы обычно возвращаемся с охоты в полной темноте. Мне случалось приходить домой только к полуночи, совершенно без сил.

Быть может, этому трудно поверить, но утром, встав с постели, я выходил наружу, и несмотря на пятидесятиградусный мороз, растирал лицо и руки снегом. Снег не сразу таял в руках, но потом, превратившись в воду, согревал меня. Как-то раз мой двоюродный брат Томми Сиксик, понаблюдав за мной некоторое время, подошел и тоже стал тереть снегом руки и лицо. Ему было только шесть лет, и он сразу отморозил руки и заплакал. Я по-

скорее увел его в иглу. Этот мальчуган во всем подражал мне, и из него вышел хороший охотник.

Благодаря такому закаливанию я в молодости, в отличие от многих других, никогда не замерзал. Эскимосы по-разному переносят холод: одни из них чувствительны к нему, другие — нет.

Здесь, в стране эскимосов, некоторые живут впроголодь, в то время как другие имеют всего вдосталь. В юности я часто слышал, как взрослые повторяли:

«Тот, кто любит долго спать, всегда будет голодным. Тот, кто рано встает, всегда будет сыт».

Я никогда не забывал эти слова. Когда наступал сезон охоты, я старался поменьше спать: ложился поздно, а вставал ни свет ни заря.

Старики моего родного стойбища говорили:

«Ленивые да сонливые весь свой век в нищете проживут».

Не забывай этой премудрости, дорогой читатель.

IV

НУЛИАРТУНГА — Я ЖЕНЮСЬ

1. ВРЕМЯ ПОКОЯ

Летом мой брат Джим женился на молодой метиске и стал жить отдельно от нас. Я продолжал присматривать за своими стариками, и жизнь моя текла без перемен.

В октябре 1921 года пришел и мой черед. Я женился на вдове с четырьмя детьми. Она была метиска, наполовину эскимоска, наполовину француженка. Звали ее Маргарет. Теперь работы у меня прибавилось: надо было кормить всех этих детей.

17 апреля 1922 года у меня родилась дочка, которую я назвал Алисой. Мы по-прежнему обитали на Тапкраке. С нами жил брат моей матери, Кейлс Кралогак, с которым мы вместе ходили на охоту. Когда дни стали длиннее, мы стали промыслять тюленей в двадцати милях к западу от нашего иглу. Время от времени мне удавалось подстрелить в торосах белого медведя.

Зимой 1923 года мы отправились в горы охотиться на карибу. Кралогак был болен и плевал кровью, но не хотел отказываться от своего любимого занятия. Как-то раз мы приблизились к стаду, в котором было четырнадцать карибу, туктут. Внезапно они устремились прочь. Дядя сказал мне:

«Иди, пригони их обратно».

Я ничего не ответил, но про себя подумал:

«Как это я заставлю их прийти назад?»

«Я буду ждать тебя здесь, на холме»,— добавил Кралогак.

Ветер дул с востока. Снег скрипел под ногами, но, к счастью, я шел на лыжах. Я пустился вслед за карибу, которые быстро уходили по дну глубокой лощины. Мне довольно быстро удалось настичь их — сам не знаю, как это у меня получилось — и я погнал стадо к Кралогаку, ждавшему на вершине холма.

Карибу остановились, когда меня от них отделяло не более пятидесяти ярдов. Все четырнадцать животных сбились в кучу. Я сделал восемь выстрелов и каждый раз попадал в цель. Никогда раньше не стрелял я столь успешно. Казалось, мне помогала какая-то неведомая сила. Остальные карибу разбежались. Двух мне все же удалось подогнать к своему дядюшке, и он застрелил их.

Я был поражен случившимся и чувствовал, что произошло это все неспроста. Мы с Кралогаком никому никогда не говорили про эту охоту. Только совсем недавно я решился рассказать об этом своей семье.

Если бы я захотел, то мог бы перебить всех этих карибу. Но такой груз был бы слишком тяжел для наших нарт. Убивать больше, чем можешь унести,— это непозволительное расточительство. На охоту ходят не для того, чтобы выбрасывать потом мясо.

23 ноября 1923 года моя жена Маргарет родила мне сына. Я назвал его Уолтер Джеймс. Какая радость для отца дожидаться сына!

Через Компанию Гудзонова залива я заказал моторную лодку длиной тридцать пять футов. Летом я получил ее и расплатился с Компанией. Но лодка оказалась слишком маленькой, а двигатель все время выходил из строя, так что мне пришлось вернуть ее. По правде говоря, я не очень-то хорошо разбирался в двигателях.

Мы провели на Тапкраке самые холодные месяцы, а после нового, 1924-го года, двинулись на запад, и пройдя двадцать восемь миль, раскинули стоянку неподалеку от берега. Там мы поймали множество тюленей. Рядом с нами остановилось несколько эскимосских семей. Палатки, в которых мы жили, представляли собой деревянные каркасы, на которые натягивалась парусина.

В этой местности постоянно дули сильные южные и юго-западные ветры. Нередко налетали такие снежные бури, что никто не мог выйти со стоянки. Мелкий снег поросил глаза собакам, покрывая их ледяной коркой. Вокруг не было видно ни зги, так что ни о каких походах не могло быть и речи. В метель тощие собаки все время останавливались и надеяться можно было только на толстых и сытых. Ведь на замерзшей поверхности моря негде укрыться от бури.

Когда растаял снег, мы отправились на восток. Мои родители и жена с детьми удобно разместились в вельботе. Нас тащила за собой маленькая шхуна, принадлежавшая Майлсу Диллану. На Нувураке Майлс и Оле решили нас оставить. Они отвязали канат и пошли вперед, лавируя между льдинами. Вдруг из трубы стало вырываться пламя. Шхуна остановилась. Они попытались вновь завести мотор, но при каждой попытке над трубой взвивались языки пламени.

Мать велела мне взять их на буксир, поскольку они только что помогали нам. В это время двигатель перестал изрыгать огонь, и шхуна ушла. Не знаю, что у них там случилось с мотором.

Нувурак (мыс Аткинсон) находится в шестидесяти милях к востоку от Туктуйактука. Места этого я не знал и поэтому не мог похвастаться здесь уловом. Позднее, когда море покрылось льдом, я стал охотиться на тюленей и добыл вполне достаточно, чтобы прокормить семью. Перед началом охоты на пушного зверя мы перебрались на другой берег Тюленьей бухты в иглу, построенное прежде каким-то эскимосом. Там водилось множество песцов. Мои четыре молодые собаки уже начинали ходить в упряжке: это были большие и сильные звери, у которых в жилах текла волчья кровь. У меня также оставалось девять старых собак. Когда молодежь смогла заменить их в упряжке, я раздал часть из них другим эскимосам.

Рождество и Новый год мы встретили на Нувураке у Оле. Сюда пришли и многие эскимосы с Туктуйактука. Оле был хороший парень и притом очень честный в делах. Эскимосы многим были ему обязаны. Он покупал у них песцов по тридцать долларов за шкурку — цена довольно высокая. Белые люди тоже ставили капканы — одни к востоку от нашей стоянки, другие — совсем рядом. Несмотря на то, что капканов у меня было мало, я поохотился весьма успешно.

Весной я отправился на Аклавик продавать своих песцов. Потом заказал себе шхуну у Компании северной торговли. В Налрореаке (пост Белуха) мы переждали, пока вскроется лед, а затем снова вернулись на Аклавик.

Чтобы попасть обратно на Нувурак, нам пришлось долго просить милости у ветра. Лодка у нас была без мотора, а ветра не было много дней. Потом он задул нам навстречу, и опять пришлось ждать. Наконец подул попутный ветер и мы, не теряя времени, устремились вперед.

На Нувурак мы прибыли 5 августа 1925 года. В этот раз я вернулся довольно рано, и у меня было достаточно времени, чтобы подготовиться к зиме. Я сделал себе новые нарты, а потом отправился рыбачить и наловил много сельди. В сентябре с востока прилетело неслыханное количество куропаток. Я никогда не видел их столько. Однажды я настрелял полный каяк этих птиц, и Ангус отвез их домой. Куропатки прямо кишели вокруг.

13 октября 1925 года Маргарет родила девочку. Она появилась на свет с длинными волосами, скрывавшими ее лицо. Чтобы его увидеть, нам пришлось раздвигать их. Я назвал девочку Кристина Роза.

Когда море сковало льдом, мы с моим дядей Диком Кратерариуком начали промыслять тюленей. На ловлю песцов мы с Маргарет отправились в Тюленью бухту. Песцов там было видимо-невидимо, и мы вернулись домой только после новогодних праздников. Настал 1926 год.

Дни становились все длиннее. Большую часть времени мы с Кратерариуком охотились на тюленей. В пятнадцати милях от берега во льду образовалась большая полынья, где собиралось множество тюленей. Как-то раз мы вдвоем добыли там сорок восемь туш за один день.

В другой раз с моря возвращалось девять нарт, груженных тюленями. Наши нарты, на которых лежало де-

сять тюленьих туш и каяк длиной четырнадцать футов, тащили десять собак. Вдруг со стороны берега показался белый медведь, и я устремился за ним. Временами я оборачивался и видел, что наша упряжка поехала за мной вдогонку. Наконец она поравнялась со мной, и мы с дядей стали преследовать зверя на нартах. В конце концов нанук был настигнут и убит. В те времена у меня были отличные собаки: я всегда выигрывал гонки, что устраивались на Рождество и Новый год.

Начал таять снег. Мы с Маргарет отправились погостить к эскимосам дельты и остановились в доме Симона Аннактока. С ним мы ходили на каяке промысливать ондатр, коих в дельте водилось превеликое множество.

Наши хозяева отвезли нас обратно на Аклавик в своей лодке. Извилистые протоки дельты маленькие безмоторные шхуны проходили на веслах или бечеве.

КРАСАВИЦА БОННИ

Наконец на Аклавик прибыла заказанная мною шхуна. Она была совсем новенькая, постройки этого года, и называлась «Красавица Бонни». Длинной она была сорок футов и на борту имела двигатель «Франциско стандарт» мощностью в десять лошадиных сил. Работал он прекрасно.

Теперь мне не надо было просить местечка на чужих лодках — у меня была своя собственная. Мы с Маргарет отправились на ней на Тапкрак. На подходе к нему мы взялись подтащить к берегу четырех китов в связке. Все были очень довольны. В те времена на судах, принадлежащих эскимосам, моторы можно было встретить нечасто. С Тапкрака я повез на Гершель целую кучу людей. По дороге мы убили нескольких карибу.

На Гершеле стоял пароход Компании Гудзонова залива и целая флотилия небольших шхун, на которых эскимосы пришли продавать меха и покупать провизию. Песцы были в цене: сорок — пятьдесят долларов за шкурку. Мы продали меха и купили все, что нам было нужно, загрузив «Красавицу Бонни» по самые борта.

ДУХ БУРИ

Возвратившись из Нувурака, я посадил всю свою семью на шхуну и мы отправились на восток. С нами по-

плыла и моя мать со стариком Дунканом. Стоял сентябрь, и все время, не переставая, дул западный ветер. Иногда нам подолгу приходилось ожидать тихой погоды. Во время шторма мы находили убежище в прибрежных бухтах.

Едва мы достигли Уткралука (остров Бейли), как сильный западный ветер прибил к берегу огромные толстые льдины. Когда наступило затишье, мы снова вышли в море и сумели добраться до небольшой, хорошо защищенной гавани на реке Хортон. Потом опять разыгрался шторм и мы застряли там надолго. Порывистый ветер выбрасывал на берег огромные льдины. Затем он несколько стих, чтобы задуть с новой силой, когда мы решились, наконец, выйти в море. Ночь мы провели среди дрейфующих льдов.

Наутро мы попытались продолжить свой путь. Ветер дул с прежней свирепостью, и кругом нас обступали коварные льдины. На берегу не было видно ни единой бухты, где можно было бы укрыться. Ветер дул нам в спину, и мы наугад продвигались вперед в сторону залива Лэнгтон. Я никак не мог решить, куда идти. Против ветра плыть было невозможно. Мать посоветовала мне подойти к берегу, где вода поглубже.

Мы двинулись к берегу. Там сел на мель огромный айсберг, за которым оставалось достаточно места, чтобы спрятать мою маленькую шхуну. Мне показалось, что там она будет в полной безопасности. Я спросил совета у своей матери, и она одобрила мою идею. Когда лодка очутилась в узкой полоске воды между айсбергом и землей, я вздохнул с облегчением. Здесь, за ледяной стеной, было тихо и спокойно. Зато какие огромные волны вздымались с другой стороны!

Эта ледяная гора сослужила нам хорошую службу. Мы оставались под ее укрытием двенадцать дней. Там мы убили бурого медведя. С залива Лэнгтон приходили посмотреть на нас эскимосы. Они тоже пережидали шторм на берегу.

Потом потеплело, и береговой лед стал таять. После многих попыток наша лодка вошла на рейд у Лэнгтона. Стояла середина октября. В заливе в то время находилось несколько больших лодок. Их владельцами были старик Адам Иноалойак, Рубен Ангик, Леви Анагасиак и Том Кангуак.

В БУХТЕ САЙДЫ

Погода стояла теплая. Ветер стих и на рейде образовалась тонкая ледяная корка, которая с треском ломалась под нашим форштевнем. Мы дошли до Укерпика (бухта Сайды) и пристали к берегу у мыса Стивенс, как того пожелала моя мать.

Выгрузив часть клади, мы разбили стоянку. Другие лодки стали чуть подальше. В том месте, где мы пристали к берегу, четверо белых мужчин заканчивали строить дом. Там были Джорж Джонсон, Фред Мэттьюз, Макниш и Том Лессард. Все они отнеслись к нам очень дружелюбно. Эти четверо закинули сети под лед на озере Тассериук. Мы довели их улов до дома на своих нартах. За помощь они отдали нам половину пойманной рыбы. Так без всякого труда мы добыли себе пропитание.

Почти все эскимосы дельты ушли той зимой на восток, и поэтому вокруг нас было много народа. Вместе с молодежью мы ходили охотиться на карибу, которые во множестве водились вокруг Укерпика.

Когда бухта замерзла, мы поставили на льду две палатки неподалеку от места, которое называлось Аоласивик (место — где — мы — ловили — рыбу — на — крючок). Палатки мы покрыли досками. Мать весь день ловила рыбу. Когда выдавалось время, свободное от охоты, к ней присоединялись и мы с Дунканом. Пойманную сайду мы складывали горой на льду. Хорошее было время. За один раз я вылавливал по триста рыбин — это при том, что я не сидел у лунки подолгу. Мать ловила сайду с утра до вечера, но никогда не считала ее.

Лунка во льду и кусок лески с маленьким крючком на конце, которую время от времени выдергивают из воды — вот все, что нужно, чтобы наловить 700—800 сайд в день.

Песцов в тех местах было мало, а охотников — эскимосов и белых — много. Стойбища были повсюду: в бухте Летти и на мысе Льва, на острове Бут и мысе Пирс, в заливе Лэнгтон и на мысе Пэрри.

На Рождество на Укерпике собралось множество народа. Мы остались жить в своих хибарках на льду, поблизости от людей. Некоторые построили себе снежные иглу. На берегах бухты поселилось столько людей, что там совсем не осталось свободного места. Когда они приходили к нам, то ели нашу рыбу и кормили ею своих собак. Целый день туда-сюда сновали нарты, увозя бо-

гатый улов. Они принадлежали эскимосам, жившим в иглу в пяти — шести милях от нас.

ГОНКИ НА СОБАЧЬИХ УПРЯЖКАХ

У эскимосов всегда были прекрасные собаки. На Рождество устраивались гонки на собачьих упряжках, и перед наступлением праздника все начинали расхваливать своих собак. В тот год в состязании участвовало четырнадцать упряжек. Зрители гадали, кто будет победителем. Многие считали, что выиграет Силас Палайак, потому что последнее время он всегда был первым. Называли и Джона Кριοгака, который выиграл гонки в Аклавике в позапрошлом году. Эти двое парней были сейчас как раз на своих победивших упряжках. Собаки там были превосходные.

Участники гонок выстроились в ряд. Некоторые ожидали, что победителем стану я. Я ответил им, что у меня нет никаких шансов, и сделал вид, что дрожу от волнения, чтобы рассмешить их. Джон Кριοгак сказал мне:

«Не трясись так, а то столкнешь меня с нарт и я проиграю».

В моей упряжке было только четыре собаки. Сначала я шел первым. Но когда мы поворачивали обратно, мой вожак остановился по нужде. Остальные собаки, впряженные в нарты одна за другой, сели и запутались в постромках. Я никак не мог освободить их, и меня стали обгонять соперники. Джон Кριοгак, поравнявшись со мной, закричал:

«Эй, тезка, мне что, перепрыгивать через твои нарты?»

«Давай, проезжай!»

У Джона всегда какие-нибудь шуточки.

Пока я возился с постромками, меня обошли все упряжки. Наконец я распутал ремни и погнал собак вперед. Передние нарты уже почти скрылись за горизонтом, но моя упряжка летела так быстро, что вскоре мы обогнали всех, кто вырвался вперед, и я выиграл первый приз — двадцать долларов. Старик Дункан получил второй — десять долларов, а Силасу Пайолаку достался третий — пять долларов. Собаки с примесью волчьей крови бегают очень быстро.

После Нового года все разошлись кто куда. Мы ежедневно увозили с моря не меньше трех нарт, груженных сайдой, которая служила пищей и нам, и собакам.

Песцов по-прежнему было мало. В поисках карibu мы поднялись вверх по реке Хортон, где они водились в изобилии. В апреле моя мать с отчимом уехали на собаках на запад. Другие семьи тоже покидали эти места. Шел 1927 год.

УТКИ И ЯЙЦА

Солнце пригревало все сильнее, и вскоре море очистилось ото льда. Все лодки были спущены на воду — на Бейли собралась целая флотилия. Там 22 июля 1927 года у нас с Маргарет родился мальчик, которого я назвал Уильямом.

В то лето я не пошел на Аклавик. В начале осени мы отплыли на Нувурак, хотя задувал сильный западный ветер и по морю ходили большие волны. Там мы должны были встретиться с нашими родителями, чтобы вместе заняться ловлей рыбы.

Зимой цены на меха были превосходными: пятьдесят долларов за песца, сорок пять — за рыжую лису и сто — за их помесь.

Мой старший сын Уолтер следовал за мной повсюду, несмотря на свой небольшой возраст. Я брал его с собой во все походы. В поисках пропитания я обошел весь наш край: побывал в дельте Великой реки, на Туктуйактуке и на озерах Имариук, где как-то раз выловил за день больше двухсот огромных рыбин.

Старший сын Маргарет Анкус здорово вырос и сопровождал меня во время охоты. Когда мы встречали белых медведей, он уже убивал их сам.

На Нувураке я с интересом наблюдал за утками. В мае они возвращались из мест зимовки и собирались в полыньях и на разводьях, оглашая воздух громким криканьем. Питались они морскими моллюсками и поэтому мясо у них было жирным и сочным.

В наших местах утки откладывают яйца и выводят птенцов. Если бы большие белые начальники пришли хоть раз сюда и увидели эти бесчисленные гнезда, они не стали бы запрещать нам забирать из них яйца. Уверен, что они просто не представляют, как много их здесь. Утки откладывают яйца на островах в конце июня. В одном гнезде можно увидеть от четырнадцати до восемнадцати яиц. Мы едим их до середины июля.

Весну мы провели на реке, впадающей в Тюленью бухту. Там мы ловили больших лососей, анаклит. Я ни-

когда не ел более вкусной рыбы. Мы хранили ее в яме, выкопанной в мерзлой земле. В сеть попадалось обычно не больше десяти таких рыб, но они были просто огромные.

КАК Я РАЗГОВАРИВАЛ С БОЛЬШИМ БЕЛЫМ НАЧАЛЬНИКОМ

Весной 1929 года море очень долго не очищалось ото льда, и мы смогли покинуть Тюленью бухту только пятого июля. В Налрореаке мы познакомились со вдовой по имени Арнареинак — матерью двух приемных сыновей. У них кончились все съестные припасы. Моя жена поделилась с ними мукой, сахаром и чаем, а я дал им сеть. В то время я не подозревал, что ее старший сын, Дайэмонд Клендженберг, женится на моей младшей сестре, а младший, Эдди Грубен, станет моим зятем, женившись на нашей старшей дочери Алисе.

Меха, которые я продал на Аклавике, принесли мне 2799 долларов.

Мы как раз были там, когда приехал белый начальник мистер Финни. Он собрал всех, чтобы поговорить о выплате эскимосам денег, точно также, как это делалось для индейцев. Белый начальник спросил, не хочу ли я что-нибудь сказать. Я поинтересовался, сколько каждый из нас будет получать в год, и он сказал: пять долларов. Тогда я спросил эскимосов, стоит ли беспокоиться из-за пяти долларов, и они ответили, что им не нужны эти деньги. Обратившись к начальнику, я произнес:

«Мы не хотим иметь с вами дела. Оставьте себе эти пять долларов. Вместо того, чтобы делить деньги на всех, употребите их на какое-нибудь дело. Здесь все очень дорого и пять долларов нам не помогут. Лучше истратьте их, чтобы накормить нищих, вдов, слепых и больных».

Начальник Финни согласился со мной и сказал, что не будет заключать с эскимосами договор.

2. ВРЕМЯ ТРЕВОГ

КРУПНАЯ РЫБА

Наступила зима 1930 года. Пора было ставить капканы — ведь это был единственный способ заработать деньги. Песцов было предостаточно, но цены держались низ-

ко. Половину добытых за зиму шкурок я продал за шестьсот долларов, а остальное поменял на провизию у капитана Петерсена.

На Рождество старший сын Маргарет Ангус чуть было не выиграл гонки на собачьих упряжках, но упал с нарт и собаки пришли первыми без него. Приза он, конечно, не получил. На Пасху было уже очень тепло. В дельте стал таять снег, и вода в реке поднялась так высоко, что чуть не унесла несколько стоянок. Оставив семью на Тунунерке, я отправился на Аклавик, взяв с собой только девятилетнего Уолтера.

У меня кончился корм для собак, но капрал конной полиции выручил меня, дав целый мешок сухой рыбы. Речной лед был покрыт слоем воды толщиной в целый фут, но несмотря на это, температура вновь упала. На большей части дельты еще лежал снег. Когда мы туда попали, ехать стало легче и к ночи мы уже были дома. Не знаю, как выбирались оттуда другие эскимосы.

На следующее утро я повез свою семью на Туктуяктук. Там ни у кого не осталось провизии. Я спросил, ловили ли они рыбу на Имариуке.

«Мы рыбачили там с утра до ночи, но ничего не поймали», — ответили мне.

Через пару дней я вышел в направлении Имариука, прихватив с собой тех детей, которые были в состоянии держать леску. Свою палатку мы раскинули в месте, которое называется Саонерттор, что означает «место, где лежат кости». Когда-то там происходили сражения между эскимосами и индейцами, и в земле покоятся кости множества убитых.

Утром, едва встав с постели, я пошел к лункам, но за целый день так ничего и не поймал. Ночью я проснулся. Часы мои показывали половину первого. Я тихонько оделся, стараясь не разбудить детей, и пошел на озеро. Ровно в час ночи я опустил леску в лунку. Сразу же клюнула огромная рыба, и так продолжалось до утра. Как только встало солнце, клев сразу прекратился!

Весь день я проспал. Дети отправились рыбачить, но ничего не поймали. Ночью я опять поднялся в половине первого. Я собирался очень тихо, но один из детей проснулся, и вскоре все они были на ногах. Улов и на этот раз был громадным. Эту рыбу мы называем кралуарпаит. После восхода солнца она опять исчезла. Мы поймали 275 большущих рыбин.

С наступлением утра стали подходить люди с Тука.

Некоторые, даже не попытавшись посидеть у лунки, брали нашу рыбу и отвозили домой.

Оставив большую часть улова эскимосам, мы вернулись на Нувурак, прихватив с собой лишь несколько рыбин. Дома мне захотелось сырой мороженой сельди — традиционный эскимосский способ приготовления. У нас был небольшой запас этой рыбы, и я до сих пор помню ее замечательный вкус.

На следующее утро Ангус, Уолтер и я отправились по льду далеко в море. Неподалеку от снежных «нор», нунарпак, где зимой живут тюлени, мы заметили белого медведя. Ангусу было всего шестнадцать и на ногу он был легок. Мы отвязали нескольких собак, чтобы они задержали медведя. Ангус бросился вперед. Мы с Уолтером, примостившись на нартах, погоняли собак, оставшихся в упряжке. Но Ангус обогнал нас и сам убил медведя. Надо сказать, что среди моих собак был прямо-таки необыкновенный пес. Звали его Ровер. Когда он был молодым, ни одна собака не могла с ним сравниться в умении преследовать медведей. Сейчас, в возрасте двенадцати лет, он легко задержал медведя, не давая ему сдвинуться с места, в то время как две более молодые собаки, подбежавшие раньше его, не смогли даже остановить зверя. Я никогда не сажал его на цепь и не держал на поводке. Каждое утро, ровно в шесть, он начинал лаять, как будто старался разбудить меня. Во всяком случае, стоило мне только подняться, как он тут же прекращал лаять. Я всегда помнил своего Ровера.

18 мая 1930 года умерла моя мать.

Когда сошел лед, я вернулся на Аклавик, откуда затем полетел самолетом на Гершель, взяв с собой Уолтера. На острове играли свадьбу: Фред Уолки женился на Петси Вьен. По этому поводу эскимосы изрядно подгуляли — трезвых почти не было. Выпивку раздавали на шхуне «Бэй Чаймо», принадлежавшей Компании Гудзонова залива. Все пили и плясали! Я не принимал участия в общем веселье — мне надо было присматривать за Уолтером. Он захотел спать, и мы пошли к Томасу Умаоку. Там никого не было и мы сразу легли.

За перелет, который продолжался десять минут, брали по пятнадцать долларов с человека. В самолет садилось шесть пассажиров. Пилот, должно быть, имел неплохие деньги! Пассажиры прямо осаждали его, даже когда он устал и прекращал полеты.

КАК ВЫСОКО ОНА ПРЫГАЕТ!

Всю следующую зиму мы провели на Туке. Цена на меха была низкой, и эскимосы сильно нуждались. Я добыл совсем мало песцов, и мы были близки к нищете. За весь весенний сезон 1931 года я выручил за пушнину всего шестьсот долларов. В 1932 году дела пошли еще хуже. Я продал шкурок лишь на 70 долларов. Песцы практически шли за бесценок.

На Туке я любил проводить свободное время у Уильяма Мангилалука. Он знал множество разных историй, одну из которых я и предлагаю вашему вниманию.

Это случилось, когда он был еще мальчишкой. Как-то раз, выйдя на улицу поиграть, он услышал, что его зовет женщина по имени Куднанак. Она хотела достать провизию из кладовой, которая находилась высоко над землей.

«Аниманг... акиланга! Иди, помоги мне, братец!» Мангилалук взобрался на поставленные стоймя нарты, которые служили лестницей, и стал рядом с женщиной у столбов.

Эта Куднанак решила похвастаться, что может забраться в кладовую без лестницы. Оба они стояли на верхней перекладине нарт, а руками Куднанак держалась за деревянные стойки.

«Ну, ты готова?» — спросил Мангилалук.

«Да», — ответила старая женщина.

Мангилалук не очень представлял себе, что от него требуется. Он обхватил ее сзади за ноги и стал поднимать, но пошатнулся вперед, увлекая ее ноги за собой. Тело Куднанак опрокинулось назад, но Мангилалук все не отпускал ее ног.

Наконец руки у Куднанак устали, она выпустила стойки и полетела вниз головой на нарты.

«Мангилалук ушиб меня!» — заплакала она.

«Я не нарочно. Ты сама виновата. Хотела похвалиться, что можешь прыгать выше всех, вот и расшибла себе голову!»

Эта история рассмешила нас. Женщина эта была уже старухой. Ее звали Илрозиам Арна, мать Илрозиака. Эскимосы называли стариков по именам их старших детей. Старшего сына Куднанак звали Илрозиак, поэтому все знали ее как мать Илрозиака.

КАК КРОТУКАК УВИДЕЛ ЗВЕЗДЫ ВО СНЕ

Оле Андреасен по-прежнему жил на Тапкраке, но хотел обосноваться дальше к востоку, на земле крангмалитов. В том году судно Компании Гудзонова залива «Бэй Чаймо» затерло во льдах и оно стало непригодным для плавания. Для доставки провизии Компания нанимала эскимосские шхуны. Я перевозил груз на Бейли по сорок долларов за тонну и заработал 450 долларов.

Все последующие годы я возил товары для Компании, и это было существенным для нас подспорьем. Ондатры в то время шли всего по сорок центов за шкурку и люди, жившие в дельте, сильно бедствовали.

Там, где река Андерсон впадает в море, берег сильно изогнут, и поэтому место это получило название Пернерк (дуга). Осенью 1934 года мы приплыли туда на своей шхуне на зимовку. С нами пришло еще шесть семей, и когда наступили холода, мы построили шесть больших иглу. Вечером того дня, когда наши дома были готовы, задул сильный восточный ветер. На следующее утро к нам пришел Кротукак и стал рассказывать, что с ним приключилось накануне.

Открыв глаза среди ночи, он вдруг увидел перед собой звезды. Что-то тут было не так. Ведь он лежал рядом с женой в своем новом деревянном иглу.

«Наверное, мне снится звездное небо», — подумал Кротукак.

Но когда он окончательно проснулся, то увидел, что заднюю стену иглу снесло ветром!

Мы так и покатались от хохота.

ДЕТЕЙ МНОГО, ДЕНЕГ МАЛО

Мы не поймали ни единой рыбы. Эскимосы, которые провели здесь все лето, тоже остались без улова. Когда мы ходили на озеро ставить сети под лед, то видели нескольких карибу. К началу марта наши запасы муки и риса почти полностью истощились. У меня были патроны, но местность эта была мне совершенно незнакома. Местные жители знали, что на реке Кугйуасиак (река Мэсон) водятся лоси, но молчали об этом.

Песцов и лис почти не попадалось. К тому же на Бейли служащий Компании давал по семь долларов за самые лучшие шкурки. Эскимосы голодали. Мы с Диком Маниксаком и Кеннетом Пилулаком пошли вверх по ре-

ке, а семьи Таоланака и Ниулумалука отправились охотиться на куропаток. Собаки наши совсем отощали, но, к счастью, мы наконец набрели на дичь. С этого времени мяса у нас было вдоволь, и мы благополучно прожили время прилета уток и гусей. За весну мы добыли 88 карibu, 20 лосей и множество гусей и уток. Но нас было много, а мясо служило нам единственным пропитанием.

Энди, сын Бесси, родился 30 апреля 1936 года, когда я перевозил на своей шхуне уголь для полицейского поста на мысе Мейтленд. Перед тем, как пойти за углем на Аклавик, я оставил свою семью на Нувураке. Мы за ночевали там на обратном пути, но пока спали, море замерзло. Нам пришлось выгружать на берег двести мешков с углем и ждать, пока окрепнет лед, чтобы можно было продолжить путь на нартах.

Зимой 1937 года Ангус, Уолтер и я поймали капканами больше двухсот песцов, но, к несчастью, цена на них оставалась низкой.

В Крикулиорвике (Стентон) достраивался дом для Римской католической миссии. Ее представляли там отец Жан Л'Эльгуа и еще один священник с трудным именем. Мы называли его отец Палук. У них был очень искусный плотник, брат Теснье.

Оставив Беннета Нингарсерка на Ниаркроке, мы продолжили свой путь к устью реки Кугйуаснак, где располагался полицейский пост.

Море замерзло прежде, чем мы успели наловить рыбы. Пищи белого человека у нас оставалось очень мало. Мне надо было кормить столько ртов, и людских, и собачьих, что я приходил в отчаяние. Было очевидно, что зимой нам придется голодать.

Я построил иглу из ивовых прутьев, накрыв их парусиной. Сверху я насыпал толстый слой сухой травы, и получилось довольно теплое убежище. У полицейских мы выменяли на меха немного провизии. Мне удалось подстрелить нескольких карibu и лосей. Каждый день я уходил на поиски пищи. У меня оставалось только сорок четыре патрона. На Бейли была фактория Компании Гудзонова залива, но мне нечем было платить. Как только ты становишься бедным, Компания теряет к тебе всякий интерес. Все время я проводил в поисках пропитания и совсем исхудал от постоянной ходьбы.

Со времен моего сиротского детства я исходил свой край вдоль и поперек и знал там каждый уголок.

Когда вскрылся лед, я добыл нескольких тюленей

на Абваке. До этого мне приходилось разыскивать аглу, лунки во льду, через которые дышат зимой тюлени. Иногда мне везло, но чаще я уходил с пустыми руками.

УДАЧНАЯ ОХОТА

Временами моим детям было нечего есть. 9-го февраля был как раз такой день. Я долго шагал по льду замерзшего моря, но нигде не встречал разводьев. Наконец мне удалось убить белого медведя, большого и толстого. До сих пор помню, как я был счастлив, что наконец смогу накормить своих детей.

Разрезав тушу, я взял кусок мяса от лапы и положил в свою котомку. Малыш Стенли вышел меня встречать. Я дал ему маленький кусочек мяса и сказал:

«Поди, покажи это маме».

Увидав мясо, Маргарет вскрикнула от радости. Молодые охотники принесли тушу в стойбище и эскимосы Абвака наконец наелись досыта.

Мои сорок четыре патрона не были потрачены даром: с января по март я убил тридцать тюленей, пять угуков и четыре белых медведя. Я говорю об этом не из желания похвастать и не в назидание молодым людям, а чтобы показать, как я был счастлив, что патроны мои добыли нам столько еды.

В апреле мы вернулись в свое иглу на реке, где обнаружили бурого медведя, который проделал дыру в стене и устроился там, как у себя в берлоге. Уолтер пристрелил его. В ивняке водилось множество куропаток, которых мы ловили силками. Их вполне хватало, чтобы прокормить всю семью. Старики наши бывало говорили: «Ленивый всегда будет жить впроголодь». Мы же трудились в поте лица!

В конце мая мы перебрались в Стентон, поближе к мессии. Сначала там было голодно, но потом прилетели гуси и утки, а тюлени стали вылезать на лед, чтобы погреться на солнце. Дела наши пошли хорошо, и мы больше не голодали.

Когда сошел лед, я отправился вверх по реке Андерсон и привез три клади дров для мессии. В бухте появилось множество лахтаков. Каждый день я забивал по десять штук, и мы запасли большое количество мяса.

Для ловли инконнуса (неизвестная рыба) я сплел сеть с семидюймовыми ячейками. Я закидывал ее каждый день и подчас вытаскивал не менее дюжины рыб. Моя

маленькая лодка оседала в воде по самые борта. Инконусы эти поражают своими размерами: каждый весит от пятидесяти до семидесяти фунтов.

Я все время подрабатывал в мессии, выполняя там разные необходимые работы. Преподобные отцы расплачивались со мной мукой, сахаром, чаем и другой провизией белых людей. Для нас это было большим подспорьем. Когда наступило лето, я выстроил иглу прямо рядом с домом, где жили священники.

ДЕТИ И КРОЛИК

В 1948 году я решил построить бревенчатую хижину в трех милях от Оленьего поселка. В тех местах водилось много кроликов и они подходили совсем близко к нашему дому. Мой внук Энди поставил на них капкан, и вскоре туда попался кролик.

Он громко кричал от страха, и Энди пожалел его и не стал убивать. Наша маленькая внучка Лили Роза схватила свой топорик и стала расчищать дорогу в ивняке, чтобы ее братцу было легче нести домой убитого кролика. Она трудилась вовсю, а Энди так и не убил кролика! Тем не менее, мы с бабушкой расхвалили свою внучку: она работала так старательно, как будто расчищала путь для туши большого зверя!

КАК ПОНОМАРЬ ВСЕХ НАСМЕШИЛ

Как-то раз на Аклавике (это было в 1950 году, после окончания сезона охоты на ондатр) я повстречал Алекса Стефенсона и старого индейца по имени Джон Тоу.

«Эй, Боб, пойдй посиди с нами!» — окликнул меня Алёкс. Ему не терпелось что-то мне рассказать.

Джон был пономарем англиканской церкви и ходил в длинной рясе, и с палочкой. Однажды к ним приехал епископ Марш, и индейцы собрались в церкви на молебен. Джон стоял на своем обычном месте у двери. Чтобы получше разглядеть епископа, он полез в карман за очками. Вдруг послышался громкий детский смех. Все обернулись и тоже начали смеяться. Джон никак не мог понять, что их так рассмешило. Потом расхохоталась жена его младшего брата, стоявшая рядом с ним.

«Что это с ней? Она никогда не вела себя так со мной», — подумал Джон.

Он сел и обнаружил, что держит во рту трубку. Вместо очков он вытащил из кармана свою трубку!

К НАМ ПРИШЛА БОЛЕЗНЬ

В апреле 1952 года среди эскимосов свирепствовала инфлуэнца, которая унесла множество жизней. Я с сыновьями в то время охотился на уток и гусей на великой реке. Там я заболел и Уолтер отвел меня домой к Маргарет. В тот день, однако, я успел убить аклака, бурого медведя!

Болезнь оказалась очень тяжелой, и я пролежал много дней. Все это время я ничего не делал! На охоту ходили мои сыновья. Часто я впадал в беспамятство и не сознавал, что происходит вокруг. За время болезни я сильно исхудал. Мой сын сходил в Олений поселок и попросил прислать самолет, чтобы отправить меня в миссионерскую больницу на Аклавике. Со мной полетела Маргарет. Обрато мы возвратились только в сентябре, преисполненные благодарности всем тем, кто за мной ухаживал. Однако после болезни я так до конца и не оправился и с тех пор не могу помногу работать. Сейчас я уже совсем не тот, что был раньше. Вместо меня охотятся мои сыновья.

КОСАТКИ

В 1954 году я вернулся на остров Гершель, где не был уже двадцать два года. Там жил мой сын Билли, работавший в полиции.

Однажды мы с Уолтером отправились на Тапкрак охотиться на карибу. С нами пошли Беннет Нингарсек и Арчи. У мыса Кинг мы увидели стадо карибу, двигавшееся нам навстречу. Мы остановились, поджидая, пока они подойдут поближе, как вдруг совершенно неожиданно они бросились прочь. Мы с Уолтером пошли на каяке вдоль берега, выгребая к скале, но вдруг увидели в воде странных животных. Размером они превосходили самых больших тюленей, а морды у них были, как у бульдогов. Они то показывались на поверхности, то исчезали в глубине. Никогда раньше мне не приходилось видеть таких зверей. Это они напугали карибу. Животные с большой скоростью скользили по поверхности воды, давая нам возможность хорошо рассмотреть их. Вокруг них поднимались пузырьки воздуха, как бывает, когда бросаешь

в воду камни. Стояла безветренная погода, и вода была спокойной и прозрачной. Ее уже начала затягивать тонкая пленка льда. Иногда эти животные с плеском высывали из воды головы, продолжая все так же быстро двигаться.

Когда мы сообщили об этом Беннету, он сказал, что слышал о таких животных. Это были арлуты, или, как их зовут белые люди, косатки. Они охотятся за черными китами. И Беннет рассказал нам, как прошлым летом на Аляске эскимосы, увидев арлутов, стали кричать, чтобы те принесли им чего-нибудь поесть. К вечеру на море появилось масляное пятно, а прямо за ним плыл кусок китового мяса с мактаком. Масло и мактак держали мясо на поверхности, не давая ему утонуть. У эскимосов не было каяков, и им пришлось ждать, пока северный ли немало, но росوماхи съели половину нашей добычи.

На Гершель мы возвратились, нагруженные мясом карибу. Осенняя охота на тюленей была удачной: сетями и ружьем мы добыли 214 туш. Песцов мы напромышляли тоже немало, но росوماхи съели половину нашей добычи.

К нам приходило много людей и мы угощали их и кормили их собак. Точно также, когда я бывал в дороге, то находил теплый прием и угощение в любом доме. Помогать друг другу — это наш старый обычай. Сейчас, правда, эскимосы стали совсем другими и не спешат приглашать других к себе.

КРАЙ СНЕЖНЫХ БУРЬ

Гершель печально известен своими внезапно налетающими снежными бурями. Однажды, когда я был еще совсем маленьким, зимовавшие на Гершеле китобой, эскимосы и белые, отправились в море охотиться на тюленей в разводьях. Утром стояла прекрасная теплая погода. Вдруг совершенно неожиданно налетел такой свирепый ветер, что все охотники замерзли во льдах. На Гершеле ветры всегда обрушиваются на нас внезапно.

Как-то раз в начале ноября 1955 года мои сыновья Уолтер и Стенли отправились рано утром на материк проверить свои капканы. Два дня продержалась теплая и безветренная погода. На третий день поднялся сильный западный ветер, и я стал тревожиться о своих сыновьях. На рассвете я вышел на берег и увидел, что весь он залит приливной волной.

Шторм продолжался четыре дня. Мы надеялись, что братья сумеют вернуться, несмотря на ветер, но когда он наконец стих, сильно похолодало. Я прислушивался к каждому звуку и старался гнать от себя печальные мысли. Снова и снова выходил я на берег в надежде увидеть их. И вдруг вдалеке показались нарты! Но нарты были только одни, а ведь братья отправились на материк на двух упряжках. Они ушли из дома вдвоем и вот через десять дней возвращался только один.

Упряжка подходила все ближе, и я увидел, что на нартах сидит один человек. Мои худшие предположения подтверждались.

Когда нарты подъехали к дому, Маргарет с невестками стояла на пороге, а я ждал внутри, весь превратившись в слух.

«Оба вернулись!» — послышался крик Маргарет.

Оказалось, что Уолтер вез брата на нартах, завернув в одеяло, так как тот отморозил пятку и не мог ходить.

Позже они рассказали нам о своих злоключениях. В первый же день они осмотрели капканы и построили иглу на льду неподалеку от берега, за мысом Кей. Ветер поднялся ночью, когда они спали. Стенли проснулся весь мокрый: его постель плавала в воде. Он разбудил брата. Ветер все крепчал и гнал воду на лед.

Братья стали торопливо одеваться. Стенли потерял меховой чулок. Его штаны намокли, и брат посоветовал ему взять те, которыми он заткнул крингак, дымоход.

Пока Стенли одевался, забравшись на ящик с провизией, Уолтер проделал дыру в стене и вылез наружу. Стенли выбросил ему печку и продукты, а затем выбрался сам.

Братья двинулись было по направлению к берегу, но буран был так силен, что они побоялись идти без своего снаряжения, и вернулись к полузатопленному иглу. Стенли достал оттуда парусину, оторвал кусок и завернулся в него, а Уолтер взял свое одеяло. Идти сквозь метель было нельзя, иглу построить они не могли, потому что было сыро и тепло. Тогда они вырыли в снегу нору, но ее разметало ветром. Одежда их промокла насквозь и им пришлось покинуть свое сырое убежище.

Ветер становился все холоднее. Не в силах идти дальше или построить себе укрытие, братья в течение шестнадцати часов просидели, скорчившись, на снегу. Уолтер кутался в свое одеяло, а Стенли, завернувшийся в парусину, дрожал от холода и не мог сомкнуть глаз.

Наконец ветер ненадолго затих, и за это время они успели построить иглу. Потом ураган разыгрался с новой силой и под напором ветра в стене иглу образовалась дыра. Уолтер заткнул ее своей паркой, набросив на себя вместо нее одеяло. Ондатровая парка так намокла, что была испорчена навеки. Иглу им пришлось выстроить на льду близ берега, так как только там сохранилось достаточно снега. Лежа внутри, они прислушивались к шуму воды, каждую минуту ожидая, что под ними провалится лед. Два дня они провели в иглу без сна.

Наконец ветер утих. Братья покинули иглу в уверенности, что все их собаки погибли, смытые приливной волной. Но, к их большому изумлению, собаки были живы: пропали только две из упряжки Уолтера.

Братья знали, что в трех милях есть старая бревенчатая хижина. Они решили воспользоваться затишьем и добраться туда. Но прежде им пришлось здорово потрудиться, вырубая ножами нарты, вмерзшие в лед. Стенли также забрал свою постель, отяжелевшую от воды.

На Уолтере была лишь нижняя одежда да повязка на ушах — его парка, которой он заткнул дыру в иглу, была полностью испорчена водой. Добравшись до бревенчатой хижины, братья наконец высушили одежду и отоспались. Только там, в тепле, Стенли обнаружил, что отморозил пятку. Он ведь потерял меховой чулок, когда затопило иглу, а в унты залилась вода.

Просушив одежду, братья отправились в обратный путь. Всех своих собак они впрягли в одни нарты, сзади прицепив к ним вторые. Через два дня Уолтер привез брата домой. Им здорово досталось: приливная волна, западный ветер и последовавший затем мороз чуть было не стали причиной их гибели. Жизнь на севере всегда была тяжела и опасна.

V

АНГАЙОКРАТУНЕ — НА ПОКОЕ

ОДНИ ВОСПОМИНАНИЯ

Теперь я больше не охочусь и не путешествую. Я стал стар и только временами помогаю своим детям.

Проведя всю жизнь в походах, я теперь почти не выхожу из дома. Что поделаешь — силы оставили меня.

Когда я был молод, то не чувствовал холода даже в самый сильный мороз. Теперь же я замерзаю даже в теплую погоду.

Никогда больше не выйду я на охоту, но часто перед моим мысленным взором проходят вереницы животных, в погоне за которыми проходила моя жизнь. Нанук, белый медведь — какое захватывающее занятие преследовать его! Туктук, карибу — не передать того волнения, когда видишь их огромные стада. Натчерк, тюлень — с чем сравнить то радостное чувство, которое охватывает тебя, когда в разводьях появляется его круглая голова! И песцы, попадавшие в капканы, и белые киты — все они когда-то были моей добычей. Как бы мне хотелось увидеть их снова!

Когда-то старый эскимосский охотник плакал, произнося эти слова:

Что видится тебе, охотник старый,
Когда ты в прошлое заглянешь ненароком?
Олень убитый, молодой и жирный,
И мясо сочного кусок.

Чего жалеть о жалкой оболочке,
Коль получил сполна свою ты долю.
О чем грустить — с тобой твои воспоминанья...

Перед стариком встают воспоминанья о жирных оленьих ребрах, которые он поджаривал на каменном очаге.

Старый охотник был прав. И я чувствую то же самое, когда вспоминаю о своей молодости.

Когда не сможешь ты уж выйти на охоту,
То не грусти, ведь жизнь и так прекрасна.
В горах текут ручьи с кристальною водою,
Зеленый мох покрыл ковром равнины,
И комары все к лету улетели!

Костер горит, под небом разведенный,
И мясо жарится, и жир стекает с камня.
Как хорошо! Как хочется мне пережить все снова.
Но нет назад возврата.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТАЙМАН

Слово тайман имеет довольно неопределенное значение: «давным давно», «в те времена»... Обычно этим словом начинается любое эскимосское повествование. М. М.

СКАЗАНИЕ ОБ АВАОТТОРЕ

Предки мои жили на Китигариуте. В те времена люди постоянно враждовали друг с другом. Если кого-нибудь убивали, то за этим неизбежно следовала месть.

Я хочу рассказать вам историю, которая произошла с человеком по имени Аваоттор. Мне рассказал ее Иперк-синак, который его хорошо знал. Случилось все это между 1855 и 1865 годом.

Аваоттор жил на Китигариуте и никогда ни с кем не враждовал. У него было две жены, каждая из которых родила ему по сыну. В то время они были еще мальчишками. Была у него и дочь по имени Арнарсак. Ее хотел взять в жены юноша с большой реки, которого звали Нерованак, но Аваоттор был против такого зятя. Аваоттор подарил своим сыновьям по стальному ножу — они в те времена были большой редкостью. Так вот этот Нерованак забрал нож у младшего, любимого сына Аваоттора.

Узнав об этом, Аваоттор страшно рассердился. Он забросил охоту и стал делать стрелы для своего лука. Когда китобои ушли на промысел, он остался в стойбище и весь день работал на берегу, даже не входя в крадж-

гьерк (большой дом, в котором устраивались праздники и работали мужчины).

В те дни товарищем Аваоттора был молодой Крарлик. Как-то раз они увидели, что к берегу подходят три каяка, приплывшие из страны кукпакмеутов, людей-с-большой-реки. Каяки пристали к берегу у Паолалука, подняв в воздух тучи комаров.

«Пойду, встречу их»,— сказал Аваоттор товарищу. Он не стал надевать свою парку, а лишь набросил ее на левую руку, чтобы она служила щитом. Взяв три стрелы, он исчез.

Крарлик увидел, как Аваоттор подкрадывается к пришельцам. Он взобрался на холм у них за спиной и наблюдал оттуда за ними. Вор был здесь. Тогда Аваоттор сбежал вниз и подошел к нему:

«Нерованак, где нож?»

Тот было потянулся к каяку, чтобы вытащить маленькое стальное лезвие, но тут Аваоттор выпустил в него стрелу. Раненый юноша бросился бежать и спрятался под кучей хвороста. Его товарищи укрылись в своих каяках. Аваоттор одного из них поразил стрелой, а другому дал уйти невредимым.

У него осталась только одна стрела. Аваоттор вернулся к раненому юноше и стал кидать в него камнями, чтобы тот покинул свое убежище. В отчаянии Нерованак бросился на Аваоттора и стал преследовать его с ножом в руках. Он почти догнал его и был уже готов нанести удар, как вдруг Аваоттор обернулся и выпустил свою последнюю стрелу. На этот раз выстрел был точен и Нерованак упал, как подкошенный.

Аваоттор вернулся домой. Теперь на его счету было двое убитых.

Вождь племени китигариут Мангилалук жил в то время в доме Аваоттора. Вскоре после описанных событий вниз по реке спустился умяк, полный людей, которые кого-то искали. Пройдя по маленькой речке Кугасаку, эти люди достигли Китигариута.

«Смотрите, у них в руках огненные луки белых людей. Вон как они сверкают на солнце»,— забеспокоился, увидя их, Аваоттор.

Враг подходил все ближе.

«Я боюсь огненных луков. Лучше уж мне убежать — и можете звать меня старой бабой, если хотите».

Неприятель высадился на берег и стал спрашивать, где Аваоттор.

«Он убежал», — отвечали люди.

Пришельцы обыскали весь остров: ему некуда было деться отсюда. Аваоттор же в это время лежал на земле в небольшой долине. Один из пришедших подошел к нему совсем близко, но не подал вида, что обнаружил его, и стал смотреть совсем в другую сторону. Это был Сепаджук, друг Аваоттора. Он все время оставался рядом с беглецом, притворяясь, что ищет его, и поэтому остальные так и не подошли к тому месту.

Так и не найдя Аваоттора, пришельцы убрались во-свояси. А тот вернулся к себе домой. Он не надеялся найти там своих жен, думая что враги забрали их с собой вместе со всем его имуществом. Однако Мангилалук сумел защитить его жилище, где все осталось в неприкосновенности.

Осенью Аваоттор отправился на восток в умиаке вместе со своим сводным братом. Свое зимнее иглу они построили у мыса Токер на длинной песчаной отмели, которую эскимосы называют Тапкралугйуак. Место это было открытое, так что любые пришельцы были бы сразу обнаружены. Там они провели начало зимы, все время ожидая нападения.

Приближался кайвитийвик — время зимних празднеств. Как-то раз среди ночи залаяли собаки. Аваоттор надел штаны и остановился в нерешительности, раздумывая, надевать ли ему парку. Он не собирался отходить далеко от иглу, не желая быть застигнутым врасплох. В конце концов он решил надеть атиги, рассудив, что не подобает принимать смерть неодетым.

Вдруг собаки разом перестали лаять. Аваоттор вышел и остановился у входа в иглу. Ночь была темная и безветренная, небо заволокло тучами. Оттуда, где лежали собаки, не раздавалось ни звука. Он осторожно двинулся вперед, прислушиваясь к каждому шороху, как вдруг с крыши иглу на него обрушился белый медведь и стал рвать его когтями. От боли Аваоттор потерял сознание.

Медведь думая, что он мертв, отпустил его. Скоро пронизывающий холод привел Аваоттора в чувство. Не двигаясь с места, он повернул голову и увидел, что медведь роется в тайнике, где хранилось мясо. Тогда он отважился вернуться в иглу. Родители и обе жены осмотрели его голову и увидели, что медведь сильно поранил его. Аваоттор снова хотел идти наружу, но брат остановил его и пошел сам. Там он убил медведя двумя стрелами.

Аваоттор сам решил освежевать зверя и на рассвете принялся за работу. Будь это обыкновенный медведь, собаки не перестали бы лаять! Он разрезал тушу и увидел, что все внутренности вынуты и вместо них положены ремни из шкуры угуиука, морского зайца. Тут Аваоттор понял, что его враги заколдовали медведя, чтобы тот убил его.

«Не знаю, стоит ли мне идти на праздник полярной ночи»,— сказал он позже своим домочадцам.— «Пожалуй, схожу ненадолго, ведь все равно они найдут способ убить меня».

В конце ноября Аваоттор с братом отправились на Китигариут. У самого стойбища, в проливе, отделяющем остров от материка, валялись на снегу старая одежда, куски шкур и другой мусор, выкинутый эскимосами. Сбросив с плеч ремни от упряжки, Аваоттор устремился прямо к этим чернеющим на снегу лохмотьям. Подбежав поближе, он опустился на снег, подполз к ним вплотную и вонзил в них нож.

«Надо мне быть осторожней»,— сказал он своему брату.— «Они чуть не убили меня».

Обогнув мыс, они увидели эскимосов, играющих в мяч. Увидев новых гостей, игроки побежали встречать их. Двое из них подхватили Аваоттора под руки и отвели его в иглу. Это были сыновья брата его матери.

Аваоттор остановился в иглу у Мангилалука, но был постоянно настороже, все время ожидая, что его убьют. С особым недоверием он относился к людям-с-большой-реки, кукпакмеутам, потому что убил двоих из их племени. На празднество собралось много народу. Весь месяц люди развлекали себя всякими играми, устраивали состязание по борьбе, ели, танцевали и веселились. Мангилалук и его гость не принимали участия в танцах. Однако как-то вечером Аваоттору ужасно захотелось потанцевать. Мангилалук посоветовал ему оставить мысли об этом, но соблазн был столь велик, что Аваоттор не выдержал и ушел.

На пороге иглу он встретил своего двоюродного брата Ниуматунака.

«Куда ты идешь, братец?» — спросил тот Аваоттора.

«Я иду танцевать».

«Может быть, вместо этого пойдем покурим у меня дома?»

Кукпакмеуты уговорили Ниуматунака помочь им, потому что он был родственником Аваоттора и не вызывал

у него подозрений. Они ожидали их у дома Сукарлуктора, как раз против того иглу, у которого Ниуматунак должен был ударить своего брата ножом.

Аваоттор решил принять приглашение.

«Хорошо, братец. Ты иди вперед, а я за тобой», — предложил он.

«Нет, ты иди вперед».

Охваченный подозрением, Аваоттор, тем не менее, пошел первым. Когда они поравнялись с домом Сукарлуктора, Ниуматунак ударил брата ножом в спину. Но перед тем, как упасть, Аваоттор успел вонзить нож в своего врага и ранил его в руку.

Кукпакмеуты, подстерегавшие Аваоттора, бросились в иглу, даже не удостоверившись в его смерти. Они так торопились унести ноги, что застряли в дверях, толкая друг друга. В это время Аваоттор пришел в себя. Он заткнул свою рану рукавицей и, пошатываясь, направился к дому Ниуматунака.

По дороге ему встретился Иперксанак, тот самый старик, который и рассказал мне эту историю. Тогда он был еще мальчишкой и шел навестить друзей. Аваоттор опустился перед ним на колени и заплакал, подумав о своем сыне, который часто играл с Имперксанакком.

Оставив мальчика, он вошел в иглу Ниуматунака. Просунув голову в катак, отверстие в полу, которое служило входом во внутреннее помещение, Аваоттор увидел там множество веселящихся людей. Было время зимних праздников, когда все забывали о своих заботах. Рядом со входом стояла мать его врага, нарезая мактак, чтобы накормить гостей.

Аваоттор бросился на нее и ударил ножом. Она была женой его дяди, но в то же время и матерью его врага. Эскимосы испуганно заметались по иглу. Из соседней комнаты появился юноша и стал снимать свое атиги. Удар ножом в спину поверг его на землю — но через мгновение он поднялся, а рана его закрылась сама собой и исчезла.

Аваоттор наносил удары направо и налево, не щадя ни мужчин, ни женщин. У одной из них капюшон был оторочен густым волчьим мехом. Уже занеся над ней нож, Аваоттор отвел мех с ее лица и вскричал:

«Акрале! Я не узнал тебя. Беги скорее отсюда!»

Из иглу можно выйти только одним путем — через катак. Люди в панике бросились туда, мешая друг другу. Аваоттор налетел на них, размахивая ножом. В иглу

остался только один человек, который и не пытался спастись бегством. Это был отец Ниуматунака, больной, парализованный старик, который не мог сдвинуться с места. Подойдя к нему, Аваоттор стал колоть его острием ножа, заставляя несчастного старика плакать от боли.

«Дядюшка, что ты хнычешь, как ребенок? Почему ты не отговорил своего сына от его затей?»

Аваоттор надеялся, что услышав крики старика, его сыновья придут в иглу, чтобы защитить его. У Ниуматунака был старший брат по имени Крелидлак.

Аваоттор убил своего дядю и стал прохаживаться по иглу. Там еще оставался юноша, лежащий, завернувшись в одеяло. Обнаружив его, Аваоттор наступил на край одеяла и стал наносить удары. Но странное дело, всякий раз нож попадал в дерево, минуя тело. Юноша все время исчезал! Аваоттор несколько раз пытался поразить его, но безуспешно. Старик, который видел это, позже рассказал всем об этом чуде. Каждый раз, когда нож касался одеяла, тела под ним не оказывалось! Звали этого юношу Аппаренак. Отчаявшись убить его, Аваоттор направился к старику.

Старик кинул ему свое одеяло со словами: «На, прикрой тех, кого ты убил».

В ответ Аваоттор просунул руку за ворот своей одежды и, вынув еще один нож, швырнул его старику.

«Держи! С этим тебе не придется ничего бояться».

Аваоттор накрывал трупы, когда с улицы слышались голоса Ниуматунака и его брата. Он пропел магическое заклинание, которое должно было разогнуть их луки.

Подойдя к иглу, братья сняли раму, закрывавшую окно. Когда в старых больших эскимосских иглу открывали окно, помещение заполнял густой туман, в котором нелегко было что-нибудь разглядеть. Еле различая своих врагов в сплошной белесой пелене, Аваоттор двинулся на них с ножом. У братьев были с собой только луки и они попытались скрыться. Старший, Крелидлак, сразу же нашел выход и исчез. Ниуматунак бросился было за ним, но его лук застрял в катаке. Рука его была привязана к тетиве и, провалившись в катак, он повис там.

Аваоттор прыгнул за ним, держа нож перед собой. Он упал на висящего в проходе Ниуматунака, и нож вонзился тому в живот. Аваоттор несколько раз повернул нож в ране, чтобы сделать ее смертельной. Потом он

поднялся и вернулся в дом Мангилалука. Войдя в иглу, он сел и отбросил свой нож в сторону со словами:

«Никогда больше не держать мне ножа в руках».

Потом он обратился к своему младшему брату:

«Кронгитсерк, не надо мстить за мою смерть — я сам совершил свое мщение».

«Я на твоём месте поступил бы также», — ответил Кронгитсерк.

«Ниуматунак, которому я не сделал ничего плохого, пытался убить меня. Сейчас он корчится в агонии от тех ран, которые я нанес ему».

«А зачем ты ударил ножом моего сына Крогиака?» — спросил его Мангилалук.

«Это не я, должно быть, его ранил кто-нибудь другой».

Матери своей Аваоттор сказал:

«Не скрывай своих слез, — я хочу слышать, как ты плачешь». Она зарыдала, но тут Аваоттор остановил ее: «Перестань плакать, мне надоело тебя слушать».

Через минуту он сказал:

«О моих подвигах будут рассказывать детям».

Потом заговорил опять:

«Сходите, посмотрите, жив ли Ниуматунак. Если он умрет, и мне не выжить. Если останется жив, я тоже поправлюсь».

Скоро Аваоттору принесли весть, что шаманы, ангаткот, пытаются спасти жизнь Ниуматунаку.

«Пошлите скорей за шаманами! Пусть они придут и ко мне. Обещайте им хорошее вознаграждение... Это Ниуматунак поднял на меня руку. Когда мы умрем, похороните нас вместе».

Так он бормотал почти непрерывно, и наконец эскимосам надоело все время ходить и проверять, жив ли его враг. Они решили обмануть его и сказали, что Ниуматунак умер. Когда Аваоттор услышал это, он откинулся назад и испустил дух.

Вскоре умер и Ниуматунак. Их похоронили вместе, как того желал Аваоттор.

Многие нашли свою смерть в том иглу. Еще больше было ранено. Все вокруг было залито кровью.

ВРАЖДА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 1870 году на реке Андерсон человек по имени Ипертоак перебил всех братьев Аваоттора, когда те плыли

в каяках охотиться на карибу. Вместе с ними пострадало и много других людей.

На Абваке (мыс Базерст) жили два брата: старшего звали Тутигак, а младшего — Наперак. Их сестра Арнарониак была женой того самого Ипертоака. Как-то раз эти три семьи отправились на Нувурак (мыс Аткинсон). Вечером, вырубая снежные кирпичи для иглу, Наперак поранил себе ногу. Дальше идти он уже не мог. В те времена люди сами волокли свою кладь. Все впрягались в нарты, даже женщины.

На следующий день Наперака пришлось посадить на нарты, которые тянули Тутигак, Ипертоак и все женщины. Всякий раз, когда они останавливались, Ипертоак приближался к Напераку с намерением убить его. Но Тутигак не спускал глаз со своего брата. Когда они добрались до Нувурака, Ипертоак построил иглу для себя и своей жены. Братья же поселились в уже построенном бревенчатом иглу. Нога у Наперака стала заживать. Однажды вечером в их иглу пришла Арнарониак. Она сильно хромала: ее муж, Ипертоак, ударил ее по ноге прикладом ружья. Женщина забралась на лежанку, села рядом с братом и стала говорить ему, что муж хочет убить его.

В это время появился Ипертоак и положил свой нож на решетку, где сушились вещи семьи Тутигака. Он подошел к жене и накинулся на нее с упреками, приказав возвращаться домой. Наперак вскочил на ноги и почувствовал, что нога у него зажала. Он прошелся по иглу и объявил:

«Завтра я смогу пойти охотиться на медведя. Погода стоит прекрасная!»

Тутигак сидел в углу и точил свой деревянный нож. Повернувшись к жене, Наперак сказал:

«Илрозиак, не давай ребенку играть на полу».

Для каждого вида охоты существуют особые табу. Наперак продолжал говорить о хорошей погоде и о медведях, которые их ждут во льдах. Вдруг, не переставая прохаживаться, он ударил Ипертоака ножом в бок. И сразу же братья набросились на него и крепко схватили за руки.

Эскимосы в страхе поспешили вон из иглу. Ипертоак попытался схватить свой нож, но он упал на пол. Братья стали звать людей на подмогу: они никак не могли справиться со своей жертвой. Аписмерк не убежал вместе со

всеми, и братья попросили его помочь им. Не решаясь послушаться братьев, он приблизился к Ипертоаку и вонзил в него нож, не обращая внимания на его крики. Наперак с Тутигаком бросили тело в катак. Они нарочно притворились обессиленными, чтобы кто-нибудь помог им (и таким образом разделил с ними ответственность за содеянное. М. М.).

Ипертоак пытался убить Наперака в дороге. Оправившись от раны, Наперак убил его в отместку за смерть его родственников, братьев Аваоттора.

БАНДА ТИРТЕРКА

У Ипертоака был на Китигариуте дядя по имени Тиртерк. Но братья сочли, что им лучше держаться подальше от родственников Ипертоака, и вернулись на Аббак.

До Тиртерка, у которого был сын Палайак, дошли слухи об убийстве его племянника. На следующее лето он стал собирать отряд для того, чтобы отомстить убийце. С ним согласилось идти шесть человек. От своих предков он знал заклинание, которое нужно произнести, чтобы захватить врага врасплох. В одном из домов он нашел волчью голову — испытанное магическое средство, которое действует даже против индейцев. Тиртерк взял ее с собой.

Всемером они отплыли с Китигариута в каянках, преисполненные решимости убить Тутигака и Наперака, а с ними заодно и Апсимерка. Повсюду за собой они носили свой амулет — волчью голову.

Братья, которые обычно никогда не расставались, поссорились из-за весел и разошлись в разные стороны, каждый в своем умиаке. Тутигак отправился на реку Андерсон, а Наперак двинулся к Аббаку. Их враги тайком пробрались к реке Андерсон и от местных жителей узнали, что семья Тутигака расположилась в устье, за холмом. Люди Тиртерка сразу же поспешили туда и, укрывшись неподалеку, стали ждать наступления ночи. Когда Тутигак заснул, Тиртерк подкрался к нему и выстрелил в голову. Если бы Тутигак не спал, его врагу не удалось бы расправиться с ним так легко — братья были опасными противниками.

Узнав, что второй брат находится на Аббаке, Тиртерк со своей командой отправился туда. Об этом узнал другой брат Наперака, который жил в Крикулиорвике (Стентон). Он пешком пошел на Аббак, чтобы предупре-

дить своего младшего брата о грозящей ему опасности. Однако на пути у него лежала глубокая бухта, которая далеко вдавалась вглубь материка у реки Хортон. Стояло лето, и ему пришлось обходить ее по берегу.

Добравшись до Абвака, Тиртерк со своими людьми укрылся на берегу, никому не показываясь. На Абваке тогда жило много эскимосов и среди них мой дедушка Авилорттор. Как-то раз он отправился с Напераком охотиться на тюленей. Когда они вернулись, волоча за своими каяками целую связку тюленей, было уже темно. Враги спрятались у подножия скалы рядом с тем местом, где пристали охотники. Однако они не стали стрелять в Наперака, потому что было темно, и они боялись по ошибке убить Авилорттора, тем более что охотники пристали к берегу совершенно бесшумно.

Моя бабушка, Оконалук, жена Авилорттора, рассказывала мне, что произошло той ночью. Поздно вечером они услышали, как кто-то подошел к их палатке и приподнял шкуры, закрывающие вход.

«Кина — кто здесь?» — закричал Авилорттор.

Никто не ответил, но по звуку шагов они поняли, что незнакомец вошел в палатку и стал у очага. Это был Тиртерк, отец Палайака. В руках у него был нож и огненный лук, как у белых людей. Тиртерк начал уговаривать Авилорттора, чтобы тот пошел и открыл палатку Наперака. Дедушка стал отказываться — такая работа была ему не по душе. Тогда Тиртерк обратился с этой же просьбой к отцу моей бабушки, дряхлому и немощному старику. Увидев это, Авилорттор сказал, что сам пойдет и откроет палатку Наперака.

Кругом было множество палаток, в которых безмятежно спали их обитатели. Друзья Тиртерка ждали их снаружи, и Авилорттор последовал за ними. Рядом с палаткой Наперака был очаг для приготовления пищи, и он загородил свою дверь кучей дров. Убрать их, не наделав шума, было невозможно, Авилорттор бесшумно перепрыгнул через высокую поленницу. За ним стал прыгать Павианак, который должен был совершить убийство, и задел при этом дрова. Раздался стук, и он в страхе упал ничком на землю. Авилорттор поднял шкуры, закрывающие вход.

«Что там такое?» — спросил Наперак.

«Это моя собака — она пыталась добраться до твоей провизии».

Шум, произведенный Павианакон, разбудил Напера-

ка и он схватился за нож. Но слова Авилортора успокоили его — он ничего не заподозрил. Тут Авилортор откинул в стороны шкуры, висящие над входом в палатку, и Павианак выстрелил в упор. После этого все его товарищи тоже сделали по выстрелу. Они всегда боялись Наперака — он прекрасно владел копьем и был очень опасным противником. В ту же самую ночь один из врагов, Ниуматуарак, ранил себя своим собственным копьем и скрылся. Вскоре после того, как был убит Наперак, в стойбище появился его брат — тот самый, который хотел предупредить его. Люди очень жалели его: подумать только, пройти такой путь и не застать брата живым!

Убив Наперака, люди Тиртерка свалили его палатку. Мать его горько плакала. Она попросила их главаря наполнить ее трубку табаком. Отец Палайака дал ей табак, прибегнув к помощи моей бабушки Оконалук, которая вызвалась быть посредницей. Старуха выкурила трубку и попросила еще. Но главарь запретил давать ей табак:

«Она совсем не то, что ее сын. Обойдется и без табака».

Потом он добавил:

«Если бы мы застрелили и ее, я не стал бы жалеть — они убили моего младшего брата».

Моя бабушка, слышавшая все это, запомнила эти слова на всю жизнь, как, впрочем, и другие:

«Тот, кого мы убили, был замечательным человеком. Никто не может с ним сравниться».

Наступило утро. Мать Наперака все плакала и кричала во весь голос. Устав от ее причитаний, убийцы накинули ей на шею веревку и потащили за собой. Моя бабушка видела, как голова старой женщины ударялась о землю, поднимая клубы пыли.

МЕСТЬ ВНУКА

Прошли годы. Те, кто убил Тутигака, Наперака и их мать, постарели. Все это происходило в 1885 году. Так-росеркренак вырос и стал сильным и отважным мужчиной. Это его бабушку задушила шайка Тиртерка и Павианака, протаскивая ее за шею по земле. Он никогда не забывал об этом!

Однажды эскимосы собрались в Сингикйуаке, в тридцати милях от Китигариута. Кто-то умер среди зимы, и Павианака, убийцу Наперака, попросили возглавить похоронную процессию. Тут Такросеркренак вспомнил о своей бабушке. Он бросился на Павианака и так сильно толкнул его, что сломал тому позвоночник.

«Он задушил мою бабушку»,— сказал людям Такросеркренак.— Он не поднимал на нее нож. Точно также и я не стал брать в руки нож. Я убил его одним сильным броском».

В старину эскимосы мстили тем, кто убивал их родственников. Одна кровная месть влекла за собой другую, и они были связаны неразрывно, как звенья одной цепи.



КОММЕНТАРИИ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЧЕРНОГО ЯСТРЕБА, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

Черный Ястреб (1767—1838) или *Макатемешекиакиак*, вождь сауков, родился вблизи современного г. Рок-Айленд на северо-западе штата Иллинойс. С 15 лет прославился как воин.

Когда в 1804 г. вожди сауков и фоксов продали США свои земли, лежавшие к востоку от Миссисипи, за вознаграждение в 1000 долларов ежегодно, Черный Ястреб оспорил этот договор на том основании, что глава американской делегации Уильям Генри Гаррисон, будущий президент США, во время переговоров подпаивал вождей, чтобы заполучить их согласие и подписи.

В колониальной войне 1812 г. Черный Ястреб занял позицию англичан, выступив против американцев тогда как его соплеменник и соперник Кеокук остался нейтральным. Подобно вождям шауни Текумсе и Тенскватаве, Черному Ястребу, на какое-то время примкнувшему к ним, импонировала идея создания большой конфедерации племен для отражения нашествия белых. Стремясь к этому, он направлял посланцев к соседним племенам — виннебаго, кикапу, поттоватоми и другим, в том числе и в Канаду. Испытав ряд военных поражений, Черный Ястреб подписал договор 1816 г., уступив американцам земли сауков, но отказался отойти к западу от Миссисипи, по примеру Кеокука.

В 1831 г., когда американские поселенцы начали распахивать земли сауков, Черный Ястреб воззвал к сопротивлению. В 1832 г. встал во главе 2000 сторонников. Он направил парламентариев с белым флагом к генералу Г. Аткинсону (тот стоял во главе войск США) для переговоров. Эти послы были расстреляны, что и повлекло за собой так называемую «Войну с Черным Ястребом».

Поначалу индейцам сопутствовала удача — им удалось разбить несколько отрядов белых и разорить ряд поселений. Затем они понесли тяжкие потери. Не имея поддержки от соседних племен, Черный Ястреб отступил к северу в долину Рок-ривер, где 21 июля 1832 г. потерпел сокрушительное поражение. Он попытался переправиться через Миссисипи у ее слияния с рекой Бэд-Экс, но был отрезан пароходом «Уорриер» и отрядами генерала Аткинсона. После того, как большинство индейцев погибло, утонуло или было схвачено, Черный Ястреб некоторое время скрывался среди виннебаго, но затем был выдан белым и посажен в тюрьму г. Сент-Луиса, штат Миссури. В виде контрибуции индейцам пришлось отдать белым земли в Айове, что получило наименование «сделки с Черным Ястребом» (21 сентября 1832 г.)

В 1833 г. Черный Ястреб был освобожден; условием освобождения было то, что Кеокук станет вождем всех сауков. Одновременно правительство США стремилось уговорить Кеокука на уступки дополнительных земель в Айове. После освобождения Черный Ястреб в сопровождении Кеокука был привезен в Вашингтон, где встречался с президентом Эндрю Джексонem, а затем совершил поездку по стране, пробудив повсюду восхищение и сочувствие. В этом же году он продикувал Антуану Леклеру, переводчику на государственной службе, свою автобиографию.

Черный Ястреб умер близ Айовавилля, на реке де Мойн, в штате Айова, 3 октября 1838 г. в возрасте 71 года. Он был женат на Аскехве (Поющей Птице), имел дочь и двух сыновей.

Историческое значение войны с Черным Ястребом состоит в том, что она была последней из многих войн с индейцами за обладание северо-западом Америки. Она завершилась массовыми переселениями племен юго-восточных индейцев (так называемая «Тропа слез»), на Запад, и послужила прелюдией к войнам с индейцами степей за обладание дальним Западом США. В войне с Черным Ястребом в разной мере и на разных этапах принимало участие множество известных исторических лиц: будущие президенты Генри Гаррисон и Захария Тэйлор, генералы Г. Аткинсон и Уинфилд Скотт, лейтенант Джефферсон Дэйвис, будущий глава Конфедерации южных штатов, капитан Авраам Линкольн и сын первопроходца Дуниэда Буна, Нат Бун.

К с. 15. *Аткинсон* — Генерал Генри Аткинсон (1782—1842), прозванный индейцами Белым Бобром, возглавил военные экспедиции вверх по Миссури в 1819 и 1825 г. Командовал американскими войсками во время войны с Черным Ястребом.

К с. 16 *сауки и фоксы* — оба племени принадлежат к алгонкинской семье языков; после вторжения на их земли европейцев стали союзниками (1730). Сами фоксы называют себя Мескуаки. Здесь имеется в виду Саукенук — большое постоянное поселение сауков на Рок-Ривер, близ ее слияния с Миссисипи.

К с. 18. *Ма-ше-на* (алгонк.) — хвостун, лжец.

К с. 18. *На-пе-ква* (алгонк.) — здесь: обозначение лодки.

К с. 20. *Англичане взяли верх над французами* — имеется в виду сдача Квебека французами в 1629 г. в ходе так называемой франко-индейской войны, т. е. войны, в ходе которой между Францией и Англией решался вопрос об обладании американскими колониями.

К с. 20. *Макинак* — т. е., форт Мичилимакинак на о-ве Макинак, расположенный в северной части штата Мичиган на озере Гурон.

К с. 21. *Кас-кас-кия* — племя алгонкинской семьи, член конфедерации иллинойцев, вытесненное со своих земель сауками и фоксами.

К с. 21. *Маско* — название, применяемое к алгонкинским племенам, проживавшим в прериях Висконсина и Иллинойса.

К с. 21. *Осейджи* — воинственное степное племя семьи сну, родственное омахам, понка, канзам и квапо, входившее вместе с ними в союз племени Дхегия.

К с. 22. *Мерамек* — имеется в виду течение р. Мерамек на территории штата Миссури; впадает в Миссисипи ниже Сент-Луиса.

К с. 22. *Чероки* — племя ирокезской семьи, проживающее в южной части Аппалачей.

К с. 23. *...к испанскому отцу* — автор использует прием индейской ораторской традиции, применяющей для обозначения союзных и исторических связей между племенами термины родства. В данном случае «отец» означает командующего поселением или фортом.

К с. 23. *Айова* — племя семьи сиу, родственное ото и миссури, проживавшее на территории одноименного штата.

К с. 23 *Чиппева* (часто также оджибе) — крупное племя алгонкинской семьи, проживавшее в районе Со-Сент-Мари в области Великих озер.

К с. 26. *Большие ружья* — так индейцы называли пушки.

К с. 28. *от пророка племени шауни* — имеется в виду Тевскватава (Открытая Дверь) (ок. 1768 — ок. 1837) брат известного вождя племени шауни Текумсе, обладавший, по представлениям индейцев, пророческим даром. Учил индейцев отвергать образ жизни и дары белых и возвратиться к традиционным обычаям и верованиям. Вместе с братом пытался создать большую конфедерацию индейских племен для

отражения наступления белых на индейские земли. Часто его именовали просто Пророком *Шауви*.

К с. 33. *Поттоватоми* — также, как кикапу и оттава, племена алгонкинской семьи, находились между собой в различной степени родства.

К с. 36 *Гомо* — вождь в поселении племени поттоватоми, находившемся на реке Иллинойс выше г. Пеория; во время войны 1812 г., относился лояльно по отношению к американцам.

К с. 38. *Ке-о-кук* — (1780—1848), Тот-Кто-Побывал-Всюду — вождь сауков, поднявшийся к власти благодаря личным достоинствам. Постоянно выступал соперником Черного Ястреба, будучи главой «мирной фракции» в племени. Ке-о-кук последовательно стоял за сотрудничество с американцами.

К с. 42. *варка сахара* — добывание и переработка кленового сахара были важными сезонными занятиями многих алгонкинских племен.

К с. 45. *приступили к постройке форта* — Черный Ястреб не знал тогда, что сражается с будущим президентом, Великим Отцом Захарией Тэйлором, в то время командовавшим военным отрядом.

К с. 47. *Портаж-де-сиу* — поселение, основанное в 1799 г. на западном берегу Миссисипи, в 6 милях выше впадения в нее Миссури. Название связано с тем, что когда-то здесь отряд сиу спасся, перенеся лодки и покжалу посуху от реки к реке.

К с. 47. *Двуречье* — область к северо-западу от современного г. Ганнибал, Миссури.

К с. 48. *Меномони* — племя алгонкинской семьи, родственное кри и фоксам, проживавшее на территории штата Висконсин.

К с. 48. *Скво* — (алгонк.) — индианка.

К с. 77. *Киш-ва-ко-ки* — имеется в виду река Кишвоки, впадающая в Рок-Ривер ниже р. Рокфорд, штаб Иллинойс.

К с. 88. *...молодой военный вождь* — имеется в виду лейтенант Джефферсон Дейвис (1807—1889), впоследствии видный военный и политический деятель южных штатов.

К с. 91. *с Великим Отцом, президентом* — речь идет об Эндрю Джексоне (1767—1845), который был президентом с 1829 по 1837 годы.

К с. 94. *...нашего старого отца* — имеется в виду Джозеф Монфор Стрит (1782—1840), который стал агентом по делам индейцев племени виннебаго в Прери-дю-Шейен в 1827 г. Позже — бригадный генерал иллинойской милиции. Будучи на посту индейского агента, последовательно стоял на страже их интересов.

К с. 95. *Жюльен Дюбюк* (1762—1810) первый белый поселенец в Айове, получивший от фоксов в 1788 г. право на разработку свинцовых копей на западном берегу реки Миссисипи, где ныне расположен город Дюбюк.

К с. 98. *Эпилог* написан от лица Дональда Джексона, первого издателя первоначального текста автобиографии Черного Ястреба. Переведен с небольшими сокращениями.

ГОВОРИТ ЧЕРНЫЙ ЛОСЬ

История жизни святого мужа из племени оглала сну

Черный Лось (1863—1950) или *Черный Олень*, *Эхака Сапа*, был шаманом и провидцем из племени тетон-дакотов; принадлежал к роду оглала. Черный Лось явился свидетелем битвы при Литтл Биг-хорн в 1876 г., когда ему было 13 лет. Прочие события его жизни достаточно подробно изложены в книге «Говорит Черный Лось», надиктованной американскому поэту Джону Гнейзенау Нейхардту в 1932 г. Стоит только уточнить, что Черный Лось побывал в Европе в составе «Шоу о Диком Западе», развлекательной программы, возглавленной известным пионером Американского Запада Баффало Биллом. Во время этой поездки вождь явился свидетелем так называемого Брильянтового Юбилея королевы Виктории в 1897 г.

Умер Черный Лось 17 августа 1950 г. в Мандерсоне, штат Южная Дакота, в возрасте 87 лет. У него было две жены: Кейт и Ангелина Биссонетте и двое сыновей: Ник и Бен Черный Лось.

Публикация и впоследствии широкая известность «Автобиографии» Черного Лося привлекла к его личности внимание этнографа Джозефа Эйпса Брауна, который встретился с ним в Небраске в 1947 г., когда Черный Лось был уже почти слепым и немощным старцем. Черный Лось надиктовал Экпсу свою вторую книгу: «Священная трубка: рассказ Черного Лося о семи обрядах оглала сну» (1953). Переводчиком при создании книги служил Бен Черный Лось. По стилю и содержанию эта книга весьма близка «автобиографии» Черного Лося и служит важным вкладом в этнографию степных племен, особенно сну.

Как и в случае с большинством «надиктованных» индейских автобиографий, в связи с книгой «Говорит Черный Лось» возникал вопрос о том, в какой мере рассказчик может считаться автором этого произведения. В первом издании Нейхардт поставил подзаголовок «рассказанная Джоном Г. Нейхардтом». В последующих, после обсуждения этой проблемы в печати и отдавая дань Черному Лося, Нейхардт счел необходимым видоизменить заголовок, отводя себе роль переводчика: «рассказанная через (посредством) Джона Г. Нейхардта».

С целью прояснения проблемы авторства исследователем Р. Дж. Де-Малли был издан полный текст записей Нейхардта, сделанных

в период создания книги «Говорит Черный Лось». Книга называлась «Шестой Праотец. Учение Черного Лося, переданное Джону Г. Нейхардту» (1984). Из этого труда видно, что, создавая книгу, Нейхардт опустил кое-что из фольклорного материала, а также вставки некоторых спутников Черного Лося — Огненного Грома, Стоящего Медведя и других, тем самым придав повествованию композиционную целостность и сконцентрировав его вокруг того, чему придавал основное значение сам Черный Лось: великого видения и его влияния на его жизнь.

К с. 103. *Видение* — по представлениям многих племен американских индейцев, откровение, полученное во сне, во время молитв, имело решающее значение в жизни. По нему определялось дальнейшее поведение человека, предсказывалась судьба племени. Для юношей, достигших совершеннолетия, считалось обязательным приобрести собственное видение. Они отправлялись подальше от лагеря, и в уединении постились и молились несколько дней подряд, стараясь вызвать видение. Главной частью видения был дух-покровитель в образе какого-нибудь животного, птицы, иногда предмета или мистического человека. Это видение и дух-покровитель становились талисманом индейца, охранявшим его в дни мира и войны.

К с. 103. *Священное древо* — в космологии индейцев оглала, как и у многих других первобытных народов, мир представлялся в виде плоского круга, который символически обозначается обручем; в центре его находилось Священное древо, отмечавшее центр мира. Оно символизировало акт творения, плодородия, процветание народа (если оно зеленело) и наоборот, упадок (если оно засыхало). Разорванный священный круг символизировал упадок мира.

К с. 104. *Трубка* — трубка и табак имели у индейцев обрядовое значение. Раскуриванием священной трубки сопровождалось прекращение конфликтов между племенами, предвлялись и сопровождалась различные обряды, связанные как с военной, так и с мирной жизнедеятельностью.

К с. 104. *Четыре* — магическое число у индейцев (Ср. Четыре стороны света, четырехкратные обращения к духам, четырехкратные действия и повторы строк в молитвенных песнях). Символика, связанная с каждой из сторон света, имела у степных племен весьма развитый характер.

К с. 104. *...Разведчики* — у степных племен, хозяйственный цикл которых зависел от передвижения бизоновых стад, для поисков и наблюдения за бизонами направлялись специальные следопыты.

К с. 105. *Типи* — от «ти», жить и «пи», использовать для — (лакота) коническое жилище кочевых индейцев американских степей. Типи из бизоновых шкур сооружались примерно из 20 шестов длиной в 25 футов, которые устанавливались по кругу, а наверху связывались ремнями. На покрытие одного типи шло примерно 15—18 шкур. Снаружи укра-

шалось обрядовыми изображениями — сценами из жизни и боевых подвигов владельца. Вход чаще всего располагался с восточной стороны, поскольку восток символизировал жизнь и тепло.

К с. 105. *Белый бизон* — шкура бизона-альбиноса имела священное значение у степных племен, особенно у дакотов, у которых белая бизониха выступала мифологическим культурным героем.

К с. 106. *Великий Дух* — у индейцев не существовало единобожия, поэтому ставить знак равенства между христианским богом и Великим Духом неправомерно. На языке дакотов Великая Тайна (Ваконта, Вакантанка) — это комбинация священных сил, нередко четырех сторон света, неба и земли. Однако под влиянием миссионеров, в ходе разложения родового строя, у индейцев стали формироваться зачатки единобожия.

К с. 106. *Лакота из племени оглала* — Черный Лось принадлежал к племени оглала, входившего в большую группу племен под названием «Лакота» («Дакота» или «Наконта»). Эта группа племен делилась на западных лакота (носивших название Тетон) и проживавших за Миссури и восточных лакота (санти, янктон, мдевакантон, вахпетон, вахпекуте). Западные лакота или тетоны в отличие от своих восточных сородичей вели кочевой образ жизни охотников на бизонов и в свою очередь делились на следующие группы: Брюле, Оглала, Санз Арк, Миннеконжу, Черноногие (не путать с одноименным алгонкинским племенем), Хункпапа, Два Котла. Часто Дакотов обозначают одним словом «сну» (искажение французами оджибвейского прозвища, «надовесси», означавшего «враги»).

Оглала — одна из наиболее крупных групп Тетонов (в 1825 г. насчитывали 1500 чел.) — жили на территории современного штата Южная Дакота, кочуя от реки Миссури до Черных холмов на западе. По данным департамента внутренних дел, в 1875 г. Оглала делились на четыре кочевых общины — Огаллала, Киокси, Онкапас, Вазазис.

К с. 106. *Пуани* — племя, принадлежащее к языковой семье кэддо, в XIX веке постоянно находилось во вражде с Оглалами. Вели полуоседлый образ жизни в районе р. Платт (Штат Небраска).

К с. 107. *Битва «Ста убитых»* — сражение 21 декабря 1866 г. между американскими войсками и индейцами, в ходе которого был уничтожен отряд капитана У. Феттермана (81 чел.)

К с. 107. *Васичу* — в буквальном переводе с языка сну означает «жадный», «алчный» — так называли Оглала белых колонизаторов.

К. с. 108. *Бревенчатый город на реке Пайни* — форт Фил Кирни.

К с. 111. *Битва «Нападение на фургоны»* состоялась в шести милях к западу от форта Фил Кирни 2 августа 1867 г.

К с. 111. *Новые ружья, которые заряжаются сзади* — имеются в виду карабины системы Спрингфилда.

К с. 118. *Пятнистый Орел* — покровитель и символ племени сиу, часто именуемого «племенем Пятнистого Орла».

К с. 133. *Акацита* или племенная полиция — у дакотов особая группа лиц, функционировавшая во время передвижения лагеря на новое место и особенно пору сезонных охот на бизонов. Обычно состояла из молодых воинов, членов того или иного военного братства — «лисицы», «собаки» и т. д. Иногда эта роль закреплялась за тем или иным братством постоянно (например у чейеннов — братством «собак»).

К с. 136. *Неистовая Лошадь* (1841—1877) — выдающийся лидер освободительного движения индейцев степей против американской колонизации. Участвовал во всех крупных военных походах дакотов против солдат и поселенцев. По поверью, обладал мистической силой, оберегавшей его от пуль и стрел. Принимал участие в битве при Литтл-Бигхорн, где был разгромлен отряд генерала Дж. А. Кастера (25 июня 1876 г.) Будучи наиболее влиятельным военным лидером, он в глазах американской администрации представлял потенциальную опасность для правительства. Постоянная слежка за вождем, подозрительностью чиновников на местах, зависть со стороны вождей — квислингов, привели в конце-концов к провокации близ форта Робинсон, во время которой Неистовая Лошадь был убит. По одной из версий, Неистовая Лошадь ушел из резервации без разрешения агента на поиски доктора для своей больной жены. Власти сочли, что это было сделано умышленно, в качестве вызова правительству. Вождь был схвачен и посажен в тюрьму. Защищаясь, Неистовая Лошадь погиб; место его захоронения осталось неизвестным.

К с. 138. *Черные Холмы* или Паха Сапа — горы, расположенные в западной части штата Южная Дакота. По поверьям местных племен, являлись центром мира, т. е. окрестных индейских земель.

К с. 145. *Палатка для потения* — куполообразная палатка из ивовых ветвей, крытая бизоньими шкурами и предназначенная для обряда паровой бани или «инипи». У многих степных племен этот обряд служил задачам очищения от всего вредоносного и чуждого, мог совершаться сам по себе или в виде предваряющей церемонии. В палатку, плотно закрытую шкурами, через узкий проход, выходящий на восток, закатывали раскаленные камни. На них затем брызгалась вода. Находившийся снаружи «Хранитель огня» передавал внутрь трубку, которая раскуривалась сидящими внутри. Дальнейший ход церемонии в общих чертах описан в тексте.

К с. 146. *Пахуска*, «Желтые Волосы» — прозвище генерала Дж. А. Кастера, известного своими жестокими экспедициями против степных индейцев и погибшего в битве при Литтл Биг Хорн. В 1875 г. Кастер в нарушение договора 1868 г. возглавил экспедицию в Черные Холмы, в результате которой были получены данные о месторождениях золота в этом районе. В Черные Холмы ринулись белые золотоискатели. Пра-

вительство США поначалу направило войска, якобы для того, чтобы оградить индейцев от белых, на самом же деле — для обеспечения безопасности золотоискателей. Одновременно правительство предложило индейцам продать Черные Холмы. Такова предыстория индейской войны, развернувшейся на северных равнинах в 1876—1877 гг.

К с. 146. *Сидящий Бык* (1834—1890) или Татанка Йотанка — вождь Хункапа, знахарь и лидер лакотов во время войны 1876—1877 гг. Был предводителем военного братства «Твердых сердец». Наряду с Неистойой Лошадью сыграл видную роль в битве при Литтл Биг Хорн (обеспечивая своей магией победу и вдохновляя воинов). Он накануне и предсказал поражение Кастера. Прославился бескомпромиссной борьбой с белыми американцами, занимавшими земли индейцев. Спасаясь от преследования, бежал в Канаду, где и прожил с соплеменниками до 1883 г., затем сдался американским властям и поселился в резервации Стэндинг Рок. Не оставляя надежд на освобождение индейцев от белых колонизаторов, принял участие в «пляске духов» во время которой был застрелен соплеменником, пошедшим на службу к американцам.

К с. 147. *Пляска Солнца* — важнейший религиозный обряд у племен степей, совершавшийся, как правило, летом и длившийся до 8 дней. Основным моментом обряда было самоистязание заранее готовившихся к этому воинов. Различные формы самоистязаний служили жертвами Великому Духу. В целом же обряд Пляски Солнца выполнял роль обновления духовной силы всех соплеменников. Иногда для его проведения сходились вместе несколько племен.

К с. 152. *Первым коснулся врага* — у индейцев степей самым почетным подвигом считалось не убить врага и не снять скальп, а прикоснуться к вооруженному врагу, особенно в бою, специальной тростью или жезлом, изогнутым на конце, т. е. «жезлом для подвигов».

К с. 156. *Желчь* (1840—1895) или Пизи — «Человек, Выходящий на Середину» — вождь Хункапа, участник битвы при Литтл Биг Хорн, названный брат Сидящего Быка. Руководитель ряда рейдов против американцев в 1860—70-е гг. Вместе с Сидящим Быком бежал в Канаду. В 1881 г. вернулся на родину и поселился в резервации Стэндинг Рок, вступив на путь сотрудничества с американцами.

К с. 156. *Тупой Нож* (1820—1883) — прозвище, данное дакотами известному вождю шайенов по имени Утренняя Звезда. Один из руководителей знаменитого 1500-мильного перехода северных шайенов из Оклахомы на родину, в Вайоминг.

К с. 156. *Инкпадута* — вождь Санти сну, участник восстания лакотов в Миннесоте в 1862 г.

К с. 157. *Прокалывание ушей* — обряд инициации, проводимый над младенцами у некоторых степных племен.

К с. 158. *Три Звезды* — прозвище, данное дакотами американскому генералу Д. Круку, известному своими военными кампаниями против индейцев степей и юго-запада.

К с. 158. *Кроу* — самоназвание «Абсарока» (иначе Вороны) — сиу-язычное племя, по культуре близкое к дакотам, обитавшее в верховьях реки Йеллоустоун. Численность к 1871 г. — 4100 чел. Американские военачальники часто привлекали воинов кроу к военным кампаниям против дакотов, шайенов и арапахо, поскольку кроу находились с ними во враждебных отношениях.

К с. 168. *Пи* — племя, враждебное сиу; пи служили у Кастера в качестве следопытов.

К с. 170. *Военный наряд* — у индейцев степей существовала практика облачаться перед началом военных действий в специальный боевой наряд, хранившийся в особом пакете (парфлеше). Каждая деталь его — головной убор, рубаха, штаны — служили свидетельствами военных заслуг владельца.

К с. 171. *Побратимство* — обычай, распространенный среди членов воинских союзов или братств, представители которых пользовались различными привилегиями по отношению друг к другу. Но и за их пределами существовало индивидуальное побратимство. Например, человек, спасший жизнь соплеменнику, становился его побратимом на всю жизнь.

К с. 177. *Земля Бабушки* — имеется в виду территория Канады, принадлежавшей английской королеве Виктории, именуемой индейцами, согласно их почетным обращениям, Бабушкой.

К с. 177. *Агентство* — после поражения или «замирения» индейские группы поселялись в резервации, главной административной единицей которых являлись агентства, подчиненные Бюро по делам индейцев Департамента внутренних дел. Бюро представляло собой специальное ведомство, занимавшееся проблемами коренных жителей; оно разделило страну на 12 географических округов, низовыми структурными подразделениями которых являлись агентства. Главой агентства был суперинтендант, назначавшийся Вашингтоном. В число агентов часто попадали случайные люди, стремившиеся нажиться на несчастьях индейцев.

К с. 178. *Мать-земля* — в традиционных религиозных представлениях большинства индейских племен земля имела священный смысл, она представлялась матерью. Поэтому акт купли-продажи, предлагавшийся американцами, сплошь и рядом рассматривался коренными жителями, индейцами, как кощунство. Многие из них отказывались заниматься земледелием на том основании, что это наносит раны матери-земле.

К с. 178. *Битва у Слим-Бьютс.*

К с. 184 *Дурные земли* или «бэдлэндс» — сильно изрезанные эрозией местности в юго-западной части штата Южная Дакота.

К с. 201. *Белые устроили одну из первых резерваций для лакотов.* — Речь идет о резервации Стэдинг Рок, расположенной в Северной и Южной Дакоте.

К с. 201. *Великий Отец* — так индейцы именовали президента США.

К с. 221. *Еще один Пахуска* — имеется в виду Баффало Билл — организатор известного на шумевшего «Ишоу о Диком Западе» — программы с участием костюмированных индейцев и ковбоев, которая широко гастролировала по Европе и Америке. Множество расхожих штампов об индейцах и ковбоях было порождено именно этими представлениями.

К с. 231. *Вовока* (1858—1932), «Резатель», известный еще под именем «Уанекия», «Тот, кто созидает жизнь». Проповедник из племени пайутов, проживавший в Долине Масонов в штате Невада. Считается основателем религиозного движения «пляски духов», захлестнувшего в 1889—1892 гг. племена степей и Дальнего Запада. Среди белых известен под именем Джека Уилсона. Движение Вовоки явилось реакцией религиозно-политического характера на американскую экспансию. Центральным моментом проповедей Вовоки являлась экстатическая «пляска духов», которую индейцы должны были исполнять непрерывно. Согласно учению, индейцы будут при этом находиться между небом и землей, в то время как земля начнет обновляться и, двигаясь во времени назад, сметет со своего лица белых пришельцев, их города и поселки, а на поверхность вернется традиционный быт индейцев, бизоны и умершие предки. Построенная на основе традиционных воззрений, доктрина Вовоки содержала и ряд христианских заимствований (приход мессии, мотив обновления, рассказ о распятии мессии белыми и др.). На протяжении двух лет — 1889 и 1890 гг. — в Долину Масонов устремились сотни индейских паломников, которые разнесли затем элементы учения в сильно деформированном виде. Несостоявшееся возрождение былой жизни, намеченное Вовокой на начало 1891 г., и резня индейцев-участников «пляски духов», учиненная в Вундед-Ни американскими войсками, сильно подорвали веру коренных жителей в доктрину пророка. Умер Вовока 20 сентября 1932 г. в г. Шурц, Невада, в возрасте 74 лет.

К с. 232. *Короткий Бык* (1845—1915) — знахарь из племени брюле дакотов, один из лидеров движения «пляски духов» среди сну. После визита к Вовоке, провозгласил себя посланником мессии к дакотам и стал активно призывать к бойкоту культуры белых, отказу от контактов с ними, к «пляске духов». Придал учению Вовоки радикальную окраску, призывая противостоять солдатам, в 1890 г. наводнившим резервации для усмирения индейцев. После поражения вел обычную жизнь резервационного индейца.

К с. 242. В этой и последующих главах Черный Лось описывает печально известные события, связанные с резней 300 индейцев сиу у ручья Вундед-Ни.

К с. 251. Эпилог написан от лица Джона Гнейзенау Нейхардта.

Я, НУЛИГАК

История жизни эскимосского охотника Нулигака, уроженца северного побережья Канады, была записана миссионером Мирисом Метайером летом 1956 г. Вся работа над книгой была завершена к 1958 г.; за это время издатель и переводчик неоднократно навещал Нулигака на острове Гершел и в Туктуйактуке, уточняя детали. Книга вышла в 1966 г. Она является наиболее известной из эскимосских «автобиографий».

Нулигак, по всей вероятности, родился в 1895 г. Его отец Иркчалугалук, умер, когда мать Нулигака вынашивала второго ребенка. Когда тот родился, его назвали, согласно обычаю, по отцу. Позже мать Нулигака вышла за Каанерка, доброго, но бедного человека.

Повзрослев, Нулигак женился на Панигак, приемной дочери Эрксаны, отца Каанерка. Все это важно, поскольку таким образом история Нулигака приобретает черты семейной саги. У Панигак к тому времени от первого брака уже было четверо детей, так что Нулигак должен был заботиться обо всех.

Ребенком Нулигак долгое время жил с бабушкой по отцовской линии. Звали ее Оконалук. Они были очень близки и напоминали, насколько об этом можно судить из рассказа Нулигака, персонажей эскимосских сказок о бабушке и внуке, а его собственная нелегкая и суровая жизнь способна служить такой же иллюстрацией ко многим народным сказкам, в которых речь идет об обиженной сироте (См. главу «Бедный маленький сирота»).

На русском языке текст «автобиографии» публикуется с небольшими сокращениями; сокращены вставки-пояснения, сделанные от лица Метайера, предвещающие каждую из глав «автобиографии».

К с. 256. *Китигариутмеут* — эскимосское поселение, расположенное у побережья моря Бофорта, на северо-западе Канады.

К с. 256. *Ярд* — единица длины, равен 3 футам или 0,9144 м.

К с. 257. *Белуха* — морское млекопитающее семейства дельфиновых, длиной до 6 м и весом до 1,5 т.

К с. 262. *Эскимосы Коппермайна* — поселение, расположенное в дельте р. Коппермайн, на северном побережье Канады, там, где река впадает в залив Корнейшен.

К с. 263. *Мыс Уоррен* — одна из оконечностей побережья Канады у моря Бофорта восточнее дельты р. Маккензи.

К с. 270. *Тапкрак* — эскимосское поселение, лежащее в 70 милях к востоку от о-ва Гершел, расположенного в заливе Маккензи. По эскимосски «Песчаная коса».

К с. 274. *Крангмалит* (эскимосск.) — «народ восточнее нас». Этим наименованием эскимосы с дельты р. Маккензи называют все племена, проживавшие между о-вом Бейли и Гью-Хейвенем.

К с. 276. *Инукупак* (эскимосск.) — «великаны». Представление о них глубоко присуще эскимосскому фольклору.

К с. 286. *Ангаткот* (эскимосск.) — шаман или колдун, способный обращаться с духами, объявляя их волю. Выполнял и роль знахаря.

А. ВАЩЕНКО, А. ЗНАМЕНСКИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Ващенко. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА, ИСПОВЕДЬ КУЛЬТУРЫ	5
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЧЕРНОГО ЯСТРЕБА, РАС- СКАЗАННАЯ ИМ САМИМ. Перевод <i>Н. Ноздриной</i>	13
ГОВОРИТ ЧЕРНЫЙ ЛОСЬ. Перевод <i>А. Ващенко,</i> <i>А. Знаменского</i>	101
Я, НУЛИГАК Перевод <i>Н. Ноздриной</i>	254
Приложение	340
Комментарии	352

Литературно-художественное издание
О СУТИ ЖИЗНИ
Индейские и эскимосская автобиографии

Составитель *Александр Владимирович Ващенко*

Зав. редакцией *В. Т. Сивцев*

Редактор *Е. В. Гусева*

Наблюдала за выпуском *М. М. Аржакова*

Художник *И. А. Тульчинский*

Художественный редактор *С. С. Скрябин*

Технический редактор *М. Т. Егорова*

Корректоры *Н. Н. Никитин, А. Д. Попова*

ИБ № 2151

Сдано в набор 25.01.89. Подписано в печать 04.05.89. ПМ 01474

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл. п. л. 19,53. Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 20,08.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 2561. Цена 2 р.

Якутское книжное издательство

677892, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 31.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР

Госкомиздата РСФСР 170040, Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.



- 011 **О сути жизни:** Индейские и эскимосская автобиографии./Вступ. статья А. Ващенко; Коммент. А. Ващенко, А. Знаменского. Худож. И. Тульчинский.— Якутск: Кн. изд-во, 1989 — 368 с.,: ил. («Под полярными созвездиями»)

Сборник составили три произведения, ставшие благодаря своему художественному своеобразию и содержанию литературными памятниками. В повествовании тесно переплетены реальные события жизни рассказчиков и верования, предания, взгляды индейцев и эскимосов на мироустройство. Ярко и трагически показана их борьба за человеческое достоинство, за выживание. Прочитав книгу, читатель еще раз убедится, что культура каждого народа, живущего на Земле, уникальна и дорога своим национальным самосознанием.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В серии «Под полярными созвездиями» изданы:

1. Сборник: *Тэки Одулок*. ЖИЗНЬ ИМТЕУРГИНА-СТАРШЕГО.

Николай Тарабукин. НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ.

Джанси Кимонко. МОЯ ЖИЗНЬ. ТАМ ГДЕ БЕЖИТ СУКПАЙ. 1987 г.

2. ПОКУДА РАСТУТ ТРАВЫ. (Антология мифов)

Составитель Александр Ващенко. 1988 г.

Просим отзывы об этих книгах присылать по адресу: 677892, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 31. Якутское книжное издательство.



Цена 2 р.

Книги серии
«Под полярными созвездиями»
издаются в Якутском,
Восточно-Сибирском,
Красноярском,
Средне-Уральском и
Хабаровском издательствах



ЯКУТСК * 1989